Андрэ Нортон

Темный трубач

АНДРЭ НОРТОН

ТЁМНЫЙ ТРУБАЧ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

* *

том седьмой

Ледяная корона
Темный трубач
Ивон, рыцарь Рога

романы

Издательство «Зеленоградская книга», г. Зеленоград
Амбер Лтд., г. Ангарск
1993 г.

ББК 84. 7 США
Н49

Нортон Андрэ
Темный трубач. / Перевод с английского.
Зеленоград: Издательство «Зеленоградская книга»,
1993г. — 416 стр. «С» — 7.

В седьмом томе собрания сочинений Андрэ Нортон представлены два романа в жанре приключенческой фантастики и фантастический рыцарский роман о временах короля Карла Великого.

Н $\frac{4701000.000 - 10}{480\ (03) - 93}$ Без объявления

ББК 84. 7 США
ISBN 5 — 86314 — 013 — 5

© Издательство «Зеленоградская книга», 1993г.
© Перевод «Ледяная корона» — Осветимский П., 1993г.
© Перевод «Темный трубач» — Арсеньев Д., 1993г.
© Перевод «Ивон, рыцарь Рога» — Рыбакова В., 1993г.

ЛЕДЯНАЯ КОРОНА

Глава 1

Роун потягивалась, пытаясь бороться со сном. Конечно, можно было поспорить (Роун будто слышала ровный голос дяди Оффласа), что любой дискомфорт - это состояние, испытываемое мозгом, а не телом. И, если сосредотчиться на чем-нибудь другом, то ощущение, что ты заживо похоронен, исчезнет. Вот и сейчас она лежала в скоростной капсуле и пыталась мириться со своим нынешним положением.

Силясь преодолеть страх задохнуться, Роун крепко сжала кулаки и прикусила нижнюю губу. Боль немного помогла ей.

Дядя Оффлас всегда говорил, что человек может преодолеть все, если только захочет. К сожалению, она никогда не отвечала его требованиям. И сейчас у нее была прекрасная возможность оправдать ожидания дяди. Действительно, даже сам руководитель отделения в Школе завидовал этой возможности. А все потому, что она приходится ему племянницей. Экспедиция на Клио - проект семейный, руководитель проекта - Оффлас Кейл, его сын Сандар и она, Роун. И теперь она старалась дышать ровно и медленно, не открывать глаза и думать только о предстоящем деле.

Это был один шанс из ста, нет - из тысячи. И именно ей повезло участвовать в этой экспедиции. Но сейчас даже ее мозг чувствовал усталость. Все это из-за информации, которой ее напичкали. Как будто Роун была губкой, которую поместили в воду и дали команду впитывать. Её голова была настолько тяжела от всей информации, вложенной в неё компьютерами, что держать её прямо было чрезвычайно трудно.

Клио была одной из закрытых планет. Дядя Оффлас получил чёткий приказ приземлиться на ней и находиться там до тех пор, пока не обнаружит сокровище. Сокровище! Одно это слово заставило бы разыграться фантазию каждого, но такое сокровище, которое искали они, смогло бы заинтересовать только работников Службы. Настоящие сокровища - драгоценности, красивые вещи - не нужны Оффласу Кейлу. Он бы взглянул на них для того, чтобы определить, к какому историческому периоду они относятся, но для него всё это было бы не более, чем побрякушки. Совсем другое дело - сведения о Предтечах. И по некоторым данным сокровище находилось в одной из областей Клио. Так как Клио - планета закрытая, заключительная стадия поисков должна была проводиться в обстановке полной секретности и как можно быстрее, используя все технические средства Служ-

бы. Проект также требовал малочисленной группы исследователей. Роун всегда интересовало, как можно всю жизнь прожить в закрытом мире.

Конечно же сама теория, по которой были созданы закрытые миры, была вредна; такие эксперименты над людьми противоречат Четырём Законам. Клио была освоена двести, может быть триста лет назад, когда Психократы правили Конфедерацией, до Переворота 1404 года. Это была уже третья вновь обнаруженная экспериментальная планета. Говорили, что их гораздо больше, но никто не знал, сколько; во время Переворота взрыв Центра уничтожил все записи.

Миры эти были выбраны для проведения эксперимента в интересах одной из иерархий Психократов. Колонистам стёрли память, имплантировали новую и заставили жить в соответствии с навязанными им правилами. Эти люди должны были создать новый тип цивилизации или отсутствие цивилизации. Время от времени проводились проверки. Теперь, когда эти экспериментальные планеты были обнаружены, их объявили закрытыми, так как никто не мог сказать, что произойдёт с их народами, если они узнают правду. В своём развитии они отстали от остальных миров, а на одной планете живут уже мутанты. Клио же населяют нормальные люди, хотя пройдёт, наверное, несколько веков, прежде чем они полетят в космос.

Сейчас точно не ясно, какова была цель Психократов, основавших Клио. Служба предполагала, что они, как и на Терре, осуществили план старой Европы. Большой восточный континент был разделён на неравные королевства. Два западных были населены «туземцами», находившимися на более примитивном уровне развития - племена охотников-кочевников. На восточном континенте в результате двух войн за расширение территорий образовалось два больших государства, поддерживающих между собой отношения через мелкие буферные страны, в основном потому, что две большие державы были ещё не готовы к основному удару. Интриги, козни, мелкие стычки, расцвет и падение династий - такая на Клио была жизнь. Для стороннего наблюдателя с другой планеты всё это была лишь игра, но такая, что по её жестоким правилам умирали люди.

На западе племена также воевали друг с другом, но из-за своего примитивного уровня жертв было не так много. Хотя это не должно быть важно для Роун.

Их экспедиция приземлится в восточных землях, в одном из буферных государств. «Ревения», - с трудом произнесла

она вслух, - «Королевство Ревения». Слово казалось странным, но не более чем множество других инопланетных названий. Некоторые были настолько трудны, что их невозможно было воспроизвести.

Роун увидела на телеэкране место предполагаемого исследования. Всё это было ей знакомо, это было частью её кочевой жизни. Дядя Оффлас всегда брал её с собой, иногда как лишний груз, с одной планеты на другую в экспедициях по археологии Предтеч.

Часть Ревении, которую увидела Роун, ей очень понравилась. К счастью участок, который они должны были прочесать, был малонаселённым горным районом, заросшим лесом. Это был заповедник, в котором охотилась королевская семья. Его единственными жителями были лесники и пастухи, меняющие свои пастбища в зависимости от сезона. Если инопланетянам повезёт, и они будут достаточно осторожны, никто не заметит их присутствия.

На экране появились замки с остроконечными башнями, разноцветные города с извилистыми улочками; это было так не похоже на ровные блоки зданий, в которых жил её народ. Но надо помнить, что всё это очень примитивно, здесь всё ещё идут войны. Роун содрогнулась, вспомнив одну из плёнок, описания которой повергали её в ужас.

Народ Ревении всё ещё находился под определённым воздействием. Или же начальное воздействие было настолько сильным, что передалось потомкам. «Наверняка они отличаются от нас в эмоциональном и умственном плане, несмотря на внешнее сходство», - думала Роун.

Наконец покачивание капсулы стало затихать, пока не прекратилось. Самое сложное было уже позади, Роун вышла и огляделась.

- Ты опоздала. - Она живо обернулась, инстинктивно поправляя униформу.

Не то чтобы Сандару было важно, как она выглядит, ей хотелось, чтобы хоть раз он посмотрел на неё, как на женщину, а не обузу.

- Произошла задержка толчка, - быстро сказала она.

Почему ей всегда приходится оправдываться перед Сандаром и его отцом? Почему именно с ней случаются все задержки и неполадки, почему такого никогда не бывает с ними? Она посмотрела на своего двоюродного брата. Он ничуть не изменился, не стал менее высокомерным. Хотя два месяца - не такой уж большой срок. С чего ему было стать меньше ростом, изменить тонкие черты своего лица, ли-

шиться того обаяния, которое он стремился распространить на всех, кроме неё?

Сандар и в обычном рабочем комбинезоне выглядел как герой с экрана. В униформе Службы он был всё тот же Сандар Великий. Однажды так назвала его одна девушка, Варча. Иногда Роун становилась популярной, потому что приходилась ему двоюродной сестрой. Но только на время, пока девушки не узнавали, как мало она значит в жизни Сандара.

- Пойдём! - Она уже устремилась вперёд, и ей пришлось поторопиться. - До отсчёта всего полчаса, надо ещё добраться до поля.

Он шёл большими шагами, и ей приходилось бежать вприпрыжку, чтобы не отстать. В её душе зрело возмущение. Когда Сандар был далеко, Роун надеялась, что они могут быть друзьями. Но стоило им встретиться, Роун понимала, как глупо было даже надеяться на это.

- Моё снаряжение, - закричала она, - мне нужно его взять. - Роун направилась к внешней двери.

- Я же сказал, у нас нет времени. - Сандар больно сжал её руку выше локтя. - Если ты опоздаешь, тебе придётся самой всё расхлёбывать. И тебе будет уже не до снаряжения. У нас всё есть на корабле.

- Но... - Роун пыталась вырваться, хотя знала, что если он захочет, то потащит её силой. Стоило только посмотреть на выражение его лица. Сандар был чем-то разозлён и сорвёт на ней гнев при любом удобном случае.

Роун перестала сопротивляться. Опять всё по-старому. Два месяца в Школе внушили ей ложную уверенность в себе. Только сейчас она это поняла. Её снаряжение останется в этом ужасном здании. Она не будет лишена самого необходимого, Дядя Оффлас всегда путешествует с комфортом, но там были её личные вещи - некоторые уже давно стали частью её самой. Со стороны Сандара это было ужасно - так начинать путешествие.

Сандар, подавая знаки флиттеру, всё ещё держал её за руку. Роун повиновалась, но не смирилась. Когда-нибудь она отомстит Сандару, когда-нибудь. Уже на флиттере Роун взглянула на свои руки, маленькие и смуглые. Она была значительно темнее Сандара. Она знала, что и Дядя, и Сандар не в восторге от её происхождения. Иногда даже Сандар презрительно поглядывал в её сторону.

В порту наготове стояли четыре корабля. Один из них - межзвездный лайнер, ожидающий пассажиров. Роун вырвала свою руку и направилась к трапу. Бортпроводник посмот-

рел на карту корабля, - Третий уровень, каюта шесть, десять минут до отсчета.

Роун заспешила к своей кабине, мечтая поскорее остаться одной. В каюте она бросилась на койку и, хотя сигнала к отбытию ещё не подавали, накинула на себя защитную паутину.

Это была обычная каюта младшего офицера: по всей стене тянулись полки, за занавеской был светильник. Её койка была довольно удобной, но вся остальная обстановка - слишком стандартна; ни единой чёрточки, отличавшей эту унылую келью от множества других.

И опять она подумала о том, что значит жить в настоящем доме, где можно иметь любые, какие угодно вещи, наслаждаться их красотой, хранить их, потому что они напоминают о чём-то очень приятном или представляют большую редкость. Если у дяди когда-либо и появлялись такие мысли, должно быть, это было очень давно. А Сандару, похоже, было абсолютно всё равно.

Роун надеялась, что на корабле действительно есть полный комплект снаряжения. Конечно, на месте исследователи носили униформу Службы - комбинезон из плотного материала, предназначенный для условий данного климата, и Роун уже привыкла, что всё из осёдлой жизни, косметика и духи, существовали не для неё.

Сверху раздался предупредительный сигнал - последний отсчёт. Роун поглубже зарылась в свой защитный кокон. Вот опять они отправлялись в путешествие, теперь уже невозможно было подсчитать, сколько раз она проходила одну и ту же процедуру. Будет ли когда-нибудь конец этому пути?

Путешествие ничем не отличалось от множества других. Когда корабль вышел в гиперпространство, Дядя Оффлас вызвал её и устроил настоящую проверку, чему она научилась за это время. После он вручил ей множество плёнок и считывающее устройство, приказав провести время в космосе с пользой. Роун не осмелилась возражать, так как знала, что рано или поздно он потребует отчёта.

Как обычно, путешествие было скучным. Другое дело - летать на лайнере, где у пассажиров имелось множество возможностей поразвлечься. Но, конечно, дядя Оффлас считает, что интервалы между работами служат только для приобретения знаний. Наконец, их корабль вышел на орбиту Клио, после чего команда пересела в небольшую спасательную лодку, непосредственно предназначенную для приземления.

Когда лодка совершила запланированную посадку, сумерки начинали уже сгущаться.

Все трое сразу же поспешили выгрузить инструменты и снаряжение, так как очень скоро лодка должна была вернуться на корабль. Обычно корабль перемещался на более удалённую орбиту. Хотя местные наблюдатели и не разглядят космический корабль, могут пойти разговоры о странных объектах, появившихся на небе.

В первый момент пребывания на чужой планете Роун была поражена удивительной свежестью воздуха. После искусственного кондиционированного воздуха на корабле ей показалось, что она вдыхает чудесный аромат.

Вообще времени на то, чтобы оглядеться, было очень мало. Закончив разгрузку, дядя Оффлас захлопнул люк и отбежал назад; лодка отправилась. Прошло совсем немного времени, и сумерки превратились в настоящую ночь. Роун уселась на ящик, достала прибор ночного видения и огляделась. Они находились на большой поляне, окружённой высокими деревьями. На месте приземления лодки остались раздавленные кусты и вырванная трава. Дядя Оффлас разглядывал небольшую карту. Сандар, раскрыв один из контейнеров, достал какой-то ящик, набрал код на его панели и потянулся за вторым. - Хватит. Поставь его на расстоянии двенадцати шагов в том направлении, - дядя Оффлас указал налево, - а я возьму другой. - Теперь, когда были включены дисторты, можно было разбить лагерь. Дисторты будут охранять территорию от непрошенных гостей. У каждого из троих на поясе находится прибор, позволяющий его хозяевам не подвергаться влиянию дистортов.

К полуночи лагерь был разбит. С помощью лазера дядя Оффлас вырыл яму глубиной в рост Сандара. Поверх ямы возвели пологий купол, замаскированный живой зеленью. Оборудование было помещено внутрь в три небольших отсека.

Некоторое время им придётся работать по ночам, а спать днём. Роун так устала, что стоило ей остаться одной в своём отсеке, как она тут же заснула. Как только снова опустятся сумерки, Роун возьмёт с собой детектор и отправится изучать местность.

Сандар возьмёт на себя противоположное направление. А дядя займётся установкой связи и сборкой других приборов. Он явно не сомневался в том, что очень скоро они найдут то, что ищут. Никогда раньше его уверенность не была настолько велика. К тому же она передавалась и Роун. Казалось, что

в первой же вылазке её ожидает успех. Но нет, чуда не произошло.

Каждой ночью они уходили от лагеря всё дальше и дальше, находя обратную дорогу по сигналам дистортов. Хотя Роун знала точно, что заблудиться невозможно, ей было немного не по себе одной пробираться там, где не ступала нога человека. Никогда раньше ей не приходилось оставаться совсем одной. На борту корабля, даже уединяясь в своей каюте, она всегда чувствовала, что где-то совсем рядом есть живые существа. Но здесь полное одиночество давало ей чувство странной свободы.

Однажды, на четвёртую ночь, Роун взобралась на уступ. С вечера прошёл дождь, трава и хлеставшие ветви были всё ещё мокрыми. Комбинезон Роун надёжно защищал её от влаги, но ощущение свежих капель на руках и лице было очень приятным. Роун уже не первый раз шла этой тропою. Она обнаружила её случайно, соскользнув с глинистого склона холма. Это была странная долина: по обе стороны тропинки росли высокие деревья, ветви которых сплетались над головой, образуя аркообразный свод. Был ли этот тоннель сделан специально, чтобы скрыть от любопытных глаз потайную тропинку или деревья сами выросли так, Роун не знала. Она вновь поторопилась наверх, заметая следы сломанной веткой. Уступ находился прямо над дорогой. Забравшись, Роун не спешила вставать в полный рост, чтобы её силуэт не был виден на дороге, освещенной луной.

Роун надела очки ночного видения и внимательно изучила местность. Под горой располагалось нечто подобное деревне. Прямо перед ней находилось, по-видимому, главное здание, состоявшее из двух квадратных пятиэтажных башен, соединённых между собой узким трёхэтажным переходом, по ширине не больше одной комнаты. На крышах башен были видны парапеты. Здание окружала толстая стена. Несмотря на поздний час, в двух или трёх узких оконцах ещё горел свет. Ворота ближайшей к ней башни выходили в сад, который тянулся до самого уступа. Множество тропинок делили сад на ровные участки, посреди которых красовались клумбы. Но самое интересное было то, что в саду работали люди. Всего их было шесть, они работали парами, устанавливая столбы, на которых крепились огромные гротескные фигуры. Каждое из изображённых существ передней конечностью держало овальный щит, украшенный сложным орнаментом, другая передняя лапа или когти сжимала древко небольшого знамени.

Фигуры устанавливались в одну линию перед нижним этажом башни. Работа, казалось, была не из лёгких. Это были изображения животных и птиц. В одном случае фигура напоминала человека.

Роун всё это казалось очень странным. «Фигуры имеют какое-то аллегорическое значение,» - подумала Роун. - «Но почему их надо вкапывать среди ночи?» Закончив работу, люди исчезли за главными воротами. За пределами крепости располагались ещё два ряда высоких домов, построенных из того же камня. Самый большой дом имел два этажа. Остроконечные крыши были украшены шпилями с деревянными головами животных. Это была деревня в миниатюре. И хотя она была совсем не похожа на то, что Роун видела на телеэкране, ошибки быть не могло - это Хитерхау - главный охотничий замок Ревении.

Означала ли установка фигур в саду то, что скоро прибудет Король? Если да, то как это повлияет на деятельность экспедиции? Конечно, дисторты их защитят, но если съедется множество людей, то придётся ждать, пока охота не закончится, а дядя Оффлас не обрадуется такой потере времени.

Глава 2

- Что они сказали на инструктаже? - Дядя Оффлас шагал взад-вперёд, покусывая ноготь большого пальца, что было знакомым признаком напряжённой работы мысли.

- Кто приезжает - Король?

- Король Никлас - уже старик по меркам Клио. Неужели он будет охотиться?

- Я спрашиваю тебя! Ты видела плёнки, которые принесли роботы-разведчики?

Они не были уверены. Если это не Король... Роун перебирала варианты.

- Все его дети умерли, осталась одна дочка - принцесса Людорика.

- Ну и имя, - засмеялся Сандар. - Надо же было такое придумать!

- Тихо! - оборвал его дядя Оффлас. - Принцесса - кто ещё?

- Какое это имеет значение? - Сандар не хотел молчать.

- Огромное, идиот! Чин охотника определяет количество его спутников. Сандар покраснел. Дядя Оффлас действительно был расстроен, иначе он не был бы так груб со своим сыном.

Роун поспешила рассказать остальное.

- Есть ещё Граф Реддик. Он родственник Короля и довольно молод. Это всё, что узнали разведчики.

- Судя по тому, как они готовятся к встрече, это кто-то из королевской семьи, - дядя Оффлас теребил нижнюю губу. - Если приедет эта принцесса, наше положение ещё не так плохо. Её может мало интересовать охота. Но мне не нравится, что всё это происходит так близко. Наверное стоит установить дежурства в течении дня, пока мы не узнаем точно, кто приедет. Время! - Дядя ударил кулаком правой руки ладонь левой. - Нам необходимо максимально использовать время. Чем дольше мы здесь остаёмся, тем больше шансов, что нас здесь обнаружат.

Высоко подняв голову, Сандар принюхивался к усилившемуся ветру.

- Приближается буря. Нам не стоит выходить сегодня ночью. - Его отец повернул голову в том же направлении. Тонкая полоса светлеющего неба была более мутной, чем обычно. Собирались тучи.

- Буря начнётся через несколько часов. Роун, ты будешь дежурить первой, до бури. При необходимости - докладывай. - И он вручил ей наручный ком - устройство связи. - И пробирайся с севера. Эти лесники прекрасно разбираются в следах. Сандар, ты поставишь несколько дополнительных дистортов. Я не хотел так быстро расходовать батареи, но теперь придётся. А я налажу репеллент.

Роун едва слышно вздохнула: ей не очень-то хотелось ползти обратно к уступу. Но, несмотря на то, что она ужасно устала и из-за бури рисковала быть обнаруженной, мысль о том, что она снова увидит карманный замок, волновала её воображение.

Было даже как-то странно, что дядя Оффлас поручил это именно ей. Хотя может потому, что Сандар лучше разбирается в дистортах.

Перед тем, как покинуть лагерь Роун решила захватить с собой несколько тюбиков с пищей и рационом Е, чтобы подкрепиться,

На север от лагеря лежала ещё неисследованная территория. Но сейчас Роун не могла терять время на исследования. И так приходилось заметать следы, и когда она вновь добралась до уступа, почти совсем рассвело.

Во время этого путешествия Роун обнаружила ещё одну башню, густая растительность почти совсем скрывала её. Казалось, что в ней давно никто не живёт; дверной проём

зиял чернотой. Роун подумала, что при первой же возможности посетит заброшенную башню.

Теперь она отчётливо видела и замок, и деревню. Во многих комнатах горел свет и двигались люди. Деревянные фигуры выделялись яркими пятнами на фоне каменных стен, флаги развевались на ветру.

Роун была так увлечена происходящим, что сигнал к подъёму, поданный трубачом со стены замка, застал её врасплох. В деревню вступили всадники. В одной руке их предводителя были вожжи, другой он держал рог и время от времени подавал сигналы. Фантастические костюмы всадников были украшены яркой вышивкой, головы закрывали металлические шлемы, сабли были обнажены в официальном приветствии. За ними следовали ещё двое всадников и множество вооружённых людей. Одним из всадников была женщина, её длинное изумрудное платье с серебряной вышивкой развевалось на ветру.

Из своего убежища Роун не могла видеть её лица, оно было скрыто высоким воротником накидки. На голове женщины была широкополая шляпа, украшенная жёлтыми перьями. Вторым всадником был мужчина, также одетый во всё зелёное, от сапог до высокой шляпы. Его лица Роун также не смогла разглядеть, но по его одежде было ясно, что это знатная особа.

Жители деревни высыпали приветствовать процессию. Мужчины махали шляпами, женщины приседали в глубоком реверансе. Всадница в ответ махала рукой. Без сомнения лошади были были из породы Астрийских двурогих, а это говорило о том, что Роун имела дело действительно с культурой поселенцев, задуманной по прихоти кого-то из другой галактики.

Роун наблюдала за тем, как процессия вошла в замок, и пара в зелёном спешилась у главного входа. Мужчина поклонился и подал женщине руку. Роун была в восторге, казалось, что она просматривает запись на плёнке. Эти яркие цвета, движущиеся фигуры - невозможно было поверить, что все они настоящие. Одно дело было видеть записи робота-разведчика, а другое - наблюдать их в действительности.

Покидая свой пост, Роун была точно уверена: приехала Принцесса Людорика. Кто был тот мужчина, Роун могла только догадываться. Уходя, Роун принимала все меры предосторожности и обратно пошла кружным путём. Небо потемнело, сгустились чёрные тучи и день превратился в ночь: надвигался шторм.

«Плохо бы мне пришлось, не будь со мной прибора ночного видения,» - подумала Роун. Она бывала на разных планетах, видела шквальные ветры, проливные дожди и песочные смерчи. Но каждый раз она пережидала стихию в укрытии лагеря. Теперь, застигнутая врасплох, Роун растерялась. Необходимо было где-то укрыться. Поблизости была заброшенная башня, и, собравшись с силами, Роун поспешила к ней.

Оглушающему шуму дождя вторили завывания ветра. Трещали и ломались ветви. Небо пронзила яркая молния, и тут же последовал удар грома. Даже самые толстые деревья гнулись под напором ветра.

Молния ударила в стоящее рядом дерево. Роун закричала, но её крик потонул в рёве бури. Роун бросилась бежать, продираясь сквозь мокрые кусты. Добравшись до входа в башню, Роун остановилась перевести дыхание; струйки воды стекали по её волосам.

Наконец-то она пришла в себя настолько, что включила фонарь и осмотрелась.

К её удивлению в комнатах стояла мебель. Но, подойдя ближе, Роун увидела, что мебель была такая громоздкая, что её просто невозможно было убрать. Там был тяжёлый тёмно-красный стол, высеченный из монолита. На крышке стола были видны квадратики черного и белого цвета, расположенные в шахматном порядке. Наверное это было поле для какой-то игры. За столом напротив друг друга стояли два стула, представлявших собой квадратные ящики с высокими резными спинками и подлокотниками. У стены стоял массивный шкаф, тоже резной, а за ним располагалась каменная лестница без перил. На полу скопились пыль и засохшие листья.

Роун подошла к лестнице и стала взбираться, освещая путь фонарём. Наверху она обнаружила, что хотя башня и казалась трёхэтажной, в действительности в ней было всего два этажа. Здесь тоже была мебель: большой сундук, и на возвышении стояла высокая кровать, сделанная из того же дерева, что и стулья внизу. На кровати были разложены полусгнившие остатки какого-то тряпья, источавшие ужасное зловоние. Маленькие узкие окошки совсем не защищали от ветра и холода. Ещё один удар молнии осветил комнату, а потом последовал удар грома такой силы, что от испуга Роун уронила фонарь и бросилась к деревянному сундуку, закрыв глаза и заткнув уши. Казалось, что от грома содрогнулась сама башня. Роун была так напугана, что стояла, не

шевелясь. Никогда раньше она не встречалась с таким буйством стихии. Наконец она пришла в себя и вспомнила, что дядя Оффлас и Сандар остались там, в лесу. Сможет ли лагерь защитить их от такой бури? А что, если ударит молния или рухнет дерево?

Роун попыталась вызвать их при помощи наручного кома, но все её усилия были напрасны: лагерь не отвечал. Наверное, шторм затруднял приём сигнала, если ещё было кому принимать...

За окном всё ещё стонал ветер. Время от времени было слышно, как падают деревья, но, похоже, буря начинала утихать.

Роун осторожно смахнула пыль с крышки сундука и присела подкрепиться. Подобрав фонарь, она ещё раз внимательно осмотрела комнату. Казалось, что комната никогда не использовалась как жильё. Но кровать...

Возможно, башня служила приютом скрывавшимся от бури охотникам.

До сих пор Роун старалась держаться подальше от зловонной кровати. Но сейчас она осмелилась приблизиться. Кровать представляла собой ящик без крышки, заполненный всякой гнилью. По четырём углам стояли высокие резные столбы, изображающие стволы деревьев, увитые виноградной лозой. Большей частью они были покрыты толстым ковром из паутины, пыли и засохших насекомых.

Над изголовьем кровати луч фонаря осветил ряд отверстий в стене, образующих лестницу, ведущую на крышу. Роун очень хотела забраться по ней, но благоразумие подсказывало ей, что пора возвращаться, как только затихнет буря и ещё перестанет сверкать эта ужасная молния, которую Роун боялась больше всего.

Но было поздно. Пока она стояла в дверях, раздумывая, пора или не пора уходить, блеснула вспышка света, и Роун услышала ржание двурогого.

Кто это? Охотники, ищущие убежища? Она рванулась назад, извлекая из комбинезона маскировочный покров, и устремилась обратно наверх - единственным местом, где можно было спрятаться, могло послужить высокое изголовье кровати. Медленно, на ощупь (фонарь пришлось выключить сразу) пробиралась она наверх. Как только она втиснулась между изголовьем кровати и холодной стеной, внизу послышались шаги и голоса. Роун ничего не видела, в деревянном изголовье не было ни одной трещины, зато слышала каждое слово.

Вновь пришедшие конечно же не говорили на Бейсике - основном языке. Но благодаря инструктажу она имела кое-какое представление о языке Ревении. Роун прислушалась: они поднимались вверх, сколько их - определить было сложно, как бы она ни старалась различать голоса и подсчитать количество шагов. Время от времени слышался звон металла, как будто что-то ударялось о стенку, и восклицания, похожие на ругательства.

Вот они вошли в комнату и теперь все их слова были отчётливо слышны.

- Приехать сюда? Ты что, совсем спятил?

- Нет, - второй голос почти шептал. - Поверь мне, это самое надёжное место. Мы можем спокойно оставить её здесь, так же как в Кевельдсо. Брось её на кровать, надень ошейник и привяжи, а мы сможем спокойно подождать, пока кончится дождь. Ты что, хочешь сказать, что она превратится в ящерицу и сможет убежать через одно из этих окон? А если ей и вздумается спуститься по лестнице, то мы будем сидеть внизу и уж никак её не пропустим. А этот поводок ей не снять. Он будет держать её надёжно - как-никак из этой стали делают сабли, а ошейник предназначен для охотничих собак его Величества.

Послышалось лязганье железа.

- Никуда она не денется. Ключ у меня за поясом. Скоро мы выберемся из этой конуры?

- Ему не понравится...

- Ему бы больше понравилось, если бы нас раздавило в лепёшку каким-нибудь бревном. Ты же видел, что случилось с Ларкиным? Что, жуткое зрелище? Надеюсь, в его планы не входит, чтобы эта птичка была раздавлена. По крайней мере сейчас. Он же приказал следить за каждым её вздохом.

- Да.

Роун показалось, что его собеседник согласился очень нехотя. Опять она услышала лязг железа, смех, и первый продолжал:

- Никто не сможет это сломать. С таким же успехом мы могли бы её здесь замуровать. Оставь её и пойдём. Как она сопротивлялась, пока Ларкин ей не врезал.

Послышались удаляющиеся шаги. Роун перевела дыхание. Сколько ей ещё придётся здесь прятаться? И можно ли вообще оставаться здесь?

Это тошнотворное зловонье было невыносимо. Теперь она жалела, что съела рацион Е.

В комнате стояла тишина, только за окном завывал ветер.

Похоже, стихия затихла на время, чтобы разыграться заново.

Из разговора Роун поняла, что пленник или пленница пребывала без сознания. «Нет, необходим хотя бы один глоток свежего воздуха,» - подумала она. Нужно было добраться до окна, чтобы немного отдышаться. Она двигалась осторожно, останавливаясь и прислушиваясь. Окончательно выбравшись, она замерла. Комната была погружена во мрак, лишь снизу лился слабый свет.

Она шагнула вперёд и, услышав металлический звон, обернулась. Из груды тряпья на кровати поднялась тёмная фигура, раздался приглушённый кашель. Неожиданно комнату осветила вспышка молнии: на кровати сидела девушка, она закрывала руками рот и нос, плечи её содрогались.

Заметив Роун, девушка замерла в испуге.

Глава 3

Роун действовала инстинктивно. Мгновенье, и она была уже у кровати, пытаясь подавить сопротивление девушки и одной рукой зажимая ей рот. Вдруг боль пронзила руку: девушка её укусила. Но главного, чего боялась Роун, не случилось: девушка не закричала от страха, а тихо сказала:

- Почему ты пытаешься задушить меня, ты, болван?

Роун отпрянула назад, потирая руку. Нащупав свой фонарь, она включила его на малую мощность и, закрываясь рукой, направила его на девушку. В неярком свете показалось бледное чумазое лицо, обрамлённое тёмными волосами. На шею девушки был надет ошейник на железной цепи.

Девушка ухватилась за ошейник и повертела его, при этом продолжая смотреть прямо на свет, видимо пытаясь разглядеть за ним Роун.

- Если ты не из тех подонков внизу, - прошептала она, - то кто же ты?

- Я скрываюсь здесь от бури, - уклончиво ответила Роун ещё более тихим шёпотом. - Я услышала, как они принесли Вас, и спряталась.

- Где? - спросила девушка с такой живостью, будто ответ Роун мог что-то изменить.

Роун перевела луч фонаря на изголовье кровати:

- Сзади. Там достаточно места.

- Но то, где ты пряталась, не проливает свет на то, кто ты, - резко оборвала её девушка. - Я - Принцесса Людорика!

В её голосе было что-то такое, что заставило Роун ей

поверить, несмотря на грязные полосы на лице, зловонье кровати и сковывающий ошейник. Роун перевела взгляд на него и почувствовала, как в её душе зреет гнев. По всем правилам и инструкциям девушку необходимо оставить. Можно воспользоваться лестницей наверх. Основная заповедь исследователей - не вступать в контакт. И Роун поклялась следовать ей. Проблемы Ревении не должны касаться инопланетян. Распространялся старый закон невмешательства.

И всё же этот ошейник!

- Я не из Ревении, - прошептала Роун, опять уходя от ответа.

- Значит, ты хочешь сказать, что это не твоё дело? - резко бросила Принцесса. - Кто же ты тогда, может из Вордейна? Или контрабандист из-за границы? Тот, кто не открывает лица своего и не говорит имени своего, да не удивится, если примут его как зло.

Принцесса произнесла последние слова, как будто она кого-то цитировала.

- Я могу предложить тебе деньги. Много денег.

Роун восхищалась самообладанием Принцессы. Как будто бы она сидела не в этом смрадном ящике, прикованная цепью, а на троне, у себя во дворце.

Только теперь Роун заметила, что то, что она раньше приняла за полосу грязи, на самом деле было огромным синяком на подбородке Принцессы. Время от времени ей даже было трудно говорить.

- Кто эти люди внизу? - спросила Роун.

То, что они осмелились так обращаться с наследницей трона Ревении, значило, что это не простые преступники. Чем больше она узнает об этом деле, тем лучше она сможет спланировать, что ей делать дальше.

- Мне пришлось изобразить глубокий обморок, для того, чтобы усыпить их бдительность. И я не разглядела их как следует. Судя по одежде, они - лесники. А как я попала к ним в руки... - Принцесса пожала плечами. - Этого я не знаю. Я спокойно заснула в своей постели в Хитерхау. Когда я проснулась, я уже лежала в тележке, ехавшей по лесной дороге, и сверху - лишь потоки воды. Потом началась настоящая буря. Упало огромное дерево. Основной удар пришёлся на передок тележки. Я поняла, что тому, кто вёл её, мирские заботы были уже не интересны. Потом они вытащили меня и принесли сюда. Не думаю, что ты из Вордейна, - сказала Принцесса, резко меняя тему. - Если ты занимаешься контрабан-

дой, то ты получишь полное прощение и щедрое вознаграждение, если освободишь меня, - она опять потянула за ошейник, - и отвезёшь в Яттон. - Инопланетянка молчала. Тогда, сжав губы Принцесса добавила:

- Кажется, у тебя тоже нет особого желания быть обнаруженной теми людьми снизу? Тогда давай условимся, что твой враг - мой враг. Это будет перемирие между нами на время общего сражения.

Опять казалось, что Принцесса цитировала.

- Твоя речь мне кажется странной. Ты действительно не из Ревении. Может быть ты - торговец с севера. Хотя не важно. Освободи меня, и ты можешь рассчитывать на спокойную и богатую жизнь и благодарность Ревении.

В её голосе зазвучала гордость, и опять на мгновение Роун забыла о том, где они находились, и о том, что разговаривала она с пленницей. В конце концов ничего не случится, если она немного поможет Принцессе. Она уже вмешалась в дела этой планеты хотя бы одним своим пребыванием здесь. Если она попытается уйти сейчас, вскарабкавшись по стене наверх, Принцесса разозлится и позовёт тех людей снизу. Но если ей удастся освободить Принцессу, то потом она сможет специально потерять её в лесу. Пусть Принцесса думает, что Роун занимается контрабандой и очень боится быть обнаруженной. Наверное, по комбинезону и короткой стрижке, Принцесса приняла её за мужчину.

- Хорошо, - нехотя согласилась Роун, - но этот ошейник.

Фонарь осветил металлическое кольцо на шее Принцессы, цепь и замок. Как взломать его, Роун не представляла. Оставалось только разрезать цепь. Роун потянулась к поясу с инструментами. Воспользоваться ими, означало бы пойти против всего, чему её учили. Всё было очень странно, будто она наблюдала за собой со стороны, и чем дольше они оставались здесь, тем более правильным казался её выбор - помочь Людорике выбраться отсюда, как будто просьба Принцессы разбудила в ней чувство сострадания.

Роун наклонилась, стараясь не вдыхать зловоние, исходившее от кровати, и направила лезвие на звено цепи. Вспыхнул свет, посыпались искры, и Роун убрала нож обратно в пояс. Цепь была отрезана. Наконец-то Принцесса вздохнула свободно.

- Вам придётся походить в ошейнике, - прошептала Роун. - Я не осмелюсь резать так близко к шее.

- Спасибо хотя бы за то, что я уже свободна. Но внизу эти люди. Если у тебя есть... - Принцесса соскользнула с кровати,

отряхивая полусгнившие лохмотья со своих волос и бывшего когда-то белым платья. Роун с сомнением посмотрела на одежду Принцессы.

Единственным способом выбраться отсюда было взобраться по каменным выступам наверх. Но конечно же она не сможет лезть в этом длинном платье. Направив фонарь вверх, Роун попыталась оценить шансы на спасение.

- Дай мне свой кинжал, - прошептала Людорика. - О, - усмехнулась она, - не думай, что я хочу сражаться с теми, внизу. Не могу же я лезть в этом, - она указала на платье.

- У меня нет кинжала, - возразила Роун.

- Нет кинжала? Но как же ты защищаешься? - удивлённо спросила Принцесса.

Роун достала небольшой нож. Схватив его, Принцесса принялась кромсать свою юбку спереди и сзади. Куски ткани она намотала на ноги, изобразив нечто похожее на комбинезон Роун. Перед тем, как вернуть нож его владелице, Людорика попробовала его на большом пальце.

- Он похож на нож для разделки шкур, правда, сталь немного другая, - заметила она. - Я до сих пор не знаю твоего имени и не видела твоего лица. - И схватив Роун за запястье руки, в которой та держала фонарь, повернула его так, что луч осветил лицо Роун. Такого Роун не ожидала; она резко дёрнулась назад, но было уже поздно. Принцесса успела как следует разглядеть её.

Роун начала даже побаиваться Принцессу; девушка, которую похитили из собственной постели, привезли в это ужасное место, посадили на цепь, как собаку, которую пыталась задушить Роун, тем не менее сохраняла самообладание, просила помощи и даже торговалась - это была необычная девушка, на Клио или где бы там ни было. И Роун подумала, как бы она поступила в этой ситуации.

- Ты - не мужчина!

Луч фонаря упёрся в пол.

- Хотя я никогда не видела, чтобы так одевалась женщина. И волосы - такие короткие. Ты такая странная. Наверное всё же легенды не врут. Если...

Впервые за всё это время голос Принцессы задрожал.

- Если ты - одна из Хранителей, то отвечай мне, это моё право, ведь в моих жилах течёт королевская кровь, я - следующая королева Ревении. Если ты - Хранитель, что случилось с ледяной короной?

Для Роун эта просьба-приказ не значила ровным счётом ничего. Но звуки, послышавшиеся снизу, говорили ей о

многом. В то время, как она пыталась освободить Принцессу, буря утихла, и теперь было слышно, как внизу задвигались люди.

Роун схватила Принцессу за руку и выключила фонарь.

Если это пришли за пленницей, то защищаться было нечем. Станнеры остались в лагере. Роун жалела, что не взяла с собой один. Единственное, что у них было, это нож и инструмент, которым Роун разрезала цепь. Так, взявшись за руки, Принцесса и Роун ждали и прислушивались. В комнате стало светлее, и уже можно было обойтись без фонаря. Роун потянула Людорику к нише над изголовьем кровати.

- Лезь! - она пропустила её вперёд. Как жаль, что они не могут забаррикадировать лестницу, например, придвинуть сундук! Казалось, что дыхание Принцессы и царапанье ногтей были очень громкими. Роун напряженно прислушивалась, не идёт ли кто. Принцесса уже залезла выше изголовья кровати и теперь пыталась зацепиться за выступ. Роун последовала за ней. Казалось, что они взбирались по отвесной скале, только каждую минуту боялись быть застигнутыми. Роун часто дышала и удары сердца отдавались в голове. Она пыталась подавить страх и не думать о том, что может произойти, а только о том, что ей нужно сделать.

- Здесь какая-то площадка, - прошептала Принцесса, - и, наверное, дверь. Здесь должна быть обманка.

Роун понятия не имела, о чём она говорила, но была ободрена тем, что её спутница обнаружила что-то знакомое. Роун нащупала твёрдую поверхность, подтянулась и оказалась на платформе между двумя балконами.

- Здесь дверь на крышу, я нащупала засов, - сказала Принцесса. - Дверь придётся поднимать вдвоём. Её тысячу лет не открывали.

Так, встав на колени, они упёрлись ладонями в деревянную поверхность.

- Давай, - скомандовала Роун.

Вначале казалось, что за долгие годы дверь вросла в потолок. Но неожиданно дверь заскрипела и поднялась, полоска пробивающегося света всё увеличивалась и увеличивалась. Девушки ещё поднажали, дверь с грохотом распахнулась, и порыв свежего влажного воздуха ударил им в лицо.

Роун первая выбралась на крышу и подала руку Принцессе. День был в полном разгаре, но на небе ещё висели тяжёлые тёмные тучи. Роун захлопнула дверь. Удалось ли им спастись или нет, об этом говорить было ещё рано. Можно

отсидеться на крыше и дождаться, пока преследователи уедут, если они уедут...

Но Принцесса почему-то ползала вдоль карниза, ощупывая каждый сантиметр поверхности, как-будто она точно знала, что делает. Вдруг рука её остановилась, пальцы нащупали какой-то участок крыши.

- Нам сопутствует удача, - воскликнула она. - Здесь действительно есть обманка.

Роун приблизилась к карнизу. Совсем недалеко от башни располагался край утёса. Девушка мысленно пыталась измерить расстояние до него. Нет, без специального прыжкового пояса до него не добраться. Однако Принцесса зачем-то очищала участок крыши от грязи.

- Ага, здесь!

Теперь она пыталась расковырять казалось бы обычную небольшую трещину между камнями. - Твой нож, дай мне его.

И опять Роун поверила в то, что Людорика знает, что делает. Она покорно вручила Принцессе нож и не протестовала, когда та вонзила его в трещину. Маленькая трещина становилась всё шире и шире, вот уже в неё можно было просунуть пальцы. Людорика позвала рукой Роун.

- Помоги мне. Пройдись здесь. А то это может быть надолго, уж очень много времени прошло. Такие обманки предназначались для спасения во время вторжения Нимпов. Я ещё не видела ни одной, которая бы не срабатывала. Только я никак не могу найти ключевого камня.

Она старательно шарила рукой в трещине. Наконец люк подался и каменная плита медленно поползла от карниза. Целая секция крыши отделилась и, как будто раскладываясь на невидимых петлях, образовала горизонтальную поверхность - мост, по которому без труда можно было добраться до скалы.

- Надо спешить, мост не будет держаться долго.

Роун не рискнула ступить на плиту во весь рост, а аккуратно, на четвереньках поползла, стараясь не глядеть вниз. Голова кружилась. Она никогда особенно не увлекалась высотой и каждый раз с трудом преодолевала страх. Вот она уже на самом краю плиты, остаётся ещё небольшой промежуток. Роун тяжело приземлилась на камни и протянула руки, чтобы помочь Принцессе. Как только их руки встретились, каменный язык вздрогнул и пополз обратно в сторону башни. Чудом удалось Роун втащить Людорику на скалу. А

плита скользнула на место, снова образуя карниз, и моста как ни бывало.

- Теперь - в Яттон! - Принцесса попыталась привести в порядок остатки своего платья. Сделав шаг вперёд, она вдруг вскрикнула и схватилась за ступню.

Роун вспомнила о своих планах: помочь Принцессе спастись, а самой исчезнуть в лесах. Но сейчас она почувствовала, что не может оставить спутницу. Моросил ледяной дождь. Принцесса была босая, к тому же неизвестно, как скоро похитители обнаружат исчезновение пленницы. И сколько пройдёт времени, прежде чем они вновь её настигнут?

- Где этот ваш Яттон? - нетерпеливо сказала Роун.

Оставалось только привести Принцессу к себе в лагерь, но к какой катастрофе это могло привести! С каждым мгновением Роун всё больше запутывалась.

- Две мили, нет, скорее три. Честно говоря, я поняла, что не смогу пройти это расстояние босиком. Мои ноги слишком нежны для такого пути.

- Сейчас мы недалеко от Хитерхау.

- Я не вернусь в Хитерхау, до тех пор пока я не буду уверена...

- В чём?

- В том, что это так просто - поднять меня с постели среди ночи, и что ни один стражник не пошевелится, чтобы защитить меня.

Принцесса принялась рассматривать Роун.

- Да, ты действительно не из наших. Но Хранителям не нужны мосты, чтобы спастись. По легендам, Хранителю стоит только пожелать чего-либо, и это сразу сбудется. Я не знаю, кто ты, а ты мне не говоришь.

- Меня зовут Роун Хьюм.

Роун не хотела говорить, опять сработало странное желание сказать правду, не подумав.

- Я не из Ревении, но надеюсь, что я доказала, что не причиню тебе вреда.

- Роун Хьюм, - повторила Принцесса, уставившись на Роун. - Твоё имя тоже странно. Но сейчас такое время, когда многое меняется.

Улыбнувшись, она протянула руку. И тут Роун как будто оттаяла, как будто никогда раньше ей никто не улыбался, не просил её о помощи. И теперь, когда её загорелая рука на мгновенье сжала эти слабые запачканные пальцы, Роун опять вспомнила, что уж ей-то никак не следовало заводить здесь друзей или хотя бы мимолётные знакомства.

- Ты не выказываешь почтения. В этом ты похожа на Хранителей, - заметила Принцесса. - Неужели у вас нет различия между обычными людьми и коронованными особами?

- Да, примерно так, - неуверенно ответила Роун.

- Не думаю, чтобы кто-нибудь из граждан Ревении смог бы жить в таком странном мире, - начала было Принцесса и засмеялась, прикрыв рот ладонью, как будто бы она хотела взять свои слова обратно. - Я не хотела быть неуважительной к вашим обычиям. Я была воспитана по-другому, и поэтому чужие традиции мне кажутся странными.

- У нас нет времени обсуждать, - Роун боролась с желанием задавать вопросы самой, узнать побольше о Людорике. - Если ты не можешь вернуться в Хитерхау, а в Яттон нам не добраться, куда же нам идти?

Ей самой уже было давно пора, но неужели она бросит Принцессу?

- Ты откуда-то пришла... - начала Принцесса, и Роун сама испугалась поразившей её мысли. «Представляю, что скажет дядя Оффлас, когда я заявлюсь в лагерь с этой оборванной беглянкой,» - подумала Роун. - «Но это единственный выход.»

- Тогда я возьму тебя с собой, - её голос прозвучал холодно и твёрдо. Она пыталась обдумывать другие варианты. Была одна слабая надежда. Возможно удастся найти какое-нибудь укрытие в лесу, оставить там Людорику, привезти ей еду, одежду и обувь и проводить её в Яттон. В этом проекте было столько недостатков, сколько пальцев на руках и ногах. Но ничего другого не оставалось. Конечно, их будут преследовать, поэтому необходимо как можно больше запутать следы.

- Пойдём в эту сторону, - Роун указала на север, подальше от лагеря. Так они выиграют время.

Они спустились с горы. Принцесса еле-еле шла босиком. И в конце концов Роун рассовала содержимое своего вещмешка по карманам комбинезона, разрезала мешок пополам и сделала некое подобие ботинок для Людорики.

Дождь всё ещё лил, не переставая, Принцесса промокла и дрожала. И Роун начала волноваться: благодаря искусной медицинской обработке, холод был ей нипочём, но не обладающие таким иммунитетом могут запросто заболеть.

А что, если Людорика заболеет, что если... Да, их будущее содержало слишком много таких «если». Роун должна вести её прямо в лагерь.

Она поняла, что Людорика долго не протянет. Хотя Принцесса не жаловалась, она всё больше и больше отставала. Два раза Роун пришлось возвращаться и она находила Людорику прислонившейся к дереву, выбившейся из сил. В конце концов Роун практически тащила её на себе.

Скоро они подошли к скалистому холму, и Роун узнала пейзаж. Почувствовался запах дыма, как будто где-то тлело дерево. Очевидно ударила молния, и образовался оползень, открывший вход в небольшую пещеру в склоне горы. «Пещера может послужить убежищем,» - подумала Роун и повела Принцессу туда.

Глава 4

Роун точно знала, что теперь они находились недалеко от лагеря. Здесь она сможет оставить Принцессу и отправиться за едой и одеждой.

Они протиснулись между камнями и увидели, что узкая щель расширяется, переходя в просторное помещение. Прислонив Принцессу к стене, Роун включила фонарь на полную мощность.

Пещера была не естественного происхождения. Роун была поражена, увидев, что за пещерой тянется длинный тоннель с ровными стенами. Роун дотронулась до гладкой поверхности, её пальцы скользнули как по металлу. Роун быстро включила детектор, послышалось ровное тиканье, свидетельствующее о том, что она была права. Это была не только искусственная пещера, но в ней имелись остатки древней цивилизации. Надо же случайно было наткнуться на то, что они так долго искали! Роун уже собралась было передать эту радостную новость по передатчику, но в последний момент остановилась. Привести сюда дядю Оффласа и Сандара!.. Они же найдут Принцессу. Они же не позволят никому из местных жителей обладать этим знанием. А если они обнаружат себя, на них не только будет наложен запрет Службы, они могут быть навсегда сосланы на какую-нибудь удалённую планету. Испортить карьеру дяде Оффласу, Сандару в единственной области, в которой они были профессионалами. Для них не будет выбора - они заставят молчать девушку.

Заставить молчать, совсем не значит убить, как было раньше (Роун слышала эти ужасные истории первых космических завоеваний). Это будет блокировка памяти Людорики или транспортировка на другую планету. В любом случае пострадает невиновный. Единственное, что могла сделать

Роун, это ждать и надеяться, что произойдёт чудо. От всех этих проблем у неё заболела голова.

Что же такое было в этой Принцессе, что так заставляло заботиться об её интересах? Возможно, на неё распространялось влияние, под которым находились люди этого несчастного экспериментального мира.

Попав в сеть неразрешимых проблем, Роун раздумывала, не решаясь что-либо предпринять. Вдруг она почувствовала, как чья-то рука сжала её запястье.

- Где мы? Это ведь не пещера, - Людорика стояла перед ней, в её взгляде Роун читала неверие в реальность происходящего.

- Ты сделала это! - Принцесса пошатнулась, как будто ей было больно стоять.

- Ты привела меня в пристанище Оха! Корона! Отдай мне корону!

- Погоди, я не понимаю о чём ты говоришь. Какая корона? - протестовала Роун.

Разве возможно, чтобы сокровище Предтечей уже было найдено в Ревении? Неужели они опоздали?

Но разведчики Службы ничего такого не заметили, а ведь эта находка оставила бы значительный след в памяти людей.

Принцесса долго смотрела прямо в глаза инопланетянке, как будто желая прочесть в них правду. Но ей не суждено было это сделать, потому что со стороны входа в пещеру послышался странный гул. Роун быстро обернулась: вместо пробивавшейся полосы света луч фонаря осветил завал камней и земли.

Роун закричала, оттолкнула Принцессу и бросилась к бывшему входу в пещеру. Она попыталась пробраться сквозь завал, но единственное, что ей удалось сделать, это выцарапать куски мокрой глины и выдернуть пару веток. Внутри же была скала, сдвинуть которую она не могла.

- Мы... мы в западне?

Роун опустилась на колени, рассматривая завал. Таким образом её проблема была решена. Ведь теперь их жизнь зависела от помощи извне. Только в лагере были инструменты, способные их вызволить.

- Да. Мне придётся позвать на помощь. Стоит ли предупредить Принцессу о возможных последствиях? Или же продолжать ждать, надеяться на то, что что-то поизойдёт? - думала Роун.

- Это может быть пристанище Оха. Если мы не будем ждать подмоги, то чего же мы тут сидим? Я пойду искать

Корону. - Принцесса глубоко вздохнула. - Для меня, для Ревении это может стать самым великим днём за сто лет!

- Какую Корону ты ищешь? - Роун вспомнила о различных формах, которые принимали предметы Предтечей в прошлом. Ведь были случаи, когда они имели формы сокровищ - бриллианты, драгоценные металлы, различные произведения искусства.

- Наша Корона - Ледяная Корона Ревении, - рассеянно ответила Принцесса.

Она уже не смотрела на Роун, а сидела, уставившись в пустоту. Когда она обернулась, на лице её был написан страх, рукой она прикрывала рот.

Когда Принцесса заговорила снова, её голос был тих и дрожал:

- Это великий секрет, Роун Хьюм. Его знают только двое: мой дед - король, и я. И я поклялась самым святым, что есть у моего народа, не раскрывать его. Теперь я нарушила клятву.

- Но я не из Ревении. И я могу поклясться, что никому ничего не скажу, - быстро возразила Роун.

- Если это пристанище Оха, то, нарушив клятву, я не принесу большого вреда. Ведь я делаю это во благо. Посвети сюда.

Что если они наткнутся на останки Предтечей, и Принцесса увидит их? Но разве это было важно сейчас.

- Погоди, сначала я позову на помощь, - Роун набрала код на коме, подождала, и вскоре табло замигало в ответ, высвечивая запрос, после чего Роун передала кординаты и сообщила о находке.

О Принцессе она не упомянула. В ответ табло выдало серию радостных вспышек, обещающих скорое прибытие на помощь.

Роун не забыла добавить и о людях в лесу, предполагая, что они уже прочёсывают лес и окрестные холмы. Роун ожидала, что Людорика будет задавать вопосы, но та молча направила фонарь в сторону тоннеля.

- Вы можете рассказать мне поподробнее о том, что вы ищите? - спросила Роун в начале пути.

- Ты уже знаешь немного, так что я могу рассказать тебе всё. Ледяная Корона - это Корона Ревении, дарованная нам Хранителями ещё в самом начале. Так же как и Огненная Корона для правителей Лейкстана, Золотой Браслет в Трискe - но всё это ты уже энаешь. Мой дед, Король Никлас, пришёл к власти, когда был ещё мальчиком, и его мачеха, Королева Олава, по праву опекунства правила от его имени,

хотя она не была кровной родственницей, даже не из Королевской Семьи. Её взял в жёны мой впавший в детство прадед. Она была из семьи Джарфара. Когда-то они владели этой гористой местностью и пытались создать своё королевство. Но у них не было Короны, и поэтому ничего не получилось. Но им очень хотелось властвовать, даже тогда, когда в их владении остался только замок и две деревни. Олава была очень красива, и её клан решил выдать её замуж и, тем самым, добиться того, чего они не смогли получить при помощи оружия. Так они представили её ко двору как скромную служанку. Король давно уже был вдовцом. Конечно, у него были женщины, но всё больше мимолётные увлечения. И все они довольствовались малым и не стремились к большему. Олава в начале тоже казалась такой же. Говорят, что перед тем, как прийти ко двору, она посетила одну очень мудрую женщину и... В общем, так всегда говорят о женщине, внезапно поднявшейся из низов благодаря благородному мужчине. Время шло, и сначала она была женой левой руки и малого закона, а потом стала Королевой, хотя по закону ей не разрешалось прикасаться к Короне, несмотря на все её козни и мольбы. Она одурманила прадеда, но в его жилах текла королевская кровь, а дело в том, что, хотя некоторые и думают, что это тоже легенда, Короны сами выбирают своих владельцев. А выбрав, не покидают королеву или короля до конца жизни. Такую защиту придумали хранители. Хотя иногда это означало смерть для будущего владельца Короны; его убивали с целью получить права на неё.

Итак, Олава поджидала, когда смерть придёт за Королём, надеясь, что раньше, чем придёт время его сыну выбирать Корону, ей завладеет её человек. И это был её сын, хотя Король никогда не позволял ему пить из королевской чаши, что означало бы признать его перед всем двором настоящим королевским сыном. Когда Король умер, послали за Короной для совершения выбора. Несмотря на то, что Олава пыталась помешать моему деду встать перед Короной, церемония совершения выбора прошла как следует, и его провозгласили Королём. Но новый Король был всего лишь ребёнком, а при дворе были люди, покровительствующие Олаве. Они и подтвердили, что старый Король назвал её регентом, а двор - коллективным советом при ней.

Довольно обычная история, такое случалось и раньше. Но в этот раз, когда мой дед стал совершеннолетним и пришла пора ему надеть Корону и взять всю власть, Корона, принесённая на церемонию, сразу исчезла. Олава сделала то, что

раньше никто не смел сделать. Она забрала Корону, пытаясь тем самым повредить моему деду. И сила Короны уничтожила её. Так она поступает с каждым, кто прикасается к ней, не имея на то права. Но перед смертью её посетил мой дед. Олава смеялась и сказала, что Корона теперь находится в пристанище Оха, и её уже не найти. Её люди будут охранять вход туда, и только когда Корона признает одного из них, она появится снова. С тех пор в Ревении молчат о нашей потере. Тайна была сохранена, потому что пока ещё не требовалось приветствовать нового Короля. Мой отец погиб во время охоты в этих горах, он искал пристанище Оха. Двое братьев отца также умерли молодыми. Третий брат исчез. Но теперь Король Никлас уже очень стар, и найти Корону - моя задача. Ведь, если я не предстану перед Ревенией в Ледяной Короне, когда смерть призовёт моего деда, наш род угаснет. А Ревения будет завоёвана Лейкстаном или Вордейном, где правят истинные обладатели Корон. Страна без Короны - это страна без имени, несуществующая страна. Так повелели Хранители.

- Случалось ли когда-нибудь, чтобы страна теряла Корону? - спосила Роун.

Принцесса вздрогнула.

- Однажды, в Аротнере. Это была Перламутровая Корона, ведь Аротнер - на море. Эта Корона была уничтожена цунами. Последствия были ужасны: весь народ сошёл с ума; люди бросались на своих правителей, друг на друга. Все пограничные страны подняли свои армии для защиты своих рубежей. С тех пор там - проклятое место, никто не ходит туда: боятся, что и на них может найти умопомрачение. Когда-то процветавшая держава, с могущественной столицей в городе Арте, теперь - пустыня, и если кто и живёт там, то это не люди. Но по крайней мере, можно сказать, что Ледяная Корона не разрушена, иначе та же судьба постигла бы Ревению. Поэтому мы ещё надеемся. Но найти её нужно!

- Может ли быть так, что существует ещё кто-то, кто знает тайну и не хочет, чтобы Корону нашли?

- Да, - Принцесса сжала губы, - я догадываюсь и, по-моему, я права, хотя у меня нет никаких доказательств, что это дело рук Реддика. Но я никогда не думала, что он дойдёт до того, чтобы похитить меня из Хитерхау. Роун, тебе не кажется, что здесь теплее?

Людорика замедлила шаг и прикоснулась к стене.

«Она права, холод пещеры исчез. Как будто нежно светит солнце.» - Стены излучали тепло, чувствовалась лёгкая ви-

брация. Роун почувствовала радостное возбуждение. Неужели установка Предтечей всё ещё функционирует? Такое бывало на других планетах - на Лимбо, Арзоре. Если это возможно, то это будет огромной находкой. И в таком случае исследователям простят всё, что угодно, даже если они обнаружат себя. Вот решение проблемы!

- Что это? - Людорика наблюдала за радостью Роун.

- Я не знаю пока. - Роун быстро повернулась и спросила: - Кто этот Реддик, и почему он хочет завладеть Короной?

- Хотя Король и не признал сына Олавы, но он дал ему титул и в пожизненное владение Хитерхау. Это право обновляется с каждым поколением. Реддик - его внук. Он может знать тайну Пристанища Оха. Если только я найду Корону, у Графа Реддика не останется шансов. Он не может до неё дотронуться, пока жив Король, пока жива я...

- Пока вы живы, - многозначительно повторила Роун.

- Ты думаешь... Конечно! Вот почему он хочет убить двух зайцев: помешать моим поискам или проследить за мной, если я найду Корону. Что тоже означает... - теперь лицо Принцессы выражало решительность и гнев.

- Роун, я не видела Короля Никласа пять дней. Именно он приказал мне поспешить с поисками Короны, раскрыл мне все карты, показал все места, где искали мой отец и его братья. Возможно, Король очень болен и Реддик знает это. Если бы Король был в полном здравии, Реддик никогда не посмел бы выкрасть меня из Хитерхау.

- У тебя есть верные друзья, надёжные помошники?

- Никто из них не знает о тайне Короны. Но если я найду её, доберусь до Яттона и пересеку границу Лейкстана, там я смогу собрать двор. Моя мать была Принцессой Лейкстана, и она умерла при моём рождении, и хотя тамошний правитель - всего лишь дальний родственник, но я ведь - член королевской семьи, а владельцу Короны все обязаны помочь.

Она направила фонарь в глубь темноты.

- Пойдём! Если она здесь, я должна найти её как можно скорее. Принцесса побежала. Вдруг стена справа изменилась - Роун остановилась как вкопанная. Прозрачная стена; внутри - установка! Ряды машин, мигающие разноцветные лампочки. Роун прижалась лицом к стеклу, пытаясь получше разглядеть, что там внутри. Но свет то и дело мигал, поэтому полной картины она так и не увидела. Зелёный, синий, красный, оранжевый свет, многообразие цветов и комбинаций.

- Пойдём! - Принцесса рвалась вперёд и не обращала внимание на то, как заворожённо смотрит Роун.

- Вспышки света! Это установка. Но что...

- Какой свет? - Принцесса потянула её за руку. - Чего ты стоишь у обычной стены и говоришь о каких-то вспышках? Ты что, не в себе?

Она отпустила Роун и отшатнулась.

- Тогда что же ты видишь там? - спросила Роун.

- Стену, такую же, как та и вон та, и все другие. Ничего, кроме стены. - Роун была потрясена. Но она-то видела странную установку за прозрачной панелью! Она не могла ошибаться и всё это себе вообразить! Может быть только одна причина, по которой Принцесса не видела установку - влияние. А это означало, что их находка принадлежала не Предтечам, а, скорее, Психократам, определившим судьбу Клио. Конечно, такое открытие было не настолько важным, как настоящая установка Предтеч, но, с другой стороны, она могла заинтересовать специалистов по закрытым мирам. Ведь Служба так мало знает о технике оказания влияния. В конце концов, защищая Принцессу, Роун могла поторговаться.

- Это всего лишь голая стена! - заявила Принцесса, отдаляясь от Роун. Теперь она смотрела на инопланетянку, как будто ожидала от неё какой-нибудь опасной выходки.

- Игра света, - неуверенно произнесла Роун. Но ведь она знала, что если Принцесса находится под влиянием, сама мысль об установке покажется ей дикой.

- Игра света? - с сомнением повторила Принцесса. - Да, вероятно Олава установила охрану против ищущих Корону. Я слышала об этом, но такие штучки действуют не на всех.

Теперь Принцесса с жалостью смотрела на инопланетянку.

- Разреши, я поведу тебя, - и она протянула руку, - меня не так-то легко заколдовать. Никто из королевской семьи не поддаётся чарам.

«Вот пример того, как слепой ведёт зрячего,» - с иронией подумала Роун. - «Что ж, если Принцесса приняла такое объяснение - хорошо.»

Скоро характер тоннеля изменился: широкий проход с гладкими стенами уступил место узкому коридору между необработанными камнями.

Принцесса замедлила шаг и остановилась в изумлении.

- Почему он так изменился? - спосила она, как будто задавая вопрос самой себе.

- Ты всё ещё уверена, что это Пристанище Оха?

- А что же ещё? Зачем же было прорубать такой коридор в горе? Но...

- Подожди! - Роун подняла левую руку. - Здесь сквозняк. Быть может здесь есть другой выход.

Идти было трудно. Скалы почти смыкались, и девушки еле пробирались вперёд. Роун уже не представляла, как далеко они могут быть от входа.

А что если дядя Оффлас и Сандар расчистили завал и не нашли её? Выйдя в более широкое место, Роун заговорила:

- Не знаю как ты, а я очень проголодалась.

- Не говори о еде! - отрезала Людорика. - Если у человека ничего нет, то лучше об этом и не говорить. Давай-ка лучше выбираться.

- Но у меня есть некоторая повизия, - парировала Роун. Теперь уже не имело смысла скрывать такие вещи, как тюбики с Е-рационом. Принцесса уже знала о многом, а Роун страшно проголодалась.

- Где? У тебя нет накакой сумки, - Принцесса навела на неё фонарь. Оставалось всего два тюбика, а когда их спасут, было непонятно, поэтому лучше всего было разделить один тюбик пополам. Принцесса с удивлением уставилась на тюбик:

- У вас что, такая пища? Но здесь же мало. Никто из нас не сможет утолить голод даже на четверть.

- Это особая еда, специально для путешественников, - объяснила Роун. - Совсем немного, например половина тюбика, равняется целому обеду. По вкусу эта паста не похожа на настоящую еду, но она очень сытная и придаст нам сил. Если ты не веришь, я съем свою половину первой.

Она отмерила половину тюбика и выжала содержимое в рот. Её спутница наблюдала за ней с огромным интересом. В свою очередь и Людорика выжала пасту из тюбика. Попробовав, она слегка поморщилась:

- У этой массы есть какой-то привкус. Честно говоря, не думаю, чтобы я смогла это есть каждый раз. Но когда ты голодна, выбирать не приходится, подойдёт любая еда.

И она передала пустой тюбик Роун. По выработанной годами привычке инопланетянка свернула тюбик в комок и подсунула под камень. Принцесса направила фонарь вверх, как свечу. Отраженный свет рассеялся по пещере и осветил нечто лежащее на земле. Ее передёрнуло: когда-то это был человек. Кости лежали под огромным упавшим камнем. Принцесса вскрикнула, увидев раздавленные останки. Роун

наклонилась и подняла металлический браслет, украшенный драгоценными камнями. Это была чудная работа: камни образовывали узор из цветов и листьев.

В ту же минуту Принцесса выхватила браслет:

- Браслет Олавы! Это Пристанище Оха! А Корона, Корона!

Она оглянулась, осматривая стены пещеры. Бывшее отверстие в стене было закрыто упавшими канями.

Глава 5

- Если Корона ещё с ней, - сказала Роун, - то она спрятана под этой упавшей глыбой.

- Но её можно убрать, - Людорика наклонилась, - ты сказала, что к нам придут на помощь и освободят. Они помогут нам найти Корону! Дайте мне только дотронуться до неё, и Ревении больше нечего бояться, ведь пока я жива, никто больше не потребует её.

- Пока ты жива. А что если ты найдёшь Корону, а тебя найдут твои враги? Как долго ты ещё проживёшь?

Принцесса оглянулась, глаза её были огромны и полны ужаса.

- Но никто из простых смертных не посмеет поднять руку на обладателя Короны. Нас защищают Хранители. Нас можно убить только до коронации.

- Но сейчас Корона принадлежит твоему деду, ведь так? Пока он жив, тебе угрожает опасность.

- Это правда. Но я боюсь, что смерть скоро призовёт к себе деда, иначе Реддик не выступил бы против меня так открыто. Корона будет знать об этом. Все Короны обладают множеством волшебных свойств. Они - сердца стран, в них - жизнь народов. Это ясно на примере Аротнера. Нет, когда придут твои люди, они должны будут обязательно убрать эту глыбу. Корона всё ещё существует и я должна её найти!

От Принцессы исходило неведомое влияние, иногда Роун казалось, что она не может противостоять ему. Вот и сейчас она почти уже согласилась. Однако другая её часть сопротивлялась и призывала идти навстречу спасателям. Она не сомневалась, что дядя Оффлас придёт, но когда? Особенно если он встретится с теми людьми в лесу.

- Ты можешь дать о себе знать, постучи по этому уродливому браслету, - предложила Принцесса, но тут же отвлеклась, - я не знаю, кто ты по-настоящему, но я могу поклясться, что ты не из Ревении и не из какого-нибудь другого

королевства. Если бы ты не вызволила меня из той башни, я бы не...

Она опять замолчала.

- Но я - здесь, а не в лапах Реддика, у меня есть повод доверять тебе. Передай тем, кто придёт нас спасать, пускай они моим именем поднимут гарнизон в Яттоне. Там есть полковник Имфри. Если они скажут, что они от меня, он придёт. Скажи своим людям...

- Нет, - Роун покачала головой, - они не поедут ни в Яттон, ни в какое-нибудь другое место, какое бы сообщение я им ни передала.

Возможно, зря она ответила так однозначно. Ведь это может вызвать подозрение Людорики. Но Принцесса должна точно знать, что от людей из лагеря нечего ждать помощи в решении её сложных проблем власти.

- Мои люди поклялись страшными клятвами, - она попыталась всё объяснить доступным Принцессе языком, - не вмешиваться в дела других. Я уже нарушила клятву, спасая тебя. За это мне придётся поплатиться. Но люди из лагеря останутся глухи к твоим мольбам.

Они проходили стену, за которой Роун увидела установку. Теперь она решительно боролась с искушением взглянуть туда ещё раз. Вдруг табло кома вспыхнуло. Роун сразу же узнала код. Это Сандар! Но где же дядя Оффлас? И пришла одна лишь команда поднять повыше маяк, чтобы ему легче было ориентироваться.

-Они уже здесь!

Роун бросилась бежать, не заботясь о том, следует ли за ней Принцесса или нет.

У завала Роун остановилась и подала Принцессе знак не приближаться: не известно, чем они там воспользуются, чтобы откупорить вход. Принцесса не протестовала, после того, как Роун уверила её, что помощи не будет. Но её лицо светилось такой уверенностью, что Роун было неловко. Возможно, стоило бы ей рассказать всю правду: Людорике не только не стоит ждать помощи, но те, кто придёт, могут захватить её в новый плен, и тогда Корона будет потеряна для неё навсегда. Роун уже почти было собралась всё рассказать, как с завала посыпалась земля и камни, и огромная глыба, преграждавшая завал, исчезла. У Роун захватило дух. Они пользуются этими приборами! Тогда они действительно готовы к самым решительным действиям. Она бросила взгляд на Принцессу. Интересно, какое впечатление произвело на неё исчезновение куска скалы?

Но Роун не увидела и тени удивления на лице Людорики, всё та же непоколебимая уверенность.

В пещеру ворвался влажный ветер. Появился Сандар. Он был один, и у него в руке... Роун только собралась предупредить, предотвратить, но он уже нажал кнопку станнера. Принцесса рухнула на каменный пол. Первый раз в жизни Роун набросилась на своего двоюродного брата.

- Зачем ты это сделал? Ты даже не знал...

- Ты сама знаешь правила. Я увидел чужака, - грубо прервал её Сандар. А теперь он смотрел на свой детектор, как будто Людорика была не больше, чем камнем, который ему мешал и который был уничтожен. Тут выражение его лица изменилось.

- Ты права, здесь действительно что-то есть.

Роун склонилась над Принцессой. Конечно, Людорика проснётся, но здесь ей оставаться нельзя. Дует такой холодный ветер. Роун не знала, какие бывают заболевания на Клио, но была уверена, что от холода Принцесса простудится.

- Оставь её! С ней всё будет в порядке.

Сандар подошёл.

- Что там внутри?

- Установка. Ты увидишь её через стекло там, дальше.

Роун даже не пошевелилась, чтобы проводить его туда. А он её и не ждал, а включил фонарь и направил его в указанном направлении, оставляя Роун заниматься Принцессой.

Дядя Оффлас и Сандар будут единодушно возражать против любых планов помощи Принцессе. Роун знала об этом. Но теперь она решила, что не смотря ни на какие возражения с их стороны, Принцесса будет обеспечена кровом и заботой.

Роун всё ещё прижимала к себе бесчувственную Принцессу, пытаясь согреть её своим телом и защитить её от сквозняка.

Вернулся Сандар.

- Я не знаю, что это. Это может принадлежать Предтечам, но никак не современной Клио, - доложил он.

- Может это установка Психократов для оказания влияния на местных жителей?

Сандар пожал плечами:

- Кто знает, надо взглянуть поближе, что там внутри. Сейчас в лесу рыщут люди. Отцу пришлось расставить дисторты даже здесь. Кого они ищут, её? Если да, то сделай ей промывание мозгов и брось там, где они смогут её подобрать.

- Нет.

- Что, нет?

Он уставился на Роун, как будто у неё выросли рога или будто она на глазах стала фиолетовой.

- Никакого промывания мозгов. Я её не брошу. Это Принцесса Людорика.

- Мне наплевать, будь она хоть сама Звёздная Королева из Раганорка! Ты прекрасно знаешь правила, не хуже меня. Ты нарушила их уже тем, что притащила её с собой. Что ты ещё натворила?

Он вытащил станнер. Роун похолодела. Она быстро выхватила инструмент, недавно использованный для разрезания цепи.

- Только попробуй сделать промывание, Сандар! Я выжгу станнер из твоих рук. Брось его сейчас же! Я говорю совершенно серьёзно.

Сандар смотрел на неё с ещё большим изумлением. И, наверное, прочёл в её глазах непреодолимую решимость.

- Ты знаешь, что ты сейчас делаешь?

Его голос был холоден, в руке всё ещё находился станнер, но (что Роун с радостью отметила) он уже держал палец дальше от спусковой кнопки.

- Знаю. Бросай его сюда.

Её рука не дрогнет. Хотя запас энергии в инструменте подходил к концу, заряда хватит, чтобы обжечь руку Сандару.

Этот плен, постоянное чувство неполноценности и беспомощности, к которому приговорили её Кейлы - отец и сын, сейчас были для неё как ошейник и цепь для Принцессы.

Это неосознанное желание вырваться на свободу, зародившееся ещё в Школе, стало проявляться здесь, на Клио.

Конечно, если она знает и умеет меньше чем дядя и Сандар, она должна подчиняться им, но она тоже человек, а не запрограммированный ими робот. Конечно, эти мысли пришли к ней не вдруг, но сейчас она готова была дать Сандару настоящий отпор.

Лёгкость, с которой он решил проблему с Принцессой, подействовала как удар кнута; вместо того, чтобы загнать её обратно в рабство, породил сопотивление.

Сандар никогда ничего с ней не обсуждал. Он только отдавал приказы, а она их покорно выполняла. Так они загнали её в кокон полного подчинения, но в коконе развивается личинка, и однажды она вырвется на свободу.

Сандар отбросил станнер. Роун потянулась за оружием, не отводя инструмента от Сандара.

- Преследователи - поблизости?

- Пока нас защищают дисторты, они будут держаться подальше, сами того не понимая. Ты должна это знать. Но это - не надолго. Нам надо спешить.

- Хорошо, - Роун убрала режущий инструмент обратно за пояс, оставив станнер.

- А теперь мы пойдём. Ты понесёшь её.

- Ни к чему хорошему это не приведёт, - ответил Сандар. - Ты же знаешь, что отец может распоряжаться. Его слово будет последним, как и это твоё путешествие с нами. Надеюсь, ты это понимаешь.

- «Когда у меня будет время, я обдумаю своё будущее», - решила Роун. Сейчас были вещи поважнее: отнести Принцессу в тепло и защитить её от врагов.

- Ты понесёшь её, - повторила Роун.

У Роун кружилась голова от того, что она приказывает Сандару. Но, несмотря на это, ей хватило благоразумия, чтобы, покидая пещеру, замаскировать вход. Ведь то, что она обнаружила, оставалось единственным её козырем. Хотя путь охраняли дисторты, Сандар шёл быстрым шагом; он не собирался рисковать. Роун прикрывала сзади. Так они добрались до лагеря. Дяди Оффласа не было, и Роун приказала Сандару отнести Принцессу в её личный отсек. Она сняла с неё мокрые грязные лохмотья и завернула её в тёплый спальный мешок. Тут-то её и застал глава их экспедиции.

Войдя в отсек, он сразу же посмотрел на Принцессу. По его лицу ничего нельзя было прочесть.

- Кто это?

- Принцесса Людорика, наследница Ревении.

- Что произошло?

Роун заметила, что он держал наготове записывающее устройство - рекодер. Её будут обвинять с её же собственных слов. Но как ещё она могла поступить? Предложение Сандара казалось ей просто диким.

Чётким, бесстрастным голосом, как учили, Роун начала рассказ: шторм, заброшенная башня, побег, пещера и то, что она там обнаружила, рассказ Принцессы о Ледяной Короне и всё остальное.

Дядя Оффлас молча слушал, а Сандар время от времени ёрзал, как будто порывался вставить едкое замечание.

Завершив свой рассказ, Роун ждала, что разразится буря, зная, что слова бывают пострашнее молнии.

- Что касается девушки, - произнёс дядя, - мы сможем о ней позаботиться, пока это необходимо. Но твоя находка, ты видел её, Сандар?

- Да, через стекло. Вряд ли она принадлежит Предтечам, скорее Психократам. Она как-то связана с экспериментами на Клио?

- В любом случае это важно. Мы можем доложить, впрочем как и об этом. - Он взглянул на Принцессу, как будто она была не человеком, а каким-то предметом, от которого надо избавиться.

- Однако, у нас есть ещё два дня, пока ком настроится на нужную волну, а к тому времени у нас будет больше информации.

- А что делать с охотниками? - спросил его сын. - Они продолжают искать её, а мы не можем позволить себе держать столько дистортов. Если мы поступим, как предлагал я, промоем ей мозги, а потом подбросим куда-нибудь, где они смогут подобрать...

На этот раз Роун понимала, что ей не стоит спешить с категоричным «нет». Теперь ей нечем было защищаться. Её самоуверенность понемногу исчезала. Иногда, разгневанная, она могла противостоять Сандару, но пойти против дяди Оффласа было невозможно.

- Сейчас они ищут на севере. А я хочу побольше узнать об этой Короне, которая якобы спрятана там. Если мы сотрём её память, мы никогда больше ничего не узнаем. Мы ещё не умеем стирать выборочно. Это дело подождёт. А сейчас я хочу взглянуть на установку.

- А ты, - он обратился к Роун, - должна понимать, что ты наделала. Ты не наивная идиотка. Ты - просто идиотка. Вот и подумай над своим поведением. Подумай о будущем, которое пошло коту под хвост.

Роун ожидала гораздо худшего. Однако минуту спустя, когда мужчины ушли, она поняла: думы о неизвестном будущем - вот оно наказание. Скорее всего они приговорят её к пожизненному пребыванию на какой-нибудь планете, где ей будет запрещено применять все полученные ей знания и навыки. Служба может потребовать промыть мозги и ей. Роун передёрнулась и закрыла лицо руками, как будто пытаясь спрятаться от страшной перспективы.

Зачем же она всё это сделала? Теперь она была уверена, что могла бы просто отсидеться в башне, может даже забраться в эту нишу наверху, не вступая в переговоры с Принцессой. Роун прекрасно владела техникой исчезновений. Что же заставило её пренебречь благоразумием?

Опять же, она могла оставить Принцессу, когда они выбрались из башни. И то она могла сделать, и это...

Её находка не послужит оправданием. Дядя Оффлас заявит, что всё это лишь случайность. Новой информацией будет лишь то, что Людорика не смогла увидеть установку и всё, что Принцесса рассказала о Ледяной Короне.

Здесь у них не было аппаратуры для извлечения информации из мозга человека против его воли, так что с ней будут торговаться. Но для этого она должна прийти в сознание. Интересно, когда это будет? Что они сказали обо мне? Роун вздрогнула. Принцесса должна была спать, но она уже проснулась и смотрела на Роун.

Инопланетянка понятия не имела, как произошло это чудо. Она никогда раньше не видела, чтобы человек так быстро оправился от действия станнера. Но она должна воспользоваться этим, предупредить Принцессу, пока к ним не вернулись мужчины.

- Слушай, - хотя в отсеке никого не было, и Роун знала, что рекодер выключен, она говорила шёпотом, - они хотят забрать твою память, чтобы ты не помнила нас. А потом - отдадут тебя твоим преследователям.

Роун ожидала, что Принцесса ей не поверит, но та без малейшего удивления спросила:

- А ты веришь, что они могут это сделать - забрать мою память?

- Я видела это много раз.

- Я верю тебе. Но можно ли такое сделать с обладателем Короны? - Людорика нахмурилась. - Если бы только я могла добраться до Короны... Я должна найти её!

Но у Роун был готов свой вопрос:

- Как давно ты проснулась? Мне это очень важно.

- Что, полезная память, да? Хорошо. Вот что я чётко помню. Молодой человек, одетый как ты. Почему у вас так, Роун? Почему мужчины и женщины носят одно и то же? У нас даже крестьянки носят красивые яркие юбки и сочтут вашу одежду уродливой... Ах, да, молодой человек. Потом всё как в тумане. Потом я лежала здесь, а ты снимала с меня эти ужасные лохмотья, а потом пришли эти двое. Я решила не выдавать себя. Значит, они хотят забрать мою память и выдать меня тем, кто хотел бы видеть меня мёртвой. Зачем им это, я ведь ничего плохого им не сделала?

- Ты не должна знать, что мы здесь.

- И что за пакость они задумали, если боятся, что их увидят?

В голосе Принцессы появились резкие нотки: - Это Корона! Они ищут Корону! Но я тебе сказала правду: для простого

смертного прикоснуться к Короне означает бессмысленную смерть. Кто из наших соседей послал вас уничтожить Ревению? И неужели вы настолько преданы, что готовы погибнуть ради своего дела?

Всё было бесполезно. Не рассказав всей правды, объяснять было бестолку. Но Людорика находилась под влиянием, сможет ли её мозг воспринять рассказ Роун, не произойдёт ли тоже самое, что и с невидимой установкой?

- Мы прибыли сюда, чтобы искать Сокровище, но я клянусь тебе всем, что тебе дорого, что это не ваша Корона. Пока ты не рассказала мне о ней, я о её существовании и не подозревала. Да и сейчас она для меня не представляет интереса. То, что мы ищем, не относится к вашему времени. Ну, я не знаю, как тебе это лучше объяснить. До того, как Ревения была страной, в такие далёкие времена, что невозможно и подсчитать, тогда здесь были другие люди. Возможно они были не похожи на нас внешне, но они исчезли до того, как зародилась наша форма жизни. Кое-где они оставили о себе напоминание, спрятали свои вещи. И по ним наши мудрецы хотят как можно больше узнать об их владельцах. Ведь они знали больше, чем мы, они могли делать такое, что нам кажется невозможным. И каждая такая находка пополняет наши знания и приближает тот день, когда мы узнаем все их секреты. Мой дядя и мой двоюродный брат, тот молодой человек, которого ты видела, они оба хорошо разбираются в сокровищах. А меня учили помогать им, ведь я из их семьи и поэтому должна хранить их секреты.

Роун изо всех сил старалась облечь рассказ в понятную Людорике форму.

- Обнаружив себя, я нарушила очень важный закон, и мне придётся за это отвечать. Но ты не виновата...

- То есть ты считаешь, что они не должны забирать у меня память?

- Да, и всё же...

- И всё же ты должна соблюдать закон, это я понимаю, - перебила её Принцесса. - Но, Роун, я не могу отдать им свою память и сдаться Реддику. Я также не могу потерять Корону, когда я так близко от неё. Я разговариваю с тобой, как с достойным противником.

- Я не хочу быть противником. Но мой дядя, мой брат...

- Да, а что будет с тобой, Роун? Неужели они возьмут и твою память в наказание за то, что ты помогла мне?

- Они могут. Или же отправят меня куда-нибудь, где я должна буду находиться до конца жизни.

- В тюрьму? И ты позволишь им сделать это?

- Ты не понимаешь. Они обладают такой силой и властью, которую ты даже не можешь себе представить. За ними стоят другие, ещё более сильные. В конце концов, они поступят со мной как захотят.

Принцесса села на кровать:

- Я тебя не понимаю. Ты - сильная, умная. Ты доказала это. И тем не менее ты позволишь им захватить себя. Ты же сидишь здесь и ждёшь, когда они придут за тобой!

- Но тебе этого не понять.

Роун подумала о тех способах, которыми они воспользуются, чтобы поймать её. Дядя Оффлас, быть может, обратится за помощью в Службу. Принцесса находилась под влиянием, но теперь Роун видела, что и она сама была под какого-то рода влиянием, от которого она не могла освободиться без посторонней помощи.

- Если хочешь, оставайся, - сказала Людорика, - но я не позволю им распоряжаться своими мозгами.

- Куда ты пойдёшь?

- В Яттон, если только удастся избежать сетей Реддика. Он упрям, и просто так меня не отпустит. А ты, чего же ты, останешься ждать, пока тебя заберут в тюрьму? - В её словах звучало презрение.

Но Людорика не могла знать: бежать было бесполезно.

Если бы Роун удалось уговорить Принцессу заключить сделку с дядей Оффласом. Только время для сделки уже прошло. Роун покачала головой и медленно встала.

Если она поможет добраться Принцессе до Яттона, то по крайней мере защитит её от людей Реддика. Если Принцесса будет жива и здорова, останется небольшая надежда на сделку.

- Если ты поможешь мне, я думаю, что ни об очистке памяти, ни о тюрьме речи уже не будет ни для кого из нас!

Глава 6

Сначала - еда. Роун подошла к контейнеру, содержащему самые питательные продукты. А кроме того - одежда. Лохмотья Людорики никуда не годятся. Роун могла дать ей ещё один комбинезон. Правда, его странная модель и ткань станут ещё одной загадкой для Принцессы, но выбирать не приходилось. Пока Роун искала одежду и обувь, разные мысли беспорядочно роились у неё в голове. Она всё ещё не могла понять, как это она ввязалась в эту историю. Ведь ей

нужно было только укрыться от шторма, и больше ничего. Как будто одна встреча с Принцессой перевернула всю систему её ценностей, изменила всё, чему её учили.

Вздохнув, она вручила комбинезон Людорике, пробовавшей содержимое контейнера.

- А это вкусно, - похвалила Принцесса, - гораздо лучше чем то, что ты брала с собой в пещеру. Как вам удаётся подогревать это? Я видела, ты достала их не из печки.

- Это ещё одно из наших приспособлений, - устало ответила Роун. Она очень устала и хотела только лечь в тёплый спальный мешок и заснуть. Но вместо этого она проглотила две подкрепляющие таблетки, которые помогут ей преодалеть усталость.

Принцесса ощупывала комбинезон. Они были почти одного роста с Роун. Роун показала Принцессе, как открывать внутреннюю застёжку, проведя по ней пальцем. Принцесса вскрикнула от восторга и удивления.

- Как же просто вам одеваться! Но всё же пряжки и кружева красивее, - она оглядела свою фигуру в этом чужом платье. - Не думаю, что я хотела бы так одеваться. Подожди, Роун, вот доберёмся до Яттона, тогда я тоже кое-что тебе подарю. - Она критически оглядела Роун. - Тебе пойдёт наш наряд. Но жаль твои волосы. Что ж, со временем они отрастут. А я знаю! Ты будешь носить Шарнскую шляпку. Тёмно-жёлтое платье и шляпка.

Роун засмеялась. Казалось, что из реального мира она попала в фантастический. Неужели это правда - она Роун Хьюм, сидит в лагере Службы и слушает, как Принцесса Ревении описывает модное, по меркам Клио, платье, предназначенное для Роун. Возможно к этому и надо относиться как к видению и плыть по течению, а не против. Но вдруг на мгновение она захотела, чтобы всё это было правдой, чтобы хоть раз она могла выглядеть так, как представлялось Принцессе.

- Погоди, мы ещё не пришли в Яттон, если вообще когда-нибудь до него доберёмся, - заметила она. Роун приняла все предосторожности, чтобы её не нашли. Отстегнув свой пояс, она изучила его содержимое: фонарь с новыми батареями, ни в коем случае не детектор, не наручный ком, они соединяются с лагерем. Аптечка с медикаментами и...

- Здесь-то ты сможешь освободить меня от этого?

Роун взглянула на ошейник.

- Подойли поближе к свету, я посмотрю.

Принцесса наклонилась к Роун, и та разглядела в ошейнике небольшую замочную скважину.

Инопланетянка принесла инструменты. Она попыталась поковырять острым кончиком в замке, и наконец ошейник щёлкнул и раскрылся.

- Ах, - Людорика отбросила железку и растирала красные пятна на шее. Роун потянулась за аптечкой, достала какую-то мазь и наложила на стёртую кожу.

- Ах, - опять вздохнула Принцесса. - Уже не так больно. Здесь у вас одни чудеса. Теперь, когда я отведала вашей пищи, оделась в ваш наряд, лечилась вашей мазью из трав, я чувствую в себе силы сразиться с Реддиком и победить его.

Роун продолжала сборы. Конечно не огнемёт, только станнер. Во-первых, он сразу сломается, если попадёт в руки тому, кто не знает как им пользоваться. Офицерам Службы нужно было какое-то оружие для защиты на чужих планетах. И вот наконец-то они изобрели станнер; убить им нельзя, но, если он работал на полную мощность, он мог вызвать повреждение мозга. Это и предлагал сделать Сандар.

Роун снова собрала свой пояс: фонарь, станнер, аптечка, еда - но ничего, что могло бы связывать её с лагерем или лагерь с ней.

Принцесса подобрала ошейник с цепью.

- Зачем это тебе?

- Как зачем? Его на меня надевали - я его покажу и расскажу, что со мной произошло. И тогда Реддику не поздоровится. В Ревении с женщинами так не обращаются, тем более с королевскими особами. Не знаю, насколько Реддик уже продвинулся на своём пути к трону, но то, что он приказал посадить Принцессу крови на цепь, как животное - страшное преступление. Возможно, его люди и не знают, что делают, тогда я раскрою им глаза, - и она потрясла ошейником. - Только бы мне добраться к Нелису.

Роун в последний раз посмотрела на лагерь. Он ничем не отличался от тех лагерей, которые ей приходилось видеть прежде. Однако она чувствовала, что стоит ей сейчас уйти, и всё будет по-другому. Лагерь уже казался ей немного чужим, было ощущение, что возврата нет.

По крайней мере, перестал этот бесконечный дождь. Яттон был где-то на севере. Это было всё, что Людорика смогла сообщить Роун. Принцесса привыкла путешествовать по хорошим дорогам, а не по тропинкам диких зверей. Она также не представляла, как далеко они могут находиться от своей цели.

- Отправить туда Нелиса три месяца назад было ещё одной уловкой Реддика, - рассуждала Принцесса. - Я знаю, что он остаётся приверженцем верной линии.

- Ах, в этих ботинках гораздо лучше, чем босиком, хотя сейчас я бы не отказалась от единорога. - Они вышли из лагеря в полдень, хотя казалось, что глухой лес не покидала тьма. Хоть они и старались идти на север, но не избежали отклонений от своего курса, они шли по нехоженным местам.

- «Вряд ли нам удастся продвинуться далеко», - думала Роун. - «Хорошо, хоть не нарвались на преследователей».

К своему удивлению, Роун обнаружила, что Принцесса более наблюдательна, чем она. Очень часто она указывала на след зверя или птицы, которые Роун просто не замечала. Роун удивлялась, что вызывало у Принцессы довольную улыбку. Она рассказала, что в детстве Хитерхау было её любимым местом, и очень часто она бродила здесь с лесниками.

- Но это было еще тогда, когда Граф Реддик владел Триском. Ах, оставался бы он там! Его отправили в Триск в обмен на второго сына графа Зайтерского. Все надеялись, что там он женится. Но что там случилось, - она покачала головой, - даже я не знаю. Хотя Королю рассказывали. Затем он отправил Реддика на два года в Тальстед. А это такое место, где не каждый пожелает поселиться. Оттуда Реддик вернулся совсем другим. Мой дед надеялся, что он изменится к лучшему. Он не тешил себя надеждами на то, что кровь Олавы не даст о себе знать. Ну, в общем, Граф проявил себя как достойный претендент на право владения Хитерхау. Такое прекрасное место! Подождите, вот я доберусь до короны...

- А твой дед?

- Мы с ним кровные родственники, - медленно ответила Людорика. - Он уже старик, и для него я единственный шанс сохранить Королевский Дом. Он хотел принца, но пришлось довольствоваться мной. Со дня исчезновения дяди Вульфера я уже не принадлежала себе, я была инструментом в его руках. Мне будет плохо, когда он умрет. Ведь сам по себе он добрый человек, и всегда старался сделать как можно больше для Ревении. Но это не будет большой утратой. У меня нет настолько близкого человека, потерять которого было бы так больно, - она как будто констатировала давно известные факты.

- А с Короной ты станешь править Ревенией?

- О да! Тогда Реддик узнает, как зариться на чужое. У меня

уже готов план - Нелис со своими людьми проводит меня до Лейкстана, мы пересечем границу в каком-нибудь глухом месте, потом отправимся в Гостонхау, где проводит лето Высший Свет. Как родственница, я свяжусь с Королем Гасгаром, - она остановилась, как бы раздумывая.

- У него есть сыновья, двое из них еще не женаты. Один из них сможет быть подходящим супругом Королевы Ревении, по крайней мере такая женитьба уладит конфликты на границе. Итак, если удастся собрать верных людей, и я найду Корону, мы прибудем в Уркермарк. Если я вернусь с Короной и с мирным соглашением с приграничным государством, то никто не поддержит Реддика.

- В Гастонхау посол - Шиберт Релинг, в молодости они с отцом были как братья. Он всё для меня сделает, стоит мне только до него добраться.

- «Может Принцессе и кажется всё таким простым и ясным», - думала Роун, - «но, по-моему, в этом плане столько подводных камней!»

Хотя это уже не её забота. Она доставит Людорику в Яттон, если сможет. И то, что произойдет после, зависит от действий Принцессы, а Роун вернется в лагерь, что бы её там ни ожидало. В свою защиту она сможет сказать только то, что будущая Королева Ревении у неё в долгу, если Людорике вообще суждено когда-нибудь стать Королевой.

- А как ты заполучишь Корону?

- Теперь мы знаем, где она. При поддержке верных людей я смогу её найти. На Нелиса я могу рассчитывать, ему я верю как самой себе, а он подберет остальных.

Роун очень хотелось знать, действительно ли Принцесса была так уверена в себе. Но сейчас было не время для расспросов. Близилась ночь. Прибор ночного видения - она его забыла! Как же она могла! Эффект подкрепляющих таблеток также заканчивался. И несмотря на всё своё мужество, Принцесса была явно на грани своих сил. Пора было подумать о том, где провести ночь, отдохнуть и подкрепиться.

В конце концов, они укрылись под покровом ветвей двух упавших деревьев. Девушки сплели некое подобие гнезда. К тому времени, как они разделались с Е-рационами, уже совсем стемнело.

Принцесса, свернувшись калачиком, погрузилась в мертвый сон. Но кто-то должен быть на страже! Роун боролась с усталостью, а минуты тянулись так медленно!

Вдруг она ощутила резкую боль в плече - это Сандар ранил ее мечом. Он хочет заставить её подняться, идти, показать

ему Ледяную Корону. Если он дотронется до неё, он станет правителем. Вот он поднял меч и остриём указывает прямо на неё. Роун открыла глаза.

- Встать! - Прозвучала команда из темноты. Это не Сандар. Это люди Реддика! Сонная дымка рассеялась. Роун подняла руку, и тут же на запястье обрушился страшный удар.

- Руки держи на виду!

- Встать! - Его команды были отрывисты, он держал оружие, готовый воспользоваться им при первом удобном случае.

Так их захватили врасплох. Но Роун была ещё слишком измучена, чтобы разобраться, что к чему и как следует испугаться.

- Что ты делаешь, Сержант? - потребовала объяснения Принцесса.

- Выполняю свой долг. Вы находитесь на Королевской территории без разрешения. Вам придётся давать объяснения капитану.

- Правильно, Сержант, - отрезала Принцесса. - Но тебе надо бы быть повежливее или тебе придется отвечать перед капитаном, и обещаю тебе, что этот разговор будет не из приятных. Не смей к нам больше прикасаться!

Возможно, приказной тон подействовал, так как Сержант отошёл на два шага назад. Перед ними стояли три человека в униформе: сапоги, облегающие штаны и туники, поверх которых сияли металлические доспехи. У каждого справа на груди был выполнен сложный символ в бордовых и зеленых тонах. То же сочетание цветов повторялось и на высокой шляпе с перьями. У каждого в перевязи был меч, а ещё Роун заметила у них самое смертоносное оружие, какое только было на Клио: оно могло стрелять твердыми пулями.

- Вы из кавалерии Джонтара, - утвердительно произнесла Людорика. Сержант был в полном недоумении.

- Ваш Полковник - Нелис Имфри. Я хочу видеть его и как можно скорее.

- Вы встретитесь с капитаном. - Сержант уже пришёл в себя и вернулся к своей прежней манере.

- Вперёд!

Они пошли вперёд. По дороге их ждали четыре двурога и ещё один человек, державший поводья. Девушек усадили вместе с мужчинами в сёдла и они отправились в путь.

- «Да, пожалуй, здесь не так уж легко путешествовать», - размышляла Роун. Так они добрались до замка, башни которого напоминали ту, где начались приключения Роун.

Сержант первым въехал в ворота. К тому времени, когда прибыли остальные, их уже ждал какой-то офицер. Он носил те же отличительные цвета: бордовый с зеленым, только на его шляпе было ещё одно украшение из металла.

Он с любопытством разглядывал Роун, но когда увидел Принцессу, глаза его округлились от удивления. Он быстро подбежал к двурогу Принцессы и, протянув ей руку, помог спуститься на землю.

- Ваше Высочество! - и тут он набросился на Сержанта:

- Срочно - к Полковнику. Скажи ему, что мы нашли Принцессу! - Сержант искоса взглянул на девушек, вскочил в седло и ускакал. Роун также помогли спуститься.

- «Не очень-то они со мной церемонились, когда сажали на лошадь», - подумала она. Их проводили на второй этаж левой башни, в зале для них уже поставили стулья.

- Ваше Высочество, мы искали Вас. Когда сегодня ночью нам сообщили, что Вы исчезли из Хитерхау, Полковник выделил три отряда на ваши поиски, один из них он возглавил сам. Но как... - он во все глаза смотрел на Роун, на странные комбинезоны, ожидая объяснений. Спросить он не осмелился.

- Меня похитили из Хитерхау, - ответила Людорика, - прямо из постели. По воле Хранителей, и с помощью леди Роун Хьюм мне удалось избежать уготованной мне участи.

- А остальное - моя тайна. Но Вас я видела раньше. Вы сопровождали Полковника Имфри в Уркермарк по случаю дня рождения Его Величества. Вы - капитан Гурис Майкоп.

- Ваше Высочество, меня всего лишь раз представляли Вам, и Вы помните!

Принцесса улыбнулась. - Неужели я забуду того, кто служил мне верой и правдой?

Вдруг она наклонилась вперед и бросила на стол ошейник с остатками цепи.

- Вы видите это, капитан? Это память о моих приключениях. Этот ошейник надевали на меня, а цепью приковывали.

Капитан перевел взгляд с Принцессы на ошейник. Он даже решился потрогать его. Когда он поднял глаза, лицо его было мрачным.

- И кто это сделал, Ваше Высочество?

- Я не знаю - пока. Но без сомнения всё скоро прояснится. А сейчас я благодарна леди Роун за то, что я с Вами. - Принцесса склонилась в сторону инопланетянки.

Капитан уставился на неё, как-будто хотел навечно запечатлеть её образ в своей памяти.

- Какой сегодня день? Мы шли ночью и я не могу сосчитать.

- Сегодня четвертый день Лакаминды, Ваше Высочество.

- Я приехала в Хитерхау во второй день. Ничего не слышно из Уркермарка?

- Ничего, Ваше Высочество. По нашим расчетам, положение Короля не менялось.

Людорика вздохнула с облегчением. Но всё же она не полностью доверяла этим сведениям и потому спросила: - Граница Лейкстана находится в двух лигах отсюда? Мы в Вестергейте?

- Это так, Ваше Высочество.

- И что?.. - но то, что она спросила, потерялось в шуме, раздавшемся снизу. Секундой позже в комнату вбежал мужчина. Увидев Принцессу, он резко остановился. Он был молод и высок, но лицо его было суровым и мужественным.

По сравнению с правильными чертами Сандара, его лицо казалось грубоватым. Несмотря на это Роун поймала себя на том, что пристально разглядывает его. Почему-то ей хотелось получше запомнить его.

Волосы мужчины были цвета его туники - розовато-коричневые, брови - такие же черные как у Принцессы, одна бровь была немного приподнята, что придавало взгляду некоторую циничность.

То, как он смотрел на Принцессу, несколько смутило Роун, ей показалось, что она здесь лишняя. Подойдя к Людорике, он поцеловал протянутую ему руку и поклонился с удивительной грацией.

- С приездом, моя Принцесса!

- С приездом, родственник, - казалось, что Принцесса нарочно выделяет последнее слово. Возможно, между ними это был какой-то сигнал.

- Я слышала, что Вы искали меня.

- А Вы думали, что мы не будем? - Он говорил, растягивая слова, и улыбался, как будто приглашал её разделить с ним какую-то шутку.

- Но как всегда, моя Принцесса, Вы показали себя достойной дочерью Королей и обошлись без нас. Капитан, - обратился он, - мы бы все не отказались от стаканчика ласкера. Вы уже обедали, моя Принцесса?

- Обедали? - засмеялась она. - Мы ещё и не завтракали. Хотя мы ужинали - все по милости леди Роун.

- Роун, это мой родственник и хороший друг, Полковник Нелис Имфри, я рассказывала тебе о нём.

Полковник поклонился, возможно не так низко, как он кланялся Принцессе, но всё так же грациозно.

Роун не знала, что сказать в ответ на официальное приветствие. Пришлось использовать что-то свое.

- Это большая честь для меня, Полковник.

- Мне очень приятно, леди.

- Только благодаря ей я вырвалась на свободу, родственник. А сейчас капитан Майкоп говорит, что плохих новостей нет.

Сам капитан исчез.

- А Вы ожидали плохие новости? - спросил Полковник.

- Да, именно по причине нашего приключения. Нелис, он бы не осмелился так поступать, если бы не узнал, что Король скоро умрет.

- Но я уверен, что ничего невозможно поставить в вину вашему очаровательному кузену, - возразил Полковник.

- Конечно, нет. Но Нелис, есть ещё кое что, это секрет. Могу я говорить здесь?

- Да. Может быть, сначала принесут чего-нибудь освежающее. Что, это так срочно?

Но Принцесса не улыбалась ему в ответ.

- Возможно, Нелис, возможно.

Он нахмурился. Вошел капитан. За ним солдат с подносом, содержимое которого он выставлял на стол, в то время как Полковник разливал желтый напиток.

- Себе тоже, Нелис, и капитану Майкопу, - приказала Людорика.

- Я хочу предложить тост, - подняла бокал Принцесса, - за здоровье Короля!

Роун отхлебнула терпкую жидкость. Она почувствовала, что казалось бы в обычном тосте скрывается гораздо большее.

Действительно, Людорике было очень нужно здоровье деда, ведь ей ещё предстояло найти Корону.

Глава 7

Роун перевела взгляд с Принцессы на Полковника и обратно, думая, что может их связывать. Похоже, они совсем забыли об её существовании. Принцесса обращалась с ним как с родным, а он, похоже, установил непроходимый барьер формальности.

Людорика вкратце рассказала свою историю - о потере Короны, о предполагаемом месте её нахождения. Когда она закончила, Полковник молча посмотрел на Роун.

- А какова роль леди Роун, помимо того, что она оказала большую услугу Ревении, спасая Ваше Высочество?

Принцесса не отвечала, и Роун решила объясниться сама. Опять ей придётся сказать больше, чем хотелось бы. С каждой минутой она запутывалась всё больше и больше.

Роун поведала то же, что и Принцесса - о поисках остатков древней цивилизации, об их экспедиции. Но когда она закончила, Полковник не был удовлетворен услышанным.

- Леди, Вы не говорите, откуда Вы прибыли, Вы и Ваши исследователи.

Роун долго молчала.

- Полковник, неужели Вам никогда не давали приказа хранить тайну?

- Да, я Вас понимаю.

- Тогда знайте, что я должна молчать. Но я клянусь Вам, что те, кому я служу, не нанесут вреда Ревении. Вообще, перед тем, как прибыть сюда, мы поклялись не делать ничего, что могло бы дать знать о нас местным жителям, не вмешиваться в Ваши дела. В этом я ослушалась, и за это мне придется поплатиться.

- Они могут заставить её всё забыть или посадят в тюрьму. - Добавила Принцесса.

- Это она Вам сказала? - глаза Полковника были холодны.

- Да, - смело заявила Роун. Он не верил ей.

- Они могут сделать это, верите вы мне или нет! - сказала она, гордо подняв подбородок, как будто бросая вызов.

- А теперь, - обратилась она к Принцессе, - я обещала отвести тебя к друзьям. Я это сделала. Мне пора...

- Нет! - отрезал Полковник. А Людорика схватила Роун за запястье. - Хотите Вы этого или нет, - продолжил Полковник, - Вы выбрали свой путь, леди. И Вы продолжите его, пока Принцесса не будет в полной безопасности.

- Ваше Высочество, леди останется с Вами. Вам как раз нужен компаньон в пути через границу. И как раз такой, который не умеет раскрывать секреты, потому что боится выдать себя.

Роун покраснела. Это он издевается над ней, бросает ей вызов, чтобы проверить, действительно ли она та, за которую себя выдаёт? То, что она не предугадала такой простой конец, озадачило её. Весь этот странный образ мыслей, который она

переняла, встретившись с Людорикой. Как будто она тоже находилась под влиянием...

Влияние! А что если техники Службы ошибались, и вся эта защита просто ерунда? И может, хотя бы отчасти на неё действует эта сила, сделавшая Клио закрытым миром. В душе её зародился новый страх. Она всё ещё была собой, Роун Хьюм , она прекрасно помнила жизнь в других мирах. Она не подчинялась правителям этого забытого богом места, этого живого музея. Вот о чём она должна думать.

- Итак, Вы ре́шили, Ваше Высочество, искать помощи в Лейкстане?

Полковник, казалось, отдав приказ, опять забыл о Роун.

- Ведь Корона существует. Я не думаю, что Реддик, даже если он знает, где она, отважится добраться до неё, пока я жива. Но с моей помощью, он надеялся, Корона признает его. Ведь он отчасти принадлежит к Королевской семье. А может быть, он хотел похитить меня и держать у себя, пока что-нибудь не изменится. А в Лейкстане мы найдём убежище и сможем разобраться в ситуации.

Создавалось впечатление, что она очень спокойно воспринимает своё нынешнее положение - мишень козней брата.

Но также вероятно, интриги были не в диковинку жителям Клио. Для того, чтобы достичь чего-нибудь и удержаться, здесь нужно было принять правила этой смертельной игры.

- Должно быть, Реддик всё ещё в Хитерхау. Там мы его и возьмём! - Полковник сжал кулаки.

- Не зная, что он замыслил и кто его поддерживает? Это будет неразумно. Но если я дойду до Лейкстана и попрошу помощи, Реддик до меня не доберется. Мы выиграем время, чтобы найти Корону.

- У Лейкстана могут быть свои требования, - медленно произнёс По́лковник.

- У Вордейна тоже. Если мы заключим союз, то с кем? Но если нам придётся выбирать между союзом и союзом, то уж лучше Лейкстан по доброй воле, чем Вордейн силой.

Полковник молча вертел в руках стакан. Он как будто пытался прочесть в нём решение проблемы.

- За такие союзы платят дорого, - наконец негромко заметил он.

- Это я тоже знаю, - возразила Принцесса. - Но за всё на этой земле нужно платить. А для меня безопасность и будущее Ревении важнее всего на свете. С рождения это моя судьба. Будь кто-нибудь ещё в Королевской семье, кто смог

бы взять меч и пойти сражаться, тогда бы я думала о чём-нибудь другом. Но такого человека нет. И я считаю, что это тоже проделки Реддика. До того, как Корона попадёт ему в лапы, я успею многое сделать. И путь мой лежит через Лейкстан. Не стоит объявлять во всеуслышание о моём прибытии. Полковник, ты уже давно охраняешь границу и знаешь её секреты. Недалеко отсюда должен быть какой-то окольный путь.

- Тропы контрабандистов трудны.

Принцесса рассмеялась: - Не может быть ничего хуже того, что мне пришлось пройти. Хотя в этом, - она взглянула на комбинезон, - идти было очень удобно. Пожалуй, будет лучше, если я войду в Лейкстан в чём-нибудь менее экстравагантном. Конечно, на военном посту вряд ли найдётся женская одежда, но Вы постараетесь её достать?

Нелис Имфри улыбнулся.

- Да, здесь мало что может сгодиться женщинам. Если Вы пожелаете, я могу послать в Фиттедей за крестьянскими платьями.

- Отлично. Сможет ли кто-нибудь показать нам эти тропы контрабандистов?

Теперь засмеялся Полковник.

- Ещё бы, Ваше Высочество. Мы так давно торчим в этих горах, что знаем их как свои пять пальцев.

Когда он удалился, Роун предприняла ещё одну попытку вырваться из этого потока, всё дальше и дальше уносящего её.

- Я должна вернуться!

Людорика с улыбкой покачала головой.

- Моя дорогая Роун, ни в коем случае. Если ты сказала правду, и они обойдутся с тобой так жестоко, то тебе тем более не стоит туда возвращаться. Или представь, что тебя захватят люди Реддика - они уж ни перед чем не остановятся, чтобы узнать, кто ты. Ты так странно одета, имеешь при себе загадочные инструменты и оружие. О, для Реддика ты будешь загадкой, которую он постарается разгадать во что бы то ни стало. Мы поедем верхом в Лейкстан. А когда Корона будет у нас в руках, мы свяжемся с твоими людьми. Никогда не пытайся прервать сделку, Роун, если тебе нечего противопоставить.

Капитан проводил их в покои на третьем этаже башни. И там Людорика объявила, что им сначала нужно как следует отдохнуть. Ведь никто не знает, насколько долгим окажется путешествие через границу. Роун поняла, что теперь она

узница. Отсюда ей не сбежать, если только не прибегнуть к помощи станнера.

К какому хаосу это приведёт! Она покачала головой. Ей ничего не оставалось, как ждать и надеяться на лучшее. И Роун уснула. Было ещё темно, когда её разбудила Принцесса. На полу стоял огромный таз, в который Людорика наливала горячую воду.

- Баня оставляет желать лучшего, - заметила Принцесса. - Но нам повезло, что есть вообще хоть какая-то.

Сбросив одежду, она осторожно ступила в воду, присела и стала поливать себя водой и растираться куском грубой ткани, оставлявшей полосы из пены на её гладкой коже.

- Теперь полей на меня из этого кувшина, - указала Принцесса и Роун подчинилась.

После купания Принцесса долго вытиралась большим полотенцем.

- Теперь давай выльем воду в этот чан.

Вдвоем они выплеснули грязную воду в огромное ведро и заново наполнили таз для Роун. Конечно, это было не похоже на эффективные освежители, но было тоже очень приятно. Мыльное вещество ароматно пахло травами.

Людорика разбирала кипу одежды, прикидывая к себе то одну деталь туалета, то другую. Она засмеялась.

- Нелис знаменит своим прохладным отношением к женщинам. Но вот оно доказательство, что это неправда. Смотри, платья нам как раз по размеру. Тебе коричневое, а мне - синее.

Роун надела непривычное платье. Оно было чистое, выглаженное и пахло травами. Зеркала не было, но она чувствовала, что Принцесса была права. Платья были в самый раз. Юбка была широкая, длиной до щиколоток. Так странно было чувствовать складки, струящиеся по ногам, привыкшим к комбинезону. Лиф, наоборот, был тесный, отделанный красной тесьмой, вышитой по краям. Само платье было приятного, желто-коричневого цвета. Сверху полагалась накидка с капюшоном и маленькая расшитая шапочка.

У Принцессы платье было того же фасона, только тёмно-синее с зелёным. Шапочки не было. Вместо неё Принцесса расчесала свои длинные волосы и заплела их в косы.

- Очень хорошо, - она оглядела Роун с ног до головы, - сейчас мы поедим, а потом поедем. По крайней мере небо чистое. Нелис думает, что погода не переменится, а уж он-то знает.

Они спустились вниз, где для них был накрыт стол: холодное мясо, хлеб и фрукты.

Перед ними замер в приветствии мужчина, одетый в сероватый костюм и примечательную шапочку, оставлявшую открытым только лицо.

- Нелис! - Людорика опустилась в отодвинутое им кресло.
- Ты? - Он засмеялся: - Разве я не сказал Вам, что неплохо знаю эти горы? Неужели Вы думаете, что я отпущу Вас одних, Ваше Высочество? - Теперь он был серьёзен: - Я подобрал людей для эскорта. Они знают меня как сюзерена и командира.

- Но если Реддик узнает, что тебя нет, он заподозрит...

- На этот счёт у нас всё продумано. Вы исчезли из Хитерхау, я отправился на ваши поиски. До меня добраться довольно трудно.

- Мы полагаемся на тебя, Нелис, - улыбнулась Принцесса.

- Да, Вы можете на меня положиться, Ваше Величество, - Полковник говорил серьезно.- Я понимаю, что в минуту опасности Вы рискуете. Прошу Вас, не будьте слишком самоуверенной.

- Нет, Нелис. Сейчас у меня есть кое-что, что вселяет в меня надежду. Реддик не мог предвидеть, что появится Роун и испортит все его планы. До сих пор нам везло.

- О! - Полковник хотел что-то возразить, но Принцесса жестом приказала ему молчать.

- Конечно, я не могу всегда полагаться на удачу, но не упущу свой шанс.

Роун с облегчением узнала, что на двурогах они поедут не одни. Она никогда не ездила на таких созданиях, а учиться сейчас было не время.

Девушки должны были ехать как настоящие крестьянки, в дамском седле позади мужчины. Роун не забыла захватить свой пояс; она решила, что не расстанется с ним ни за что на свете. Только благодаря ему она чувствовала, что она всё ещё Роун Хьюм , а не какая-то незнакомка.

К рассвету, пройдя лабиринт темных долин и взобравшись по склонам гор, они добрались до ущелья с пронизывающим сквозняком.

Полковник указал в сторону простирающихся холмов:

- Лейкстан, но до Гастонхау ещё восемь лиг. Мы отдохнём и сменим лошадей.

- Мы не можем идти в гостиницу, - запротестовала Принцесса.

- Но мы не можем и двигаться дальше на измученных

животных, - возразил Имфри. - По одежде видно, что Вы из Ревении. Но у многих пограничных семей есть родственники там. Там может быть какая-нибудь свадьба, на которую нас пригласили.

- Не так! Свадьба не подойдет. Люди здесь все друг друга знают. Лучше день рождения в главной усадьбе. По дороге мы соберём солому для гирлянды в подарок.

- Я не перестаю удивляться, как Вы знаете обычаи, Ваше Высочество.

- Чему же тут удивляться? Какой толк от правителя его народу, если он не знает традиций? О, я слышала, что есть теория, по которой хозяин и слуга не должны иметь точек соприкосновения. Но у нас так никогда не было и не будет.

- Именно потому Ваш род так долго находится у власти.

- Да, до последнего времени. И теперь чёрная туча нависла не со стороны моего народа, а со стороны родственника. А ссоры между родственниками всегда самые страшные.

Но плану Принцессы не суждено было осуществиться, так как прибыл разведчик и сообщил, что по главной дороге в сторону ближайшей гостиницы движется процессия, и там он узнал одного человека.

- Каспар Фаншер! - повторила Принцесса.

- Боюсь, что, - Полковник понизил голос, - нам не стоит больше надеяться на удачу. Фаншер...

- Я прекрасно знаю, кто он, - перебила Принцесса, - это значит, что Реддик обо мне хорошего мнения. Он думает, что я уже связалась с Королём Гостаром. Но он также знает, что я не совсем ещё сошла с ума. Хорошо, пускай Фаншер едет куда хочет. Но Реддик ещё не стал Королём Ревении. Я - Принцесса, а Имберт Релинг был другом моего отца. Он поможет мне добраться до Короля Гостара, и здесь Реддику мне не помешать.

- Если мы придём к Релингу...

- Двор находится в Гастонхау, значит там будут и послы. Говорят, Король Гостар души не чает в своей молодой жене, и скоро она подарит ему маленького принца. Поэтому он заставил её испить из Колодца Верности.

- Это все суеверия.

- Может быть, а может быть и нет. У Колодца был Хранитель. Уж это ты не будешь отрицать. И было много случаев, когда воды Колодца помогали женщинам в трудных родах. Гастонхау потому и был построен Королевой Марго, что она боялась потерять своего четвёртого ребенка. Её первые трое детей умерли при рождении. Королева поселилась в Гастон-

хау и жила там большую часть беременности, а потом родила пять совершенно здоровых сыновей и трёх дочерей.

- Предания! Что нам сейчас Королева Марго! Если Двор находится в Гастонхау, и Фаншер направляется туда, то мы должны точно знать, что мы делаем. Лучше всего отправить гонца...

- Но почему бы нам самим не поспешить в Гастонхау?

- Ни в коем случае. Пока я не буду знать точно, что нас там ждет.

- Как что? Этот Фаншер здесь затем, чтобы нам помешать. Лорд Имберт не даст ему встретиться с Королем, а с самим Имбертом ему в сговор не вступить. Хотя может, может ты и прав, Нелис. Лучше проявить осторожность. А я кое-что дам гонцу. Это поможет ему скорее договориться с Лордом Имбертом. Принцесса потянула себя за косу и вырвала пять волосков, пересчитала их и завязала узелком. «А теперь лист...»

- Что это, игра? - спросил Полковник.

- Игра, но со смыслом. Лорд Имберт вспомнит. Это было сразу после смерти отца. Лорд Имберт привёз меня к своей Леди Ансле, потому что Король болел и хотел, чтобы я была подальше от двора. Лорд Имберт любит сказки. Многие он узнал у певцов Торка. Одна из сказок была о потерянной Принцессе из Инеса. Чары, наложенные на неё, могли быть разрушены только волоском и листком. Лорд Имберт обязательно вспомнит это и поможет нашему гонцу.

После отбытия гонца они поехали не спеша. Здесь, рядом с границей было много лесов, поэтому они и завернули в одну из таких долин, где ветви деревьев, сплетаясь, образовывали крышу. Очень скоро дорога привела к удивительно красивому мосту. На противоположном берегу стояла одноэтажная башня, построенная в форме треугольника, образующего с мостом единое целое.

- У тебя есть деньги? - спросила Людорика Полковника, - Это клятвенный мост.

- Он очень старый. Клятва, наверное, уже выполнена.

- Откуда нам знать? Есть ли у тебя деньги для подаяния?

Полковник вытащил мешочек и передал его Принцессе.

- Вам придётся довольствоваться этим, Ваше высочество. Я не вожу с собой всё своё состояние.

Принцесса развязала мешок и достала металлический кружок.

- Этого хватит. Мы пришли сюда с чистыми руками и спокойной совестью.

Подойдя к треугольному зданию, Принцесса наклонилась и бросила монетку в небольшое отверстие.

- На благо того, кто построил эту дорогу. На благо того, кто в пути, на благо удачного завершения путешествия, - произнесла она как заклинание. - Его имя, - Людорика провела указательным пальцем по стене, читая изъеденные временем строки, - было Никлас и был он лордом... Герб трудно различить. Но это неплохой знак, что мы едем по дороге какого-то Никласа!

Утро, застигшее их в ущелье, превратилось в день. Роун казалось, что тело её одеревенело от езды верхом. Её спутники, напротив, и не думали сделать привал. Вдруг Имфри остановил своего двурога. Роун прислушалась - раздался звук рога, чистый и завораживающий.

Глава 8

Перебирая мягкие складки тяжёлого занавеса, Роун стояла у окна. Ощущение было чудесным, так же как и странная роскошь комнаты. Как будто из темноты и холода ночи она попала в обволакивающее тепло гостеприимного очага.

Стояло раннее утро, и в огромном доме все ещё спали. Но во дворе у высоких ворот уже кипела жизнь. Вот из лавки вышел мальчик, беспечно размахивая ведром, содержимое которого выплёскивалось на булыжную мостовую. Мальчик чуть было не забрызгал юбку проходящей мимо женщины. Юбка была серая с алыми цветами на подоле, в тон яркому лифу платья. Женщина несла на голове корзину, покрытую сверху листьями. Женщина была одной из нескольких, также одетых в серое и красное, с корзинами на голове. Мальчик с ведром что-то закричал, и женщины разом повернули к нему улыбающиеся лица. Роун казалось, что она смотрит фильм.

Вчера вечером они прибыли в этот огромный, по крайней мере трёхэтажный, дом с каменными стенами и узкими окнами. В сером дворе не росло ни былинки, единственным ярким пятном был герб над входом, олицетворяющий величие Ревении.

Роун ещё не видела посла, на которого так полагалась Людорика. Вообще-то и самой Людорики она ещё не видела, с тех пор как их проводили в тёмные покои замка.

Роун не на что было пожаловаться. Комната была уютной, служанка, которую она отпустила рано утром, предупредительной. Но всё таки её не покидало чувство неловкости, всё

это было слишком похоже на сон. Хотя начинался этот сон как ночной кошмар. Звук рога заставил их искать укрытия. Появился отряд всадников. Их знаки отличия встревожили Принцессу и Полковника. В укрытии ждали до ночи. А после были бесконечные поля, где их догнала карета с зашторенными окнами. Их гонец сидел рядом с кучером. Он вручил Принцессе какое-то письмо. Прочитав его, Людорика победно замахала Полковнику: - Я же говорила! Лорд Имберт шлёт нам привет и приглашает к себе. О боже! Каждая косточка моего тела ноет, как будто мне сто лет!

Роун казалось, что ехать в карете вряд ли удобнее, чем верхом. От качки её мутило и кружилась голова. А Принцесса раскинулась на подушках и заснула, видно, чувствуя себя на вершине блаженства. Два раза они останавливались подкрепиться. Но несмотря на свой голод Роун и не притронулась к еде. Ей хотелось лишь одного - поскорее попасть обратно в нормальную жизнь. Поздно ночью они прибыли в Гастонхау. В полуобморочном состоянии Роун перенесли в огромную постель с балдахином. Но несмотря на чудовищную усталость, Роун проснулась рано, как будто по команде внутреннего будильника.

Она отвернулась от окна и ещё раз осмотрела комнату. Огромная кровать занимала почти половину всей площади. Проведя большую часть жизни в ограниченном пространстве - на корабле, в лагере, - Роун чувствовала себя неуютно на таких просторах. Над кроватью возвышались четыре столба с вырезанными на них цветами и листьями. Столбы поддерживали тяжёлый расшитый балдахин. Всё это напоминало палатку. Комната была слишком разноцветная, стены были украшены яркими орнаментами.

Слева стоял столик с большим зеркалом и низким стульчиком без спинки. Справа - массивный двустворчатый шкаф. Роун подошла к зеркалу и взглянула на себя. На фоне пышной ночной сорочки её тонкие смуглые руки казались особенно темными. Отросшие волосы немного вились у висков и на лбу. По меркам своей цивилизации Роун была далеко не красавица и давно уже к этому привыкла. А так как кочевая жизнь постоянно забрасывала её на неизведанные, часто необитаемые планеты, Роун полностью отказалась от косметики. И по сравнению с Принцессой она выглядела, конечно, бледно. Но насколько, она поняла только теперь. На столике стояли множество бутылочек и баночек. Роун с любопытством разглядывала их и могла только догадываться об их содержимом. Наконец, набравшись смелости, она

решилась провести исследование. В желтой баночке с крышкой в виде полураскрывшегося цветка была ароматная паста. Роун дотронулась до неё, но так и не поняла, что же это всё-таки такое. Там были баночки меньшего размера, в них было что-то красное, наверное для губ и щёк. Странно, ведь здесь похоже не носят боевой раскраски ни на лбу, ни на щеках и подбородке, как в некоторых мирах.

- Госпожа?

Роун вздрогнула и чуть было не выронила прозрачную бутылочку. За спиной возникла служанка с подносом, на котором стояли миска и чашка. Роун произнесла обычное для Ревении приветствие: - Встаёт Солнце и веет легкий ветерок...

- Благодарю Вас, Госпожа. Вы будете завтракать сейчас?

В миске были ягоды, смешанные с зерном. В кружке - тягучая теплая жидкость. Роун потягивала напиток, когда дверь открылась вновь и в комнату заглянула Принцесса.

Она предстала во всей своей красе: на ней было пышное платье тёмно-изумрудного цвета, отделанное кружевами и серебряным шитьём. Широкий воротник, сделанный из тонкого, как паутина, материала, ниспадал на плечи. Волосы были убраны в высокую причёску, похожую на башню. Роун невольно встала, чтобы поприветствовать Людорику. Принцесса бросилась к инопланетянке.

- Роун! Здесь мы в безопасности! Мой добрый Лорд Имберт отправился на встречу с Королём. Сама судьба покровительствует нам. А как только мы встретимся с Королём Гостаром... - Принцесса радостно рассмеялась. - О, Роун, тебе здесь очень понравится! Король устраивает бал - я же рассказывала, что у него есть неженатые сыновья. А бал - прекрасное место для знакомства! Мы поедем в Брогвел в открытой карете и... и...

Теперь Принцесса ничем не отличалась от обычной девчонки с какой-нибудь планеты. Но сама Роун почему-то не разделяла радости Принцессы. И Людорика очень скоро это почувствовала.

- Что с тобой, Роун? Ведь нам правда здесь ничего не угрожает. Тебе не надо бояться потерять память или попасть в тюрьму. Пришёл день, когда мы можем вздохнуть свободно. Или мне только кажется, что ты грустна и бледна, потому что ты ещё в ночной рубашке. Белый цвет тебе не идёт! Но это легко исправить!

Принцесса потянула за верёвку звонка и снова появилась служанка, на которую Людорика обрушила такую гору ука-

заний и распоряжений, что Роун оставалось только удивляться. А после, когда она снова взглянула в зеркало... Нет, это был настоящий сон. Ведь существуют запрещённые препараты, под воздействием которых человек погружается в фантастический мир, такой чудесный и завораживающий, что вернуться к реальной жизни очень трудно. Но она не принимала эти вещества, - и все же, - в зеркале на неё смотрела не та Роун Хьюм, какую она знала.

Шелковистая ткань платья была тёплого жёлтого цвета, мягкие складки струились и отливали розовым. Кружева были собраны на запястьях и обрамляли её тонкую шею. На голове вместо высокой прически красовалась кружевная шляпа, как будто диковинная птица присела отдохнуть. А лицо, конечно, им не удалось побороть многолетний загар, но благодаря чудесному содержимому бутылочек и баночек оно стало значительно ярче. Такой она себя ещё никогда не видела. Вместе с чудесным преображением пришла и уверенность в собственных женских чарах. Людорика радостно захлопала в ладоши.

- Моя дорогая Леди Роун! Вот как ты должна выглядеть! А не носить это уродливое платье, как мужчина. Зачем же ты хочешь выглядеть простушкой, когда каждая женщина должна стремиться быть красавицей! Пойдем! Тебе нужно научиться правильно ходить в платье!

Забыв о своих сомнениях, Роун последовала за Принцессой. Они вышли в просторный холл, стены которого были украшены расшитыми гобеленами. По другой стене шёл ряд высоких окон из разноцветного стекла, образующего причудливые картины. Потолок был украшен лепниной, а в дальнем конце зала располагался камин. В зале не было ни души, но на выходе у лестницы их ожидал человек. При приближении Принцессы он снял шляпу и замер в поклоне.

- Ваше Высочество...

Мужчина был средних лет, на лице его росли волосы, что чрезвычайно удивило Роун. Она ведь привыкла к гладким, чисто выбритым лицам космонавтов, а иногда даже и бритым головам - чтобы волосы не мешали тесно прилегающему шлему.

- Мой дорогой Лорд! - Принцесса протянула руку: - Познакомьтесь с моей спутницей - Леди Роун Хьюм.

- Роун, это Лорд Гилберт, наш гостеприимный хозяин. - Мужчина наклонился и поцеловал руку Принцессе. Потом он перевёл взгляд на Роун.

- Это большая честь для меня, - подобрав пышные складки, она изобразила некое подобие реверанса.

- Мы очень благодарны Вам, Леди. Мы и Ревения. - Голос его был приятным и бархатистым.

Первое впечатление Роун было явно ошибочным. По мере того как мужчина говорил, создавалось впечатление, что под маской скрывается совсем иной человек.

- Наша Принцесса вне опасности, и её друзья - наши друзья. - Он с улыбкой поклонился. Роун вдруг перестала слышать его голос. Приглядевшись к Лорду Гилберту, она подумала, что его сердечность, возможно, напускная. Слова служат лишь ширмой, за которой скрываются мысли. Возможно, Принцесса доверяла Лорду Гилберту Релингу, но сама Роун почему-то не почувствовала к нему такого же расположения.

- Вы очень добры, - произнесла она слабым голосом. Витиеватый язык Ревении казался слишком чуждым для неё, привыкшей к краткости Бейсика.

- А сейчас мы хотим осмотреть ваш сад, мой господин. - Людорика улыбнулась и искорки запрыгали в её глазах.

- Ваше Высочество, - он понизил голос, - это неразумно в такое время.

- Прогулка по саду неразумна? Но почему?

- Ваше Высочество, вы знаете, Фаншер в городе. А также Шэмбри Увещеватель. Вы же сами их видели.

- Но мы же находимся в Гастонхау в посольстве Ревении под покровительством моих лучших друзей и самого Лорда Релинга! - возразила Принцесса. - Почему мы должны бояться какого-то Фаншера? Здесь даже нет его хозяина, здесь в Лейкстане! А Увещеватель, да, мы видели его. Но какое отношение он имеет к нам, к Ревении?

- Создаётся впечатление... - начал было Лорд Гилберт, но прервался и бросил взгляд на Роун, как бы предлагая ей удалиться.

Возможно, так принято при дворе, думала Роун. Но она и не стремилась казаться значительнее, чем была на самом деле - инопланетянка, силою обстоятельств попавшая к ним. Роун не двинулась с места, а Принцесса нетерпеливо потребовала:

- Пожалуйста говорите. Леди Роун всё знает.

Лорд Гилберт пожал плечами:

- Хорошо. Увещеватель точно предсказал час смерти Короля Никласа.

Принцесса мгновенно посерьезнела:

- Это правда? Вообще-то предсказания Шембри уже несколько раз сбывались. Хотя иногда случались и неудачи. Предсказать смерть Короля, да он должен быть полностью уверен, чтобы объявить это. Но зачем он пришёл из Ревении в Лейкстан? Разве...

Людорика опустила взгляд на свои руки, как будто бы она держала в них что-то очень дорогое, чего другие не могли увидеть.

- Разве только он хотел уехать из Ревении до того как свершится предсказание. Чем он объяснил свой приезд?

- Тем, что у него очень важное дело к Королю Гастару. Он может коренным образом повлиять на судьбу Королевского Дома. Его дар предвидения приказал прийти.

- Дар предвидения! Тогда значит он всё знает наверняка.

- Да, - прервал её Лорд Гилберт, - и такая настойчивость для него необычна. Недавно он был в Икоре, а леди Икор...

- Когда-то была в прекрасных отношениях с Реддиком. Но я уверена, что в Вашем доме надежная охрана, и что мне не надо бояться интриг, которые плетут мои враги. Вы же сами уверяли Нелиса, что он может оставить нас здесь со спокойной совестью. Почему же вы так сказали?

- Всё очень просто, Ваше Высочество. Когда я разговаривал с Полковником, эти сведения ещё не дошли до меня. А для него лучше возвратиться в Ревению, пока его отсутствие ещё не обнаружено.

Принцесса раздумывала:

- Хорошо. Мне бы только увидеть Короля Гостара и всё будет по-нашему.

- Здесь Вам также придётся проявить терпение, Ваше Высочество. Королева плохо себя чувствует, а Король очень обеспокоен её здоровьем. С ним всегда было трудно разговаривать. Иногда у него бывают странные прихоти или он внезапно меняет своё решение. Он просто непредсказуем в своих действиях. С тех пор, как он узнал, что Королева ждёт ребенка, он не принимает никаких делегаций и отказывает в аудиенции министрам. Даже передать ему какое-нибудь сообщение чрезвычайно трудно.

- Боже, а у нас так мало времени!

- Я понимаю, Ваше Высочество. Но я просто говорю откровенно. Мы должны быть очень осторожны с Королем, любое неосмотрительное действие может вызвать его отказ. Так уже случилось очень со многими. Вы заметили, Ваше Высочество, что в этом крыле дома почти нет слуг. Это не просто так. Чем меньше людей будут знать, что Вы здесь, тем

лучше. А пока я попытаюсь связаться с Королем. Кроме того, надо опасаться прямого вмешательства Фаншера или Шембри.

- Пожалуй, Королева слишком увлекается предсказаниями, и когда она узнает, что Шембри здесь, она сразу прикажет послать за ним. А уж такой хитрец как он, сможет представить в нужном свете смерть Короля и добавить что-нибудь ужасное о Вашем Высочестве. Да, тогда Король Вас и слушать не станет.

- Что же мне делать? Неужели остаётся только ждать?

- Тем не менее, Ваше Высочество, это так. И не только ждать, а не покидать этих стен и никому не показываться. Вы думали, что в Хитерхау Вы в безопасности, и чем это кончилось? Да, здесь нас охраняют, но я не могу поклясться, что все слуги преданы мне, и что никто из них втайне не сотрудничает с Реддиком!

- В это трудно поверить, - медленно произнесла Людорика. - Я чувствую, что каждый мой шаг может оказаться роковым. Но представьте себе, что Король... - Принцесса отступила. - Сколько ещё этот сладкоголосый Увещеватель дает ему?

- Четыре дня, до полудня.

- Четыре дня! Если бы он не знал наверняка, что это случится, он не осмелился бы пророчить. Четыре дня! И если к тому времени я не вернусь в Уркермарк с Короной... Я должна всё обдумать, Лорд Гилберт.

- Обдумайте, Ваше Высочество. А я постараюсь сделать всё возможное, чтобы поговорить с Королем Гостаром.

Ещё раз поклонившись, он удалился.

- Придётся нам наслаждаться из окна видом сада, - обратилась Принцесса к Роун. - Пойдем в галерею.

Они вернулись в верхние покои, окна которых выходили в сад. Цветов в саду было мало, всё больше живые изгороди и подстриженные кусты причудливой формы, многие из которых были похожи на статуи, выставленные к приезду Принцессы.

- За садом прекрасно следят, - отметила Людорика, - такое впечатление, что упади на траву лишний листик, это сразу будет замечено. Лорд Гилберт любит порядок.

Несмотря на то, что им запрещалось выходить в этот строгий сад, а также покидать отведённые им покои, девушки нашли для себя массу развлечений. Людорика забавляла Роун, обучая её обязанностям королевской фрейлины, а также рассказами и сплетнями из жизни Королевского

Двора Ревении. Роун всё запоминала как в школе, хотя сейчас ей было гораздо интереснее.

Роун чувствовала, что в её душе зародилось что-то новое. Время от времени она поправляла платье, поглядывала на себя в зеркало, поглаживала мягкие подушки с изысканной вышивкой. Всё это было так не похоже на роскошь её собственной цивилизации. Но несмотря на это, она не чувствовала себя неловко, а наоборот, ей казалось, что это её стихия.

«Если это сон, - думала Роун, - мне всё меньше и меньше хочется просыпаться. По крайней мере, если мне суждено когда-нибудь вернуться, мне будет что порассказать людям Службы.»

На вторую ночь в Гастонхау Роун сидела перед зеркалом, когда в её комнату скользнула Людорика. Глаза её горели, в руках она держала накидку.

- Гилберту всё удалось! Он добился для меня тайной встречи с Королём Гостаром. Но я не могу пойти одна, Роун. Лорд Гилберт считает, что ты должна быть со мной. Ты выступишь свидетелем того, что было в башне. Поспеши пожалуйста! Карета ждет. Где твоя накидка?

Роун бросилась к постели. Из-под подушки она достала пояс, с которым решила ни на минуту не расставаться.

Глава 9

В темном дворе их ожидала карета, похожая на ту, что везла их в Гастонхау. Как и тогда, окна были зашторены, внутри тускло горел фонарь. Лорд Гилберт лично проводил их до кареты. Перед тем, как расстаться с Принцессой, он что-то шепнул ей на ухо.

В этот раз Полковник не сопровождал их. Дверь кареты закрылась и фонарь погас.

- Полная темнота. Странно. - удивилась Принцесса. - Я полагаю, Гилберт хочет, чтобы мы проехали как можно незаметнее.

- Куда мы едем? - Роун закуталась в накидку. Вечер был промозглый, да и в карете было неуютно и прохладно.

- В Гастонхай. Это замок Королевской Семьи, рядом с озером Иммер.

Время от времени сквозь занавески мелькали тусклые отблески огней. Роун хотелось открыть занавеску, чтобы увидеть, куда их везут. «Как будто пленники в качающейся коробке.» Как и в прошлый раз, от качки у неё закружилась голова.

- Моя мать - двоюродная сестра Короля Гостара, - сообщила Принцесса, - жаль я не знаю, каковы были их взаимоотношения. Хорошо бы они расстались друзьями, когда она выходила замуж в Ревении!

- А что, может быть и наоборот? - поинтересовалась Роун.

- Бывает, что враждуют не только замки, но и Королевские Дома. И дом Хилларой, откуда родом Король Гостар, всегда славился своей вспыльчивостью и взбалмошностью. С тех пор, как Хранители перестали являться людям, в истории произошло много изменений. Только прикасаясь к Короне, мы получаем уверенность, что сможем преодолеть все препятствия и выжить, что бы там ни было. Я должна найти Корону. По крайней мере Нелис сделает всё возможное, чтобы форсировать поиски.

- Ты отправила Полковника искать Корону? - Роун напряглась. - «Что это может означать для Дяди Оффласа и Сандара? Представляю, как столкнутся войска Ревении и наши исследователи. Да, такого ещё не случалось в истории Службы! О, возможно, им даже придётся взлететь! «

- Он знает это место, и ему я доверяю.

- Но как же Корона? Я думала, что ты хочешь скрыть, что она где-то спрятана.

- Да, но Нелис будет ждать меня. Никто, кроме меня, не может дотронуться до Короны. Нелис только разведывает путь.

« Но как же Дядя Оффлас, Сандар?» - Роун с тревогой подумала о них.

Карета теперь уже неслась с бешеной скоростью.

- Королю Гостару, должно быть, не терпится нас увидеть, - заметила Принцесса.

Роун бросало из стороны в сторону. Она судорожно сглатывала и, как могла, боролась с тошнотой.

- Это слишком быстро, - по частям выдавила Принцесса. Карета рванулась и Роун поняла, что это последняя капля и сейчас она просто опозорится. Изо всех сил она держала рот руками.

- Что такое, Роун? - воскликнула Принцесса. - Держись поближе к окну. Ты можешь поднять занавеску?

Роун отчаянно пыталась. Наконец она нащупала что-то похожее на край занавески. Рванула, но тщетно, как будто занавеска была приклеена или прибита.

- С этой стороны так же! Можешь наклониться и открыть дверь? - Преодолевая качку, Роун мучительно шарила вдоль двери. Замка не было, не было ничего, кроме гладкой повер-

хности. От страха и отчаяния ей хотелось заплакать. Карету трясло на ухабах.

- Я - не - мо-гу - най-ти. Дверь - глад-кая, - прокричала Роун.

- Я - то-же!

- Но почему? - начала она. - Почему?

- Мы в плену, - ответила Людорика. - Но у кого? У Лорда Гилберта?

- Но почему? Я чувствую, что мы едем не в Гастонхай.

- Куда? - Роун бросило, и от резкой боли она вскрикнула.

- Что случилось?

- Мой бок! О, как глупо! У меня же есть прожектор! И как только я могла забыть о нем!

Провалы в памяти - вот ещё один характерный штрих последних дней. Роун чувствовала, что иногда она не могла или даже не хотела вспоминать о вещах, бывших частью её инопланетной жизни.

Одной рукой она нащупала прожектор и включила слабый свет. Двери! Она была права, на дверях не было ничего похожего на замки. Роун перевела свет на окна и их глазам предстали прибитые досками занавески.

- Пока мы не приехали, мы - пленники. И они, кто бы это не был, не намерены выпускать нас из кареты. Но наше будущее зависит от того, кто окажется по ту сторону.

- Реддик?

- Не без содействия Лорда Гилберта, если это не сам Король отдал приказ. Или подмена карет, или... Мы можем долго гадать, но всё равно не узнаем правды. Достаточно того, что мы - пленницы. А причина не так важна, как факт. Какие у тебя есть инструменты, чтобы нам выбраться отсюда?

Как обычно, Принцесса начинала с самого важного.

- У меня с собой прожектор, аптечка и оружие. - Роун вспомнила о станнере. - Оно не убивает, а только усыпляет того, кто попал в его луч.

- А такое, как твой брат пробовал на мне? Но какая же ты молодец, Роун! И как ты догадалась взять всё это! Теперь мы будем только поджидать, пока они откроют двери, тут-то мы их всех усыпим и тогда...

- Я сделаю всё, что смогу, - медленно сказала Роун. Случилось то, в чём она боялась признаться самой себе. Когда ей пришлось выбирать между делами Клио и Службы, в её душе поселилось странное беспокойство.

Она запросто пользовалась прожектором, но станнер - это

совсем другое дело. Никогда раньше она не испытывала ничего подобного. Влияние! Не раз Роун подвергалась защитной обработке - для того, чтобы преодолеть вредное инопланетянке воздействие. А теперь эта защита перестала действовать, она боялась своего же оружия - оружия, отпугивающего чужих.

Чтобы выяснить, что происходит, она протянула прожектор Принцессе:

- Подержи!

Потом она дотронулась до станнера. О ужас! Ей пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобы прикоснуться к гладкой поверхности металла.

О, язык правды! Что случилось с ней? Защита, призванная беречь оружие от чужаков, оборачивала своё действие против неё.

Никогда раньше Роун не испытывала такого ужаса. Почуяв неладное, Людорика забеспокоилась:

- Что? Что случилось?

- Всё в порядке, - быстро ответила Роун.

Принцесса была слишком проницательна и Роун пришлось изрядно потрудиться, чтобы скрыть свои чувства.

- Это качка - меня тошнит.

Людорика призналась:

- Я часто путешествовала в карете, но с такой скоростью - никогда.

- Я тоже... - но она так и не договорила, потому что в этот момент они почувствовали, что скорость снизилась, качка почти исчезла, карета остановилась.

- Готовься, - приказала Принцесса. В руках она всё ещё держала прожектор, направляя его луч в сторону двери.

Роун заставила себя дотянуться до станнера. Но ничего не произошло. Девушки напряженно прислушивались - сквозь толстые стены доносился едва уловимый звон. Дверь никто не открывал.

- Они меняют двурогов! - догадалась Принцесса. - Это значит, что нам предстоит ехать ещё дальше. А мы уже проехали гораздо больший путь, чем до Гастонхай.

Принцесса оказалась права, потому что спустя несколько минут карету тряхнуло и они опять поехали, сначала не спеша, а потом опять с бешеной скоростью. Но, к счастью, это продолжалось недолго, карета перешла почти на шаг и резко наклонилась в сторону. Было похоже на то, что они взбирались в гору.

- Мы вернулись в Ревению, - констатировала Принцесса.

- Откуда ты знаешь?

- Мы едем по горам, а ближайшие от Гастонхау горы лежат на границе с Ревенией. Теперь нас могут встретить или люди Короля или Реддик.

- Но скорее последний.

- Наверное Гилберта провели. А нам надо быть готовыми к самому худшему.

Глаза Роун наконец-то привыкли к темноте, теперь она уже различала силуэт Принцессы в противоположном углу кареты.

- Фаншер и Увещеватель - а сколько ещё таких проникли в дом к Гилберту, как он и предполагал. Но даже он не догадывался как далеко раскинулись их сети. Нелис - мы можем верить только ему. Теперь всё зависит от того, куда нас привезут.

Принцесса замолчала, и Роун подумала, что она взвешивает их шансы. Опять она не могла не поразиться мужеству, выдержке и уму Людорики.

Пришло время, наконец, Роун подумала и о себе. У неё был станнер, против которого на Клио не существовало защиты. И с его помощью можно было вырваться из рук кого бы то ни было. А потом - назад, в лагерь, если он ещё существует, и дядя Оффлас не покинул Клио.

Карета с трудом пробиралась по горам, затем настал черёд равнины и карета остановилась. И опять к дверям никто не подошёл. Некоторое время они сидели в тишине, прислушиваясь. Когда карета тронулась, стало ясно, что дорога идёт под гору, к счастью не так быстро, как раньше. Крутой склон сменился равниной, а сквозь черные занавески в карету проник свет.

- Уже день. И скоро мы пересечём границу. Ах! - Принцесса вскрикнула и Роун испуганно взглянула в её сторону. Колпак накидки Принцессы упал ей на плечи, и она, выдвинувшись вперёд, завороженно смотрела на переднюю стенку кареты. Роун попыталась понять, что ещё так взволновало Принцессу. Из щели в стенке тянулась тонкая струйка белесого дыма. Роун уловила его ни на что не похожий запах.

- Они хотят одурманить нас!

Людорика бросилась вперёд, пытаясь закрыть источник газа. Но напрасно, с боков показались ещё две струйки. Остановить их было невозможно.

Первой мыслью Роун было поскорее спрятать пояс. Ватными руками она нащупала пояс, задрала юбку, и, преодолевая головокружение, укрепила пояс под платьем. Пальцы

слушались её с трудом, глаза закрывались. Последнее, что она увидела - бессильно сползавшая на подушки Принцесса. А через несколько секунд и сама Роун последовала за ней...

Ей было жарко, очень жарко. Как будто она лежала под солнцем пустыни Калладелла. Роун шевельнулась и закрыла руками лицо, пытаясь укрыться от жгучего солнца. Но под ней был не песок, а какая-то ткань, которая мялась и скользила при каждом её движении.

Роун открыла глаза. Сверху был деревянный потолок, а прямо в лицо ослепительно било солнце.

Губы её слиплись и высохли. Ей хотелось воды, жажда была чудовищной. Неподалёку, в солнечном свете, на табуретке стоял графин. Роун приподнялась. Двигаться было чрезвычайно трудно. Ей пришлось собрать всю свою волю, чтобы заставить тело повиноваться. Роун даже и не пыталась встать на ноги, она лишь сползла с кровати на пол и потянулась к скамейке. Негнущимися пальцами она сжала графин, перевернула его, разливая содержимое на пол и на платье, и припала к горлышку.

Вода немного освежила её, прогоняя дурман. Сидя на полу, с графином в руках, Роун огляделась. Она находилась в небольшой комнате с единственным окном, забранным решёткой. Стены были каменные. Её кровать была простой, без всяких украшений. Рядом стояла такая же, на ней лежала Людорика. Её лицо раскраснелось, она тяжело дышала во сне. Роун видела, как Принцесса металась и что-то неразборчиво бормотала.

Две кровати и табуретка с графином - такова была скудная обстановка комнаты. Напротив кроватей располагалась дверь с замком величиной с ладонь. Не оставалось сомнений, что они были пленницами. Но чьими? С большим трудом, преодолевая головокружение, Роун проковыляла к окну. Там она увидела обнесённый стеной двор, массивные ворота. За стенами виднелись верхушки деревьев, а за ними холмы, которые вполне могли быть холмами Хитерхау. В душе Роун затеплилась надежда: «Если это так, то я без труда найду дорогу в лагерь,» - мелькнула у неё мысль.

- Пить, - доносившийся с кровати голос заставил её прийти в себя. Держась за стену, Роун вернулась обратно.

Принцесса пыталась приподняться. Роун двинулась в сторону скамейки, взяла графин и передала его Людорике. Принцесса жадно глотала. Теперь пришла её очередь осмотреться. Её взгляд остановился на окне, она кое-как выбралась из кровати, и, по стенке, медленно побрела к проёму.

Роун последовала за ней:

- Ты знаешь, где мы?

Людорике не пришлось долго осматриваться, чтобы ответить: - Где точно, я не скажу, но этот шпиль, - она подняла вялую руку, - я узнаю. Он находится в пол-лиги от Хитерхау. Мы, должно быть, в каком-нибудь небольшом замке. Может быть, в Фамслоу. Значит это всё-таки Реддик.

- Это его земля?

- Земля его близких родственников. О, смотри!

У стен стояла карета, на двери которой красовался яркий вол. Окна кареты были тщательно зашторены, кучера и двурогов не было. Но Роун почему-то была уверена, что вчера они приехали именно в ней.

- Карета... - начала было Роун.

- Ну конечно! Но герб на двери!

Роун трудно было понять важность этой мысли.

- Это личная карета Лорда Гилберта. такую не остановят на границе. Вот как им удалось пробраться.

- Подожди, - Роун напряжённо вспоминала. Сумрачный двор Гастонхау, Лорд Гилберт. Она видела дверь в свете фонаря, но герба на ней не было! Или его как-то замаскировали.

- Его не было на двери раньше.

- Какая разница? Он сделал своё дело... - Откуда-то сверху раздался звук рога, ему вторил ещё один.

Во дворе появились люди, одетые в серое и зеленое. Они быстро построились в две шеренги, а двое побежали открывать ворота.

- Как он пошел на это? - поразилась Людорика.

- Кто? - не поняла Роун.

- Кто? - Принцесса повернула к Роун своё пылающее от ярости лицо. - Это Королевский сигнал! Никто, кроме Королевской семьи, не имеет права его использовать. Это мой сигнал, мой! Мой по рождению! Я наследница Ревении - только я!

Звук рога прозвучал ещё раз, и в открытые ворота въехал сам трубач, одетый в жёлтое и красное. За ним проследовал второй всадник в жёлтом костюме, его лицо закрывала большая шляпа. Принцесса зашипела от гнева и бессилия.

- Реддик! Он едет за глашатаем Королевского наследника! Предательство! Подлое предательство!

Принцесса вцепилась в решетку, отчаянно дергая её, как будто хотела вырвать её из камней и запустить в своего брата.

Глава 10

Роун прижалась ухом к железной двери, пытаясь уловить хоть какие-нибудь звуки извне. Но слышала одно лишь биение своего сердца. Как бы пригодился сейчас робот-разведчик! Сидя в этой комнате, невозможно было даже сказать, сколько прошло времени. Роун казалось, что уже целую вечность она одна, с тех пор как Принцессу увели похитители.

Людорика охотно покинула свою темницу, видимо предвкушая свою встречу с братом-тюремщиком.

Как только Людорика удалилась, Роун смогла трезво оценить ситуацию. Сейчас у неё была одна задача - поскорее выбраться из этого каменного мешка и поторопиться в лагерь. Принцесса указала ей ориентир - гору. Однако оставалось неясным, как всё-таки осуществить побег? Имея только станнер и прожектор и никаких инструментов. И она опять опустилась на колени перед замочной скважиной, изучая устройство замка. Старинные замки были несложные. Его можно было бы открыть, имей она необходимые инструменты. Но в её драгоценном поясе не было ничего подходящего. Ничто не могло пригодиться и из этого маскарадного костюма - платья, от которого она когда-то была в таком восторге. Как бы она хотела оказаться в привычном комбинезоне, вместо груды мятого, грязного тряпья. На полу валялись накидки. Роун решила осмотреть их и тут же обнаружила твердый каркас в капюшоне Принцессы. Зубами отодрав подкладку, Роун вытянула проволоку.

Солнце, разбудившее её с утра, ушло на другую сторону замка, и теперь горы отбрасывали длинные серые тени.

Тюремщики принесли Роун блюдо с хлебом и вяленым мясом. Она подкрепилась, и с тех пор её не беспокоили.

Прильнув к двери, Роун прислушилась. Ага, наконец-то какие-то звуки. Но не из-за двери, а со двора. Она подбежала к окну: оседланные двуроги, четверо людей, зажжённые фонари. Прямо под окном располагался вход, из которого проследовали трое. В одном из них Роун по форме узнала Реддика. Одной рукой он сжимал запястье Принцессы, хотя она и не сопротивлялась. Другой мужчина был одет во всё зеленое: накидку, застёгнутую на груди и остроконечный колпак. В его руках что-то поблескивало. Когда они приблизились к двурогам, мужчина обогнал Принцессу и поднял свой блестящий предмет. Одновременно до Роун слабо донеслись непонятные слова.

Реддик подсадил Принцессу в седло, не выпуская из рук вожжей её двурога. Ворота распахнулись, и Реддик вывел под уздцы двурога Принцессы. Роун могла только гадать о значении того, что произошло на её глазах.

Одно было ясно: Принцессу держали под контролем. Раньше ей уже приходилось видеть подобные сцены. Но каким образом это им удалось (если только это не было связано с тем предметом, который держал второй мужчина), она не знала.

Самое мучительное - это ждать. Роун в нетерпении шагала взад-вперёд, раздражённо пиная пышные юбки. Сбежать в таком платье будет крайне затруднительно. Хорошо бы в этом замке найти что-нибудь более подходящее. Опять Роун расположилась перед дверью, колдуя над проволокой. Такая работа требовала большого внимания и точности.

Но наконец раздался щелчок и тяжёлая дверь поддалась. Роун выскользнула наружу, огляделась и осторожно закрыла за собой дверь. Её взору открылся узкий коридор с двумя дверями. Коридор заканчивался лестницей. Роун насторожилась. Послышались отдалённые шаги.

Роун бросилась к противоположной двери, и к её огромному облегчению она была не заперта. Роун затаилась, прильнув к узкой щели.

С лестницы спустился человек в форме, как у людей Реддика. В одной руке у него был небольшой поднос с графином и блюдом, в другой болтался фонарь.

Подойдя к двери, за которой ещё недавно томилась Роун, он поискал в связке ключ. Роун направила ни него станнер и нажала на кнопку. Человек беззвучно рухнул на пол. Роун бросилась к нему. Мужчина был не очень большим и Роун без труда затащила его в комнату.

Графин валялся на полу, его содержимое вылилось, образовав лужу. Роун залпом выпила остатки и быстро сжевала засохший хлеб и вяленое мясо. Отбросив посуду, Роун заспешила к груде мятой одежды, сваленной в углу. Скорее избавиться от этих юбок! Одежда была ей явно не по размеру, но Роун закатала рукава и штанины, затолкала в сапоги куски нижней юбки и набросила на голову капюшон.

С фонарём в одной руке и станнером в другой, Роун прокралась к лестнице и взглянула вниз. Там был ещё один слабо освещённый коридор. До неё донеслись голоса и далеко не приятный запах кухни.

До сих пор ей везло. Оставалось надеяться, что так будет и дальше.

Как Роун ни старалась ступать тихо, звук её шагов тяжело раздавался по лестнице. Нижний коридор заканчивался аркообразным входом, рядом с которым располагалась плотно закрытая дверь, которая по расчётам Роун вела во двор. Роун задула фонарь, поставила его на пол и на цыпочках двинулась в сторону двери.

Дрожа от каждого шороха, она подняла засов, на который была закрыта дверь. В любой момент люди, обедавшие в комнате за аркой, могли её увидеть. Прижимая к себе доску засова, Роун на секунду застыла и прислушалась. Потом, поставив доску у двери, она потянула ручку. В лицо ей ударил свежий ночной ветер. Роун выскользнула во двор, аккуратно прикрывая за собой дверь.

Стараясь держаться в тени, она осмотрела двор. У стены слева всё ещё стояла карета, дальше были стойла - оттуда доносился крепкий запах и топот двурогов.

К её удивлению, на стенах не было заметно ни одного часового, но обольщаться не стоило. Где-то стража обязательно есть.

Роун опять вернулась к карете. Если она так близко стоит к стене, то можно воспользоваться ей как лестницей. Но как спуститься с другой стороны? Потребуется верёвка. Упряжь, оставленная у кареты! Немедля Роун приступила к осуществлению своего плана.

Забраться на козлы не составило труда. Роун нащупала упряжь, испробовала её на прочность, и, уверенная, что такой канат выдержит её, полезла наверх. Стена была совершенно гладкая, зацепиться было не за что. На секунду Роун растерялась. Ну конечно же - флагшток у ворот. Знамена были спущены, оставалось только зацепиться. Роун сделала из упряжи петлю и бросила её в сторону ворот. Ещё и ещё взлетало лассо, и вот, наконец, петля зацепилась и плотно обхватила флагшток, со звуком, прозвучавшим для Роун как удар грома. Спускаться по стене было уже легче. Роун сама удивилась, как гладко всё прошло.

В сумерках Роун едва разглядела шпиль, указанный Принцессой, как ориентир. Туда даже пролегала дорога. Не тропинка, заросшая колючим кустарником, а широкая дорога. Лучше держаться её, а в случае опасности укрыться в лесу.

Теперь, когда тюрьма осталась позади, можно было подумать о будущем. Во-первых, конечно, вернуться в лагерь, если, конечно, он ещё существует. Если бы только дядя Оффлас знал о том, что может произойти - о том, как близко были искатели Короны к их находке.

Мысли Роун потекли в другом направлении. Принцесса - куда повёз её Реддик и зачем? Без сомнения, Людорика поехала не по своей воле, несмотря на то, что она не сопротивлялась.

Да, у Людорики явно были проблемы, но у Роун их было не меньше. И опять Роун терялась в догадках. Почему всё время, проведенное рядом с Принцессой, Роун чувствовала себя обязанной помогать ей? А теперь - почему она чувствовала облегчение, как будто она освободилась от сковывающих её пут? Неужели все неосторожные и необдуманные действия (с точки зрения Службы) последних нескольких дней - результат общения с Принцессой? И почему теперь, когда Принцессы не было рядом, исчезло и мистическое влияние наследницы престола Ревении? Неужели это заложено в ней самой - такая отзывчивость на мольбу о помощи?

Роун была достаточно подготовлена в области различных видов общения и оказания влияния, как в среде людей, так и машин, чтобы знать, что такое воздействие возможно. И пожалуй, именно в нём заключается тайна Клио. В очень древних цивилизациях, даже на заре её цивилизации, до того, как люди покинули свою родную планету в поисках тысяч далёких миров, были времена, когда правители исполняли роль священников и по наследству передавали магическую силу. А что если основатели Клио использовали этот опыт, наделив избранных править мистическими чарами, позволяющими держать остальных в подчинении?

Но как Реддик и другие мятежники находят себе последователей? Как они смеют бросать вызов магии?

Наверняка, тем, кто превратил Клио в лабораторию для проверки своих теорий, не было нужно общество, стоящее на месте. Возможно, влияние не распространяется на равных или сила его возрастает время от времени - например, когда монарху угрожает смертельная опасность. Или - можно было придумать множество правдоподобных вариантов. Но будут ли они служить ей оправданием перед дядей Оффласом и Службой? Конечно же, они будут рады узнать как можно больше о Клио. И если такое влияние и существует, то психо-тест его обязательно выявит. Но надо добраться до лагеря, надеясь, что бурная деятельность искателей не заставит Дядю Оффласа покинуть стоянку.

Вот теперь Роун жалела, что не взяла с собой ком. Но почему? Ну конечно же, она сама находилась под влиянием!

Надо же, бояться встречи со своими! С каждой минутой Роун всё меньше понимала логику своих действий.

Ответ мог быть только один - держаться подальше от местных жителей, чтобы не попадать под влияние, существующее на планете, для доказательства теорий людей, давно ушедших из жизни.

Дорога вильнула, потом ещё раз, но ни секунду заветный шпиль не исчезал из виду. Над лесом вставала полная луна, освещая всё вокруг серебряным светом.

Роун добралась до ручья, где дорога круто сворачивала на север. Теперь журчащая вода служила ей ориентиром. Похоже, что в другое время года это была небольшая речка, но сейчас она пересохла, обнажив песчаный и каменистый берег. Пару раз Роун вспугнула животных, пришедших на водопой. Один довольно крупный, но безопасный на вид зверь печально протрубил и скрылся в чаще. Станнер Роун держала всегда наготове, на случай встречи с кем-нибудь более воинственным. Очень скоро в свете луны Роун смогла различить глубокие следы копыт! Двурог, в этом она была уверена, и не один! Они следовали в том же направлении, что и она! И хотя Роун не очень-то разбиралась в следах, ей показалось, что они свежие.

Похитители Людорики? Если это так, то тем более ей стоит поспешить и предупредить всех своих. Ещё есть время выставить дисторты, и тогда они не доберутся до установки.

Вообще-то, единственным, чего стоило по-настоящему бояться, была встреча с Принцессой. Потому что в душе Роун свыклась с мыслью, что Людорика воспринимает её помощь как должное.

Необходимо предупредить и Дядю Оффласа и Сандара, хотя они и не поддались чарам Принцессы, когда та находилась в лагере. В лунном свете все предметы казались черно-белыми. Деревья отбрасывали острые тени. Вдруг Роун остановилась и обхватила руками голову. Первые признаки дискомфорта. Она знала, что это за ощущение - действует дисторт. Роун поняла что ей предстоит. На ней не было отражателя и теперь дисторт будет оказывать на неё то же воздействие, что и на всех местных жителей. Можно было только надеяться, что включенный маяк поможет ей пробраться в охраняемую зону. Совсем рядом Роун увидела, что следы двурогов резко свернули - всё тот же дисторт.

Роун атаковали без всякого предупреждения. Откуда-то из темноты змеёй скользнула веревка и обвилась вокруг плеча.

Роун не успела даже понять, что происходит. Прежде чем она сообразила воспользоваться станнером, руки её были привязаны к телу, и кто-то бросился на неё, сбивая с ног. Роун и не могла сопротивляться. Потом её подняли на ноги и перед ней предстали трое мужчин. Четвертый держал её сзади. В ярком свете луны Роун узнала одного из похитителей.

- Полковник Имфри! - в изумлении воскликнула она.

- Кто ты? - он подошел ближе, разглядывая её лицо. Теперь пришла его очередь удивляться:

- Леди Роун! Но как? Где Принцесса? Немедленно развяжите её! - Верёвочная петля упала к её ногам.

- Где Принцесса? - опять спросил Полковник.

- Она уехала из замка вместе с Реддиком.

- Какого замка? Где? - Полковник больно сжал её плечо, как будто желая вытрясти из неё правду.

- Дайте мне отдышаться, - Роун решила, что больше никогда не поддастся влиянию.

- Да, конечно, - Полковник убрал руку. - Простите меня, леди. Но Её Высочество в руках Реддика.

Роун постаралась в нескольких словах рассказать обо всём, что произошло.

- Предатели, они применили магический шар, - прервал её Полковник, - и эта карета с гербом Релинга - я уверен, что он ведёт двойную игру, несмотря на всё доверие Принцессы. Теперь они могли отправиться только за Короной. А Вы, Леди, знаете где она. Отведите нас туда. Здесь есть что-то странное. Вот уже два дня мы бродим здесь и не можем приблизиться к ориентирам, указанным Принцессой. Нам надо спешить, а иначе Реддик...

- Нет! - закричала Роун.

- Нет? Что вы имеете ввиду? - Полковник отстранился, в изумлении глядя на Роун.

- Нет, я с вами не пойду. - Роун выхватила станнер и направила его луч на Полковника и его людей.

Мужчины пошатнулись, но не упали. Однако этого было достаточно, чтобы она успела убежать. Не оглядываясь назад, Роун бросилась в зону действия дистортов. Голова её раскалывалась, идти было трудно, но она знала, что уж там они её не достанут.

По лицу скользнула ветка, потом - другая. Теперь она находилась в зоне отпугивающего действия дистортов.

Нет! Пускай Людорика и её сподвижники сами разбираются со своими проблемами. А её в эти игры они уже не втянут.

Глава 11

Волны действия дисторта ослабевали - должно быть приближался край защитной зоны. Преодолевая боль, Роун упорно шла вперёд, мечтая поскорее избавиться от влияния. И вдруг оно исчезло!

Перед ней была крыша лагеря. Роун откинула капюшон, чтобы её могли узнать, увидев на телеэкране. Никаких признаков жизни. Внутри - ни души. Но где же они? Роун боялась, что на входе уже поставлен новый код, не отвечающий на её отпечатки пальцев. Но дверь открылась. Так, значит, они её ещё не отлучили.

Внутри отсеков никого не было. Полки, где хранились инструменты были пусты. Дядя Оффлас и Сандар работали где-то, наверное в пещере.

Роун подошла к кому. Может, подать сигнал отсюда, предупредить. Но, к сожалению, это было невозможно, Роун увидела, что связь с планетой отключена. Вместо неё была включена внешняя связь, со Службой. Или они решили возвращаться на корабль, или готовились сделать это в любой момент. Роун нажала на кнопку воспроизведения.

- Ага, вот оно как, - произнесла она вслух. Они отправили сообщение Службе и получили приказ провести исследования в течение 3-х планетных дней, а после того готовиться к отбытию. Когда истекал срок - не известно.

Роун знала, как ей теперь следовало поступить. Конечно, это не отвратит справедливого наказания, но, все же, защитит её от субъективного мнения Дяди Оффласа.

Она отыскала чистую плёнку и вложила её в капсулу, которая, получив номер, могла быть распечатана только в Службе. Сидя за столом у микрофона, Роун тщательно продумывала свою речь.

Самое лучшее - рассказать обо всём простыми словами. Итак, она четко изложила все события, произошедшие с момента появления Принцессы. В заключение последовали краткие выводы - о Короне, влиянии и обо всём, что ей пришлось испытать. Возможно, Службу это и не заинтересует, но специалисты - они оценят.

Закончив, Роун отправила капсулу и облегчённо вздохнула. Всё, дядя Оффлас не сможет ничего изменить.

Только сейчас Роун поняла, как она устала. Борьба с дистортом совсем измучила её, Роун еле держалась на ногах. Но нет, спать нельзя, нельзя поддаваться минутной слабости. Необходимо скорее предупредить дядю Оффласа и Сандара!

Роун стянула с себя чужую одежду. Надеть комбинезон, а стоит ли? Отправиться к пещере лучше в одежде Клио, комбинезон будет слишком бросаться в глаза.

Роун поймала себя на том, что мысли её плывут. Добравшись до освежителя, она сконцентрировалась и набрала код.

Брызжущие капли воды образовали вокруг неё розовую дымку.

Роун с наслаждением подставляла живительным струям лицо, вдыхала свежий аромат. Но надо знать меру: если пробудешь в освежителе слишком мало времени - усталость вернётся, слишком много - появится эйфория, способная толкнуть её на необдуманный, неосторожный поступок.

Этот способ обычно используют в момент крайней опасности.

Туман, висевший перед глазами, исчез, Роун выбралась из освежителя: от её былой усталости не осталось и следа.

В банном халате, Роун вернулась в радиорубку. Сейчас она уже могла сосредоточиться, чтобы понять сигналы кома. Один из них показался ей странным. Роун нахмурилась: нет, не может быть, чтобы запас энергии дисторта так скоро иссяк. На экране была карта местности, красными точками отмечались места расположения дистортов, один из которых явно угасал. Роун спешно проверила остальные. Вот оно как - их пора подзарядить. Но дядя Оффлас перед уходом обязательно бы позаботился об этом!

Всё это значит, что они не смогли вернуться вовремя, что-то их задержало. На экране отчаянно замигала и погасла лампочка - дисторт закончил своё дежурство. Перед Роун встала ещё одна проблема - проверить все дисторты и перезарядить их, или поспешить к пещере, предупредить своих?

Перезарядка дистортов могла означать потерю драгоценного времени, а также встречу с Имфри и его людьми. Нет - скорее к пещере.

В своём отсеке Роун заново облачилась в одежду местной жительницы и проверила пояс, добавив в него свежезаряженный фонарь и отражатель, который защитит её от дистортов.

На рассвете Роун покинула лагерь. Небо было чистое, день обещал быть ясным. По дороге к пещере Роун не встретила следов Имфри, но прямо у входа детектор успел вовремя подать сигнал и Роун бросилась в укрытие. За кустами кто-то скрывался. Роун лихорадочно размышляла. С такого расстояния его вряд ли можно поразить станнером, разве толь-

ко обезвредить на время, достаточное, чтобы перебраться в пещеру. Роун нажала на кнопку.

В кустах никто не пошевелился. Роун пожала плечами и бросилась в узкую щель между скалами. Через мгновенье она уже была в пещере - хотя ей и показалось, что прошла целая вечность. Атаки не последовало, всё было тихо. Роун осмелилась выглянуть. Из-за куста торчала нога, обутая в сапог. Роун ещё раз, на всякий случай, нажала на кнопку станнера.

Узкий коридор, в котором прежде царила тишина, теперь был наполнен звуками. Напряжённо прислушиваясь, Роун попыталась различить голоса. С приближением к таинственной установке шум усилился. Блеснул свет, и Роун увидела, что вместо прозрачной панели к установке ведёт открытая дверь. Поэтому в пещере было так шумно.

Роун подошла поближе. Перед ней находился двойной ряд высоких колонн. Каждая была снабжена своего рода передней панелью, которая светилась причудливым узором, похожим на карту. И каждую венчало нечто странное, явно не принадлежавшее простым и чётким формам колонны. Да, каждая колонна была буквально коронована. На вершинах покоились миниатюрные диадемы, сверкающие драгоценными камнями.

Две колонны в ряду не освещались: на ближайшей корона была темна и безжизненна. Но остальные ослепительно сияли: по верху шли ряды маленьких лампочек, таких же, как и на панелях с картами. Лампочки то зажигались, то гасли, поражая своим разноцветьем.

Теперь Роун знала, что установка не принадлежит Предтечам. Она каким-то образом была связана с проводимым на Клио экспериментом. Роун созерцала бегущие огоньки, как вдруг прямо перед ней из-за колонны появился дядя Оффлас. Её реакция была мгновенной: она выхватила станнер и направила его на дядю. Ведь он мог сразить её лучём, не разговаривая.

- Роун! - прогремел голос дяди.

Она не ошиблась. Рука дяди сжимала станнер. Он приближался.

- Дисторты разряжаются, - тихо произнесла Роун. - Они не вечны, - краткость Бейсика казалась грубой после переливов языка Клио...

- Откуда ты взялась?

- Мне удалось сбежать из замка в горах. Но сейчас это неважно. Они идут сюда искать Корону.

- Сколько их? - потребовал дядя.

- Две команды, одна с Принцессой, другая - только её люди. Я не знаю точно, сколько их. Она пленница, её родственник хочет завладеть Короной, - всё это Роун выпалила в одну секунду. - Принцесса сказала, что только Королевские особы могут прикасаться к Короне - остальных она убивает.

Дядя Оффлас повернулся к одной из машин. Приблизившись, Роун смогла явственно различить знакомую ей карту - Ревения!

Венчавшая колонну Корона была похожа на ледяную. «Что это за металл,» - терялась в догадках Роун, - «может, это Хрусталь?»

Корона представляла собой обруч, в центре которого смыкались несколько ответвлений, поддерживающих звезду, сияющую белым светом.

- Да, миниатюра впечатляет, какова же тогда настоящая Корона!

- Сандар отправился на её поиски. Он не вернулся.

В этот момент со стороны входа в пещеру послышались шаги множества людей. Это не Сандар... Что же делать? Спрятаться за колоннами? Но дядя Оффлас не шевельнулся, Роун последовала его примеру. Кто это - Имфри или похитители Принцессы?

За стеклянной дверью показался полковник. В одной руке он держал факел, в другой - тяжёлое огнестрельное оружие.

Роун почувствовала себя очень уязвимой, но взгляд полковника был устремлён вперёд, и ни он, ни его люди не обратили ни малейшего внимания на стеклянную панель, дверь и установку за ними.

- Влияние, - послышался голос дяди Оффласа, - великолепный пример воздействия - перед нами ещё одно тому доказательство.

Полковник и его люди ушли. А что если они встретят там Сандара? У него есть станнер. Но Принцесса и Реддик - они тоже уже могут быть там? Дядя Оффлас прислушивался, и Роун отважилась задать вопрос.

- Что, если они встретят Сандара?

Дядя ничего не ответил, а только свирепо посмотрел на Роун, как будто она не прошептала, а прокричала. Раньше одного такого взгляда было достаточно, чтобы Роун умолкла, но дядя Оффлас всего лишь человек, не какой-нибудь супермен. Он может испортить ей будущее, но она будет защищаться. Роун удивилась собственной храбрости.

Казалось, что дядя Оффлас пребывает в нерешительнос-

ти. Они могли последовать за полковником, расчищая себе путь станнерами. Роун не могла понять, почему дядя не сделал этого.

Вдруг их раздумья были прерваны сухими щелчками, доносившимися с колонны, поддерживающей ледяную Корону. На передней панели начался сумасшедший танец цветных вспышек. Блеск Короны становился всё ярче и ярче, превращаясь в сияние, от которого болели глаза. Раздался очередной щелчок и лампочки замерли в новой комбинации.

Дядя уставился на экран и направил на него камеру, чтобы записать все изменения.

Роун точно знала, что произошло, как будто она всё видела своими глазами. Ледяная Корона была найдена. Но кем? Принцессой, Сандаром или Имфри?

Из глубины пещеры ещё доносились какие-то громкие звуки, многократно повторяющиеся эхом. Роун показалось, что она услышала несколько выкриков. Схватка между людьми Реддика и Имфри?

- Что там... - она снова обратилась к своему дяде. Но он был полностью поглощен записью с экрана.

- Меняется, - он разговаривал сам с собой, - по меньшей мере пять различных изменений комбинации. Совершенно иной ход событий.

Новый ход событий! Принцесса или Реддик? Но Роун больше не собиралась в это вмешиваться. Только без неё!

Говоря себе это, Роун двинулась к двери. Выйдя в тоннель, она бросила оборудование, которое дядя Оффлас приказал ей держать, и побежала. Часть её мозга, разумная часть, которая до сих пор была Роун Хьюм, боролась с той упрятанной частью, которую, как ей казалось, она контролировала.

Роун не хотела бежать, но та похороненная и забытая часть её рвалась наружу и диктовала свои условия. Добежав до конца тоннеля, Роун вытащила станнер и прислушилась. До неё донеслись приглушённые голоса, были видны вспышки света. Она прокралась в ту часть пещеры, откуда был виден скелет...

Огромный кусок скалы уже не преграждал путь.

В зале стояла Людорика, выставив вперёд руки с растопыренными пальцами. В её руках красовалась Ледяная Корона, точно такая, какую Роун видела на колонне.

Разглядев в свете факелов лицо Принцессы, Роун отпрянула в изумлении. Такой она ещё ни разу не видела Людорику. На её лице была написана алчность, нет, какая-то другая

эмоция, вызывающая отвращение, отталкивающая, а не привлекающая, как раньше. Казалось, что Людорика в своей эйфории никого и ничего вокруг не замечала.

Справа от Принцессы стоял Реддик. В его руке было то самое массивное оружие, из его дула тянулась тонкая стуйка дыма. Двое из людей Имфри лежали сражёнными насмерть недалеко от того места, где пряталась Роун.

А сам полковник - Роун едва сдержала крик ужаса - привалился спиной к стене, одна его рука безжизненно болталась, на плече расплывалось тёмное пятно.

Полковника сторожили двое солдат Реддика.

- Король умер - да здравствует Королева!, - торжественно объявил Реддик. - Моя Королева, как Вы прикажите поступить с этими наглецами, осмелившимися покуситься на величайшее сокровище Ревении?

Не глядя на полковника, Людорика произнесла механическим голосом:

- Все видят, я - Королева, а они - предатели, они хотели похитить Корону!

Реддик усмехнулся, а на лицах полковника и оставшихся в живых солдат отразился ужас, как будто они не верили своим ушам.

- То были слова Королевы! - проговорил Реддик голосом судьи, выносящего приговор. - И с ними поступят как с предателями. Моя Королева, - он вновь обратился к Людорике, - это место недостойно Вас. Вам нужно показаться народу.

Маска жестокости на лице Людорини смягчилась. Да, теперь её голос стал больше похож на человеческий:

- Поехали. Ведь я владею этой Короной ради Ревении.

Не отрывая взгляда от Короны, Принцесса последовала к выходу. Реддик задержался, проследив за тем, чтобы его люди связали оставшихся солдат Имфри.

- Как и всегда, Корона сказала своё слово, мой храбрый полковник. Теперь я знаю, что для Ревении начинается новая жизнь, но не уверен, придется ли она Вам по вкусу. Будет лучше, если Вы покинете нас, полковник. Слово её Величества - закон, ей решать, когда и как это произойдет. Но, умоляю Вас, не надейтесь на старую дружбу. Вы же прекрасно знаете, что после коронации монарх уже не тот, каким был раньше. Интересно, в какую сторону изменится наша Принцесса?

- Вы не сможете всю жизнь держать её под магическим шаром! - Полковник уже оправился от потрясения.

- Магический шар? Ах, да, мы использовали его, чтобы

заставить Принцессу прийти сюда. Ведь Корона признаёт только её. Но уверяю Вас, мой славный полковник, в том, что произошло после, вините только Корону. Править страной и быть наследницей трона - разные вещи. Я уверен, что это уже не та Принцесса, которую Вы знали, а Королева! Нам пора. Взять их! - приказал он своим солдатам.

Роун была настолько поражена происходящим, что у неё даже не возникло желания принять участие в событиях. Но теперь, когда люди Реддика уводили своих пленников, Роун приготовила станнер. Она больше не станет на сторону той, за которую пострадал Имфри, но она и не позволит Реддику расправиться с Полковником. Но, как только Роун подняла оружие, сзади кто-то перехватил её руку и держал, не давая ей пошевельнуться.

Раздался еле слышный шепот: - На этот раз ты не сделаешь этого, идиотка! В такие игры мы не играем!

Сандар! Но как он очутился здесь? Не успела Роун опомниться, как Сандар потащил её назад, так что она больше не видела того, что происходит в пещере Ледяной Короны.

Они удалялись, а Роун всё ещё продолжала сопротивляться. Тогда Сандар со всей силы шмякнул её о стену пещеры. В его голосе зазвучала холодная угроза:

- Ты хочешь, чтобы я выстрелил в тебя из станнера и волок на себе? Я сделаю это, не сомневайся. Ты уже отличилась и этого достаточно. То, что случиться с этими куклами - не твоя забота. Они ведь куклы! Уж мы-то знаем! Они запрограммированы делать то, что укажут им те машины. А какая разница, в какие игры играют марионетки? О тех установках мы узнали многое.

- Они не марионетки! - от обиды и ярости Роун закричала. - Если они и куклы, то не более, чем мы, когда находимся в Школе. Если бы не их Корона, если бы не эти установки - они были бы свободны. Они - люди!

- Нет, - Сандар продолжал сжимать её руку, - они лишь проигрывают события, придуманные для них машинами. Если после нашего рапорта Служба прикажет вмешаться, то это другое дело. Но нас это не должно волновать. Ну, ты пойдешь сама, или я тебе врежу и потащу?

Глава 12

С Сандаром бороться было невозможно. Роун знала, что он сдержит своё обещание.

- Я пойду, - мрачно ответила она.

Сандар всё ещё держал свою руку на плече Роун, так они

и двигались к широкому тоннелю, где их неожиданно осветил луч фонаря. Дядя Оффлас вздохнул с облегчением.

- Скорей!

Он не спросил ни где был Сандар, ни что такое сделала Роун. Луч скользнул, указывая путь к выходу.

Сандар со злостью толкнул Роун. Выйдя наружу, мужчины, не сговариваясь, бросились в сторону лагеря, не заметив человека, сражённого станнером Роун. Сандар всё ещё держал её, как будто боялся, что Роун может сбежать.

- Дисторы все сдохли - кроме одного, - Сандар прочёл показания приборов.

- Не удивительно. Их не подзарядили, - мрачно ответил дядя. - Чем раньше мы уберёмся отсюда, тем лучше. Не знаю, чем закончится то, что ты здесь натворила.

Дядя одарил её ледяным взглядом, от которого у Роун мурашки пробежали по коже.

- Хотелось бы надеятся, что нам удасться взлететь, не обнаружив себя полностью.

- А что с установкой? - первый раз в жизни Роун осмелилась задать вопрос в такой ситуации. - Неужели мы, или Служба, так и оставим её? Сандар говорит, что все люди на Клио зависят от неё, что они - марионетки. Это же противоречит Четырём Законам.

- Закрытые планеты, как ты знаешь, не попадают под Основной Закон. То, что решит Служба после нашего рапорта, не наша забота.

Роун поняла, что дальше спорить бесполезно.

Однажды Психократы сделали людей других планет частью их эксперимента. А когда, наконец, эпоха их ужасного правления закончилась, и рабы вырвались на свободу, результаты как вмешательства Психократов, так и освобождения от их власти, ещё долго сказывались на поколениях людей и служили предупреждением человечеству.

Даже если бы ей самой не случилось познакомиться с Людорикой или полковником, не случилось быть втянутой в паутину интриг, открытие установки возмутило бы её не меньше. Сандару легко называть людей марионетками, но она, Роун, жила их жизнью и видела, что это нормальные люди, гораздо более человечные, чем двое мужчин рядом с ней. Что ж, разумней и проще всего оставить решение главной проблемы на усмотрение Службы, но как люди, находящиеся на расстоянии Галактики, могут определить судьбу Клио? Да и когда они вмешаются, если вообще решат это сделать?

Конечно, тогда уже полковнику ничем не поможешь. Роун не сомневалась, что Реддик сделает всё возможное, чтобы избавиться от Нелиса Имфри. А Принцесса, ныне Королева, - она изменилась, стала жестокой. Людорика не заслуживает этого рабства.

Мысли Роун вращались вокруг одного и того же. Теперь уже на неё не распространялись чары Принцессы, но она никак не могла выкинуть из головы туманное будущее Ревении и её новой Королевы.

Сандар втолкнул Роун в палатку вслед за дядей Оффласом, а сам отправился собирать дисторты.

Не обращая внимания на Роун, дядя Оффлас направился прямо к кому, посмотреть, не было ли каких-либо сообщений за время их отсутствия. По щелчку машины Роун поняла, что сообщений нет. Дядя Оффлас вытащил рекодер и уже было собрался нажать на кнопку, как что-то ему не понравилось и, впервые с того момента, как они покинули пещеру, он обратился к Роун.

- Кто-то сделал запись.

- Это сделала я, когда вернулась в лагерь, - и Роун почувствовала, что одержала маленькую победу. Ему уже не стереть отправленное.

Но дядя почему-то совершенно не был зол. Скорее в лице его читался интерес, как будто бы он сделал новое открытие.

- И что же ты записала - как глупо ты себя вела? - ни тени холодности в его голосе, как будто он искренне хотел узнать правду.

- Я рассказала о том, что со мной произошло, - спокойно ответила Роун. Потом, набравшись смелости и, таким образом, восстав против своего пожизненного рабства, она выпалила:

- Он, Граф Реддик, хочет убить полковника. Принцессу держат под контролем. У них всё, как по нашим старым записям о злых чарах. Полковник - её друг, но она приказала его казнить. Но не она хочет этого - это машина! Мы не можем позволить ей сделать это!

Она рассчитывала, что дядя не захочет и слушать её. Вместо этого, он всё с большим интересом её разглядывал. Поначалу это обнадёживало, но потом Роун поняла. Он смотрел на неё изучающе, как на часть таинственной установки. И в этот момент Роун поняла, что если что-то и можно сделать, чтобы изменить складывающееся положение вещей, то это сделает она одна.

- Ты сочувствуешь этим людям, тебе они нравятся?

- Да.

- Что ж, ты совсем недавно вернулась с интересного брифинга. Этим можно объяснить твою подверженность сильному влиянию, даже чужеродного характера. Это также свидетельствует о том, что установка действует и на тех, кто владеет Бейсиком. Я думаю, Роун, для Службы это может послужить веским аргументом и объяснит твоё, мягко говоря, необычное поведение. Ну, а что касается твоего дальнейшего вмешательства - ты должна отдавать себе отчет, что об этом не может быть и речи. Во-первых, если мы и сможем остановить эти машины, то представь себе, что может произойти. В течение веков люди Клио жили под влиянием этих машин, и теперь потеря контроля будет фатальной. Ты об этом подумала?

Роун молчала. Нет, об этом она не подумала. Ей не пришло в голову, что контроль машин может иметь такое большое значение. Они успели лишь познакомиться с установкой Психократов, но многого о ней не знали.

Одно дело - постепенное изменение программ, и совсем другое - внезапное и полное отключение контроля.

- Аротнер.

- Что?

- Была такая страна у моря.

И Роун вкратце рассказала эту историю. Дядя Оффлас закивал.

- Видишь, Короны непосредственно контролируют правителей. Случись что-нибудь с Короной, и люди превратятся в бесполезных марионеток, брошенных артистами. Эта Ледяная Корона была потеряна в течение двух поколений - но тем не менее она продолжала существовать. Произошел временный перерыв в трансляции. Резкое изменение, случившееся, когда Принцесса нашла Корону, возможно, стало компенсацией за эти долгие годы и, таким образом, машина вернула страну в предназначенное ей русло. Так было необходимо.

- Необходимо! - в негодовании воскликнула Роун. - Необходимо, чтобы Реддик сделался правителем, а она изменилась, стала бессердечной! А насчёт установок, разве не правда, что закрытым мирам должна быть задана основа, начальные условия, исходя из которых, они будут действовать? Разве целью эксперимента не было пронаблюдать процесс развития цивилизации?

- Такова была наша концепция до тех пор, пока мы не

сделали этого открытия. Оказывается, мы ошибались. Мы прибыли сюда за сокровищами Предтеч, но, возможно, мы натолкнулись на что-то равноценное. Сейчас у нас есть все основания полагать, что эксперимент продолжался сам по себе.

Дядя Оффлас вернулся к рекодеру.

- Я должен записать всё о нашем открытии. А ты запомни - больше никакого вмешательства. При необходимости, - холодно добавил он, - мы можем поместить тебя в стасс, до возвращения на корабль. Никаких действий кроме тех, которые необходимы для выполнения нашей миссии. Да, и оставь свой пояс, - дядя указал на стол.

Итак, он лишил её возможности действовать самостоятельно. Роун расстегнула застёжку.

Дядя Оффлас забрал пояс и добавил:

- А сейчас займись провизией. Двойной рацион.

Роун неохотно повиновалась.

Только сейчас она почувствовала, что очень устала, эффект освежителя заканчивался. Даже если по счастливой случайности ей бы и удалось сбежать из лагеря, ей не хватит сил добраться до Хитерхау. Да и какой смысл бежать без станнера? Роун достала тюбики и контейнеры. Двойной рацион? На секунду она отвлеклась от своих проблем. Вошёл Сандар. Загрузив поднос провизией, Роун вернулась к кому.

- Не могу понять, почему они молчат! Мы же подали экстренный сигнал. Они не могли изменить орбиту. А если бы такое случилось, то они бы послали предупреждение. - Дядя Оффлас без конца нажимал кнопки кома.

- У одного дисторта осталось четверть запаса энергии. - Сандар сваливал ящики на пол. - Остальные работу закончили. Где-то есть утечка энергии. Не может быть, чтобы так скоро понадобилась полная перезарядка.

- Мы ничего не знаем об установке. Вполне возможно, она тянет энергию из любого источника, находящегося поблизости.

- Но если это так, - обрадовался Сандар, - то можно сделать и наоборот. Мы можем качать энергию из неё. Даже построить целую силовую стену, пока мы сидим здесь, ожидая сигнала.

- Слишком большой риск, - покачал головой его отец. - Но ты навел меня ещё на одну мысль. Мы не сможем подзарядить дисторты, потому что подвергнем опасности передачи нашего кома. А оставаться здесь, в незащищённом лагере - это мне тоже не нравится.

- Взорвать лагерь и перейти в другое укрытие? - предложил Сандар.

- Возможно. Если бы только нам не надо было ждать сигнала.

- Пока в лесу нет ничего подозрительного, - дополнил Сандар, - мы можем вернуться к пещере и у входа установить репеллер. Они ведь нашли свою Корону, вряд ли они вернутся.

Роун разделила контейнеры с едой, забрала свою долю. Сидя в своём отсеке, Роун почувствовала, что ей смертельно хочется спать. Но несмотря на это, она упорно продолжала жевать. К концу трапезы Роун пришлось сдаться, и сон сморил её.

Роун часто видела сны. Во сне она побывала в таких удивительных местах, что многие из них были гораздо более странными, чем далёкие миры. Но этот сон был самым ярким и запоминающимся из всех виденных ею.

Как будто бы она входила в комнату, похожую на комнаты в посольстве Гастонхау. Там были кресла с высокими резными спинками, стены были драпированны богатыми коврами, изображавшими сцены охоты. Все вещи в комнате были старинными, вековая пыль лежала на мебели.

Роун так отчётливо видела комнату, как будто она сама там была. Вот перед ней длинный стол из темно-красного камня с изумрудными прожилками. На столе стояло золотое блюдо, нож, вилка и ложка - всё сделано из золота и украшено драгоценными камнями.

Необычно далеко стоял второй прибор. Он был сделан из серебра. Комната была пуста, но в воздухе витало ощущение, что здесь кого-то ждут. И Роун с нарастающим волнением ожидала, как произойдет нечто важное.

В дверях появился мужчина в расшитой ливрее. Он почему-то шёл спиной, постоянно хлопая тому, кто следовал за ним. А это была роскошно одетая дама, одной рукой она легко придерживала пышное платье, в другой - держала пурпурный веер из перьев.

Платье с тесным лифом и глубоким вырезом было темно-пурпурного цвета, кружева светились серебряными нитями. На шее красовалось причудливое ожерелье, волосы были собраны в высокую причёску, в ушах сияли крупные серьги с чёрными камнями. Сомнений не было - вошла Королева Людорика.

За ней следовали две дамы, одетые в серое и черное. Их головы были покрыты густой черной вуалью.

Одна из них встала возле стола, напротив Королевы, а другая осталась в дверях. Появился Граф Реддик. Его костюм был также тёмно-пурпурного цвета. Реддик подошёл к столу, церемонно помог Королеве сесть, а потом сел сам на почтительном расстоянии.

Дама, стоящая у дверей, принесла поднос, на котором стояли два кубка в форме фантастических животных, фигуры которых Роун видела во дворе в Хитертау. Дама наполнила кубки из стоящего на подносе графина, и тут же послышались металлические шажки: это шли кубки, один к Людорике, другой к Реддику.

Внесли поднос. Королева и Граф принялись за еду. Роун видела, как двигались их губы, и поняла, что они разговаривают, но почему-то до неё не доносилось ни звука. Когда тарелки опустели, Реддик достал какой-то свиток, разгладил его на столе и принялся читать вслух. Роун не могла видеть буквы, но разглядела алые и чёрные ленты свитка, скреплённые печатью.

Королева откинулась на спинку кресла и медленно обмахивалась пурпурным веером. Куда-то исчезла живость её глаз, искренность взгляда. Лицо Королевы выглядело застывшей маской под причудливой башней причёски.

Закончив читать, Реддик вопросительно взглянул на Людорику. Роун показалось, что он ожидал какой-то реакции: возражений или же замечаний. Но Королева только взмахнула веером. Из тени появился лакей, взял у Графа свиток и положил его перед Людорикой. Очевидно, что Королеве было всё равно, что содержал свиток, и что хотел от неё Граф.

Похоже, Граф повторил свою просьбу - его губы задвигались опять. Впервые за всё время Людорика ответила ему. Ни один мускул не дрогнул на её лице, зато лицо Реддика зарделось. Возможно, он пытался сдержать гнев.

Но, по-видимому, возразив Графу, Королева развернула свиток и застыла на несколько секунд, перечитывая его. Потом она заговорила вновь.

Одна из дам появилась с подносом, на котором стоял небольшой ящичек. Людорика открыла его, опустила туда большой палец правой руки, а потом приложила его к свитку: на бумаге остался чёрный отпечаток. Затем она опустила палец в маленькую ванночку с водой, принесённую второй дамой.

Оставив свиток на столе, Королева встала и проследовала из комнаты, не глядя на Графа, как будто он стал невидим-

кой. Реддик немедленно схватил свиток, спятал его за пазуху и быстро вышел из комнаты.

Роун попыталась проснуться. Только что она была свидетельницей реальных событий, как будто какая-то магическая сила перенесла её в замок.

Внезапно комната исчезла. Вместо неё Роун на секунду увидела знакомое лицо.

- Роун! - человек грубо тряс её.

- Нелис!

Роун открыла глаза. Оказалось, что Сандар вытащил её из мешка и теперь тряс, пытаясь разбудить.

- Роун! Просыпайся!

Роун никак не хотела мириться с тем, что она очутилась в лагере, а не в далёком дворце.

- Ну-ка, понюхай вот это, мозги сразу прочистятся.

И Сандар пихнул её голову вперёд, одновременно подсовывая что-то под нос. Роун вдохнула резкий запах. Да, действительно, туман перед глазами тут-же исчез.

- Что случилось? - буркнула Роун. Несмотря на мрачноватый характер её сна, Роун хотела сохранить его, особенно последнюю часть. Ведь стоит сновиденью ускользнуть, его уже не вернёшь.

- Мы перемещаемся, - Сандар встал. - Отец позволил тебе спать как можно дольше. Но сейчас собирай свои вещи и побыстрее. Мы готовимся уничтожать лагерь.

Роун вылезла из спального мешка, свернула и упаковала его. Её отсек был абсолютно пуст. «Да, они должно быть потрудились, пока я спала,» - промелькнуло у неё.

Странный сон оставил впечатление реальных событий. Нелис Имфри - вот кого это в большой степени касается. Свиток, принесённый Реддиком и подписанный Королевой, и промелькнувшее загорелое лицо полковника Имфри - это всё звенья одной цепи.

Что же такое нашло на неё?

Что за сила взяла над ней верх?

Неужели это всё продолжающееся влияние Принцессы, приказавшей ей повиноваться?

Но почему же сейчас влияние указывает ей на другого?

Роун прикрыла глаза рукой и попыталась сосредоточиться, противостоять этому новому воздействию. Нет, она не сделает этого, нет! Установке не получить её! Но причём здесь установка? Установка только что назначила Королеву, а сон приказал Роун пойти против её воли. Неужели она сама тоже превратилась в марионетку? Но чью?

- Роун? - появился Сандар. - Что такое? Тебя что, недостаточно разбудили?

- Нет! - Теперь ей требовалось время и покой, чтобы хорошенько всё обдумать. Но когда появится такой шанс - неизвестно.

Глава 13

Оборудование, завёрнутое в палатки, было замаскировано так, что издалека было невозможно отличить его от обычного кустарника. Трое исследователей, взяв с собой только самое необходимое, двинулись в сторону пещеры.

Там старший Кейл установил маяк - репеллер, закрыл его на свои отпечатки пальцев, так, что кроме него никто не сможет его открыть. Теперь, пока пояс Роун находился у дяди, Роун была пленницей пещеры. Никто не может выйти и никто не может войти внутрь пещеры.

Решив, что времени терять не следует, дядя Оффлас с сыном опять отправились к установке. На месте бывшего лагеря остался маяк, указывающий путь спасательной лодке с корабля. Роун последовала за мужчинами, но почему-то ей было трудно смотреть на столбы с коронами.

Интересно, правда ли, что исчезновение этого бесчеловечного контроля уничтожит Клио, превратит её в хаос и принесёт смерть людям-марионеткам? Или же... Без детального контроля специалистов наверняка ничего нальзя сказать. А такое исследование может занять годы.

Роун прислонилась к холодной стене и закрыла глаза. Видение вернулось к ней. Она отчётливо представляла каждую черточку, каждый отблеск света, платья, убранство комнаты, церемонию принятия пищи, выражения лиц.

Время! В отчаянии Роун сжала кулаки. Время работало против неё. А у неё ещё не было никакого плана.

Мерное бурчание машин отдавалось в её раскалывающейся голове. Роун почувствовала, что больше не может выносить этот звук.

Мужчины были полностью поглощены изучением установки. Вздохнув, Роун медленно побрела к выходу из пещеры, тому, через который пробирались люди Реддика. Но дядя Оффлас не забыл и о нём - установил барьер неподалеку от установки.

Нет, всё напрасно. В свете фонаря Роун проверила содержимое контейнеров.

Запасы пищи - много Е-рациона, большая медицинская

аптечка, дополнительные источники питания для фонарей и станнеров - ничего подходящего.

Это был контейнер дяди, оставался ещё Сандар. Роун открыла и его контейнер на всякий случай. Ещё один фонарь или... Роун пригляделась и в её душе промелькнула искорка надежды. Это был не регулировочный фонарь и не запрещённый бластер, а ручной инструмент археолога, похожий и на то, и на другое.

Роун поспешно вытряхнула содержимое трёх контейнеров на пол и попробовала подсоединить к инструменту батареи питания станнера и фонарей. И, о чудо, батареи одного фонаря подошли! Правда, возможно, инструмент не сможет работать на полную мощность.

Роун присела на корточки и направила фонарь в сторону выхода, где стоял репеллер.

План, придуманный ею, имел гораздо больше шансов потерпеть поражение, чем выиграть.

Роун нажала на кнопку инструмента и направила его на скалу. Постепенно в горе появлялось отверстие. Но как же медленно! По вибрации трубки Роун могла догадаться, что тратиться слишком много энергии. Батареи могут сесть до окончания работы. Но Роун не сдавалась.

Со скалы посыпались камни, и скоро огромный осколок ударился о репеллер. От радости Роун прибавила мощности. В скале появились лабиринты трещин, образовался целый занавес из пыли и мелких камней. Репеллер имеет защитный корпус. Возможно разбить его и не удасться, но всё равно, репеллеру приходится тратить энергию на защиту от камнепада. Роун направила луч прожектора на табло репеллера. Стрелка медленно приближалась к красной зоне, означавшей перегрузку. Вот ещё один крупный осколок стукнул по корпусу. Репеллер обнадеживающе вспыхнул и в пещере запахло гарью.

Закоротило! Закоротило щит!

До сих пор Роун была движима только надеждой, надеждой и отчаянной потребностью действовать. Теперь она быстро перезарядила инструмент, спрятала его в комбинезон и бросилась собираться - еда, аптечка, батареи питания, прожектор, прибор ночного видения. И только собрав всё это, Роун на мгновение остановилась и серьёзно задумалась.

Из глубины пещеры доносилось ровное гудение установки. Казалось, что мужчины так увлеклись, что не собираются возвращаться. Но если она сейчас уйдет - это будет окончательный выбор. И всё из-за этого сна?

Трудно было сказать. Возможно, виновато было всё то же влияние Клио, заглушающее в ней голос разума. Роун встряхнула головой. Невозможно было подобрать название эмоциям, захлестнувшим её здесь и заставившим пойти против всех правил.

Взяв с собой пакет со снаряжением, прибор ночного видения, Роун перешагнула через дымящийся репеллер и пошла на встречу новой жизни, единственно предназначенной для неё, хотела она этого или нет. Теперь, когда она свободна, куда же ей идти? Только в Хитерхау. В местном костюме (в лагере для неё так и не нашлось комбинезона) вполне можно пробраться в деревню и что-нибудь узнать.

Ведь это владения Реддика. Туда-то и отправят пленников. Несколько часов спустя Роун, как и раньше, притаившись на вершине горы, наблюдала за замком и деревней. Окна домов были темны, на улицах не было ни души.

Подождав ещё немного, Роун услышала необычный для ночи звук, он нарастал, и вскоре появилось двое всадников. Всадники ехали неспеша, и звук копыт их двурогов отдавался эхом на булыжной мостовой. У ворот замка они остановились. Один из них протрубил в рог, нарушая тишину ночи. Во двор высыпали люди, двое сразу бросились открывать ворота. Спешившись, один из всадников направился к ближайшей башне.

Роун перевернулась на спину и взглянула на светлеющее небо. Приближался рассвет, а она ещё ничего не успела сделать. Наверное, лучше спуститься в деревню.

В окнах некоторых домов появился свет - звук рога сделал своё дело. С главной башни раздался ещё один сигнал. Солдаты во дворе построились, образуя ряды. Роун накинула капюшон и бросилась вперёд. Когда её ноги ступили на булыжник короткой улицы, из домов к замку стягивались люди, многие захватили с собой фонари. Ворота замка были широко распахнуты, по обе стороны стояли стражники.

Из обрывков разговоров Роун поняла, что такой сигнал подаётся лишь в особых случаях, и что никто не знает, что случилось.

«Война! Эти Вордейнцы - они всегда завидовали нам!»

«Нет, самая страшная угроза идёт с запада - Лейкстан. С тех пор, как их Король заново женился, отношения испортились.»

«А может, прочтут указ Королевы. Она ведь только взошла на трон.»

- «Ради указа нас не стали бы вытаскивать из теплых постелей. Наверное, произошло что-то страшное.»

Под туникой пальцы Роун сжимали металл её единственного оружия. Толпа уплотнялась.

В третий раз прозвучал сигнал и постепенно во дворе воцарилась тишина. Как будто из ниоткуда появились трое мужчин, одетые в форму офицеров Графа Реддика. Один из них, видимо, старший по званию, достал из плаща свиток. Роун в отчаянии закусила нижнюю губу. Она сразу узнала этот документ - она видела его во сне.

- «Знайте все, кто давал клятву верности Ледяной Короне Ревении... - медленно, с нарочитой ответственностью, читал офицер, - по истечении этого дня Мартина, в трёхсотпятидесятом году со времён Хранителей, в правление Королевы Людорики из Высшей семьи Сетгер, провозглашается, что некий Нелис Имфри, из Семьи Имфри-Манхольм, лишается звания Полковника армии Ревении, а также всех привилегий, предоставленных ему покойным Королём Никласом, взятым Хранителями в мир вечности.

Вышеуказанный Нелис Имфри, отлученный от двора и армии Ревении, несет наказание как предатель Короны, так как его вина в совершении государственной измены полностью доказана.

Приговор будет приведён в исполнение в замке Хитерхау, владении благородного лорда и любимого брата Графа Реддика.

Волей Короны, подписано - Людорика, Королева Ревении.» - Офицер передал свиток другому и объявил:

- Так повелела Королева! Да будет так!

Через минуту его поддержали нестройные голоса толпы. Послышался чей-то приглушённый шёпот, как будто люди, на словах поддерживающие указ, всё ещё не могли оправиться от удивления.

Роун как можно незаметнее пробиралась вперёд сквозь толпу. Она сама не знала, что может сделать, чтобы изменить будущее. Но с каждой минутой у неё возрастало желание овладеть ситуацией.

И вот она уже стояла в первом ряду, рядом со стражниками, видимо, поставленными для устрашения толпы. На площади воцарилась тишина.

Второй раз в жизни Роун охватил всеобъемлющий страх. Первый раз так было на одной планете, где ей пришлось наблюдать ритуальное убийство. На площадь вывели осуждённого. Его руку поддерживала перевязь, в свете фонарей

лицо его казалось осунувшимся, постаревшим, как будто он провёл в тюрьме несколько лет.

Стражники привезли небольшую металлическую клетку. Помещённый в неё пленник не мог ни сидеть, ни стоять, пребывая в скрюченном положении.

Душераздирающе завизжали металлические канаты и клетка поднялась на высоту стен.

Стоявшие на парапете в ужасе расступились. У клетки остался один часовой. Тихо переговариваясь и пряча глаза, люди стали расходиться. Роун пребывала в нерешительности. Что делать? Уйти вместе с жителями деревни? Ясно одно, по их мнению, из клетки ему не сбежать. Именно поэтому остался всего один часовой. И в эту минуту Роун сделала свой выбор.

Направив инструмент в сторону башни, где над входом красовался огромный герб, Роун с силой нажала на кнопку. Края герба засветились и с ужасным грохотом он обрушился вниз. Послышались крики - железная махина придавила человека, читавшего свиток. Со всех сторон к месту происшествия бежала стража.

Роун бросилась к лестнице, ведущей на сцену. В любой момент её могла сразить пуля. Но ей удивительно везло. Воспользовавшись суматохой и паникой, Роун мчалась со всех ног. Часовой, охранявший клетку, был полностью поглощён происходящим во дворе. Подбежав к нему сзади, Роун применила один из своих любимых рукопашных приёмов. Часовой беззвучно осел на землю.

При помощи того же инструмента Роун расплавила прутья клетки. Это было чрезвычайно сложно - ведь энергетический луч мог задеть пленника!

Наконец, люди во дворе опомнились и побежали на выстрелы. Роун распласталась по стене и лихорадочно продолжала работать. Эти несколько секунд, казалось, превратились в вечность. Но вот металл поддался.

- Вы можете выбраться?

За всё это время полковник не издал ни единого звука. А вдруг он в бессознательном состоянии, вдруг рана его стала хуже? В таком случае, Роун не представляла, что ещё она может сделать. Сейчас всё зависит от того, способен ли он передвигаться.

Заряд инструмента иссякал, о перезарядке нечего было и думать. Оставался последний прут.

- Я не могу его разрезать! - в отчаянии закричала Роун.

- Тяни! - послышался приказ полковника. Роун ухвати-

лась и со всей силы потянула тугое железо. Изнутри ей помогал полковник. Металл не поддавался. Наконец послышался лязг и полковник выбрался на свободу. Совсем рядом просвистела пуля, и первый из подбегающих солдат набросился на Роун. Роун не ожидала нападения, но всё же ей удалось выскользнуть из его железных объятий и отбежать к парапету. Стражник уже было собрался повторить атаку, как его горло сжала рука полковника. Солдат извивался, пытаясь добраться до полковника, но в этот момент Роун ударила его инструментом по голове.

- Возьми это, - крикнул полковник, указывая на оружие нападавшего, - я прикрою отход.

Роун высвободила пистолет.

- Подтолкни клетку - туда, - скомандовал Полковник и налег на сплетенье прутьев здоровым плечом. Роун присоединилась к нему, наваливаясь всем своим весом.

Тяжелая груда металла качнулась, перевалилась за внешний парапет и со скрежетом и лязгом грохнулась на землю. Казалось, что земля содрогнулась. Роун поняла план полковника. Теперь они могли выбраться наружу, минуя двор. Если только Имфри удастся спуститься по цепи на одной руке!

- Вниз! - приказал он.

Роун нащупала цепь, звенья были довольно большими, достаточными, чтобы просунуть в них пальцы, Но сможет ли спуститься Имфри?

- Ты сможешь...

- Вниз! - повторился приказ.

По лестнице на стену кто-то бежал. Имфри вытащил оружие и выстрелил в сторону движущейся тени. За выстрелом последовал крик.

Роун уже спускалась по импровизированной лестнице, и когда её звенья закончились, она спрыгнула вниз. Если бы не многие годы тренировок, ей бы не удалось обойтись без синяков и ушибов. К её удивлению внизу их никто не поджидал. Наверное, во всеобщей суматохе это никому не пришло в голову.

- Осторожно, я прыгаю, - послышался голос полковника. Раздался тяжелый удар. Роун бросилась туда, где упал Имфри. Тот не двигался.

В отчаянии Роун попыталась перевернуть полковника. Бежать, как можно быстрее бежать - из деревни к ним спешили какие-то люди. Оружие! Где оно? Роун шарила по тунике полковника, пытаясь его найти.

Люди были уже совсем близко.

- Мы друзья! - послышался чей-то голос.

Двое мужчин подняли полковника, ещё один схватил Роун за руку и потянул за собой. Так они выбрались из деревни и оказались в густом кустарнике. Из-за ветвей показались ещё четыре человека, державшие на поводу оседланных двурогов.

- Вперёд! - приказал человек, тащивщий Роун.

Пришпоренные двуроги взвились и рванулись в сторону юга, а четвёрка спутников Роун устремились в противоположную сторону.

- Хаффнер знает здешние места. Ох уж и устроит он им погоню, - с удовлетворением заметил один из спасателей.

- Хорошо бы,- отвечал другой, - нам нужно выиграть время. Боже, полковник весь в крови. Его нужно скорее показать врачу.

Глава 14

- «Аптечка!» - вспомнила Роун. Конечно, есть шанс, что её медикаменты не помогут жителю Клио, но вдруг...

- Пожалуйста, - попросила Роун, - у меня есть кое-что, это поможет ему. Разрешите мне.

- Хорошо. Но нам нельзя здесь задерживаться. Вдруг они не пошли по ложному следу. В собачий питомник, Маттин!

Эти люди знали, что делали. Даже под тяжестью полковника они передвигались с удивительной ловкостью, просачиваясь сквозь заросли. Казалось, что они шли очень долго, хотя Роун знала, что это не так. Скоро они остановились передохнуть. Роун попыталась рассмотреть Имфри. Его голова свесилась на бок, глаза были закрыты. На рубашке запеклось кровавое пятно.

- Позвольте, я помогу ему, - Роун хотела приблизиться, но её провожатый встал между нею и полковником.

- Не сейчас! - свирепо прошептал он, - Тихо! - и исчез в кустах. Роун прислушалась. Звуки, похожие на крики животных, потом голоса людей.

- Ха, Зубастый, Буян, Гроги - сидеть! А вы, Нюхач и Ворчун - молчать! Ешьте, пейте и молчите!

Появился провожатый. В руках он держал какие-то вонючие лохмотья.

- Возьми это, - одна из тряпок была брошена в её сторону. Меньше всего ей хотелось дотрагиваться до этой мерзости. Но выбирать не приходилось. Мужчины нацепили тряпки на

себя и повесили одну из них на шею полковника. Содрогаясь от омерзения, Роун подобрала свой кусок ткани.

- Это наш пропуск в собачью конуру. Там нас никто не потревожит. Хотя бы на первое время. Вперёд!

За кустами прятался забор из кольев, заостренных наверху, за забором виднелась остроконечная крыша.

Провожатый открыл ворота, и Роун со спутниками заспешили внутрь. А во дворе - гончии! Как и двуроги, гончии были завезены на Клио. И Роун не знала ни одной планеты, кроме, пожалуй, одной (там содержали зоопарк экзотических животных), на которой разрешался бы импорт гончих Локи. Собаки были небольшими и выглядели нестрашными, хотя от них исходил такой запах, что можно было задохнуться. В центре двора стоял домик, и люди направились к нему. Тут же подскочили две собаки, ощерились и зарычали. Глаза их сверкали ненавистью. Потом, как будто учуяв что-то знакомое, собаки перестали рычать и, потеряв интерес к пришедшим, вернулись к своим собратьям. Роун вздохнула с облегчением и покрепче завязала вонючую тряпку. Да, действительно, здесь это был пропуск.

Мужчины двинулись дальше, и Роун, оглядываясь по сторонам, последовала их примеру. Каждую секунду она ждала, что собаки набросятся сзади.

- Дверь, открой дверь, - приказал один из мужчин, несущих Имфри. Роун протиснулась вперёд, всё ещё недоверчиво оглядываясь на животных, и толкнула дверь. Внутри было темно, а запах был ещё тяжелее, чем во дворе. Роун включила прожектор.

По стенам небольшой комнаты висели туши, почерневшие и смердящие. На узких полках громоздились бутылки с большими пробками. В углу располагался стол, с которого свисали ошейники, кнуты, намордники и поводки. В противоположном углу лежала одна солома. Вот туда-то они и положили Имфри. Роун склонилась над аптечкой. Времени тестировать лекарство не было. Землистый цвет лица полковника не давал ей покоя. Теперь настало её время отдавать приказы.

- Освободите место! - Роун бросила взгляд на свои исцарапанные, грязные руки. - Вот, - выбрав пульверизатор, она вручила его одному мужчине. - Нажми здесь. Аккуратно. Много не трать.

Роун обработала пальцы антисептиком.

- Хватит, теперь приготовьте второй спрей, - она указала на другой тюбик. После, осторожно взяв его, Роун выдавила

несколько капель на запёкшееся пятно. Кончиками пальцев она аккуратно растёрла мазь.

- Теперь отрывайте, - грязная ткань отошла от страшной раны, из которой всё ещё сочилась кровь. Роун продолжала действовать - обработала антибиотиками, а потом наложила двойной слой искусственной кожи. Закончив работу, она проверила остатки лекарств в аптечке. Конечно, теперь, чем быстрее полковник сможет отдохнуть, тем лучше искусственная кожа обеспечит закрытие раны. Воздух в хижине был спертым, Роун откинула капюшон и принялась рассматривать своих спутников, развалившихся на соломе. Лицо одного из них показалось знакомым, другого она не знала.

- Вы - сержант Вулдон. Вы сопровождали нас в Гастонхау. - Сержант казался старше полковника, хотя всегда трудно определить возраст людей чужой планеты. Но его волосы уже посеребрила седина, лицо было обветренно.

- Да, Айзор Вулдон, Леди.

- Вы пришли ему на помощь, - констатировала Роун. Вулдон кивнул.

- Мы надеялись. В Хитерхау есть верные люди, Графа не особенно любят. Но они не могли обещать многое. И без вас, леди, мы бы не справились.

Роун откинулась на солому. От ужасной вони и жары у неё кружилась голова, и опять она удивилась собственным действиям, как будто бы та, старая Роун, вырвалась из плена, чтобы с ужасом взглянуть на то, что она натворила.

Такое раздвоение личности усилило чувство жалости к себе. Она сглотнула, пытаясь подавить нарастающую тошноту. Зашевелился второй мужчина.

- Эта вонь... - пробормотал он.

- Ещё бы, не розовый сад, - согласился Вулдон. - Но зато там, - он указал в сторону собак, - нас охраняют лучшие в мире стражники. - Роун опять сглотнула.

- Как долго ещё... - она даже не закончила. Но Вулдон и так понял. Его ответ был малоутешительным.

- Кто знает? До темноты, если нам повезло и они пошли по ложному следу. И потом полковник... - сержант с сожалением покачал головой.

- Как он, Леди? - спросил другой. - Его можно везти верхом? Если мы понесём его, нам далеко не уйти.

Сержант свирепо посмотрел на своего напарника.

- Да, это правда, и ты знаешь, - последовал ответ, - я очень привязан к моему господину. Сестра моей матери растила его, когда его мать умерла. Неужели бы я смог не освободить

его? Что, я сказал вам с Хаусом нет? Но мы не можем нести его. Путь в горы долог.

- Они объявят его вне закона, - медленно произнёс сержант. - Тогда кто в Ревении окажет ему помощь? Лучше оказаться за границей. Он не будет первым человеком, которому придётся сделать это. Он продаст свою шпагу - если не в Лейкстане, то на островах Мардух.

- Спасибо за ответ, Вулдон, - прозвучал глухой голос и все вздрогнули. Полковник открыл глаза. На его осунувшемся лице появился даже небольшой румянец.

- Какая вонь! - Он принюхался. - Гончие! Но где в Ревении... - он попытался приподняться, но сержант придержал его за плечи, приказывая ему не двигаться.

- Идея Хауса, сэр. Мы в собачьем питомнике в Хитерхау.

- Собачий питомник! - проворчал Полковник. - Из одной клетки в другую. Но несмотря на все эти ароматы, здесь мне нравится гораздо больше. Но как, скажите, вам удалось всё спланировать?

- Сэр, мы не планировали - не вместе. Я увидел, как вас вывели из пещеры, и мы со Снетиком пошли за подмогой. Он поговорил с Маттином и Хаусом в Хитерхау. В деревне были люди, готовые рискнуть. Хотя они бы не пошли на всё. Боялись за себя.

- Их нельзя винить, Вулдон. Вряд ли найдется много желающих помочь изменнику государства. Снетик, Маттин, Хаус и ты. Как вы действовали дальше?

- Ну, я возвратился на пост. Четверо или пятеро людей были готовы мне помочь. И мы ушли.

- Дезертировали? - Полковник нахмурился. Сержант Вулдон усмехнулся.

- Лучше сказать «отправились выполнять боевое задание командира». По-другому вас ещё никто не называл.

Имфри успокоился.

- Вы же слышали, что сказали в Хитерхау?

- Нет, сэр. С тех пор, как в прошлом году я упал в пропасть, а вы меня спасли, я плохо слышу и не воспринимаю вас иначе, как моим командиром.

- Плохой слух может помешать службе, сержант.

- Он уже помешал, полковник.

Имфри коротко рассмеялся и снова посерьёзнел.

- Если нас поймают, такие аргументы не спасут вас от виселицы, а то и того хуже.

- Но мы сделали всё, чтобы нас не поймали, сэр. Итак, мы пришли в Хитерхау - я, Хаффнер, Снетик, Ринвальд, Флич.

Они взяли лучших лошадей и приготовились увести преследователей по ложному следу. Но мы так и не знали, как вас вытащить. Это сделала она!- Сержант кивнул на Роун.

- Вы были с ними? - спросил Имфри.

- Я не знала об их планах. Я пришла, пришла потому, что чувствовала, что должна. Это из-за меня всё началось. Я не могла этого так оставить. Но без ваших людей, полковник, у меня бы ничего не получилось.

- Очень странно, - полковник рассматривал Роун. - С первого же момента я чувствовал, что от вас зависит судьба, но не знал, что моя, я думал, это судьба Принцессы. - Полковник шевельнулся. - Странно, боль исчезла, - он посмотрел на свою рану, где искусственная кожа срослась с настоящей. - Что это вы со мной сделали? - спросил он Вулдона.

- Это не мы, это - Леди.

- Да, похоже, она волшебница, - заметил полковник. - Вулдон, у тебя нет поблизости походной фляжки с водой?

- Увы.

- Ладно.

Роун заставила себя повернуться. Спёртый воздух и жара совсем измучили её. Но она достала тюбик Е-рациона и протянула ему.

- Попробуйте это, - сказала она. - Это поможет. - Ещё два тюбика она протянула спутникам. Мужчины принялись подозрительно их рассматривать.

- А вы, Леди? - спросил сержант. Роун мучительно сглотнула.

- Я не могу - меня тошнит. Сержант, пожалуйста, передайте мне аптечку, - умоляюще попросила она. Роун боялась не успеть, но ей повезло и одной рукой она быстро нащупала спасительную капсулу, раздавила её и прильнула к рукам, вдыхая живительный аромат. Капсул оставалось мало. А что если они здесь пробудут долго? Несмотря на свой иммунитет на запахи, болезни и другие воздействия чужих миров - существовали же какие-то пределы.

- Мне придётся скоро идти. - Роун подняла голову, придя в себя на время. - Здесь меня никто не знает. Я могу ничего не боятся.

- Вы ошибаетесь, Леди, - отозвался Вулдон. - Полковник на свободе и они будут подозревать каждого. Вы уйдете отсюда и первый встречный позовет стражу. Любой в Хитерхау будет счастлив выдать чужака, только бы люди Реддика не шныряли у них под дверями.

- Всё правильно. - Голос полковника окреп, к нему верну-

лась былая уверенность. - И куда Вам идти? Или же Ваши люди будут искать Вас?

Роун покачала головой и тут же пожалела, потому что у неё закружилась голова.

- Этого они не сделают. Я нарушила приказ. И что бы со мной не случилось, это будет мне заслуженным наказанием.

- О чём это Вы говорите? - удивился сержант. - Никто не сможет отказать даме, просящей помощи.

- На это должны быть серьезные причины, - вставил полковник. - Когда-нибудь, Леди Роун, я хотел бы узнать о них. А теперь нам пора отсюда убираться. У вас есть план, сержант?

- План должен быть у Хауса. Он привёл нас сюда. И он знает Хитерхау. К тому же, он единственный, кто может справиться с собаками. Конечно, если они захотят, они их всех перестреляют. Скорее всего, Реддик так и сделает.

- Тихо! - приказал Имфри. Собаки громко зарычали. - Кто-то идет! - Сержант Вулдон с оружием в руке неслышной поступью прокрался к двери и прильнул к еле заметной трещине.

- Хаус! - прошептал Вулдон и добавил, - один. - С противоположной стороны двери неслышно вырос Маттин. - Ну-ну-ну, - послышался голос, - хороший, хороший мальчик. Тихо, тихо моя девочка, на всех хватит. Ну как ты себя ведёшь!

Если бы Роун не знала, какие монстры бродят вокруг, она бы подумала, что Хаус играет с милыми зверушками. Да, о вкусах не спорят, и кому как не ей об этом знать, ведь она была на стольких планетах, повидала столько странных традиций. Но любить гончих!

- У каждого народа есть свои странности! - Полковник как будто прочёл её мысли. - Нам с вами, - еле слышно прошептал он, - нужно о многом поговорить. Я не могу знать, почему вы пришли, но...

- Подождите, пока вы не будете на свободе. Вы можете накликать беду. - Роун никогда не была суеверной, но теперь она так хорошо понимала примитивные народы, которые боялись вовлечь в свои дела нечистую силу и сглазить.

- Да, отложим до следующего раза. Но поверьте, мы очень скоро доставим Вас к своим.

Роун непонимающе взглянула на полковника. Он говорил так, как будто это не он попал в беду, а за ней гонятся люди Реддика. Дверь распахнулась и вошёл их недавний проводник с большим мешком за спиной.

- Как он... - начал он.

- Иди и посмотри сам!- отозвался Полковник.- Твои питомцы нас хорошо охраняли.

- Господи!- Два прыжка и Хаус замер над рукой полковника.

- А сейчас, - распрямился он, - у меня есть план, отчаянный, но в нашем нынешнем положении - единственный. Они отправились искать вас в Уркермарк. Пока нам везёт. Во-первых, в Хитерхау гербом придавило Маршала Запада. Он до сих пор лежит без сознания, и никто не знает, когда он очнётся. Полковнику Шарпу сломало ключицу и поранило голову, он никак не может возглавить погоню. А от другого - полковника Онгласа - толку мало. Почти всех своих стражников он заставил прочёсывать деревню, а мирных жителей отправил выискивать предателей. Два часа назад он потребовал гончих. Патруль обнаружил следы.

Раздались возгласы удивления.

- Да, - подтвердил Хаус. - Говорю вам, у него куриные мозги! Я предупредил их, чем может закончится такая гонка. Даже мне не удастся заставить их идти по следу. И мне он приказал взять запах.

- Он с ума спятил! - взорвался сержант. - И с чего?

- С соломы, на которой вы лежали, Господин, и с повязки с вашей руки. Он проверит исполнение. Со мной стражники.

- Здесь? И что же? - начал Вулдон.

- Не бойтесь, они не осмелятся войти. Но я сказал ему правду - никакая гончая не возьмёт след человека, если он скакал верхом. Тогда он приказал убить двурога, а тушу принести сюда.

- Двурога! Только дай понюхать его своим питомцам, и они набросятся на первого попавшегося зверя, - добавил Имфри.

- Он явно чокнутый.

- Он обезумел от страха, господин. Он не осмелится предстать перед Графом без новостей. Но я всё ему сказал. Не волнуйтесь за солому и повязку. С этим не будет проблем. Но я не хочу использовать двурога, как приманку. Собаки ведь могут направиться сразу к конюшням! Зачем невинным животным страдать? Правда, у младших офицеров есть голова на плечах. Они пошли к Полковнику Шарпу, чтобы тот отменил приказ. Но вот, что я хочу сказать. Этот мёртвый двурог, которого они принесут, может помочь вам выбраться.

- Продолжай, Хаус. Это уже становится интересным. Как в старые времена, когда Нимпы устраивали налёт.

- Да, Господин. Я думал, что вы вспомните. Они доставят двурога, но никто из них не рискнет завести телегу сюда. Мы с сержантом Вулдоном втолкнем её...

- Я! - вздрогнул сержант. - Но ведь все же знают, что только ты осмеливаешься войти внутрь.

- Я уже сказал им, что мне поможет лесник. Сказал, что на нём будет специально обработанная одежда, и собаки не тронут его. Одежда моя и больше такой нет. Сказал также, что лесник уже несколько раз помогал на охоте. Граф посылал своих людей, хотел их тоже научить, но они долго не продержались.

Хаус рассмеялся.

- Ну вот, мы втаскиваем двурога в хижину. Несмотря на ярость Онгласа, никто из них не осмелится войти сюда. А после - мы выносим полковника, только завёрнутого в шкуру. Кладём его в телегу. Потом появляется офицер Шарпа и приказывает прекратить это безобразие. Я говорю, что теперь нужно похоронить наживку, а то собаки взбесятся. Уверяю вас, эти болваны ничего не знают о собаках. Они поверят в любые сказки. Мы везём телегу в лес, а потом я приготовил небольшой спектакль.

- А как же Леди Роун и Маттин?

- Они выйдут сейчас и спрячутся у меня. А после я отправлю за ними, как будто бы мне понадобилась помощь с телегой. Это лучшее, что я могу предложить, полковник.

- Что ж, очень хитро, Хаус. Но я не хочу, чтобы Леди Роун и Маттин рисковали.

Собравшись с силами, Роун произнесла:

- Я больше рискую, оставаясь здесь. Этот запах, я так долго не протяну, а нужных лекарств у меня нет.

- У них будет надежная охрана. Я беру домой собаку, Нюхача. Он ещё молодой, я всегда беру его в деревню. Во двор никто не сунется.

- План во многом не совершенен, - заметил сержант Вулдон. - Что, если Шарп вовремя не отдаст приказ, а Онглас заставит тебя отнести приманку к собакам?

- Тогда буду долго возиться. Я же говорю, он понятия не имеет о гончих, а зайти и посмотреть он не осмелится. Конечно, план рискованный, но не больше любого другого. А иначе попробуйте вытащить отсюда полковника. Ничего лучше я придумать не могу.

- Он прав,- согласился Имфри. - Чтобы выбраться отсюда, мне придётся рискнуть. А этот план даёт мне шанс спастись.

Глава 15

Роун, закрывая лицо капюшоном, брела за трясущейся телегой. Актриса из неё была плохая, и теперь малейшая ошибка с её стороны могла вызвать подозрение солдат. К счастью, полковник Шарп пришёл в себя и приказал отменить погоню. Телегу раскачивало и подбрасывало.

«Как мерзко, наверное, там лежать, - подумала Роун, - к тому же завёрнутым в мокрую шкуру, облепленную насекомыми. Бедный Имфри!»

Ни один двурог не мог близко подойти к зловонному грузу, поэтому стражники шли пешком. Похоже, план Хауса срабатывал, и они всё дальше уходили от Хитерхау. В доме Хауса Роун удалось немного поспать, и это придало ей сил.

- Эй, Хаус! - раздался откуда-то сзади голос. - Не пора ли выкинуть эту падаль? Мы не собираемся тащиться с тобой через весь лес.

- Я тоже не собираюсь отвечать, если собаки нападут на наш след, почуят двурога и потом набросятся на графские конюшни.

Послышалось глухое ворчанье. Через минуту Хаус приблизился к ней и закричал:

- Эй, парень, ты что это плетёшься, как кляча? Какой ты, к черту, солдат? Ну-ка, иди вперёд и помоги, а то мы за ночь и четверть лиги не пройдем!

Роун бросилась к телеге и ухватилась за оглоблю рядом с сержантом.

- Теперь уже скоро, Леди, - прошептал он. - Будьте готовы отпрыгнуть вправо по моему знаку.

- «Прыгнуть вправо», - она поглядела в ту сторону. Справа высилась гора камней, как будто здесь раньше стояла стена. Кое-где между камнями проросла трава и кусты. - «Прыгнуть вправо!» - Роун провела языком по засохшим губам.

Дорога резко пошла влево, как вдруг на повороте из-за соседних кустов послышалось грозное рычание.

- Гончие! - Сержант закричал и резко дёрнул телегу, как будто охваченный паникой, Маттин же рванул телегу в свою сторону, и та медленно покатилась. - Давай!

Опять зарычала собака. Солдаты сзади зашумели, Хаус ревел, отдавая беспорядочные приказы. Решив, что Вулдон знает, что делает, Роун скрылась за грудой камней. Со стороны дороги послышался треск - телега перевернулась.

- Бегите! Идиоты! - кричал Хаус. - Они вырвались из питомника и окружают. Они убьют вас!

Роун прислонилась к дереву, её сердце бешено колотилось в груди. Не может быть, чтобы Хаус сказал правду, ведь Вулдон чего-то ждал! Но всё равно, для неё это был шанс выйти из игры.

Сзади послышался хруст, Роун обернулась, ожидая увидеть четвероногого монстра, но лицом к лицу столкнулась с сержантом, придерживающим измазанного кровью, полуодетого человека. Имфри! Ему удалось выбраться из зловонной шкуры двурога, когда телега опрокинулась.

- Вперёд! - скомандовал сержант и Роун последовала за ними. Вдруг среди деревьев появился Маттин.

- Этот Хаус, - хохотал он, - обратил в бегство целый взвод! Они услышали вдвое больше собак, чем он изобразил. И теперь они все несутся к замку, чтобы сообщить, что нас заживо съели собаки.

- Господин, один Хаус стоит целого полка.

- Хорошо бы. Ведь Реддику стоит его только заподозрить.

- Реддику не поздоровится. Питомцы Хауса служат лучше, чем охрана Короля, - радовался Маттин.

- Они тоже смертны, достаточно нескольких метких выстрелов. Надеюсь, что он приготовил оправдание для Реддика, когда тот прибудет.

- Вы думаете, он приедет, господин Полковник?

- Я не обольщаюсь на свой счёт, Вулдон. Как вы и предположили, они объявят меня вне закона. А после, - Имфри пожал плечами, - я стану зверем, за поимку которого назначат награду. Но Реддик знает, что пока я жив, я не успокоюсь, не узнав, как это он заколдовал Королеву.

Роун передёрнуло от холодной решимости полковника.

- В пещере он воздействовал на неё магическим шаром. Но теперь, вряд ли Шэмбри мог изобрести что-нибудь подобное - слишком уж сильный и стойкий эффект. Вы слышали, как объявили, что она собирается выйти замуж за Реддика. Он станет супругом царствующей Королевы, и недалеко то время, когда он будет править Ревенией. Уверяю вас, она тоже пленница, хотя, вполне возможно, и не осознает этого.

- Господин, - Маттин посерьёзнел, - я знаю, что магический шар не может заставить человека делать то, что не свойственно его натуре.

- Я не поверю, - медленно произнес полковник, - что Принцесса подписала мой смертный приговор по своей воле. И никто не поверит. Спросите Леди Роун, она её хорошо знала.

Все посмотрели на Роун. И она подтвердила:

- Да, Принцесса находится под воздействием.

Маттин и сержант были встревожены, а полковник закивал:

- Вы видите? Королеве нужна наша помощь. Мы должны сделать всё, что в наших силах.

- Но Господин, мы не сможем собрать армию, не сможем противостоять силам Реддика. К тому же, если Шэмбри Увещеватель настолько всесилен, что держит под контролем Королеву даже против её воли, то он может тоже самое сделать и с нами. Господин, если бы Вы только добрались до границы Лейкстана или...

- Вы думаете, соседи мне помогут? Королева искала помощи в Лейкстане, а там её предали. Стоит ли нам надеяться на лучшее? Мы не можем позволить Реддику заставить нас бежать. Обратной дороги не будет.

- Ну хорошо, Вам не нужно бежать сегодня. Сейчас надо подумать о том, где укрыться, - возразил сержант.

- Ты прав, - ответил Имфри. - Далеко ли нам идти?

- Достаточно. А как Вы себя чувствуете, сэр? - перебил его Маттин.

- Лучше, чем я ожидал. И всё благодаря Леди Роун и её чудесным снадобьям. А вы, Леди? Вы пойдете с нами?

Вновь Роун была поставлена перед выбором. И она поняла, что уже давно его сделала. Полковник искал ключ к загадке перемены, происшедшей с Людорикой. И Роун знала, что этот ключ у неё. Открыто выступить против Реддика - это ни к чему хорошему не приведет. Ведь установки работают, контролируют даже то, что происходит сейчас. А Служба вовремя не поможет.

- Да, - просто ответила Роун. Ответом ей было молчание.

- Идти далеко, Леди. Но по крайней мере, там мы укроемся и не будем ничего боятся. Это старый военный лагерь времён мятежа Кароффа. Врагам не удалось взять его силой, удалось хитростью. Но нам-то боятся нечего, среди нас нет предателей.

Когда они добрались до места назначения, высоко в небе сияла луна. Роун так и не поняла, как сержант и Маттин ориентировались среди этой чащи, и была счастлива, что наконец-то можно было отдохнуть. В изнеможении она опустилась в углу комнаты. Полковник, напротив, оправился и без труда переносил все тяготы путешествия. Плечо его болело уже меньше, и всё это благодаря лекарственным запасам Роун.

Роун уже не представляла, как далеко они находятся от лагеря дяди Оффласа и спрятанной установки, но она надеялась, что Имфри сможет найти дорогу туда. Правда, оставался вопрос: пойдет ли Имфри на это, если узнает об опасности, предсказанной дядей Оффласом. С другой стороны - другого способа освободить Людорику не было. Установка должна быть уничтожена.

- Сэр, - изучив укрепления лагеря, Вулдон предстал перед своим командиром, - мы доставили Вас сюда в целости и сохранности. Наши ребята, проложившие ложный след, должно быть уже на свободе и ждут нас у Кривой Шпаги. И если вы позволите, я поспешу забрать их. А Маттин - ему надо добраться до Перевала Булавки и достать свежих лошадей.

- Похоже, у вас большие планы, Вулдон, - в голосе полковника чувствовалось удивление.

- Да, сэр. Или Вы хотите что-то изменить?

- Зачем? Я уверен, что ничего лучше не придумаю. Счастливо. Да пошлют вам Хранители удачу.

- Мы свистнем по-старому, сэр, когда вернёмся. Да пошлют Вам и Леди Хранители удачу.

Отдав честь, сержант удалился. В кромешной тьме Роун ориентировалась только на слух. Вдруг она почувствовала лёгкое прикосновение пальцев на своей руке, пальцы скользнули вниз, и тёплая живая рука сжала её запястье.

- Почему вы пришли?

Поглощённая в свои перепутанные мысли, Роун ответила чистую правду:

- Из-за моего сна...

- Сна?

Не видя его лица, говорить было почему-то очень просто. Роун казалось, что разговор облегчит душу. Поверит он или нет, сейчас ей было всё равно. Достаточно было рассказать ему всё. Она начала со своего видения, пытаясь в красках описать его, упомянула о каждой мелочи - о комнате, блюдах на столе, прибытии Королевы, служанок и Реддика.

- Я почему-то не могла слышать их слова - только видела, как двигались губы. Как будто я смотрела телевизор с испорченным звуком. Но всё остальное я так живо представляю! Раньше я тоже видела сны, да кто их не видит! Но так явственно - никогда!

- Вещий сон, - послышались из темноты его слова.

- Вещий сон? - переспросила Роун.

- Вы обладаете даром ясновидения.

- Нет, - возразила Роун. - Меня тестировали - ничего такого. Это был сон.

- Сон о комнате в замке Уркермарк, о Королеве в трауре, о подписании моего смертного приговора? Когда вы в последний раз были в Уркермарке, Леди Роун?

- Я никогда там не была.

- Пришло время, - его голос зазвучал ровно, полковник взвешивал каждое слово, - поговорить начистоту. Если мы не скажем друг другу правду сейчас, то не скажем никогда. Вы меня понимаете?

Последний шанс. И перед ней предстали ряды щёлкающих машин, каждая со своей короной и рабами, затем Людорика, превратившаяся в чудовище.

- Кто вы? - прошептал он. - Или что?

Роун глубоко вздохнула.

- Я - женщина, - сказала она, отвечая на последний вопрос.- Меня зовут Роун Хьюм. Я не с вашей планеты.

Однажды начав, свернуть с дороги было нельзя, и Роун выложила полковнику всю правду, что означало конец для неё. Она рассказала о Службе, о том, почему они прибыли на Клио, о случайной встрече с Принцессой, об установках, и о том, что они значили для его людей. Закончив, она почувствовала себя полностью опустошённой, и была благодарна тёплой руке, связывавшей её с живым миром.

- В это невозможно поверить, - начал полковник, и Роун в испуге попыталась отдернуть свою руку - как он мог! Не поверить! Но рука только крепче сжала её запястье.

- Хотя, - продолжал он, - я знаю, что это правда. Вы говорите, что не обладаете ясновидением. Возможно, по меркам ваших людей, это так. Но в моей семье имеется такой талант. У нас также есть странная традиция. Вот уже несколько поколений держат её в секрете. О ней я никогда бы не стал говорить ни с кем, даже с лучшим другом. Секрет передается по праву рождения. Но он имеет отношение к вашему рассказу, и поэтому Вам я раскрою тайну.

- Хранители - мы чтим их по традиции, и для большинства они - сверхъестественные существа. Но в моей семье передают легенду о том, что основатель нашего рода служил у Хранителей, а они не были бессмертны, как верят все, а были сотворены из плоти и крови. И он выполнял их поручения в те далёкие времена становления Ревении.

- Появившись здесь по воле Хранителей, мой предок сохранил смутные воспоминания о другом времени и месте.

Об этом он никому не рассказывал, кроме своего сына, таким образом легенда дошла и до меня.

Итак, ты хочешь сказать, что Королева находится не под воздействием магического шара, а что она, Реддик, да и все мы - всего-лишь пешки в игре, задуманной давно умершими людьми. И эти люди не имели права проводить такой эксперимент над нашими предками. А теперь, если этот контроль исчезнет, мы погибнем.

- Так предположил мой дядя. Он хочет привезти экспертов Службы. Они изучат установку, убедятся, правда, если они вообще приедут.

- Если они вообще приедут! - с горечью воскликнул полковник. - Если бы вы не нарушили правила, они бы вполне могли так и оставить нас жить под властью гудящих железок! Как они могут допустить такое рабство! Или же они сами - рабы? Неужели на всех планетах люди не свободны?

Об этом Роун думала совсем недавно.

- И все эти люди из Службы, если вообще они приедут, ведь пройдет много времени, может годы исследований, пока они соберутся действовать. Ведь так?

- Да.

- И всё это время нами будут управлять машины? Людорика станет творить зло. Реддик, мечтающий ввергнуть Ревению в войну или того хуже, станет Королём. А я - я буду бороться с ним. Но если машины хотят совсем по-другому, все мои усилия обречены на поражение!

- Установку можно уничтожить.

- Аротнер потерял свою корону.

- Принцесса рассказывала мне об этом, - подтвердила Роун.

- Тогда вы знаете, что там произошло. Рискнуть Ревенией - да и всей планетой!

- Результат может быть другой. Потерянная корона и остановленная машина - разные вещи.

- Но каков риск!

- Вам выбирать, - она сделала всё возможное. Если полковник решит, что Клио суждено и дальше жить в рабстве, так оно и будет.

Имфри отпустил её руку. И теперь Роун почувствовала себя совсем одинокой, как будто бы он встал и ушёл. Она сама выстроила свою тюрьму. И тем не менее, она ни о чём не жалела.

Окружавшая её темнота сгустилась в туман усталости.

Что бы ни произошло сейчас, ей было совершенно всё равно. Но несмотря на полное изнеможение, сон не приходил. Её мысли метались, как мечется в постели страдающий бессонницей. Воспоминания прошлого, чужие миры проносились в её голове, как картинки калейдоскопа. Теперь ей казалось, что она всегда жила по шаблону, изготовленному дядей Оффласом. Неужели это правда, как сказал Нелис, что ни на одной планете нет свободы? И всё же правила Службы требовали невмешательства в тревожную жизнь другого мира, даже с лучшими намерениями. Шаблон на шаблоне, сплошные ограничения и правила, никакой свободы.

Роун вздрогнула, потому что опять почувствовала прикосновение, сильная рука обняла её за плечи, и Роун почувствовала тепло живого человеческого тела. И темнота и одиночество отступили.

- Что с тобой, Роун? Почему ты плачешь?

Роун чувствовала его горячее дыхание. Ей не приходилось испытывать такого со времени своего невесёлого детства.

- Наверное, потому что я одинока.

- Но это не так! Ты прилетела с другой планеты, и всё здесь тебе чуждо? Но ты ведь скоро вернёшься к своим! Я обещаю отвести тебя.

- Теперь я им не нужна.

- Не думай о них так. Я всё удивляюсь, как это тебе удалось увидеть во сне Людорику и Реддика? Такие видения не обычны. Как ты думаешь, откуда оно взялось?

Возможно, он пытался как-то отвлечь её.

- Я не знаю. Но я уверена, что не обладаю даром ясновидения. Мой народ разбирается в этом. И они всё проверили - для них это важно.

- И всё же ты рассказала, что на Клио ты сделала много такого, что противоречит твоему опыту, подготовке, твоим понятиям о законности. А я уверен, что ты не из тех, кто нарушает дисциплину. Ведь так?

- Я не знаю почему, но когда я впервые увидела Принцессу, там в башне, я почувствовала, что просто должна помочь ей. Дядя Оффлас сказал, что вы все находитесь под влиянием. И, может быть, когда я покинула пределы лагеря, влияние распространилось и на меня.

- Но всё же ты увидела установки. А Принцесса - нет. То есть для тебя это влияние было не полным.

- Какая теперь разница? Я преступила законы Службы. И, может быть, именно я заварила всю кашу. Принцесса никог-

да бы и не узнала о Короне, если бы не вошла в пещеру. А если бы она не нашла Корону...

- Роун, не бери на себя вину всей страны. - Нежные пальцы погладили её по щеке. - Опять ты плачешь! Уверяю тебя, ты не виновата! Ты сделала доброе дело. Если бы ты тогда не спасла Принцессу от людей Реддика, её бы уже не было в живых. А не появись ты в Хитерхау - я бы погиб.

- Там были сержант, Маттин и другие.

- Они бы просто просто бесполезно пожертвовали жизнью. К тому же мы бы никогда не узнали об этих машинах. А не приведи ты Принцессу в пещеру, никто бы их и не нашел.

- Возможно.

- И без сведений, полученных от нас, ты бы не поняла, что собой представляют установки. Нет, во всём, что ты сделала, есть скрытый смысл.

- Я его не понимаю.

- Я тоже. Я только чувствую. Ты говоришь, что те, кого мы считаем Хранителями, давно умерли, и на всех планетах их осудили. Они использовали людей, как используют инструменты. Теперь твои люди боятся разрушить то, что сделали Хранители. Но почему же ты рассказала об этом человеку, который во всё поверил, предку которого удалось избежать проклятья, ниспосланного на Клио?

- Это случайность, судьба. Я не знаю.

- Я тоже. Но только здесь есть над чем подумать. Роун, ты сможешь опять найти эту пещеру?

- Ты хочешь освободить страну?

- Я не знаю. Я думаю, что не смогу быть до конца уверенным, пока не увижу всё своими глазами. Это я должен сделать. Отведи меня туда.

- Придётся вернуться в Хитерхау.

- Пойдем сейчас.

- Спасательная лодка должно быть уже прилетела, а если нет - дядя Оффлас и Сандар не впустят нас - у них оружие.

- Ты стреляла в меня из такого оружия. Правда? Это мы тоже должны принять во внимание. Скорее, у нас мало времени.

- Как можно уходить, ведь сержант и Маттин ещё не вернулись!

- Я считаю, что для осуществления нашей миссии, чем меньше пойдет людей, тем лучше. Но давай дождёмся рассвета. Поспи немного, Роун.

Роун прислонилась к нему и только тогда смогла заснуть.

Глава 16

Как будто повинуясь приказу, Роун открыла глаза. За окном уже было светло. Имфри обнимал её за плечи. Аккуратно повернувшись, Роун увидела, что он ещё спит. Во сне его обычная суровость исчезла, и он казался юным и незащищённым. Рассматривая полковника, Роун подумала о том, что она так и не рассказала ему о последней части своего сна, не рассказала, что видела его лицо. Не Людорика и не Реддик, а он заставил Роун действовать.

Неужели Нелис прав, неужели какая-то сила управляла ею и отвела ей свою роль во всех событиях? Суеверие, присущее отсталым народам. Вот как дядя Оффлас назвал бы это, отметил бы на плёнке, как характерную черту, и оставил бы для антропологов. Многие народы верят в существование сил нечеловеческого происхождения. Эти силы нельзя познать и победить. Много раз ей доводилось видеть верующих в храмах. Такие церемонии вселяли в неё уверенность и покой. Но божеств так много: боги, богини, духи и сверхъестественные силы. Люди должны во что-то верить.

Всё, чему её учили, вступило теперь в противоречие с мыслью о сверхъестественном влиянии! Роун завидовала религиозным народам, даже тем, кто верил в Хранителей и в минуты горя обращался к ним. Но уничтожив установку, не уничтожат ли они силу Клио? Что заполнит пустоту?

Роун покачала головой - фантазии. Очень часто и раньше ей приходилось умерить своё воображение. В таких случаях Служба отправляет на умственную переподготовку. При мысли об этом, Роун содрогнулась и взглянула на стены форта.

Небо розовело. Рассвет.

- Нелис,- нежно позвала она и выбралась из-под его руки. - Светает, - пояснила Роун.

Нелис щурился, просыпаясь.

- Светает, - повторил он, как будто не понимая значения слова. Но вот он пришёл в себя, и черты лица его обрели прежнюю гибкость, Нелис снова был отважным полковником.

- Твои снадобья творят чудеса! - проговорил он, потягиваясь. - У тебя не осталось ещё этой странной еды?

- Нам хватит. - Она открыла сумку. Прибор ночного видения! И как это она забыла о нём? С его помощью можно было отправиться ещё ночью. А для инструмента батареек почти не осталось.

- Ещё оружие?

- Не совсем. Но именно он спас тебя из клетки. Его можно использовать для разрезания металла, камня. Но у меня нет подходящих батарей питания, только вот эти, а они - для прожектора.

Нелис с любопытством рассматривал инструмент.

- В лесу ты выстрелила в меня из другого.

- Да, и его у меня забрали.

- И это ваше самое совершенное оружие?

- Станнер только парализует. Существуют другие виды, более мощные, но ими запрещено пользоваться на закрытых мирах. Например, бластер - он извергает огонь, есть и другие приборы. Но ими пользуются только в крайнем случае.

Полковник взял в одну руку своё оружие - «пистолет», а в другую - инструмент Роун.

- Ваши люди искусно работают по металлу. Нам ещё далеко до этого. Да, мы ездим на двурогах, а вы - летаете с одной планеты на другую. Роун, расскажи, должно быть чудесно побывать на стольких мирах?

- Такое впечатление, что вокруг тебя мир постоянно меняется. Иногда это - неплохо, иногда... - Роун вспомнила и передёрнулась.

- Так ужасно, как здесь?

- Нет! Это не так! - Наконец-то Роун нашла тюбики Е-рациона, вскрыла один и передала его полковнику, а другой оставила себе.

Для предстоящего путешествия необходимо было хорошенько подкрепиться. Утреннее небо заполыхало огнём - появилось солнце. Не передумал ли Имфри за ночь? Роун бросила взгляд в его сторону.

- Мы отправимся на запад, - полковник показал на простирающиеся вдаль холмы. - Это Удар Грома и Борода Ланга.

Итак, он знает местность. Но как же идти, ведь из глухого леса не видно горных вершин.

- Мы не настолько беспомощны, Леди, - и он показал небольшой круглый предме, закреплённый на поясе. - Вот приспособление, помогающее найти дорогу в любой местности, оно не хуже ваших космических хитростей. А теперь... - Полковник посмотрел под ноги и, найдя ровный участок, начал выстраивать из камешков круг. Внутри круга он расчистил место и пальцем начертил какие-то линии и фигуры.

- Это для Вулдона и других, - сообщил он, закончив. - Они будут знать направление, в котором мы ушли и место встречи.

Под нежными лучами утреннего солнца они начали свой путь вниз. Спустившись к подножью, Имфри сверился с круглым прибором. Конечно, прямого пути не было. Они сворачивали, теряли время, возвращались. В лесу пели птицы, несколько раз им попадались и звери. Если за ними и охотились, то должно быть далеко отсюда.

Большую часть пути они шли молча. Роун не хотела думать о том, что ждет её впереди. Она наслаждалась единственным днём, подаренным ей судьбой, днём без прошлого и без будущего. Время от времени они останавливались, и тогда Имфри рассказывал о Ревении, о Клио. А Роун слушала, и перед ней представал фамильный замок Имфри - Манхольм, лежащий в горах, где пасли овец и выращивали на склонах ползучие растения, приносящие сладкие плоды, из которых зимой делали терпкое вино.

- Замком владеет мой младший брат, хотя в детстве за него правила мать - вторая жена моего отца. Мой брат хороший парень. И уже обручён с дочерью Хормфорда из соседней долины.

- Младший сын - наследник? Во многих мирах наследник - старший.

- Но ведь к смертному часу отца старшие сыновья обычно уже вырастают и устраиваются, а младший ещё не находит своё место в жизни. Меня воспитывал Двор. Это из-за моей матери, - некоторое время он молчал, разглядывая мох под ногами. - Мою сестру рано выдали замуж за сына лучшего друга отца - Маршала Эрека. А как ты жила, Роун?

- В моей жизни мало интересного. Родителей у меня нет. Воспитывалась я в яслях Службы, пока меня не отыскал дядя Оффлас. При тестировании у меня обнаружили хорошую память и ещё некоторые способности. Поэтому дядя взял меня в свою команду. Вот и всё.

- И, наверное, ты обручена со своим двоюродным братом?

- С Сандаром? - на мгновение перед ней предстал образ Сандара. Может быть в начале, очень давно, она и вынашивала робкие надежды. Но очень скоро они исчезли. Ведь для Сандара она всегда была не больше, чем бесчувственной машиной для работы, прислугой.

- Нет, ни в коем случае! - запротестовала Роун.

- Но может быть, с кем-нибудь другим, с другой планеты? - продолжал настаивать он.

- У работников Службы нет времени на такие вещи. По крайней мере так считает дядя Оффлас. Он даже и не думает,

что я - женщина. Для него я - запасная пара рук, очень часто неловких. Он берет меня в закрытые миры, потому что я его родственница, а чужой может натворить бед.

Роун рассмеялась:

- Но в этот раз ему не повезло. Я сделала как раз то, чего он боялся. И ты знаешь, Нелис... я думаю... мне кажется... мне уже всё равно!

И это было так! Прошлой ночью, когда она обо всём ему рассказала, с её плеч как будто гора упала. Она не обязана быть марионеткой дяди Оффласа! Пускай он очернит её в глазах Службы - здесь перед ней открылся целый мир! Они не смогут поймать её здесь, не посмеют.

- Странные порядки, - только и сказал Имфри и поднялся, предлагая продолжить путь.

Лёгкость в душе Роун, ощущение оторванности от прошлого и будущего исчезали по мере продвижения вперёд. Возможно, ей нечего было боятся дяди Оффласа? Возможно, если держаться от него подальше. Но она напротив шла ему навстречу. Зачем?

- Пожалуйста, - попросила она, обгоняя Имфри, - нам надо действовать очень осторожно. Мы не знаем, на что они способны. Если прибыла спасательная лодка, то, возможно, с ней прилетели другие.

- Постой! Ты сказала мне, что машины с коронами всем заправляют. Мы их должны уничтожить. Ведь к этому ты меня призывала?

- Да. Но я забыла, - к собственному удивлению и позору Роун, на её глаза наворачивались слезы. Что же всё-таки с ней происходит? Никогда в жизни она не позволяла себе этого. В отчаянии Роун попыталась овладеть собой.

- Да, извини, это - единственный выход. Я только призываю к осторожности. У них есть приборы, способные почувствовать нас на расстоянии.

Имфри пожал плечами.

- Мы должны сделать всё возможное и надеяться на удачу. Сейчас мы, - он взглянул на круглый прибор, - недалеко от пещеры. И мы подходим к ней с той стороны, где ворвались люди Реддика.

На склоне горы земля была изрыта проливными дождями. Имфри говорил так тихо, что Роун приходилось читать движения его губ:

- Вход охраняют?

- Не думаю. Я сожгла репеллер. Если только у них есть ещё

один. - Тело Имфри было напряжено, как у бегуна на старте. - Скорее! - и через секунду он исчез в отверстии в скале. Роун последовала за ним и оказалась на том месте, где Людорика взяла в руки Корону.

- Погоди! - окликнула Роун. Необходимо было убедиться в отсутствии дистортов. Благодаря Имфри, они не потерялись в дремучем лесу, и сейчас настала её очередь взять инициативу.

Роун скользнула в узкий коридор. Пока никаких следов защитных устройств. Но останавливаясь, она каждый раз слышала ровный гул установки. За поворотом показался слабый свет. Роун дотронулась до руки Имфри и прошептала ему на ухо:

- Что ты видишь там?

- Ничего.

- А слышишь? - продолжала она.

- Ничего. Наверное, я и не могу. Ты говорила, что Принцесса ничего не видела.

Если это так, то неужели всё напрасно? Неужели он примет на веру то, что она ему описала? Пальцы Роун и Имфри сплелись.

- Пойдем! - взявшись за руки, как дети, они пробирались всё ближе и ближе к установке.

Сандар? Дядя Оффлас? А если они там, внутри - проверить было нельзя.

- На поверхности находится большая пластина, вокруг - ряды лампочек, которые загораются и гаснут, образуя разноцветные узоры. Сверху - небольшая корона размером с твой кулак. Она имеет форму - я думаю тебе лучше знать - форму ярко-алых языков пламени.

- Огненная корона Лейкстана! - вскричал полковник.

- А теперь, дай мне руки, - Роун обняла его сзади, взяла за руки и подтолкнула к короне Лейкстана.

- Ты чувствуешь? - требовала она. От его ответа зависело всё.

- Да! Вот это - лампочки. А где корона?

- Она слишком высоко. До неё не добраться.

- А где корона Ревении? - с нетерпением спросил Имфри.

- Вот, - она подвела его к машине и детально описала её.

- Расскажи мне о других! - и Роун рассказала, по очереди подводя его к каждой. В конце они подошли к мёртвой колонне. Диадема из ракушек грозно зеленела в темноте.

Однако, если их не обнаружили у входа, то имелся шанс спрятаться внутри. У панели Роун на секунду задержалась и

переступила порог. Гудение, мерцающие разноцветные лампочки. Внутри - никого.

- Пойдем! - Роун не видела выражения лица Нелиса, но его рука судорожно сжимала её.

- Ты... прошла... сквозь... стену!..- выдавил он в изумлении.

- Здесь есть вход. Закрой глаза и иди вперёд. - У Роун появилась слабая надежда. Вдруг внутри он сможет увидеть? - Осторожно, здесь высокий порог. - Закрыв глаза и выставив руку вперёд, как слепой, Нелис следовал за Роун.

- А теперь посмотри! - Имфри открыл глаза. Его лицо исказила гримаса. - Тьма! Кромешная тьма!

- Тихо!- Роун всё ждала, что кто-нибудь появится из-за колонн. Но пока всё было спокойно.

- Я ничего не вижу, - Имфри оправился от шока.

- Опять закрой глаза! - может быть на ощупь... Роун подвела его к одной из машин. - Вот колонна. - Она описала всё как можно проще.

- Да, это корона Аротнера, - признал Имфри. - Ты назвала её машиной?

- Да.

- И ты думаешь, что они управляют нашими мыслями, расцветом и упадком Королевств?

- Мы так думаем. Несмотря на то, что записи Психократов были в основном уничтожены во время взрыва их главного информационного центра, кое-какие сведения сохранились. У нас самих есть компьютеры с подобной системой. Между колонной и короной должна быть радиосвязь.

- Да, это объясняет многое. - Имфри как будто размышлял вслух. - Не раз в прошлом бывали случаи, когда, взойдя на трон, правители изменялись.

- Роун,- Нелис обернулся, ища её широко раскрытыми глазами,- ты права! Это - зло! Страшное зло! И хаос лучше рабства. Я сам видел, что произошло с Королевой. Взяв корону, она стала другой. Той - той вещью, в которую превратила её корона. Этому нужно положить конец!

Слушая его, Роун ни на секунду не теряла бдительности. Дисторт! Где-то в глубине души заработал дисторт.

- Скорее! - Она потянула Имфри за дальнюю колонну. Дисторт работал всё сильнее.

- Здесь что-то есть, я чувствую. Надо бежать, - сказал он.

- Я знаю. Это дисторт. Защитное устройство. - Можно было попробовать прорваться, как раньше, но вряд ли это удастся Имфри. У входа послышались шаги. Сандар! С

кошачьей ловкостью он проскользнул внутрь и укрылся за колоннами. Значит, он подозревает, что здесь кто-то есть. Роун не сомневалась, что при нём станнер. Ему достаточно только нажать на кнопку, и они пропали. Если только он осмелится применить лучи вблизи установки. Роун сильно сжала руку Имфри. В настоящий момент им оставалось только ждать. У Имфри был «пистолет», у неё - инструмент. Но ни то, ни другое не защитит от станнера. Наверное, дисторт у входа можно сжечь, как и репеллер. Но как же Имфри? Она не может вести его за собой, как слепого, не может и оставить здесь.

В мёртвой тишине, нарушаемой лишь щёлканьем машин, прогремел голос Сандара. От неожиданности Роун вздрогнула.

- Роун! Я знаю, ты здесь, - слова основного языка разносились эхом в пещере. Откуда они раздавались, определить было невозможно.

- Спасательная лодка спускается, - продолжал Сандар. - Когда она приземлиться, ты знаешь, что тебя ждёт - стасс. Если ты сдашься - тебя пожалеют. Чем больше ты наделаешь глупостей, тем хуже будет, когда приедут инспектора.

Сандар запугивал её и, надо признать, отчасти ему это удалось. Если команда корабля о ней уже знает, то они будут беспощадны и по-быстрому расправятся с ней. Стоит им только привезти стасс, как они с Имфри окажутся запертыми в тюрьме, не хуже Хитерхау. А будущем её ждёт ни что иное, как промывание мозгов и переобучение. И значит она, значит они должны вырваться на свободу.

- Тебе не сбежать, - гремел Сандар. Ждать больше нельзя. Это дуэль. Сандару нужна она, а не Имфри. - Не двигайся! - прошептала она. Рука Имфри легко коснулась её плеча - он понял! Роун скользнула к следующей колонне. Если бы только удался её отвлекающий манёвр! Она нацелилась на мёртвую корону Аротнера. Вспышка, и корона растаяла, превратившись в сверкающие капли. В тот же миг она увидела Сандара, перебегающего к другой колонне. Теперь Роун предприняла отчаянный шаг, направив луч на скалу прямо перед Сандаром. Часть скалы исчезла, Сандар вскрикнул, споткнулся. Но станнер не бросил и тут же, оправившись, поднял руку...

Роун прицелилась снова, пытаясь расплавить станнер, но лишь краешек луча задел его. Главный удар пришёлся на колонну Ледяной Короны Ревении.

Глава 17

Роун показалось, что мир раскололся. Пол под ногами ходил ходуном. Всё вокруг дрожало и громыхало. Колонна превратилась в ослепительно сияющий факел, искры которого опаляли соседние колонны. Имфри! Он не мог видеть и был там, за теми колоннами! Только теперь немыслимый свет ослепил и её.

Роун опустилась на землю и поползла, находя дорогу на ощупь. Взрывы оглушили её. Ровное гудение машин превратилось в один многоголосый вопль, как будто они были живые. Воздух раскалился и стало трудно дышать. Только случай помог ей наткнуться на Имфри. Почувствовав его ноги, Роун с трудом подтянулась, а после тянула его за собой, пока они оба не уперлись в дальнюю стену пещеры. Отсюда выхода не было - тем более, что ни один из них не видел, а дверь находилась очень далеко. Роун надеялась, что им удастся продержаться и противостоять всепоглощающей стихии.

Сандар! Первый раз за всё время Роун вспомнила о нём и поморщилась. Удар пришёлся как раз по колонне, за которой он прятался. И теперь, если он мертв, то это дело её рук. Но она ведь не хотела этого. Она не собиралась причинить ему зло, только выбить станнер, дать ему шанс.

Гул пожара утихал или она стала глохнуть. Роун изо всех сил тёрла глаза, силясь заставить их смотреть. Глаза невыносимо жгло, слёзы градом лились по грязному лицу, кроваво-красная пелена застилала мир.

Как долго длился этот ужас, сказать было невозможно. Час или несколько часов, или же целые сутки. Казалось, он никогда не кончится.

Наконец Роун поняла, что всё подошло к концу. Жара спала, пожар прекратился и всё вокруг перестало взрываться и грохотать. Они попали в ловушку темноты и удушающей гари.

- Скорее отсюда!

Продвигаться вдоль стены на ощупь? Это единственный шанс. Роун толкала Имфри перед собой. В каком направлении идти, Роун не знала, хотя скорее всего налево. Так, не отрываясь от тёплой стены и стараясь не потерять контакта, они медленно двигались вперёд. Глаза продолжало резать и жечь. В её душе зародился новый страх. Неужели она ослепла?

- Где мы? - В голосе полковника звучали страх и растерян-

ность, так ему несвойственные. Так говорит человек, неожиданно проснувшийся в незнакомом месте.

- В установке. Нет, стой!

Имфри стал неожиданно вырываться, но Роун ещё сильнее сжала его руку и толкнула вперёд.

- Кто ты? - испуганно спросил он. - Что, что я здесь делаю? Где я?

- Не вырывайся, держи мою руку, или мы не выберемся! - собрав волю в кулак, приказала Роун. - Мы не можем видеть. По стене мы дойдем до двери.

- Кто ты? - он уже не сопротивлялся, а остановился, как вкопанный.

- Я - Роун, Роун Хьюм.

Что с ним случилось? Её страх продолжал расти. А вдруг... Нет, об этом нельзя было даже думать!

- Пойдем, нам надо идти, уйти отсюда, - Роун почувствовала, что теряет контроль над собой.

- Куда? - под натиском Роун он робко шагнул вперёд.

- Отсюда, наружу! Ну, пожалуйста, пойдем! О, скорее! Так надо, надо!

Ну всё, по крайней мере ей удалось заставить его идти за собой. Через секунду Имфри опять остановился.

- Вперёд! - Роун ударила его кулаком.

- Дальше нет пути, здесь стена!

Ледяной страх объял Роун, но через секунду заговорил разум - ну конечно, это угол! Они нашли стену с дверью.

- Направо, поворачивай направо, - трясла его Роун. А вдруг он не понимал, что такое «право» и «лево»? Каким-то образом ей удалось развернуть Имфри. И вот, наконец - о счастье - повеяло прохладой - дверь.

- Сюда! Осторожно, здесь ступенька. - Роун вытолкнула Имфри наружу. А как же дисторт? Его обезвредило взрывом. Роун прислонилась к прохладной стене, вдыхая живительный кислород. Кровавая пелена, застилавшая глаза, спала. Оставался единственный шанс и Роун решилась. Покопавшись в вещмешке, она достала прибор ночного видения. Надев его, ей боялась открыть глаза. В них как будто насыпали горячего песка, но они видели! Хотя по-прежнему нечётко, сквозь серую дымку.

Она взглянула на Имфри. Так же как и Роун, он стоял, прислонившись к стене пещеры, и отчаянно растирал лицо. К счастью, он не был ни ранен, ни обожжён.

Итак, они спасены. Они, а Сандар? Роун оглянулась. Установка больше не излучала свет. Стояла мёртвая тишина.

Мёртвая. Возможно, взрыв установки был замечен командой спасательной лодки. Против неё Роун и Имфри были бессильны.

Роун схватила Имфри за руки и сильно сжала их, пытаясь заставить его слушать.

- Оставайся здесь, пока я не вернусь. - Она чеканила каждое слово.

- Оставайся... вернусь... - бессмысленно повторил он, глядя в пустоту ничего не видящими глазами.

Несмотря на ужас, охвативший её, Роун постаралась не думать о состоянии Имфри.

В поисках Сандара Роун скользнула обратно за дверь. В зловещей тьме курились остатки колонн. Ядовитые пары раздирали горло удушающим кашлем.

Где же стоял Сандар? Без светящихся корон было трудно ориентироваться. Спотыкаясь, Роун пробиралась наугад, не зная, есть ли вообще смысл искать. Вдруг недалеко показались очертания тела, и Роун бросилась к нему. Потянув за плечо, Роун перевернула нечто безжизненное. Если Сандар ещё жив, то необходимо скорее вытащить его из удушливой пещеры. Ухватив за руки, Роун потащила его к выходу.

Уже в коридоре она склонилась, нащупывая пульс. Тонкая жилка слабо билась под её рукой. И вдруг земля под ногами задрожала и весь тоннель заходил ходуном. Роун вскрикнула. Что это - землятресение? Сандар шевельнулся и закашлял, пытаясь подняться.

И тут Роун поняла всё. Это было воспоминание из прошлого - рёв ракет приземлившейся лодки. Надо бежать. Она быстро встала. Сандар был жив и скоро им займутся спасатели. А ей с Имфри следует опять скрыться. Нелис всё ещё стоял у стены и прислушивался к происходящему.

- Кто это? - в его голосе звучала былая уверенность.

- Это я, Роун. Нам надо спешить.

- Куда? - потребовал он.

- Подальше отсюда. И побыстрее. Они придут за Сандаром и к установке, и они не должны нас застать.

- Кто - они? - он оставался глух к мольбам Роун.

- Дядя Оффлас и те, кто прилетел. Ну, скорее!

- Я чувствую, что ты напугана, - ответил он. - Кто ты?

- Роун! Я же Роун! - ещё немного и она расплачется. Что с ним? Почему он её не узнает?

- Роун...- протянул он.- А я кто? - Её трясло. Самое страшное предположение оправдалось. - Ты - полковник Нелис Имфри. Ты ничего не помнишь? Совсем ничего?

Нелис ответил вопросом на вопрос: - Ты боишься за себя?

- За себя, да, - честно ответила Роун, - и за тебя. Они схватят нас обоих. Ну пожалуйста, бежим.

Роун протянула руку, в то же время боясь, что он её ударит. Но вместо этого рука Нелиса потянулась ей навстречу. Роун схватила её и потянула Нелиса за собой. Пробежав весь коридор, они оказались у выхода. Ночной ветер повеял свежестью и прохладой. Нелис поднял лицо к небу и воскликнул:

- Я могу видеть! - От радости Роун вскрикнула и отпустила его руку.

- Всё так странно, - продолжил Имфри мыслить вслух, - я чувствую какую-то пустоту. - И потом с неожиданной уверенностью: - Я Нелис Имфри из рода Имфри Манхольм. Я полковник Армии Её Королевского Величества Королевы Людорики. Я - это я, Нелис Имфри!

И он затих, смотря вверх, где колышащиеся ветви то смыкались, то расступались под звёздным небом. Взошла стареющая луна.

- Я всё помню, хотя воспоминания какие-то неясные. Ведь я Нелис Имфри. И всё остальное тоже правда?

- Правда, - ответила Роун. Постепенно Нелис выходил из своего транса. Потом он быстро обернулся и испуганно уставился на неё.

- Скажи мне, - потребовал он, - что случилось, пока я был в темноте?

- Когда я попыталась остановить Сандара, энергетический луч задел одну из колонн. Началась цепная реакция и вся установка сгорела. Корон больше нет.

Поймет ли он? Нелис нахмурился: - Короны? Колонны?

- Установка, оставленная Психократами, чтобы править этим миром.

Рот Имфри превратился в тонкую линию:

- Ревенией правит Королева.

- Теперь - да, - согласилась Роун и подумала: - «Так ли это? Не случилось ли с Ревенией то же, что и с Аротнером?»

- Ты говоришь о чём-то, чего я не понимаю. Поясни мне! - Имфри надвигался, как будто хотел вытрясти из неё всю правду.

Роун опять испугалась. Этот суровый человек был не Нелис Имфри. Вот что означало уничтожение Корон?! Теперь он изменился, также, как и Людорика, дотронувшись до Короны.

- Это долгая история, - беспомощно ответила Роун.

- Какая разница. Рассказывай. - И опять ей пришлось пересказать все события с самого начала.

Только теперь рассказ не снял тяжести с души, а вернул былое одиночество. Имфри с застывшим выражением лица внимательно слушал, как слушает беспристрастный судья рассказ обвиняемого. Он выслушал Роун до конца, ни разу не прервав её вопросами. Закончив, Роун почувствовала огромную усталость. Резь в глазах становилась невыносимой, отдавалась где-то в голове.

- Теперь ты понимаешь опасность, если люди Службы найдут нас? - Роун вложила все остатки сил в это последнее предупреждение. Глаза, и как трещит голова! Она этого не перенесёт. Роун покачнулась, вскрикнула и огромное море огня и боли поглотило её.

Прохлада. Благословенная прохлада и темнота. Окунуться в эту прохладу и никогда не покидать этого места. Жара отступала. Роун не хотелось двигаться, но всё же она зашевелилась. Роун попыталась запротестовать и почувствовала, что у неё нет сил говорить. Она тихо застонала.

- Роун, - донеслось из темноты. Нет, оставьте её в покое, не трогайте.

- Роун! - Нет, она не будет отвечать. И опять она провалилась в прохладную темноту.

Когда она пришла в себя во второй раз, то почувствовала, что лежит на чём-то жёстком. Лицо её было мокрым, как будто после дождя. Но нет, это влажная ткань закрывала её глаза. По крайней мере, её никто не тревожил, не пытался растормошить.

- Высотой с замок, клянусь вам, сэр. Ничего подобного я никогда не видел. И оттуда вышли пять человек. Они выходили и входили по лестнице, вносили какие-то вещи. Двое вошли в пещеру. Если бы вы только видели эту махину, вы бы поверили мне. Представляете, кто поверит, что люди летают к звёздам. Для этого нужны доказательства. И ещё это чувство пустоты. Всё как сон или проделки колдуна. А что? Если Шэмбри так силён, что может держать под контролем Королеву, может быть он и сейчас зачаровал нас.

- Человек не может заставить другого человека видеть то, что он не представляет сам. Корабль не принадлежит нашему миру.

- Точно. Но это странное ощущение в голове, хотя сейчас оно уже не так сильно. А поначалу, после взрыва, поверьте, сэр, это было ужасно. Маттин даже бегал по кругу и орал, что

он разведчик Нимпов, и подобную чушь. Ханлоу пришлось даже уложить его и успокаивать. А остальные - мы даже не могли вспомнить, как нас зовут. Ой, а что было в городе! Некоторые так до сих пор и не оправились. Вот Флич, например. Кошмар, правда? Хуже чем битва с Нимпами.

Вулдон. В тумане Роун смогла различить черты лица. Кто ещё с ним? Они должно быть видели спасательную лодку.

А что, если команда сейчас ищет её? Необходимо предупредить. Потребовалось невероятное усилие, чтобы поднять руку и спихнуть с лица мокрую тряпку.

- Нелис, - слабо прошептала она.

- Роун! - быстро отозвался голос. Её руку остановили, кусок влажной ткани уложили обратно.

- Оставь это пока. Твои глаза сильно поражены. Ты знаешь, кто я? - Неужели он думал, что это она была не в себе? - Нелис Имфри, - с возмущением ответила она. - И Вулдон тоже здесь. Но... - Она вспомнила что-то очень важное. - Нелис... корабль... они не должны найти нас!

- Уверяю тебя - они не найдут! Мы в горах, разведчики охраняют нас. Я прекрасно представляю себе возможности твоих людей, и при первых признаках погони мы исчезнем. А теперь, - сильная рука приподняла её, - выпей это!

Прохладный металл коснулся её губ. Роун глотнула, подавилась и закашляла.

- Нет, - Нелис не отпускал её. - Ещё, это тебе поможет. - Сделав ещё пару глотков, Роун обнаружила, что напиток не так уж и плох. Она покорно выпила целую кружку.

- Мой вещмешок, лекарства!

- Они здесь, Леди! - ответил Вулдон.

- Найдите белый тюбик. - Терпкий напиток придал ей сил, и она уже снова могла чётко мыслить. - В нём зелёная жидкость - капли для глаз.

- Вот они! - добавил Имфри. - Сколько?

- Пока по две в каждый глаз. - Имфри убрал мокрую ткань с глаз Роун. Свет казался слишком ярким, и от него глаза заболели ещё сильнее.

Потом Роун сомкнула веки и принялась покорно ждать. Глаза жгло. Если капли вообще помогут, то это должно произойти скоро. Медленно Роун сосчитала до ста и решилась открыть глаза. От яркого света им было больно, но, по крайней мере, она видела.

Нелис, заросший чёрной щетиной, сбоку от него сержант.

- Я вижу, - сообщила Роун скорее для себя, чем для них. - О, дайте мне посмотреть, дайте посмотреть.

Ей очень хотелось убедиться, что к ней наконец вернулось зрение. Тут же Нелис помог ей встать.

Они находились на открытом воздухе, стояло, наверное, позднее утро. Неподалеку ходили какие-то люди. Некоторые из них были в форме, другие - в одежде деревенских жителей или зелёных костюмах лесников. Привязанные у дерева двуроги хвостами отмахивались от насекомых.

- Вы хотите есть, Леди? К сожалению, у нас кроме походной еды и одного из ваших тюбиков ничего нет.

- Принесите, - приказал Нелис, и сержант скрылся.

- Как твои глаза?

- Я вижу! - радость её была велика также, как и страх накануне. - Остальные знают, что произошло? - поинтересовалась она.

- Не все. Об этом не стоит рассказывать на каждом углу. Знать, что всю жизнь ты был рабом машины... И как далеко зашла эта власть...

- Людорика и Корона, - Роун продолжила его мысль. - Если это так подействовало на тех, кто не имел прямое отношение к Короне, что же случилось с Королевой.

Нелис опустил голову, пряча глаза.

- Это мы ещё должны узнать. Катастрофа по-разному подействовала на людей. Теперь уже все оправились, кто-то раньше, кто-то позже.

- Пожалуйста, Леди, - вернулся сержант с тюбиком Е-рациона. Роун жадно прильнула к тюбику, почувствовав, что она голодна ка волк.

Казалось, что её выздоровление послужило сигналом, которого все ждали. Сержант Вулдон подошёл к заставе, и солдаты оседлали двурогов. Проезжая мимо полковника, они отдавали честь. В конце концов, остались только Вулдон и Маттин.

- Нам надо трогаться в путь, - сказал Нелис. - Я знаю - ты не сможешь ехать верхом, но у нас есть двурог, способный везти двоих.

Первым в седло забрался Имфри, а потом сержант Вулдон как пушинку поднял Роун и передал её полковнику.

- Куда мы едем? - спросила Роун, когда процессия вошла в лес.

- Пока мы должны скрываться. Мы пойдем вдоль реки. Наши разведчики идут впереди. Если они найдут прямую дорогу, мы направимся в Уркермарк.

- К Королеве?

- Да, если она ещё Королева. - Его голос был холоден. - Мы не знаем, что ждет нас там.

- Ты здесь ни при чем, - Роун пыталась понять, о чём он думает, - это всё я, и случайность.

- Я уже сказал, что не верю, что всем правил слепой случай, - ответил полковник и замолчал.

Глава 18

Несмотря на размеры комнаты, в ней было тепло, даже слишком тепло. Две большие лампы на столе освещали только середину, в углах лежали тени. Даже чудовищная усталость не смогла заглушить её любопытства. Ведь ещё ни разу на Клио она не была в обычном жилом доме. Это была Гостиница Трёх Путников на полпути от Уркермарка. За окном стучал дождь, у камина были свалены мокрые накидки, в которых они ехали полдня. А всего уже прошло три дня, считала Роун. Первый день прошёл как в тумане. Ночь они провели в хижине лесника. И тут вернулись разведчики. Ревения в хаосе. Особенно сильно пострадала «верхушка». «Маленькие» люди легче перенесли шок и с ужасом наблюдали безумные действия вождей. Некоторые как будто сошли с ума и отдавали такие бессмысленные приказы, что слуги отказывались подчиняться. Где-то, ни с того, ни с сего, люди убивали друг друга. Появились банды налётчиков, воспользовавшихся чужим несчастьем.

Чем ближе они подходили к Уркермарку (а теперь они путешествовали открыто, ведь бояться в этой суматохе было некого), тем ужасней становились рассказы о том, что там произошло. Теперь уже стало ясно - на страну надвинулась беда. Трижды им навстречу попались отряды беженцев - мужчины, женщины с детьми - но ни разу им не удалось вступить с ними в контакт: однажды даже, чтобы отпугнуть людей Имфри, мужчины стреляли. Среди них были и раненые. Глядя на перевязанных людей, Роун чувствовала себя глубоко несчастной. Случайность это или нет, но всё это дело её рук.

Постепенно к Имфри присоединялись всё новые и новые люди: охранники, лесники, солдаты. Их приводили разведчики. Имфри лично расспрашивал каждого, пытаясь сложить разрозненные рассказы в единую картину.

- К нам прибыл какой-то офицер, и майор Эммик говорил с ним в комнате для стражи. Потом послышался выстрел.

Когда мы взломали дверь, майор был мёртв. А этот полковник стал говорить, что майор - предатель. Конечно, мы ему не поверили. А потом он схватился за голову и стал биться об стену. Ну, мы не знали как и быть. Наш капитан был ещё не в себе. И когда сержант спросил, какие будут указания, он расхохотался. Тогда сержант Квантил приказал закрыть все ворота и никого не впускать, пока не появятся какие-нибудь разумные вести. Он отправил троих: Мангрона - в Вертгейт, Афрана - в Балькай, а меня - к нашему полковнику в Уркермарк. Но там тоже ворота оказались заперты. И меня не впустили. Я думаю, внутри уже идет битва и полыхают пожары... А потом я встретил вашего человека, и то, что он мне сообщил было самым толковым, что я слышал со времени майора Эммика. И вот я здесь.

- А этот человек, полковник, ты знаешь его?

- Первый раз видел, сэр. У него был новый королевский символ - чёрная голова форфана с открытым ртом и высунутым языком в форме вилки, мерзкая штука. Сержант потом обыскал его. Всё, что при нём было - это приказ. Но на нём не было подписи Королевы. Там говорилось: - «Именем Короля». Но ведь Король Никлас уже давно умер! Это просто какое-то сумашествие!

- «Именем Короля», - повторил Имфри. - Какого Короля? - Солдат в ужасе выкатил глаза и заспешил к выходу, оглядываясь по сторонам. Он решил, что Имфри тоже свихнулся.

- Нет, солдат, я не сошел с ума. Но имею основания полагать, что рядом с Королевой есть кое-кто, способный захватить власть в смутное время. И если он так и сделал...

Солдат судорожно сглотнул.

- Ох, теперь понятно, - с облегчением сказал он. - Я не помню, чтобы там стояла какая-то подпись. На приказе стоял отпечаток большого пальца, но никакого имени! Поэтому сержант что-то и заподозрил. В приказе значилось, что майор должен сдать командование. Но, господин полковник, где же, где же Королева?

- В Уркермарке, по крайней мере должна быть там! - с чувством сказал Имфри. - Ты говоришь, город закрыт?

- Все ворота крепко заперты, господин полковник, так было во время осады Нимпов. Чтобы открыть их, потребуется мощное оружие.

- Внешние ворота - да, но есть и другие пути. Как скоро ты сможешь доставить мое послание?

- Если дадите мне свежего двурога, то, пожалуй, к полночи, сэр.

- Годится. Расскажи сержанту о том, что ты видел. И передай ему это письмо.

Имфри пододвинул бумагу, ручку и чернильницу. Как обычно, в конце таких бесед он что-то писал, макал палец в чернильницу и ставил отпечаток рядом с подписью.

- Маттин! - позвал он. - Свежего коня этому солдату. - Солдат ушёл и Имфри повернулся к огню. В комнате воцарилась тишина.

Стремясь отвлечься от своих мрачных мыслей, Роун спросила:

- Ты говоришь, в Уркермарк можно пробраться, минуя ворота?

- Там есть спасательный люк. Наша история полна войн, восстаний и междоусобиц. Это были кровавые игры. Не могу понять, кому только всё это было выгодно? Машинам? Нет. Знали ли эти дьяволы, загнавшие нас в рабство о том, что здесь творится? - Имфри вопросительно взглянул на неё.

- Вначале - наверное. Иначе зачем экспериментировать. Но Психократы уже давно умерли.

- Машины умерли несколько дней назад, а что происходит с нами! Как бы мне хотелось знать, почему катастрофа подействовала на кого-то больше, а на кого-то меньше. Надо спасать Королеву. Не исключаю, что Реддик объявил себя Королем. Тогда Людорика либо умерла со смертью Короны, либо Реддик держит её в плену, на всякий случай. В любом случае ему нельзя позволить...

Имфри неожиданно прервался и замолчал. О существовании тесной связи между Королевой и Имфри Роун знала с самого начала. И теперь, если Королева мертва... Роун тяжело вздохнула. Неужели она когда-нибудь освободится от бремени вины?

Услышав вздох, Имфри обернулся. Выражение его лица смягчилось:

- Отдохните, Миледи, пока. Быть может, в будущем такой возможности и не представится.

Настало утро. Горничная отдёрнула занавески и бледные лучи солнца упали на пол.

- Госпожа, - присела горничная, заметив, что Роун уже проснулась, - господин полковник говорил, что вам скоро уезжать. Я принесла вам горячей воды и вот это. - Она показала на сложенное платье.- Я сама его сшила. Конечно, такая Леди, как Вы, привыкли к роскошным вещам. Но господин полковник сказал, что подойдет и это.

- Но я не могу взять твоё платье, - запротестовала Роун,

несмотря на то, что у неё не было ни малейшего желания влезать в засаленную одежду, которую она не снимала вот уже почти неделю.

- О, госпожа, господин полковник хорошо заплатил мне. Надевайте, платье новое, здесь ещё и накидка.

Роун с наслаждением выкупалась и надела специальную юбку для верховой езды и узкий лиф бирюзового цвета, а также серый плащ с капюшоном. Её волосы уже достаточно отросли и падали на глаза. Роун с трудом смогла привести их в порядок. Горничная принесла еду.

- Пожалуйста, госпожа. Господин полковник просит Вас поторопиться.

- Конечно. - Роун поняла, что первый раз за всё это время она по-настоящему проголодалась.

Горничная проводила Роун вниз. Общая комната была полна людьми, в спешке принимающими пищу. Большинство из них были незнакомы ей, но вот приветственно замахал рукой Маттин, и люди расступились, пропуская её.

Имфри критически оглядывал двурогов.

- Эту кобылу характеризуют как надёжную и спокойную. Она забавная, правда?

Кобыла и впрямь была забавной, с маленькими рожками и огрызком вместо хвоста.

Теперь они возглавляли шествие, за последнюю ночь превратившееся в настоящее войско.

- Мы едем в Уркермарк? - спросила Роун.

- Да, потайной дорогой. - Они шли сквозь лес, там где увязали копыта двурогов, топча колосья спелого зерна. Когда они повернули на запад, Роун окончательно сбилась. Теперь ей казалось, что они удаляются от цели. Но вскоре они добрались до реки и по её берегу пошли на восток. У моста с треугольной башней они спешились. Имфри и сержант, а также двое стражников, подошли к башне.

Мужчины достали ломы и принялись выламывать камни ниже щели для подаяний.

Под сокрушительными ударами тяжёлая плита отвалилась. В воздухе блеснули рассыпавшиеся монеты. Но солдаты не обращали на них никакого внимания и продолжали работать. Теперь уже в свете солнца показался пыльный каменный пол с небольшими углублениями.

Сержант Вулдон нащупал в углублении какой-то рычаг и со всей силы налёг на него. Солдаты и полковник помогали ему. Послышался каменный скрежет и поплыла ещё одна плита.

И очень скоро Роун спускалась по крутой каменной лестнице подземного хода. В узком коридоре было темно и пахло плесенью. Однако время от времени Роун чувствовала какие-то движения воздуха, как будто работал кондиционер.

По большей части дорога была пологой, и Роун подумала, что построить такой подземный ход было очень непросто. Роун уже казалось, что они так и будут идти до самого Уркермарка, как вдруг впереди показалась ещё одна лестница вниз.

На нижнем уровне коридор представлял собой серию естественных пещер, переходящих одна в другую. Некоторые из них были настолько велики, что свет фонаря растворялся в пространстве.

Имфри уверенно шагал вперёд, как будто прекрасно знал дорогу. Однако, по всем признакам, вот уже много лет здесь не ступала нога человека.

Полковник остановился, чтобы свериться со своим круглым прибором.

- Здесь направо, - он посигналил фонарём. Теперь они шли уже не так быстро. Маттин и Имфри высоко держали лампы.

Вскоре появилась ещё одна лестница вниз. Воздух повлажнел, по ступенькам крупными каплями стекала вода.

Роун ступала осторожно, боясь поскользнуться на крутой лестнице. Новый коридор привёл их к лестнице, ведущей наверх. С одной стороны вдоль лестницы шла деревянная панель, почти скрытая занавесом из паутины и пыли.

Вверх и вверх. Имфри медленно поднимался, явно считая ступеньки. Роун чувствовала, что в этом есть какой-то скрытый смысл. Вот он остановился, махнул рукой и сержант Вулдон поспешил к нему.

Вручив фонарь Маттину, полковник внимательно обследовал каждый сантиметр деревянной панели. Нащупав что-то, он всем телом подался вперёд и перед ним распахнулась деревянная дверь.

Шагнув в образовавшийся проём, Роун очутилась в роскошной комнате, похожей на ту, которую она видела во сне. Та же массивная резная мебель, на стенах те же выцветшие от времени ковры. С пистолетами наготове Имфри и сержант бросились к двери напротив.

Полковник осторожно приоткрыл дверь, заглянул внутрь и подал знак двигаться вперёд. Так они оказались в самом сердце Замка Уркермарка.

Имфри уверенно вёл их по амфиладе комнат. Дважды с замирающим сердцем Роун ждала появления Имфри, прис-

лушиваясь к выстрелам в соседней комнате. А один раз ей даже пришлось переступить через лежащего ничком человека, из-под которого тянулась тонкая красная струйка. По-видимому охрана замка была не готова дать достойный отпор. И поэтому люди полковника быстро продвигались вперёд. В каждой комнате Имфри оставлял нескольких человек. Таким образом, когда они добрались до Королевских покоев, их оставалось не более десяти человек.

Имфри резко рванул дверь, одновременно отстранившись в ожидании выстрела.

- Брось его! - Послышался чей-то скрипучий смех. Полковник был уже внутри, остальные последовали за ним. Вместо битвы перед глазами Роун предстала немая сцена, как будто вторжение заставило артистов застыть на месте.

На кровати с закрытыми глазами лежала Людорика. Платье её было смято и кое-где даже разорвано. Её волосы были распущены и свисали клочьями.

За её спиной сидел Шембри. В руках он держал сияющий шар, а на его лице играла зловещая усмешка:

- Потише, полковник, Королева спит. Она спит и видит сон о нас. Если она проснется, то мы все исчезнем. Мы все существуем только в её сне. Только я, Шембри, могу заставить спать её долго и сохранить нам жизнь!

Солдаты в нерешительности переминались с ноги на ногу. И только Имфри смело приближался к Увещевателю. Не успел Шембри опомниться, как полковник ловко выхватил магический шар из его рук. Шембри издал дикий вопль и набросился на Имфри, пытаясь скрюченными пальцами дотянуться до шара, а может и до горла полковника.

Но тут вмешался Вулдон. Схватив изрыгающего проклятья Шембри, он швырнул его обратно в кресло с такой силой, что кресло развалилось и Шембри оказался на полу.

Роун бросилась к Принцессе. Лицо Людорики было очень бледным, измождённым. Однако прежняя маска жестокости исчезла. Лоб Принцессы горел, а губы высохли и растрескались. Но всё же она была ещё жива! И всего лишь спала.

Схватив Шембри за шиворот, Вулдон хорошенько встряхнул его и поставил на ноги.

Имфри подошел к кровати и взял Принцессу за руку.

- Она всё ещё находится под воздействием магического шара. Освободить её может только одно. - Имфри подхватил магический шар и со всей силы швырнул его оземь.

Шембри взвыл диким зверем и отчаянно забился в руках

Вулдона. Двое солдат вовремя подошли и уложили рвущегося старика.

Людорика шевельнулась и открыла глаза. Взгляд её был пуст.

- Присмотрите за ней, - велел Имфри. - Здесь не хватает кое-кого из этой компании. - И он направился к следующей двери и с силой распахнул её. Глазам Роун предстал колонный зал, в противоположном конце которого на возвышении располагался трон. На троне сидел человек в сияющей ледяным светом Короне. При появлении Имфри он не шелохнулся.

В огромном зале человек был не один. Вокруг него распластались мёртвые тела.

- Реддик! - Реддик, казалось, не замечал и не слышал Имфри. Он был так неподвижен, как будто Корона превратила его в лёд.

Секунду Полковник колебался, а потом подошёл к Реддику и встряхнул его за плечо. И в тот же миг со сдавленным криком он отскочил назад. Своим прикосновением он потревожил то, что когда-то было человеком.

Раздался звон разлетевшейся на тысячу кусков Короны. Ледяной дождь осыпал Графа с ног до головы. Реддик почернел, сморщился и превратился во что-то отвратительное, на что Роун не могла смотреть. Вскрикнув от омерзения, Роун закрыла лицо руками.

Мягкий свет разливался на богатом убранстве комнаты. Людорика полулежала в постели, а Роун кормила её с ложечки и поила вином.

Королева была очень слаба, у неё не было сил даже приподнять руки и пошевелиться. Она только улыбалась время от времени. Однажды пробормотала имя полковника, когда тот подошел взглянуть на неё. Судя по этому, она находилась в здравом уме, только была слаба.

Роун даже попробовала дать ей одно лекарство из своей аптечки. Но почему-то это не прибавило Принцессе сил. Она по-прежнему оставалась беспомощной, как ребенок.

Возможно, им никогда и не узнать, что произошло в Замке до их прихода.

Реддик мог захватить Корону ещё до того момента, когда далеко отсюда в пещере взлетели контролирующие установки. Это объясняло его страшную смерть на троне и кончину его приверженцев - в тронном зале никого не осталось в живых.

А Шембри сошёл с ума и пребывал в бессознательном состоянии. Хотя оставалась ещё надежда, что Принцесса постепенно придёт в себя, Роун опасалась, что спасти её может только квалифицированный врач. Об этом Роун прямо сообщила Имфри. А он повсюду выслал гонцов.

Тем временем замок возвращался к жизни. Город, зажатый Реддиком и другими предателями в железные тиски, был освобождён. Некоторых из советников нашли мёртвыми, двое исчезли, четверых нашли и привезли обратно. Один за одним возвращались слуги, стражники, которые были верными людьми Имфри. Роун с двумя служанками, их нашли в одной из запертых комнат люди Имфри, неотступно дежурила у постели Принцессы.

По ночам Роун спала на диване в той же комнате, готовая в любой момент прийти на помощь.

Имфри по её просьбе отправился, чтобы связаться с исследователями. Если лодка всё ещё там и инопланетяне не возражают (ведь установки уничтожены и Клио рассталась со своим прошлым), тогда Принцессе окажут самую лучшую, какую только можно представить, медицинскую помощь. Хотя может случиться и так, что искать экспедицию уже поздно.

Королева открыла глаза. Роун взяла неподвижные руки Принцессы в свои.

- Людорика! - тихо позвала она. Казалось, в этот раз голубые глаза, смотрящие в пустоту, на секунду задержались на Роун.

Потрескавшиеся губы раскрылись, и до Роун донёсся слабый шёпот:

- Роун?

- Да, о да! - от радости инопланетянка ещё сильнее сжала руки Принцессы. - Это я - Роун!

Людорика узнала её, это был большой прогресс.

- Не уходи.

- Конечно, я останусь. - ответила Роун, хотя, возможно, Принцесса и не успела ничего понять, потому что тяжёлые веки сомкнулись вновь и Людорика заснула.

Но теперь на душе у Роун стало значительно легче. Теперь сон Принцессы ей казался более здоровым, он уже не был похож на обморок. Подождав немного, Роун отпустила руки спящей и встала с постели. Тут же на её место скользнула служанка.

Дверь комнаты была приоткрыта. В соседней её ожидал Имфри. Он был при полном параде.

«Он взял на себя нелёгкую задачу вывести страну из хаоса. И он сделает это,» - подумала Роун.

- Твой корабль улетел, - коротко сказал он. Её первая мысль была о Принцессе. Как теперь помочь ей? Но постепенно до неё дошло истинное значение слов полковника. Они улетели и оставили её, как будто высадили на необитаемом острове и, возможно, на всю жизнь, если Служба решит оборвать все контакты с Клио.

Внезапно Роун почувствовала головокружение, пошатнулась и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Вовремя подоспевший Имфри поддержал её.

- Извини меня, - мягко проговорил он, - я не должен был говорить об этом так сразу.

- Нет, всё в порядке, - Роун покачала головой. - Было бы странно ожидать чего-нибудь другого. Они поняли, что обнаружили себя и не стали меня искать. Вполне вероятно, они не вернутся никогда. Но, Нелис, послушай, Королева Людорика только что узнала меня! Может быть, она придёт в себя и без их помощи.

- Ты уверена - уверена, что Королеве лучше? - спросил он с такой неподдельной радостью, и с такой живостью повернулся и заглянул в спальню, что Роун захотелось уйти.

Она попыталась освободить свою руку из руки Имфри, но он не отпускал её.

- Это мой долг, - произнёс он медленно, как будто слова причиняли ему боль. - Ты слышала, она называет меня - родственник...

- Потому, - поддержала Роун, - что Людорика хотела бы более близких отношений со своим полковником.

- Ты знаешь, между нами действительно существует связь. - Это было невыносимо. Только не сейчас! Пусть об этом расскажет кто-нибудь другой, только не он... Но воспрепятствовать она не могла и Нелис продолжал:

- Давным давно, по желанию отца я дал клятву - с тех пор она правит моей жизнью.

Наши Короли женятся по соображениям государственного блага. Очень часто такие браки представляют собой лишь формальный союз, необходимый для рождения настоящих наследников. Наш Король Никлас взял жену из Вордейна. Так решили его советники. Но сердце его принадлежало другой. И это могло привести не только к несчастной любви, но и к появлению таких, как Реддик.

Этого очень боялся отец после моего рождения. Моя мать была дочерью Короля, но не была настоящей Принцессой.

Ей ничего не было надо от своего отца. Она даже отказалась от того, что он ей предлагал. А выйдя замуж, она с радостью покинула Двор. По ее настоянию, я ничего не должен был требовать от Короля. Таково было и желание отца. Я не должен был стать «родственником». Для меня Людорика останется Королевой, которой я служу и которую я почитаю. Моя жизнь вне службы принадлежит мне. Она же может жить как хочет, ты понимаешь, что я имею в виду?

От волнения Роун смогла только кивнуть. Она сама не понимала, что с ней происходит. Ей понадобится много времени, чтобы понять эту новую Роун Хьюм.

- А как ты? Твои люди оставили тебя...

- Да.

- Но это только так кажется! На самом деле все по-другому,- с жаром говорил Нелис.

- Они улетели, а твои люди остались здесь! Ты принадлежишь Ревении, принадлежишь ей так же, как если бы родилась в ее горах, училась при Дворе. Поверь мне, Роун! Поверь! Ведь это - правда!

И действительно, все это существовало не только в ее воображении. Теперь это была правда.

И, как клятву, Роун произнесла:

- Я Верю, Нелис! Я Верю!

ТЕМНЫЙ ТРУБАЧ

Глава 1

Мне доводилось слышать, будто ленты Зексро хранятся вечно. Но даже следующее поколение может не найти ничего интересного в нашем рассказе. Из нас самих только Дайнан и, может, Гита, которая сейчас работает в хранилище инопланетных записей, в состоянии продолжить историю нашего времени. Мы теперь используем наш ридер только для поисков необходимой технической информации: никто не знает, насколько хватит его энергии. Поэтому моя лента может долго пролежать нетронутой, если только спустя века в иных мирах не вспомнят о нашей колонии и не заинтересуются её судьбой, или же здесь, на нашей планете, вырастут новые поколения, способные восстановить давно заглохшие механизмы.

Итак, моя запись может оказаться бесполезной: за три года наше маленькое общество сильно продвинулось от цивилизации к варварству. Тем не менее каждый вечер я посвящал один час записям, используя помощь всех остальных: даже дети многое могут добавить. Это рассказ о мрачном трубаче, Гриссе Лугарде, который спас горстку соплеменников, чтобы настоящие люди не исчезли из мира, который он любил. Но мы, те, которых он спас, в сущности так мало о нём знаем, что в записи речь пойдёт больше о наших делах и поступках, а также об его гибели.

Бельтан - единственная планета в секторе Скорпиона, никогда не предназначавшаяся для обычного заселения; она сразу была организована как экспериментальная биологическая станция. Её климат пригоден для людей, но планета не обладала разумной жизнью, на ней вообще не было высокоорганизованных живых существ. Покрытые богатой растительностью материки разделяют широкие моря. Восточный материк оставили для туземной жизни. Заповедники, посёлки и фермы разместились на западном континенте вокруг единственного космопорта.

Как часть Конфедерации, Бельтан просуществовал около ста лет, до начала войны Четырёх Секторов. Эта война длилась десять лет.

Лугард считал эту войну началом конца нашей расы и её владычества в космосе. Время от времени возникают звёздные империи, конфедерации, другие объединения. Потом они становятся слишком большими, или старыми, или же разрываются изнутри. И лопаются, как наполненный воздухом шаролист, если его проткнуть шипом; остаётся лишь

увядшая оболочка. Впрочем, жители Бельтана приветствовали окончание военных действий с надеждой на новое начало, возврат золотого века «до войны», о котором молодое поколение знало лишь понаслышке. Может, старшие и чувствовали правду, но отворачивались от неё, как человек, прячущийся от холодного зимнего ветра. Иногда лучше не знать, что тебя ждет за углом.

Население Бельтана и раньше было невелико, в основном специалисты и члены их семей, к тому же многие были призваны на военную службу, но из сотен улетевших вернулась горсточка. Моего отца среди вернувшихся не было.

Мы, Коллисы, происходим от первопоселенцев, но, в отличие от других, мой дед был не техником и не биологом - он командовал силами безопасности. Поэтому с самого начала наша семья была обособлена от общества из-за различия интересов. Возможно, моему отцу не хватало честолюбия. Молодым человеком он улетел с Бельтана и прошёл курс подготовки для патрульной службы. Но не старался продвинуться. Наоборот, предпочёл вернуться, надеясь в своё время, как и его отец, получить пост командующего силами безопасности. Только начавшаяся война и призыв всех пригодных к службе оторвали его от родной планеты.

Я, несомненно, последовал бы его примеру, но в течение десяти лет мы были изолированы от космоса, это меня и задержало. Моя мама, дочь техника, умерла ещё до того, как отец улетел со своим отрядом; с тех пор я жил в семье Аренсов.

Имберт Аренс, глава станции Кинвет, был двоюродным братом моей матери и единственным моим родственником на Бельтане. Серьёзный человек, добивавшийся результатов скорее благодаря терпению и упорству, чем уму. Вообще он подозрительно относился к неортодоксальным решениям и ссылкам на «интуицию» со стороны своих подчинённых, хотя - надо отдать ему должное - ограничивался лёгким неодобрением и никак не препятствовал их поискам.

Его жена Ранальда, истинный гений в своей области, терпимостью не отличалась. Мы редко её видели: она занималась какой-то закрытой темой. Очень рано всё домашнее хозяйство легло на их дочь Аннет, которая была на год моложе меня. Была ещё младшая сестра, Гита; обычно её видели с информационными лентами в руках; она столь же мало интересовалась домом, как и её мать.

Должно быть, узкая специализация, становившаяся всё более и более необходимой по мере продвижения человека в

космос, привела нас, так сказать, к мутации. Хотя наиболее пораженные ею люди возражали бы особенно яростно. Мне настоятельно советовали выбрать какую-нибудь нужную для станции профессию, но все они мне не нравились. В конце концов, я стал готовиться к профессии рейнджера - Аренс считал, что это занятие мне подходит, - но тут война, которая, впрочем, впрямую нас не затрагивала, подошла к мрачному концу.

Победы не достигла ни одна из сторон, противники разошлись в крайнем изнеможении. Затем начались бесконечные «мирные переговоры».

Больше всего нас тревожило, что Бельтан оказался забыт основавшим его союзом. Если бы задолго до этого мы не перешли на самоснабжение и наша планета не смогла бы кормить и одевать нас, положение стало бы отчаянным. Торговля и связь с внешним миром и так сократились до одного корабля в два года в последний период войны, да и то два срока корабль пропустил. А когда он наконец прибыл, мы обнаружили, что это второсортный «грузовик», доставивший горстку участников войны. Ветераны оказались слепыми и хромыми, как говорится - отбросы военной машины.

Среди них был и Грисс Лугард. Первый помощник отца, он играл важную роль в моём детстве, но я не узнал спускавшегося по трапу хромого человека с небольшой дорожной сумкой, казавшейся слишком тяжёлой для его худых рук; вес сумки как будто клонил его набок и добавлял неуверенности в походке. Проходя мимо, он взглянул на меня, уронил сумку и поднял руку; рот на частично восстановленном (что выдавала слишком гладкая кожа) лице перекосился.

- Сим!..

Он протёр глаза, и я узнал его по браслету на запястье, теперь слишком просторному.

- Я Вир. А вы... - я взглянул на знаки различия на воротнике его грязного выцветшего мундира, - сектор-капитан Лугард!

- Вир, - он повторил моё имя, как будто пытаясь найти в прошлом что-то знакомое. - Вир... да, ты сын Сима! Но... но... ты очень похож на Сима.

Он постоял, глядя на меня, потом поднял голову, повернулся и задумчиво огляделся. Теперь он как будто глядел поверх пыли, поднятой нашими башмаками.

- Да, много времени прошло, - негромким усталым голосом сказал он. - Очень много.

Плечи его сгорбились, он наклонился за упавшей сумкой, но я опередил его.

- Куда, сэр?

В старых казармах никто не жил уже по крайней мере пять лет, они использовались как склады. В семье Лугарда все умерли или улетели с планеты. Я решил, что Лугард может пожить у нас. Аннет может не найти комнату, ну, да это неважно. Лугард глядел мимо меня на юго-западные холмы и на горы за ними.

- У тебя есть флиттер, Сим?.. Вир?

Я покачал головой.

- Их теперь используют только в крайнем случае. У нас совсем не осталось для них запасных частей. Лучшее, что я смогу достать, - это хоппер.

Я знал, что взяв хоппер, уже нарушу правила. Но Грисс Лугард был близким мне человеком, а я давно уже не встречал никого из своего детства.

- Сэр... если хотите погостить... - продолжал я.

Он отрицательно покачал головой.

- Когда часто что-то вспоминаешь, - он говорил как будто сам с собой, убеждая себя, - хочешь проверить, верно ли оно. Если сможешь достать хоппер, мы полетим на юго-запад, в крепость Батт.

- Но это, должно быть, развалина. С тех пор, как шестой взвод улетел оттуда восемь лет назад, там никто не бывал.

Лугард пожал плечами.

- Я видел немало развалин, и эта мне понравится.- Он порылся в кармане и извлёк металлическую пластинку размером с ладонь; пластинка сверкнула на солнце. - Благодарность от правительства, Вир. Крепость Батт моя, пока я этого хочу.

- Но продовольствие...

- Там его достаточно. Всё моё. Я заплатил за Батт половиной лица, здоровыми ногами и многим другим, мальчик. Теперь хочу... домой.

Он по-прежнему глядел на холмы. Я взял хоппер, указав, что лечу по делу. Этого хотел Грисс Лугард, и я преодолею любое препятствие, если потребуется.

Хопперы предназначались для исследования пересечённой местности. Они двигались по поверхности, где это было возможно, и совершали прыжки, если местность становилась непроходимой. В них не предполагался комфорт; их назначение - доставить вас к месту. Мы пристегнулись к передним сидениям, и я ввёл в указатель курса координаты крепости. В наши дни приходится обеими руками держать руль. Постоянно ожидаешь поломок, и автоматике уже нельзя доверять.

С началом войны население Бельтана сократилось. Людей не хватало, поэтому некому было посещать отдалённые поселения; они пустели одно за другим. Я помнил, какой была крепость Батт до войны, смутно помнил детские впечатления, но много лет уже не был там.

Крепость располагалась на границе лавовой местности - опасной территории, которая в далёкие времена, наверное, освещала большую часть материка титаническими извержениями. Даже выветрившаяся поверхность вулканов поражала. Позже эта местность превратилась в дикую мешанину обрывов и потоков, в лабиринт острых, как нож, хребтов, скрывавших там и тут островки растительности. Говорят, что, помимо сложности самой территории, здесь встречаются и другие опасности - звери, сбежавшие из экспериментальных лабораторий и нашедшие идеальное логово в этом забытом углу. Правда, это только слухи. Очевидцев не находилось. Тем не менее у нас вошло в привычку никогда не выпускать здесь из рук станнер.

Мы свернули с дороги на тропу, такую незаметную, что я не заметил бы её, если бы Лугард не показал. Но он показал уверенно, как будто видел ориентиры в ярком свете солнца. Вскоре мы были уже в незаселённых местах. Мне хотелось поговорить, но я не решался задавать вопросы: Лугард явно был занят своими мыслями.

Он найдёт и другие изменения на Бельтане, менее заметные, чем покинутые поселения, хотя тоже значительные. Исчезли целые группы населения: сначала военные, затем учёные и техники. Оставшиеся неосознанно, а может, кое в чём и сознательно, изменили атмосферу. Война шла далеко и особенно большого влияния на нашу планету не оказала. Она сказалась в сводках, в сокращении поставок и специалистов, в растущем раздражении людей, которых отрывали от исследований и заставляли заниматься поиском новых способов убийства. Я слышал, что в секциях военных проблем намеренно затягивались работы. А пять лет назад произошел гневный взрыв, последний командующий и такие люди, как доктор Корсон, обменялись угрозами. Но затем командующий отбыл по приказу, и Бельтан вернулся к мирному существованию.

Общее настроение у нас теперь пацифистское - настолько, что я сомневался, найдет ли Лугард место среди людей, не хотевших никаких перемен. Да, конечно, он здесь родился. Но, как и мой отец, он рос в военной семье и не смешивался с кланами поселенцев. О крепости Батт он говорит, как о

своей. Так ли это? Или его прислали сюда для организации нового гарнизона? Вряд ли это будут приветствовать.

Тропа настолько заросла, что мне пришлось подняться в воздух, держась над вершинами кустов. Если вслед за Лугардом действительно прибудет гарнизон, может, там найдутся механики, способные чинить наши машины? Они уже дошли до такого состояния, что поселенцы поговаривали о возвращении к вьючным животным.

- Поднимись выше! - приказал Лугард.

Я покачал головой.

- Нет. Если хоппер рассыплется здесь, мы можем ещё приземлиться живыми. Не хочу рисковать.

Он посмотрел сначала на меня, потом на хоппер, как будто увидел его впервые. Глаза его сузились.

- Какая развалина...

- Один из лучших, какой можно найти, - быстро ответил я. - Машины не ремонтируются сами. Технороботы заняты в лабораториях. С тех пор, как командующий Тасмонд улетел с остатками гарнизона, поставок не было. Большинство хопперов пришлось разобрать на запчасти; а недостающее приходится заменять надеждой.

И вновь я встретился с его вопросительным взглядом.

- Так плохо? - негромко спросил он.

- А что такое «плохо»? Комитет решил, что в конечном счёте это хорошо. Его членам нравится, что на планету перестали поступать приказы. Партия фритрейдеров надеется на независимость и свободную торговлю. А тем временем ремонтные работы ведутся в первую очередь в лабораториях, остальное распадается. Но никто, ни один член Комитета, не хочет возвращения контроля извне.

- Кто руководит?

- Комитет... главы секций... Корсон, Аренс, Элси, Власта...

- Корсон, Аренс, да... А кто такой Элси?

- Он из Етхолма.

- А Ватсилл?

- Призван и улетел. И Праз тоже, и Барнтол. Вся молодежь. И кое-кто из самых умных.

- Корфу?

- Он... он покончил с собой.

- Что? - Лугард явно удивился. - Я получил письмо... - Потом покачал головой. - Оно долго шло... отсюда. Но почему?

- Официальное заключение: нервное истощение.

- А что на самом деле?

- Говорят, он открыл нечто смертоносное. Его заставляли продолжать исследования. Он не хотел. На него надавили, и он побоялся, что не выдержит. Вот и позаботился, чтобы выдержать. Этот слух устраивает Комитет. Один из доводов против инопланетного контроля. Они говорят, что никогда больше не вложат оружия в чужие руки.

- У них и не будет такой возможности - подходящих рук нет, - сухо заметил Лугард. - И мечты о торговле им тоже лучше оставить. Распад уже рядом, парень. Каждая планета старается извлечь максимум из своих ресурсов и радуется, если на них никто другой не претендует...

- Но ведь война кончилась!

Лугард покачал головой:

- Формально, да. Но она разорвала Конфедерацию на клочки. Закон и порядок... мы не увидим их в наше время. Не оттуда... - он указал худой рукой на небо над нами, - не в наше время и, наверно, не в следующих поколениях. Удачливые планеты, богатые природными ресурсами, ещё одно-два поколения будут удерживаться в рамках цивилизации. Другие быстро покатятся вниз. К тому же появятся волки...

- Волки?

- Старое название агрессоров. Кажется, так называли хищников, охотившихся стаями. Их свирепые нападения сохранились в нашей генетической памяти. Да, будут и волчьи стаи.

- С Четырёх Звёзд?

- Нет. Они пострадали не меньше нас. Но существуют остатки разбитых флотов, корабли, чьи родные планеты сожжены, которые не имеют родного порта. Они легко превращаются в разбойников, продолжают вести жизнь, как в последние годы, всего лишь сменив название - не отряды регулярной армии, а пираты. Богатые планеты первыми подвергнутся нападениям... а также места, где они смогут основать базы...

Я подумал, что знаю теперь, зачем он вернулся.

- За вами прибудет гарнизон, чтобы защищать Бельтан...

- Я хотел бы этого, Вир, хотел бы! - искренность его хриплого голоса произвела на меня впечатление. - Но нет, я получил государственную собственность в качестве пенсии и к облегчению казначея. Я имею права на крепость Батт со всем содержимым, вот и всё. А почему я вернулся... что ж, здесь я родился и хочу, чтобы кости мои покоились в почве Бельтана. Теперь поверни на юг...

Следы старой дороги почти исчезли. Последствия одного-

двух размывов почти скрыли быстрорастущие лианы. Всюду были видны следы старых лавовых потоков. Местная растительность приспособилась к пустыне. Стояла середина лета, период цветения почти закончился. Но тут и там всё ещё виднелись поздние цветы, маленькие цветные флажки. На лианах висели зреющие жёлтые плоды. Дважды при приближении хоппера взлетали птицы, оторванные от кормежки.

Мы покружились над обрывом и увидели перед собою Батт. Нельзя было лучше приспособиться к местности: часть горы удалена, на её месте сооружён сторожевой пост. Он был организован сразу же после Первой Посадки, когда ещё оставались сомнения относительно туземной фауны, и должен был служить защитой на пути в дикую лавовую местность. Хотя вскоре стало ясно, что необходимости в такой защите нет, и крепость служила штаб-квартирой патруля, пока тот располагался на планете.

Я посадил хоппер на площадку у главного входа. Двери оказались засыпанными песком и выглядели так, будто их заварили. Лугард неуклюже выбрался из машины. Он потянулся за сумкой, но я уже протягивал её. Судя по сумке, он путешествовал налегке, и если там нет никаких припасов... что ж, может, он передумает и захочет, пусть даже временно, погостить в нашей секции.

Он не запретил мне следовать за собой, просто пошёл, держа в руках металлическую пластинку, которую я уже видел в порту. Подойдя к засыпанной песком двери, он долго стоял, глядя на крепость, как будто ожидал, что одно из разбитых окон откроется и оттуда его окликнут. Затем чуть нагнулся, всматриваясь в дверь. Протер рукой её поверхность и вложил пластинку в прорезь замка.

За последние годы я потерял веру в надёжность и выносливость механизмов и поэтому ожидал разочарования. Но на этот раз я ошибся. Конечно, последовали мгновения ожидания, но затем казавшаяся цельной поверхность неслышно раздвинулась. Одновременно вспыхнул свет, и мы увидели длинный коридор с закрытыми дверями по обе стороны

- Проверьте, есть ли продовольствие, - сказал я.

Он повернулся, чтобы взять сумку, которую я всё ещё нёс, и улыбнулся.

- Хорошо. Входи и проверь...

Я принял приглашение, хотя и догадывался, что он предпочёл бы остаться в одиночестве. Но я теперь знал Бельтан

лучше его. Я улечу в хоппере, а он... он будет здесь совершенно один.

Он прошёл по коридору к двери в дальнем конце, быстро и решительно провёл рукой над пластиной, вделанной в её поверхность. Дверь открылась, мы стояли перед гравилифтом. Тут Лугард проявил осторожность, бросив в лифт свою сумку. Она начала медленно опускаться. Видя это, он спокойно шагнул следом. Мне пришлось заставить себя сделать шаг: доверие к старым механизмам кончилось.

Мы опустились на два этажа; я покрылся потом, в каждое мгновение ожидая, что механизм откажет и мы ударимся о пол внизу. Но наши башмаки коснулись поверхности с лёгким толчком, и мы оказались в подземном складе крепости. В полутьме я увидел сложные механизмы. Значит, я ошибался, думая, что после моего отъезда у Лугарда не будет транспорта. А он повернул направо, где в нише лежало множество контейнеров и ящиков.

- Видишь... припасов здесь хватит, - и он кивком указал на это внушительное зрелище.

Я огляделся. Слева располагались стойки для оружия, правда пустые. Лугард прошёл мимо меня и стянул чехол с одной из машин. Пластиковое покрытие соскользнуло с экскаватора, уткнувшего в пол свой заостренный нос. Моя надежда обнаружить флиттер померкла. Вероятно, уходившие захватили с собой не только оружие, но и транспортные средства. Лугард отвернулся от экскаватора, на этот раз движения его были полны энергии.

- Не сомневайся, Вир. Здесь всего хватает.

Намёк в его словах был достаточно ясен, я тут же вернулся к лифту, и мы поднялись во входной коридор. Я уже направлялся к выходу, когда он остановил меня.

- Вир...

- Да?

Я повернулся. Он смотрел на меня, как бы раздумывая, говорить ли дальше. Мне показалось, что он преодолевает какое-то внутреннее сопротивление.

- Если найдешь ещё раз дорогу сюда, заглядывай.

Возможно, это не слишком тёплое приглашение. Но учитывая, от кого оно исходит, я не сомневался в его искренности.

- Загляну, - пообещал я.

Он стоял на пороге и смотрел мне вслед. Лёгкий вечерний ветерок уже нанёс песок в коридор. Уходя, я обернулся, помахал рукой и увидел, как в ответ он поднял руку.

Затем я направился в Кинвет, оставив последнего солдата Бельтана в избранном им убежище. Мне почему-то неприятно было думать об одиночестве Лугарда в крепости. Там его преследуют тени тех, кто когда-то ходил по этим коридорам и никогда более не вернётся сюда. Но спорить с выбором Грисса Лугарда никто не решился бы. Опустившись на хоппере в Кинвете, я увидел огни сквозь вечерний сумрак.

- Вир? - окликнула меня из дома Гита. - Аннет велела поторопиться. У нас собрание...

Собрание? Да, вот и ещё один хоппер с кодом Етхолма на хвосте, а за ним флиттер из Хайчекса. Похоже, у нас развлекается полкомитета. Но... почему? Я ускорил шаг и на время забыл о крепости Батт и её новом командире.

Глава 2

Возможно, под крышей Аренсов в этот вечер собрался и не весь Комитет, но люди, разговаривавшие за закрытыми дверьми, возглавили бы любое заседание Комитета. Я-то думал, что придётся отчитываться за взятый хоппер. Да если бы я предпочёл флиттер, это тоже не заметили бы.

Аннет, которая накрывала на стол, прежде чем позвать гостей из отцовского кабинета, объяснила причину необычного собрания. Корабль, который привёз Лугарда и других ветеранов, оказывается, имел ещё одно поручение. Когда капитан вышел из гиперпространства, с ним связался какой-то другой корабль, о котором нам ничего не было известно. И Комитет получил прошение.

Предсказания Лугарда начали сбываться, хотя его взгляд на происходящее и казался чересчур мрачным. Существовали корабли без портов, чьи родные планеты превратились в радиоактивные уголья, на их поверхности жизнь теперь невозможна. Один из таких кораблей теперь находился на орбите над Бельтаном и просил разрешения на посадку и поселение.

Бельтан, по самой причине своего возникновения, был «закрытой» планетой, с единственным портом, доступным для получивших разрешение кораблей. Но эта закрытость исчезла с концом войны. По правде говоря, населённые районы занимали такую ничтожную часть материка, что нас нельзя было даже назвать осваиваемым миром, несмотря на немалое количество посёлков вокруг порта. Весь восточный материк оставался незаселённым и открытым для любой колонизации.

Победят ли старые запреты? А если нет, то не станет ли это сигналом для всех отбросов войны? Я думал о мрачном пророчестве Лугарда, о волчьих стаях, рыщущих среди межзвёздных трасс в поисках беззащитных жертв. Знают ли люди, совещающиеся в кабинете Аренса, о такой возможности? Вряд ли.

Я взял тарелку с обжаренным хлебом и понёс её на стол. Обслуживающие роботы давно исчезли, осталось несколько в лабораториях. Мы возвращались к прошлому и использовали для работы мышечную силу - руки, ноги, спину. Аннет хорошо готовила - я всегда предпочитал её обеды той пище, которую предлагали в порту, - там на кухне ещё действовал робот-повар. Аппетитный запах жареного хлеба заставил вспомнить, что я не ел с полудня, а обед в порту был ещё хуже, чем обычно.

Вернувшись за подносом с чашками, я заметил, что Аннет смотрит в окно.

- Где ты взял хоппер?

- В порту. Нужно было отвезти пассажира в глушь.

Она удивленно взглянула на меня.

- В глушь? Но кого?...

- Грисса Лугарда. Он хотел добраться до Батта. Прибыл в транспорте.

- Грисс Лугард?.. Кто это?

- Служил с моим отцом. До войны командовал Баттом.

«До войны» для неё было ещё загадочнее, чем для меня. Когда до нас дошли первые сообщения о конфликте, Аннет едва вышла из ясельного возраста. Сомневаюсь, чтобы она помнила предшествующее время.

- Зачем он прилетел? Он ведь солдат?

Солдаты, люди, сделавшие войну своей профессией, теперь на Бельтане легенда, как удивительные существа из детских лент.

- Он родился здесь. Ему отдали крепость...

- Ты хочешь сказать, что там опять будет гарнизон? Но война кончилась. Отец... Комитет... они будут возражать. Ты знаешь Первый закон...

Ещё бы не знать! Мне вдалбливали его в уши и, предположительно, в голову достаточно долго. «Война бесцельна; нет таких противоречий, которые не могли бы преодолеть терпеливые разумные люди, обладающие доброй волей и связанные друг с другом».

- Нет, он один. Больше не служит. Он был тяжело ранен.

- Должно быть, и спятил к тому же, - Аннет начала наливать суп в супницу, - если собирается жить в глуши.

- Кто собирается жить в глуши? - это ворвалась Гита со множеством ложек в руках.

- Человек по имени Грисс Лугард.

- Грисс Лугард... а, заместитель командующего Лугард. - Она удивила меня, как часто удивляла всех. Улыбнувшись нашему удивлению, резко тряхнула прядями волос. - А что тут такого? Я умею читать. И читала не только сказки. Я читала исторические записи - историю Бельтана. Это всё есть в старых лентах. И ещё много другого. О том, как заместитель командующего Грисс Лугард отыскал в лавовых пещерах реликты, он нашел там следы Предтеч. Из центра должны были прислать кого-то для проверки, но началась война. И никто уже не прилетел. Я много читала, чтобы узнать, что же там нашли. Бьюсь об заклад, он явился, чтобы взглянуть на сокровища - сокровища Предтеч! Вир, а нельзя ли нам помочь ему?

Следы Предтеч? Если Гита сказала, что прочла об этом в лентах, так оно и есть. В таких делах она не ошибалась. Но я никогда не слышал о следах Предтеч на Бельтане.

Выйдя за пределы Солнечной системы, вырастившей человека, мы вскоре обнаружили, что не одиноки в своих поисках миров дальнего космоса. На межзвёздных дорогах мы встретили других. По галактическому счету, они тоже были новичками, хотя и опередили наши робкие шаги к звёздам на сотни лет. Были и такие, что вышли в космос до них, и такие, что вышли ещё раньше, и ещё, и ещё... невозможно перечислить поднимавшиеся и распадавшиеся империи или сосчитать, сколько поколений долгожителей сменилось с тех пор, как корабли Предтеч садились на давно забытые планеты.

Когда-то шла оживлённая торговля предметами, оставленными Предтечами, особенно на центральных планетах внутренних систем, где было много богатых людей, желавших потратить свои богатства. Конечно, покупали и музеи, но, говорят, самые крупные сделки заключались с частными коллекционерами. Если лента, которую читала Гита, говорила правду, я мог понять причину возвращения Лугарда в Батт. Получив в своё владение крепость, он получил и права на все последующие находки. Но какая ему теперь польза от этого?.. Нет, если дела действительно так плохи, как он говорит, можно наткнуться на целый склад Предтеч и ничего не получить от этого.

Но мысль о сокровищах всегда притягивает. И реакция

моя была такой же, как у Гиты, - отправиться на поиски. От этой мысли кровь бежала быстрее.

Лавовые пещеры - не место для благоразумных, разве только знаешь местность и хорошо вооружён против любой неожиданности. Эти пещеры образовались не под воздействием воды, а, скорее, рождены из огня. Языки лавы стекали по склонам, поверхность их застывала, а внутренность оставалась жидкой и продолжала течь, образуя пустоты. Проходили века, крыша пустот иногда обрушивалась, открывая их внешнему миру. Длинные лавовые коридоры тянулись на мили. Местность вокруг них изрезана трещинами, кое-где потолки пещер совершенно провалились, местами образовались естественные перемычки-мосты. Попадались и кратеры, обрушившиеся вулканические конусы - опасности, делающие местность недоступной для простого путешественника.

- Можно, Вир? А может, и Бродяги смогут? - Гита возбуждённо застучала ложкой о ложку.

- Конечно, нет! - Аннет повернулась к ней от плиты, держа в руках половник. - Местность опасна, а Бродяги - ещё дети; ты знаешь это, Гита!

- Они пойдут не одни, - возразила Гита, не успокаиваясь. - Вир пойдёт, а может, и ты. Всё по правилам - не заблудимся. И я никогда не была в лавовых пещерах...

- Аннет, - позвал из соседней комнаты Аренс, - Мы торопимся, дочь.

- Да, иду... - она вернулась к супнице. - Отнеси ложки, Гита. А ты, Вир, пожалуйста, кувшины.

Мать девочек не пришла. В этом не было ничего необычного: эксперименты в лабораториях идут без перерыва на обед, и Аннет давно перестала посылать туда еду или оставлять матери порцию. И поэтому она чаще всего кормила нас тем, что можно разогреть вторично или даже в третий раз.

Гости и хозяин уже сидели за столом, мы сели с краю, понимая, что нельзя мешать. Не будучи членом Комитета, я обычно находил такие встречи скучными. Но сегодня могло быть по-другому.

Впрочем, если я и надеялся услышать новости о корабле беженцев, меня ждало разочарование. Корсон ел механически, как человек, занятый какими-то мыслями. Аренс молчал. Только Алек Элси похвалил еду, приготовленную Аннет, потом повернулся ко мне.

- Ты подготовил хороший отчет, Коллис, о северном склоне.

Если бы это сказал Корсон, я был бы доволен, даже польщён. Но я знал, что мой отчет мало интересует Элси, он просто поддерживает разговор. Я пробормотал «спасибо», и на этом все бы кончилось, если бы не Гита. Если Гита чего-то захочет, то - я хорошо помнил это - рано или поздно она своего добивается.

- Вир сегодня был в лавовой местности. А вы там бывали, техник первого класса Элси?

- Лавовая местность? - Он помолчал и удивлённо поднял чашку кофе. - Зачем? Там даже не было проведено картографирования... сплошь пустыня. Что ты там делал, Коллис?

- Отвозил одного... сектор-капитана Лугарда. Он сейчас в крепости Батт.

- Лугард? - Аренс оторвался от своих мыслей. - Грисс Лугард? Что он делает на Бельтане?

- Не знаю. Говорит, что ему отдали Батт...

- Новый гарнизон! - Аренс со стуком опустил чашку на стол, расплескав кофе. - Мы не допустим такой глупости снова! Война окончена! Необходимости в службе безопасности больше нет! - В его устах слово «безопасность» звучало как ругательство. - Опасности нет, и мы не потерпим над собой никакого контроля! Чем скорее они поймут это, тем лучше. - Он перевёл взгляд с Элси на Корсона. - Всё дело получает теперь другое освещение.

Но какое дело, он не объяснил. Наоборот, потребовал от меня подробного рассказа обо всём, что я узнал от Лугарда, а когда я закончил, вмешался Элси.

- Похоже, Лугард будет жить в крепости на пенсии.

- Это может быть маскировкой, - Аренс всё ещё был возбуждён. - Его документы в порту... Они могут прояснить нам кое-что. - Он снова обратил внимание на меня. - Присматривай за ним, Вир. Он пригласил тебя, и потому не удивится, если ты появишься снова...

Предложение мне не понравилось, но я не мог сразу отказаться, во всяком случае не в присутствии остальных, да ещё за его столом, который он сделал и моим. Возвращение Лугарда задело Аренса за живое, иначе он не стал бы предлагать шпионить за человеком, который был другом моего отца.

- Отец, - снова вмешалась Гита, по-прежнему добиваясь своего, - а можно Виру взять с собой нас? Бродяги никогда не были в лавовых землях.

Я думал, Аренс утихомирит её одним из своих взглядов,

которые действовали безотказно. Но он этого не сделал и вообще не ответил, зато заговорил Элси:

- А, Бродяги? И каковы же их последние достижения, моя дорогая?

Он был из числа тех взрослых, которые не умеют разговаривать с детьми, в голосе его появился сюсюкающий оттенок, который - правда, в меньшей степени - чувствовался и в разговоре со мной.

Когда нужно, Гита умеет быть вежливой. Она улыбнулась главе Етхолма, а улыбка у неё обаятельная.

- Мы побывали в инкубаторе для ящериц и записали их писк, - ответила она, - для экспериментов доктора Дрекса в области связи.

Мысленно я одобрительно похлопал. Она напомнила отцу о добровольной помощи в важных делах и тем самым подкрепила свою просьбу.

- Да, - согласился Аренс, - это была хорошая работа. Элси, ребята проявили терпение и настойчивость. Значит, вы хотите побывать на лавовых полях...

Я был удивлён. Неужели он согласится? Аннет напротив меня напряглась, губы её шевельнулись, она готова была возразить. Но Аренс заговорил снова, обращаясь на этот раз ко мне:

- Полезная организация эти Бродяги, Коллис. Вы хорошо дополняете учебные ленты. Жаль, что мы не продвинулись в инопланетной науке. Но теперь, с окончанием войны, для этого появятся возможности.

Я подумал, верит ли он сам в это. Организация Бродяг была скорее идеей Гиты, хотя она вовлекла и меня и так крепко привязала, что я теперь не мог бы отказаться, даже если бы захотел.

Первые поселенцы на Бельтане собирались выращивать из своих детей научную касту. Собственно, это было частью плана всей организации станции. Но война помешала этому плану, как и многому другому. Инопланетная наука могла уйти за эти годы далеко вперёд. Мы об этом догадывались. Но наши знания так специализировались и сузились, нам так не хватало свежей информации, что, по нашим подсчетам, мы отстали лет на десять, а может, и на все сто.

Одной из задач наших воспитателей и было воспрепятствовать этому процессу отставания. Но лучшие из них были призваны на военную службу. Оставались самые пожилые и, следовательно, более консервативные. Затем, на третьем году войны, разразилась эпидемия (по слухам - а у нас всегда

ходят слухи, - эпидемию вызвали слишком ретивые эксперименты в военных разработках; в результате произошла ссора между руководителями секторов и закрытие двух проектов). После этого о воспитании подрастающего поколения стали заботиться ещё меньше. Время от времени родители выбирались из лабораторий и ужасались отсутствию систематического образования у детей. Затем внезапное изменение хода собственного эксперимента опять отвлекало их внимание, и они забывали о детях.

В Кинвете никогда не было много детей, а сейчас их и вовсе только восемь, от семилетних близнецов Дагни и Дайнана Норкотов до Теда Мейки, которому исполнилось четырнадцать и который считал себя - и тем раздражал окружающих - вполне взрослым.

Гита с детства была командиршей. У неё живое воображение и абсолютная память. Она читала все ленты, какие могла раздобыть, - лабораторные записи читать запрещалось - и потому обладала самыми разнообразными и удивительными познаниями. Она прекрасно отличала факты от вымысла, с одинаковой лёгкостью сочиняла небылицы и отвечала на серьёзные вопросы. Для младших она стала кладезем премудрости. Они предпочитали обращаться к ней, а не ко взрослым: родители были настолько заняты, что по существу у нас образовались две социальные группы, различающиеся по возрасту.

Организовав своих последователей, Гита принялась за меня. И я обнаружил, что, желая того или нет, чаще предводительствую экспедициями Бродяг, чем занимаюсь собственной подготовкой к рейнджерству. Вначале я отказывался от такой ответственности, но Гита прекрасно поддерживала дисциплину: достаточно было пригрозить бродяге, что его оставят в одиночестве, и он выполнял любой приказ. И вскоре я стал гордиться тем, что учу младших.

Аннет, строго говоря, не была одной из нас. Она никогда не доверяла энтузиазму Гиты и считала, что сестра не учитывает опасности. Но когда походы возглавлял я, она не выражала опасений, зная, что я не буду рисковать. Иногда она участвовала в наших экспедициях, выполняя роль снабженца. И - должен с похвалой отметить - никогда не жаловалась в пути.

Но отправиться с Бродягами в лавовую местность - тут я целиком на стороне Аннет и готов её поддержать. Между тем Аренс принялся расспрашивать младшую дочь.

- Ты всё продумала? - он по крайней мере знал, как разго-

варивать с младшими: в голосе его звучал неподдельный интерес, как если бы он расспрашивал коллегу.

- Ещё нет, - честно ответила Гита. Она никогда не пыталась что-то скрыть. - Но мы уже бывали на болотах и несколько раз в горах, а там ни разу. А для расширения кругозора... - она обычно так объясняла необходимость новых предприятий, - мы бы хотели осмотреть крепость Батт.

Я заметил, что она не упомянула о сокровищах Предтеч.

- Расширение кругозора? Как ты на это смотришь, Вир? Ты сегодня там побывал в хоппере. Как местность?

Уклониться от ответа было невозможно, как бы этого ни хотелось. Ему достаточно было взглянуть на показания приборов, чтобы узнать правду. Впрочем, не думаю, чтобы Имберт Аренс стал меня проверять. Я достаточно хорошо знал его, чтобы понять: он уже принял решение. Он хочет, чтобы мы отправились на лавовые поля - вернее, к крепости Батт. И легко догадаться о причине - ему нужны сведения о Лугарде. Возможно, он считал, что получит их от Гиты, если не от меня. У детей острый взгляд, они многое замечают.

- Вокруг крепости местность проходимая. Дальше я бы не пошёл без предварительной разведки.

- Гита, - повернулся к ней отец, - достаточно ли поездки к крепости для расширения кругозора?

- Да! А когда - завтра? - выпалила она.

- Завтра? Что ж, можно и завтра. Аннет, - обратился он к старшей дочери, - завтра мы будем в порту. Мама тоже. Думаю, там же будут Норкоты и Ваймарки. У нас общее собрание. Почему бы не устроить тебе выходной? Захватите еды - как это говорится - сухим пайком.

Я был уверен, что Аннет возразит. Но как бы она ни была настроена, возражать она не стала. Гита радостно вскрикнула. Она уже мысленно составляла перечень всего необходимого для поисков сокровищ Предтеч.

- Передай привет сектор-капитану, - обратился ко мне Аренс. - Скажи, что мы будем рады видеть его в порту. Его опыт нам будет полезен.

Вот в этом я сомневался: Аренс неоднократно и предельно ясно выражал своё мнение о военных; вряд ли он станет слушать Лугарда.

Аренс так хотел ускорить наш отъезд, что разрешил взять грузовой хоппер; его недавно отремонтировали, и он мог вместить всю группу. Как только ужин окончился, Гита отправилась предупреждать свою компанию о завтрашнем путешествии.

Я помогал Аннет убирать со стола и видел, как она хмурилась, засовывая тарелки в единственный действующий кухонный механизм - инфрамойку.

- Отцу нужны сведения о Гриссе Лугарде, - внезапно сказала она. - Он ему не доверяет.

- Ему стоит встретиться с Лугардом, и он узнает правду. - Мне не нравилось, как нас хотят использовать. - Лугард определенно не намерен завладеть Бельтаном. Он, вероятно, хочет, чтобы его оставили в покое... не думаю, чтобы он нам обрадовался.

- Ему есть что скрывать?

- Он хочет мира и спокойствия.

- Солдат?!

- Даже они устают от войны.

Я и раньше сталкивался с её склонностью к предвзятым мнениям. Так её учили всю жизнь. Я же у Аренсов был скорее гостем, чем членом семьи, и потому больше полагался на обстоятельства; в десятилетнем возрасте я кулаками защищал мнение отсутствующего отца; меня тогда строго наказали.

- Может быть. - Я её не убедил. - Ты веришь в эти сокровища Предтеч? Ведь никаких следов находок не было.

- Да мы ведь и не искали, - возразил я не потому, что верил в сокровища, а потому, что это была правда. Конечно, большая часть западного материка охвачена аэрофотосъемкой, там работало несколько исследовательских отрядов, поэтому почти вся территория обследована, но существовали и белые пятна, о которых многое ещё предстоит узнать. Земля наша обширна и пуста. Беженцы с корабля, если им разрешат высадку, смогут найти подходящее место на севере, юге или дальше на западе и нисколько не помешают нам.

Мы решили выступить рано, но те, кто отправлялся в порт, опередили нас. Я понял, что собирается не просто Комитет; там будут присутствовать все, кто сможет, чтобы обсудить просьбу корабля. Для детей же этот вопрос не представлял интереса. Гита столько говорила о лавовой местности, что я опасался её последующего разочарования.

Я сел в кресло пилота, осмотрелся и дал ясно понять пассажирам, что мы направляемся к крепости Батт, а не за крепость. Далее. Мы не будем приставать к Лугарду, не будем заходить без его приглашения; в глубине души я надеялся, что такое приглашение не последует. Если он умён, то, увидев нас на экране, предоставит бродить снаружи.

Отдельно я внушил Гите, что если Лугард проявит гостеп-

риимство, она не станет упоминать Предтеч или нечто подобное. Она ответила презрительным взглядом. Будто она не знает, что делать! Я такой же ограниченный, заметила она, как и Аннет. Если таковы все взрослые, она раздобудет в лаборатории приостанавливающие рост таблетки и как можно дольше постарается оставаться такой, как сейчас. Она себе и такой нравится!

Дорога из Кинвета была короче, чем из порта. В прежние времена Кинвет был первым звеном в цепи, связывавшей Батт с остальными посёлками. Менее чем через час мы приземлились на усыпанной песком посадочной площадке. Я ожидал, что ворота крепости будут закрыты, однако они были открыты навстречу утреннему солнцу; рядом стоял Лугард, как будто он пригласил нас и теперь встречал.

Подчиняясь приказу, Бродяги держались позади, пока я объяснял наше появление; сзади слышались приглушённые возгласы. Ветеран был не один. На его худом плече восседал хервин, как будто был знаком с ним с того времени, как вылупился из яйца. К ногам Лугарда жался горный хеней. В руках хозяин Батта держал тонкий тёмно-красный стержень. Лугард не окликнул нас, не начал разговор, он поднёс стержень к губам. И начал играть - и, услышав чистые ноты, похожие на капли весеннего дождя, хервин засвистел свою утреннюю песню, а хеней начал покачиваться на когтистых лапах - он неуклюже танцевал.

Не знаю, сколько мы стояли, слушая эту музыку: раньше я ничего подобного не слышал. Музыка увлекла нас. Наконец Лугард опустил дудочку и улыбнулся.

- Магия, - негромко произнёс он, - друфинская магия. - Он издал ещё одну ноту, и тут же хервин взлетел и поднялся прямо в небо, а хеней, казалось, впервые увидел нас, испуганно заворчал и неуклюже заторопился в убежище среди скал.

- Добро пожаловать, - Лугард продолжал улыбаться. - Я Грисс, а вы?..

Дети, будто освободившись от колдовства, подбежали к нему, и каждый назвал своё имя. Лугард приветствовал всех и предложил осмотреть Батт, разрешив заходить в любую комнату, дверь в которую не заперта. Когда дети исчезли в коридоре, Лугард взглянул на меня, на Аннет, и снова на меня; на лице его появилось мрачное выражение.

- Корабль беженцев... - это был не вопрос, а скорее приказ отвечать, - что решили относительно корабля?

- Не знаем. Сегодня собрание в порту.

Лугард захромал на освещённое солнцем место.

- Одолжи мне твой хоппер. - Опять это был скорее приказ, чем просьба. - Неужели они настолько глупы, что позволят им приземлиться?..

Я молча отошёл - так велика была его озабоченность. Ясно, что его преследовала какая-то мысль. Он уже сидел в кабине, когда Аннет вскрикнула:

- Вир! Он увозит всю нашу еду... и оставляет нас здесь. Когда он вернется? Останови его!

Это было уже невозможно. Я схватил Аннет за руку и дёрнул назад, подальше от маленького песчаного водоворота, поднятого взлетающим хоппером. Она потребовала ответить, почему я позволил ему улететь. По правде говоря, у меня не было ответа. Но я убедил её, что мы сможем использовать припасы Лугарда, и вообще неплохо бы посмотреть, что там делают Бродяги.

Глава 3

На самом деле это не волшебство, - услышали мы из какой-то комнаты голос Гиты. - Неужели ты никогда не читала ленты, Прита? Вибрации, звуки, они привлекают зверей и птиц. Не знаю, что такое «друфинский» - вероятно, что-то инопланетное. Но это звук... может, особая дудочка для таких звуков...

Как обычно, она сразу отделила реальное от нереального. Я часто думаю: что есть реальное и что нереальное? Нереальное для одного человека или даже целого народа может быть реальным для других. К сожалению, в библиотеках Бельтана содержится очень мало информации об иных мирах - в основном, научные работы. Но я слышал много рассказов астронавтов, и не все рассказывались только для того, чтобы поразить туземцев. Для меня друфинская магия ничего не значила, но, несомненно, объяснение Гиты было верным. Впрочем, было о чём подумать и кроме этой волшебной музыки.

- С такой дудочкой, - вмешался Тед, - хорошо охотиться: никогда не придёшь с пустыми руками.

- Нет! - Гита возразила так же быстро, как она возражала против сверхъестественного. - Это ловушка и...

Я вошёл в комнату. Гита, с пылающими щеками, смотрела на Теда, каждая её чёрточка выражала возмущение. За нею застыли, как оцепеневшие, младшие дети. На стороне Теда был лишь Айфорс Джулиан. Такие стычки происходили и

раньше, я их всё время ожидал. Возможно, когда-нибудь разница во мнениях заставит Теда покинуть Бродяг. Он хочет действовать, ему нужны более сильные впечатления, чем мы можем предложить.

- Второй Закон, Тед, - сказал я, хотя это и отбрасывало меня в мир взрослых. Но этого напоминания было достаточно, чтобы подавить мятеж.

Второй Закон: «Мы ценим жизнь и благополучие, но и наши младшие братья ценят их. Нельзя отбирать жизнь бессмысленно или удовлетворяя древнее проклятие нашего племени - бесцельную жестокость».

На Бельтане не было необходимости в охоте - разве чтобы получить образцы для лабораторных исследований. К тому же с этими образцами приходилось обходиться крайне осторожно, чтобы впоследствии их можно было выпустить в заповедники. Заповедники разбросаны по всей планете, их обитатели изучаются. Основная цель исследований - мутанты из горных заповедников. Их интеллектуальный уровень искусственно повышен, некоторые из этих животных даже участвовали в войне, в «звериных отрядах», под контролем людей. Я надеялся работать с такими мутантами. Поскольку процесс обучения был прерван, я хотел убедить руководителей работ, что практика теперь полезна не менее, чем инопланетная наука, сведения о которой, возможно, никогда больше не будут доступны.

Я охотился со станнером и показывал Бродягам свои видеозаписи. Возможно, это было ошибкой. Тед... ну, мы жили в мире без насилия; размышления и эксперименты в четырёх стенах - наша главная деятельность. За последние годы было несколько случаев беспричинных убийств и грабежей. Преступников отправили в психиатрическую лабораторию в порту, а истории замяли. Но... возможно, не только машины выходили из строя на Бельтане в последние годы. Я думал о тупике в обучении. Если не идёшь вперед, то и на месте не остаёшься - отступаешь. Неужели мы отступаем? Нас по-прежнему ограничивает закон, позволяющий жить в мире с окружающей природой и друг с другом. Но...

- Вир... - Тед сменил тему. То ли он хотел уйти от обвинений Гиты, то ли действительно заинтересовался. - Что это?

Он указал на стены. Время почти не коснулось их. Вероятно, Батт был закрыт герметически. Краски оставались яркими, как будто их нанесли только что. Три стены комнаты были сплошными, четвёртая разделялась входной дверью на две высокие панели. Все стены были заняты картами, изоб-

ражавшими поверхность планеты. Поселения обозначались выключенными лампочками. Были обозначены и давно покинутые пункты безопасности, большей частью просто сторожевые посты.

Под каждой стеной - табло с набором кнопок и рычажков, перед каждым табло - рабочее кресло, легко передвигавшееся вдоль стены. В центре комнаты - небольшое возвышение, а на нём - пятое кресло. Дайнан Норкот, сев в него, обнаружил, что оно вращается. Во мне зашевелились детские воспоминания. В возрасте Дайнана я был тут однажды и видел в этом кресле отца - он медленно поворачивался, глядя на мигавшие на табло огоньки. Синие огоньки - секторы, красные - посты безопасности, жёлтые... нет, зелёные - заповедники.

- Это центр связи, - сказал я Теду.

И не просто центр связи, а главный центр, более важный, чем расположенный в порту. Крепость Батт была самым надёжным пунктом, поэтому здесь и разместили главные механизмы. Работают ли они? Огни не горят, но, может, их просто отключили. Я подошёл к северной стене. Вот порт... Наклонившись над табло, я понял, что так неудобно работать, и поэтому сел в кресло и принялся изучать цифры и надписи на табло. Наконец я нашёл нужную кнопку.

В комнату ворвались голоса; Аннет вскрикнула; мы смотрели на стену, откуда доносились звуки, такие отчётливые, как будто говорящие стояли перед нами. Дагни Норкот подбежала к моему креслу.

- Это мой папа, - заявила она. - Но ведь он в порту...

Голос ослаб, как будто Норкот отошёл от микрофона или энергия аппаратуры иссякала. Рядом со мной теперь стояла Аннет:

- Мы не должны подслушивать, о чём говорят в Комитете.

Это правда. Но я хотел знать, насколько эффективна система связи, поэтому отключил порт и нажал кнопку Етхолма. И снова приём. Не так чётко, как голос Норкота, но достаточно, чтобы убедиться, что старая установка действует.

- Понимаешь, - Тед втиснулся между Аннет и моим креслом, - этот Лугард может слышать всё, оставаясь здесь. А нет ли тут видеоэкрана?

И опять я вспомнил. Встав из кресла у северной стены, я направился к центру, куда только что взгромоздился Дайнан. После двух неудачных попыток я то ли припомнил, то ли случайно нашёл нужную комбинацию из двух кнопок в

ручке кресла плюс ещё рычажок внизу. Часть стены скользнула в сторону, обнажив экран.

- Ага! - В этом восклицании выразилась крайняя заинтересованность Теда. - А теперь что?

Я быстро взглянул на карту. Не хотелось заглядывать в населённые секторы. Первым бросился в глаза заброшенный пост безопасности на крайнем севере.

- Тед, нажми первую кнопку в первом ряду, - приказал я, в то же время нажимая кнопки у себя.

На экране появились блики, а затем изображение, такое смутное, что я вначале решил, будто не хватает энергии. Но постепенно картина прояснилась: мы увидели другую комнату. В ней тоже находились контрольное табло и несколько кресел. Но одна стена расколота большой трещиной и...

- Смотрите - рогатый бородавочник!

Мы были поражены. В кресле действительно сидел рогатый бородавочник. Пупырчатая кожа, заострённая морда, голова с двумя выступающими рогами делали его отталкивающим. Он сидел в кресле, положив перепончатые лапы на подлокотники, и смотрел на нас. Возможно, мы случайно включили приёмный экран на северном пункте. Бородавочник выглядел почти разумным, как будто был занят своим тайным делом в чужом доме и очень удивился. Мы видели его раздувающееся горло, слышали приглушенное, но вполне узнаваемое хриплое рычание. Он наклонился к нам, морда его заполнила экран, и я услышал голос Приты:

- Нет! Нет!

Я отпустил кнопку, экран погас и стена скользнула на место.

- Мне это не нравится! Он смотрел на нас! - голос Приты перешёл в плач.

Я повернулся, но Аннет уже обняла Приту.

- Ты же знаешь рогатых бородавочников, - успокаивающе сказала она. - Их нечего бояться. И даже если этот видел нас, он испугался, как и ты. - Она повернулась ко мне. - Вир, это ведь был старый сторожевой пост? - После моего кивка она продолжала: - Он пустует много лет. У бородавочника там, наверное, логово.

- Он смотрел на нас, - повторила Прита.

- А мы на него, - ответила Аннет. - Мы квиты. И это место очень далеко от нас.

- Два дня пути в хоппере, Прита, - вмешался я. - Туда больше никто не ездит.

- Вир, - Гита, стоя за Тедом, указывала на табло. - Давай попробуем другую. Может, эту?

- Нет! - выпалила Аннет, прежде чем я смог ответить. - Довольно подслушивать и подглядывать! Сектор-капитан Лугард увёз наши припасы, посмотрим, что есть в его шкафах. Ведь мы можем этим воспользоваться, Вир?

- Конечно, - поддержал я её, но на всякий случай задержался, чтобы убедиться, что покидаю комнату последним.

Последними передо мной неохотно вышли Гита и Тед, постоянно оглядываясь на заманчивую возможность подсматривать тут и там по всей планете.

- Вир!

Маленькая рука скользнула в мою. Я взглянул в почти треугольное лицо Приты. Семьи, положившие начало заселения Бельтана, происходили с разных планет: их подбирали в соответствии с особыми способностями и талантами. Они представляли множество различных типов. Некоторые испытали значительные физические мутации.

Прита Ваймарк, на месяц моложе Гиты, была ростом с Дагни, хотя и старше её на пять лет. Но её хрупкие кости и стройное тело были вовсе не детскими. Она обладала живым умом, но и робостью, повышенной чувствительностью к тому, что другие совсем не замечали или чувствовали очень смутно. Её ангельское лицо теперь казалось озабоченным.

- Вир, - повторила она почти шёпотом, - этот бородавочник... он... он смотрел на нас.

- Да ну? - подбодрил я её.

За этим утверждением скрывалась какая-то тревога. Я тоже смутно чувствовал что-то, беспокоило, как это существо сидело в кресле перед табло: его поза и поведение пародировали дежурного наблюдателя.

- Он... он... не... - она запнулась, как будто не могла облечь тревожившую её мысль в слова.

- Возможно, просто его поза в кресле. Бородавочников никогда не обучали, ты же знаешь. Они слишком неразвиты. И мы наткнулись на сторожевой пост далеко в пустыне. Это ведь не заповедник.

- Может быть... - Но я понял, что она не успокоилась.

- Когда мы вернемся, Прита, - я постарался её успокоить, - я сообщу об этом. Если с бородавочниками проводились эксперименты и один из них сбежал, то об этом должны быть записи. Но никто не боится даже экспериментальных животных - ты и это знаешь.

- Да, Вир. Просто он так сидел, глядя на нас...

Но она продолжала держать меня за руку, пока мы не дошли до последней открытой двери. Внутри Аннет рассмат-

ривала этикетки на консервных банках, доставая их из только что открытого ящика и ставя на стол. За этим столом когда-то размещался за обедом весь гарнизон.

Кухня Лугарда оказалась простой: он соединил две портативные плитки. Посуда сложена в ящике, и Тед с грохотом доставал её оттуда. У дальней стены находились громадные установки с дисками для набора заказов, но нам хватало блюд Лугарда. Гита передавала Айфорсу то, что отобрала Аннет, Айфорс вставлял банки в подогреватель. Всё очень чётко и эффективно.

- Похоже, голодными мы не останемся, - заметил я.

Аннет с возбуждённым лицом повернулась ко мне.

- Вир, настоящий кофе! Не суррогат! И множество инопланетных блюд. Даже ломтики дичи с гарниром из листьев фасса - мы такого много лет не видали!

- Лугард, должно быть, пользуется запасами офицерской столовой, - я принялся рассматривать этикетки.

Мы хорошо питались на Бельтане, наш обычный стол мог показаться роскошным на другой планете: биолаборатории снабжали нас большим количеством мясных продуктов. Но уже очень давно не было импорта, и мы слышали, хотя сами не могли попробовать, ностальгические воспоминания взрослых о разных лакомствах.

В конце концов благоразумие взяло верх, и Аннет выбрала для еды не экзотические блюда, а те, что не обещали никаких неожиданностей со стороны наших непривычных желудков. Вначале мы ели осторожно, а затем с обычным хорошим аппетитом. Когда мы закончили, Аннет поставила в ряд несколько банок и задумчиво взглянула на меня.

- Как ты думаешь, он согласится продать это? - спросила она. - Мне бы хотелось иметь их для праздника Крещения.

- Почему бы и не спросить? Ему должен понравиться свежий хлеб, ягодные варенья или даже глубоко замороженный обед. Консервы надоедают, даже инопланетные. А теперь, - я обратился ко всем, - давайте наведём порядок.

Дисциплина победила, хотя я знал, что им хочется заняться исследованиями. Я заметил, что дверь гравилифта заперта, за что был благодарен Лугарду. Ребята подчинятся правилам, за запертые двери заглядывать не станут.

Я отключал нагреватель, когда что-то заставило меня пересчитать присутствующих. Двоих не было - Теда и Айфорса. Я позвал их по имени. Аннет обернулась, но Дайнан объяснил:

- Они ушли, как только убрали посуду, Вир.

Комната связи? Вполне в духе Теда; впрочем, вряд ли даже Тед сможет включить экраны. Тем не менее я быстро пошёл по коридору: Тед всё чаще нарушает дисциплину, а мне не хочется, чтобы между нами происходили стычки.

- ...Грисс Лугард!

Слова звучали громко, они разносились по коридору, отражаясь от стен. Я вошёл в тот момент, когда Тед убрал руку с кнопки. По-видимому, он хотел отключить звук, но старую установку заело, и голос продолжал греметь.

- Таково положение, джентльмены, - голос Лугарда, усиленный радиоприёмом, звучал резко. - Их обещаниям нельзя доверять...

- Только с вашей точки зрения, сектор-капитан. - Это Сцильд Дрекс. - Ум военного всюду видит опасности...

- Ум военного! - Ясно послышался ответ Лугарда. - Я думал, что объяснил понятно: ситуация так же очевидна, как солнце у вас над головой! Вы хотите мира. Вы считаете, что война окончена. Может, она и кончилась, та война, которую мы вели, но и мира теперь нет - а есть вакуум, в котором нет законов. Та защита, на которую мог рассчитывать мир, истощилась. И в этом вакууме, подобно вашим вирусам, распространяется анархия. Планета, не готовая к самозащите, станет мишенью грабителей. Существуют разбитые флоты, уничтоженные миры. Люди, уцелевшие в этих битвах, почти всю жизнь сеяли вокруг себя смерть. Это их привычный образ жизни - убивай или будешь убит, отбирай или погибни. У них нет дома, им некуда возвращаться, их дом теперь - корабль. И нет больше контроля из центра, нет страха за последствия, если они отнимут у слабого, у тех, кто не может или не хочет противостоять им. Вы позволите этому кораблю сесть, только одному кораблю, этим бедным заблудшим людям, как вы говоите. Дадим им землю, ведь у нас её достаточно. Один шанс из ста, что они искренни. Но 99 шансов за то, что вы сами откроете дверь собственной гибели. Один корабль, два, три, удобная база, откуда можно пиратствовать. И я спрашиваю вас, Корсон, Дрекс, Аренс, всех остальных. Это правительственная экспериментальная станция. Что здесь разрабатывалось? Какие ваши тайны люди без совести смогут использовать как оружие?

Наступила тишина. Лугард как будто бросил всем вызов. Потом мы услышали голос Корсона:

- Ничего такого нет - по крайней мере сейчас. Когда нас принуждали к подобным экспериментам, мы отказывались,

а когда административного надзора не стало, мы уничтожили все результаты.

- Все? - переспросил Лугард. - Записи, образцы, может быть, - но не вашу память. И пока у человека сохраняется память, всегда существуют способы использовать её.

Послышался резкий звук - хлопок ладони о ровную поверхность.

- Опасаться такого насилия нечего, сектор-капитан Лугард. Я... мы считаем, что ваша прежняя служба приучила вас видеть тёмные замыслы за каждым поступком. У нас нет оснований не считать этих людей теми, за кого они себя выдают - беженцами, ищущими новой жизни. Они приглашают нас к себе на борт убедиться, что они пришли с миром. Мы не прогоним голодающих от своей двери, мы не можем отвергнуть этих людей и по-прежнему считаться обществом, стремящимся к миру. Предлагаю поставить вопрос на голосование. И считаю, что вы, сектор-капитан, не можете в нём участвовать. Вы не настолько наш.

- Да будет так... - на этот раз голос Лугарда звучал устало. - «И когда Ямар возвысил голос, его не слушали. И когда он закричал, со смехом прижали руки к ушам. И когда он показал им облако над горами, ответили, что оно далеко и сюда не придёт. А когда на холмах сверкнули мечи и он указал на это, ему ответили, что это солнце отражается в ручье».

Плач Ямара. Как давно я не слышал, чтобы его цитировали. Да и к чему он на Бельтане? Ямар - легендарный солдатский пророк. Его сагу заучивают все новобранцы, постигая разницу между военным и штатским.

Снова звук - стук подошв по полу. Какое-то бормотание, затем голос Аренса:

- Если больше помех нет, приступим к голосованию.

И тут, хотя Тед перестал бороться с кнопкой, в комнате связи наступило молчание. Тед снова нажал кнопку, рассчитывая на этот раз включить звук. Ответа не было.

- Вир... - за мной стояла Гита. - О чём говорил Грисс Лугард? Почему он не хотел, чтобы беженцы высадились?

- Он... боится, что это пираты... что нас ограбят. - Не думая о слушателях, я сказал ей правду.

- Да это просто глупо, - сказала Аннет. - Впрочем, не следует винить сектор-капитана. Он солдат и не понимает нашего образа жизни. Пойдём, Тед, не нужно было подслушивать заседание Комитета...

Он слегка виновато взглянул на нас:

- Я не хотел... мы пытались узнать, сколько станций ещё действует. Я нажал кнопку по ошибке, и она застряла. Правда, так и было.

- А теперь... - Аннет огляделась, окружающее ей явно не нравилось, - теперь нам лучше уйти. У нас не было права входить сюда.

- Он сказал, что мы можем входить в любую комнату с открытой дверью, - быстро ответила Гита. - А в этой дверь открыта. Вир, - обратилась она ко мне, - можно нам подняться на сторожевую башню и поглядеть на лавовые поля, раз уж идти туда мы не можем?

Мне это показалось разумным желанием, а когда мы обнаружили, что дверь, ведущая на верхние этажи Батта, не заперта, то сразу же пошли туда. Мы поднялись по лестнице, в верхней части довольно крутой. Аннет предпочла остаться внизу с близнецами Норкотами и Притой, которая не выносила высоты. Наконец мы вышли на продуваемую ветром площадку, по которой когда-то расхаживали часовые. Я достал бинокль и взглянул на север и на запад.

Тут и там виднелись тёмно-зеленые пятна растительности, туземной для Бельтана, в отличие от светло-зелёных инопланетных растений, которые росли вокруг посёлков. Кое-где лежали тёмные, почти чёрные тени. Повсюду тянулись потоки застывшей лавы, собиравшиеся в огромные карманы. Были и другие лавовые образования; никогда я не видел такой заброшенной, проклятой местности. Даже если тут и есть какая-то жизнь, её можно искать годами и не напасть на след.

- Да... - Тед отрегулировал свой бинокль. - Будто сунули палку в сургуч, повернули несколько раз и дали застыть. А где пещеры?

- Я знаю не больше тебя. Я бывал раньше в Батте, но совсем маленьким. В пустыню меня не брали. Не помню, чтобы я когда-нибудь видел пещеры. Может, меня туда и не водили.

- Вир, а сколько им лет... этим лавовым потокам? - задумчиво спросила Гита.

- Посмотри в геологических лентах. Я всё равно не знаю. - Я отстегнул бинокль и протянул его Айфорсу, который потом по очереди передаст его Сабиану и Эмрису.

- Они старые, очень старые, - настаивала она.

- Несомненно.

- Тогда пещеры тоже старые, их возраст не меньше, чем возраст... Предтеч.

- Кто знает, когда они жили? Было ведь несколько видов

Предтеч, - уклончиво ответил я, стараясь поймать взгляд Гиты и предупредить её, чтобы не распространялась насчёт поисков сокровищ. Но она локтями опиралась на парапет и, держа бинокль Теда обеими руками, рассматривала дикую местность.

- Предтечи? - К несчастью, Тед расслышал. - А при чём тут Предтечи? Ведь здесь нет никаких руин.

Прежде чем я смог остановить её, Гита ответила:

- И это всё, что ты знаешь?! Грисс Лугард отыскал до войны следы Предтеч в лавовых пещерах. Отец говорит, что Лугард готовит Батт для нового гарнизона и Комитет не допустит этого. Комитет включит защитное поле, если попробуют высадить солдат. Лугард появился раньше, чем они узнали о его планах, и больше ничего подобного они не допустят. Но если он вернулся, чтобы искать сокровища Предтеч... Может, он позволит нам помогать ему... или Комитет заставит его...

- Это правда, Вир? - обратился ко мне Тед.

- Тед! Гита всего лишь наткнулась на слух в старых лентах. Вот и всё. Мы не станем упоминать об этом в разговорах с Гриссом Лугардом или дома... понятно? Это запрет. - Я обратился к их собственному правилу. «Запрет» - это информация, которая держится в тайне от всех, даже от меня. И я всегда уважал их запреты. В данном случае это было особенно важно.

Тед обернулся, но в его ответе не было и следа вызова.

- Согласен! - он использовал их обычную формулу.

Тогда я повернулся к Гите: - Запрет?

Она энергично кивнула: - Запрет! - Остальные поддержали её.

- Вир. - Эмрис нацелил бинокль на восток. - Что-то приближается... мне кажется, хоппер. Идёт на максимальной скорости...

Я взял у него бинокль и посмотрел в том направлении. Наш хоппер - с Лугардом. Наверно, пора убираться отсюда. Я повёл свою команду вниз.

Глава 4

Если мы и ожидали увидеть какую-нибудь реакцию Лугарда на происшедшее в порту, то были разочарованы. Внешне он выглядел вполне обычно. С улыбкой захромал к дверям Батта; впрочем, лицо его было слегка искривлено восстановленной тканью левой щеки и челюсти.

- Прошу прощения, милая леди, - обратился он к Аннет, используя вежливое инопланетное обращение и свободной рукой делая приветственный жест; в другой руке он нёс корзину с едой, которую утром упаковала Аннет. - Похоже, в спешке я прихватил ваш обед. Надеюсь, вы нашли, чем его заменить...

- Да, - коротко ответила она. Но потом тоже улыбнулась и добавила: - Нашли получше, чем в моей корзине, сектор-капитан.

- Не сектор-капитан, - поправил он. - Я в отставке, никем не командую и не собираюсь. Я Грисс Лугард, владелец Батта. Но никакого отношения к силам безопасности не имею. Их больше не будет на Бельтане.

Тон его, вначале лёгкий и приветливый, стал серьёзным: он предупреждал о чём-то, а не просто объяснял своё присутствие. Затем настроение его снова изменилось, улыбка вернулась на лицо.

- Как вам моя крепость? - Вопрос был адресован нам всем.

- Боюсь, мы слишком многое себе позволили, хотя вы и разрешили входить в открытые комнаты, - заговорил я. Лучше сразу признаться, что мы наткнулись на систему связи - возможно, он хотел сохранить её в тайне. - Мы включили вызов...

Он не перестал улыбаться:

- Да? И он сработал? И хорошо?

Могло ли быть, что он сам не испытал систему, что ему не любопытно было проверить сеть, раскинутую по всей планете?

- Связь действует. Мы поймали часть вашего выступления на Комитете. - Пусть сразу узнает об этом. Если нас вышвырнут за то, что подслушивали... что ж, пожалуй, мы заслужили это.

- Моё красноречие, не сдвинувшее горы предубеждений.

По-прежнему он был спокоен. Может, знал, что мы подслушаем? Но как это возможно? А может... может, он хотел, чтобы мы это сделали? Но зачем? Я догадывался, что на этот вопрос он не захочет ответить. Прита подошла ближе и взглянула прямо в его восстановленное лицо.

- Мы видели кое-что ещё...

-В зале Комитета? - Всё тот же беспечный тон.

- Нет. Вир говорит, что это был один из старых постов безопасности. Там в кресле сидел рогатый бородавочник... он вёл себя как... как человек!

-Что? - Впервые его безмятежность была нарушена. - Что ты хочешь сказать?

- Мы включили видеоэкран, - объяснил я, - и наткнулись на пост Риф. Эта зверюга сидела в кресле у табло и смотрела прямо на нас. Конечно, случайное совпадение, но впечатляющее.

- Может быть, - согласился он. - Но если экран работал и в том конце, бородавочник испугался не меньше, правда, Прита? - Он запомнил её имя из всех названных утром. - Не думаю, что нам нужно бояться нашествия рогатых бородавочников... Не их.

Другое дело, беженцы на корабле, подумал я. Несмотря на внешнюю невозмутимость, внутренне Лугард не принял спокойствия бельтанской жизни.

Впрочем, трудно было поверить этому в оставшуюся часть дня. Аннет была покорена, как и все Бродяги. Я думаю, даже любопытство Гиты относительно Предтеч отошло на второй план перед непрерывным потоком рассказов Лугарда. Он говорил о планах организации новых заповедников, где будут изучать местную жизнь, применяя иноземную технику. Он с ней хорошо знаком. Он не хочет работать с мутантами, только с нормальными животными. Его рассказы и замыслы захватывали, и мы поверили, что именно такую жизнь он и собирается вести.

Он снова достал свою дудочку, и её звуки, очаровывавшие зверей и птиц, очаровали и нас. Он играл, мы слушали и не замечали, как идёт время, пока он со смехом не отложил инструмент.

- Вы высоко оценили мою скромную музыку, друзья. Но тени удлиняются, близится ночь, и я думаю, если вы задержитесь здесь, возможны неприятности...

- Вир! - Аннет вскочила на ноги. - Солнце почти село! Мы здесь уже много часов! Простите, Грисс Лугард, - она слегка запнулась, произнося его имя, - мы слишком злоупотребили вашим гостеприимством.

- Но, милая леди, это не злоупотребление. В Батте одиноко. В любое время вас - всех вас - тут ждут с радостью. Эта дверь не будет закрываться.

Он коснулся рукой поверхности двери, как бы подкрепляя своё приглашение.

- Мы можем прийти снова? - спросила Гита. - Когда?

Он рассмеялся.

- Когда захочешь, Гита. Все вместе и любой из вас - когда захотите.

Мы попрощались с благодарностью. Но, направляя хоппер к Кинвету, я гадал, вернёмся ли мы когда-нибудь в Батт.

Выступление Лугарда в Комитете вряд ли улучшило мнение о нём, и Аренс с его коллегами, вероятно, сочтут, что контакты с отставным офицером отрицательно повлияют на молодёжь.

К моему удивлению, однако, никто из руководителей Бельтана даже не упомянул о споре с Лугардом. Нас расспросили о событиях дня. Мы не упомянули о нашем невольном подслушивании. Но я не считал это обманом. Бродяги молча согласились со мной: они, по-видимому, решили, что вся эта история - для взрослых запрет. В остальном они были свободны и с подробностями рассказывали о планах Лугарда по изучению дикой жизни. Я инстинктивно сомневался в этих планах, но именно их Лугард назвал причиной своего возвращения на Бельтан.

- Значит, он просил вас вернуться, - заметил Аренс, когда Гита закончила. - Но не злоупотребляй его вежливостью, дочь. Он здесь со специальным заданием.

- Специальное задание?! - я не сдержал восклицания.

- Да. Но мы считаем, что это не всё. К несчастью, он на всё склонен смотреть с военной точки зрения, хоть и порвал с армией. Думаю, из-за ранений. Теперь у него статус поселенца-рейнджера... и в контракте особо отмечено разрешение на археологические раскопки.

- Предтечи! - воскликнула Гита и торжествующе посмотрела на меня. - Я была права...

Но её отец покачал головой.

- Не Предтечи, нет. Здесь никогда не было их следов. Но перед войной Лугард нашёл в лавовой пещере какие-то странные реликты. Тогда не было времени на исследования: уже вспыхнуло пламя всемирного безумия. Реликты так и не были изучены, сам Лугард призван в космос и не успел ничего сделать. Потом крыша пещеры обвалилась и закрыла его находки. Теперь, выйдя на пенсию, он попросил в качестве платы крепость Батт и окружающую местность и получил их. Всё это есть в портовых документах. Вероятно, ему потребуется время, чтобы найти то место. Теперь, Вир, - он обратился непосредственно ко мне, - я не хочу, чтобы дети мешали Лугарду. Бедняга, он и так много пережил. Его взгляды на жизнь не должны нас раздражать. Он так долго жил в мире насилия, что теперь видит его повсюду. Если ему и нужно общество, то, может быть, именно молодёжь... - он задумчиво посмотрел на нас и добавил: - Он что-нибудь говорил вам о заседании Комитета? Как-то комментировал его решение?

- Какое решение, отец? - спросила Аннет, хотя, вероятно, как и я, догадывалась об ответе - впрочем, он соответствовал её взглядам.

- Было решено предложить беженцам дружбу и убежище, - ответил несколько нетерпеливо Аренс и вернулся к интересовавшей его теме: - Лугард ничего не говорил об этом? Никаких замечаний? - Я мог бы солгать, но он спрашивал не меня.

- Я же тебе сказала, - Гита часто проявляла нетерпимость, когда её захватывала какая-то идея. - Он говорил о животных и пригласил нас приходить ещё. И он играл на дудочке...

- Ну, хорошо. Не вижу ничего дурного, если вы ещё раз отправитесь в Батт, но подождите приглашения. А ты, Вир, завтра отвезёшь туда специальное послание Комитета. Мы хотим кое-что уточнить, чтобы потом не было недоразумений.

Он не сказал, что за послание. Но я отчасти догадывался, что было в ленте, которую на следующее утро повёз в Батт. И когда я передал её Лугарду, бровь на здоровой половине его лица слегка дернулась и он криво усмехнулся.

Лугард выбрался из-под сложного механизма, который я не знал, хотя он слегка напоминал культиватор. Только на месте разрыхлителя находилась стрела с заострённым концом. А вдоль борта тянулся транспортёр с ковшами. Всё ещё улыбаясь, Лугард переложил ленту из одной руки в другую.

- Официальный призыв к спокойствию и терпимости? - Казалось, он спрашивал себя, а не меня. - Или официальное разрешение поступать по-своему? Пожалуй, лучше прочесть, чтобы я смог ответить. Что ты думаешь о моём чудище, Вир?

Он не торопился прочесть послание; продолжая держать ленту в одной руке, другой он провёл по транспортёру с ковшами - одни из них располагались прямо, другие там, где транспортёр уходил под машину, переворачивались.

- Экскаватор, - ответил он на мой незаданный вопрос. - Предназначен как раз для такой местности - видишь гусеницы? Впрочем, поездка на нём - всё равно сомнительное удовольствие, - он кивнул на лавовые поля.

- Значит, вы хотите откопать пещеру?

Не знаю почему, но рассказы Гиты о сокровищах Предтеч, и Аренса - об археологических раскопках, по-прежнему казались невероятными. Неужели на Бельтане были найдены следы древней расы?

- Раскопать пещеру? Конечно. И, вероятно, не одну. Это всё

в моих документах, парень. - Мне показалось, что он окинул меня быстрым оценивающим взглядом, как будто призадумался обо мне, как и я о нём.

- Машина требует основательной проверки - слишком долго она пролежала тут. Впрочем, она предназначена для тяжёлой работы в сложных обстоятельствах. Осмотри её, если хочешь, - и он ушёл в крепость, унося ленту.

Раньше я никогда не видел такой машины, но о большей части её функций легко было догадаться. Стрела, сейчас подогнутая под корпус, должно быть, расчищает место раскопок, транспортёр уносит в сторону землю. На машине стояли ещё бурав и вентилятор, оба густо смазанные. Я решил, что их можно присоединять к концу стрелы. Машина относительно невелика, управляет ею один человек, эластичные гусеницы способны пронести её по лавовой местности. Должно быть, очень эффективный инструмент. Какие ещё механизмы лежат в подвалах Батта? Лугарду полагалась очень большая сумма, раз он сумел получить всё это. Мог быть и другой ответ. Если мир охвачен хаосом, как рассказал Лугард, какой-нибудь чиновник мог посчитать лишним числить в своих документах крепость на Бельтане и охотно передал права на неё - может быть, за взятку.

- Итак, они сделали выбор. Какая слепота и глупость! - Лугард стоял за моей спиной.

- Позволили беженцам приземлиться? Но, может, они не так уж и опасны?

Лугард пожал плечами:

- Будем надеяться. А я тем временем не стану развращать невинные юные головы своим инопланетным пессимизмом.

- Аренс предупредил вас?

Он невесело улыбнулся:

- Не очень прямо, но это подразумевается. Я должен чувствовать гражданскую ответственность за свои обязанности и права. Говорили что-нибудь детям... что им нельзя сюда приходить?

- Просто Гиту предупредили, чтобы она вам не мешала.

Теперь его улыбка меньше напоминала гримасу:

- Отлично. И я отвечу честной игрой - больше никаких предупреждений. Всё равно их не убедить. Мозги закостенели, как лавовые потоки в горах.

- То же самое они думают о вас.

- Пускай. Но приводи детей, Вир, если они захотят. В Батте временами одиноко. И у них острый разум. Они скорее помощь, а не помеха.

- А что вы ищете? - осмелился я спросить.

- Вероятно, некоторые назвали бы это сокровищами.

- На самом деле Предтечи? - должно быть, я выдал своё недоверие.

Он улыбнулся: - Нет, не думаю, что это Предтечи. Впрочем, не стоит отбрасывать и эту возможность, пока мы не побываем в ледяной пещере... если я найду её снова. Десять лет - долгий срок, особенно для меня. Да и местность изменилась - прошло несколько оползней, лава обрушилась.

- А что это за ледяная пещера?

- Мы пытались найти подходящее место для складов. Время поджимало. Мы знали, что война приближается. Бельтан мог не остаться в стороне от военных линий, а оказаться в самом центре схватки. Нам нужны были тайники. Лавовые пещеры тянутся как туннели. Мы вскрыли несколько и исследовали их. Взвод, которым я командовал, обнаружил лёд, а в нём какие-то предметы: не мы первые догадались устроить тут склад. Разные вмороженные в лёд вещи. Но нам пришлось поскорее запечатать пещеру. Начальство не хотело, чтобы тут рылись в такое критическое время.

- Гита обнаружила эту историю в старых лентах.

Лугард кивнул:

- Да, кто-то проболтался. Поползли слухи. И тогда твой отец решил обезвредить болтовню, насколько это возможно. Мы признали находку и объявили её закрытой до приезда инопланетных экспертов. На самом деле мы запечатали всю секцию. Вероятно, придётся потрудиться, чтобы откопать её. Может, это вообще неосуществимо.

- Но если обстановка в мире теперь настолько плоха...

- Зачем мне охотиться за сокровищами? Теперь я свободный человек, Вир. И мне нечем заняться. А здесь подготовлено оборудование, и меня гложет любопытство. А почему бы и нет? Найду я эту пещеру или нет, никто не заинтересуется моими находками - и этого мне достаточно. Разве что ты с детьми...

Я не мог сдержать возбуждения. Если бы Лугард сказал об этом Бродягам, удержать их было бы невозможно. Помогая или мешая, но они будут осаждать Батт.

- Ну, мне надо закончить с этим старым скалорубом... - он опустился на колени, потом лёг и заполз под экскаватор. - Если дети захотят, приводи их в любое время.

Вернувшись в Кинвет, я рассказал о приглашении Аренсу. К моему удивлению, он благосклонно отнёсся к посеще-

нию Бродягами Батта и к их участию в раскопках. Поэтому в последующие недели мы побывали там несколько раз. Иногда с нами отправлялась и Аннет, она привозила блюда своего приготовления и меняла их на инопланетные деликатесы Лугарда, к немалому удовольствию обоих.

Все эти недели беженцы, посадившие свой корабль не в порту, а далеко на севере в избранном ими месте, спокойно занимались своими делами. Жители Бельтана давно привыкли интересоваться только своей работой, поэтому мало кто навещал лагерь беженцев. Сами они несколько раз появлялись в порту, прося медицинской помощи и припасов, предлагая взамен инопланетные товары; некоторые их предложения с радостью были встречены. Казалось, Лугард ошибся в своих пророчествах.

Я должен был бы догадаться, что Лугард тоже вступит в контакт с пришельцами; зная его отношение к ним, я удивился, обнаружив на посадочной площадке Батта незнакомый флиттер, когда как-то утром привёл туда свой хоппер. Я прилетел один, чему впоследствии порадовался: если бы у происшедшего были свидетели...

Лугард стоял у входа в Батт, но не с дудочкой в руке; стоял он лицом к двум незнакомцам, одна рука в непосредственной близости к оружию, не похожему на привычный мне станнер.

Незнакомцы были одеты в потрёпанные форменные кители; глубокий загар свидетельствовал о долгом пребывании в открытом космосе; руки они держали на виду, явно не желая встревожить Лугарда. Я порылся в боковом углублении хоппера и извлёк станнер. Держа его в руке, выбрался из кабины и неслышно двинулся вперёд. Но Лугард заметил меня.

- Желаю хорошо погостить! - приветствовал он меня, как принято на Бельтане.

- Ясного солнца и хорошего дня! - столь же традиционно ответил я.

Незнакомцы разом повернулись. Я ожидал увидеть оружие, но их руки оставались пустыми. Они смотрели на меня ничего не выражающими глазами. Но, однако, я был уверен, что теперь они узнают меня повсюду. Сейчас же они пытались решить, какое отношение я имею к Лугарду.

- Нет, господа, - обратился к ним Лугард. - Мне не нужна помощь в работе. И наблюдатели мне тоже не нужны.

Незнакомец повыше пожал плечами.

- Мы только предложили, - сказал он. - Хотели помочь ветерану... надо помогать друг другу...

- К сожалению... нет! - голос Лугарда звучал холодно и категорично.

Незнакомцы повернулись и пошли, не оглядываясь. Я по-прежнему держал станнер наготове. До сих пор мне не приходилось пускать его в ход, защищаясь. Но, глядя на садившихся в флиттер, я испытывал неприятный холодок за лопатками. С детства меня учили не прибегать к насилию, но поколения предков, живших в мире войн, дали о себе знать.

- Что им было нужно? - спросил я, когда флиттер взмыл в воздух, подняв тучу песка.

- Говорят, хотели наняться на работу, - пальцы Лугарда обхватили рукоятку оружия. Лицо его было неподвижно. - Конечно, они слышали о сокровищах...

- Они могут вернуться с подкреплением? А вы здесь один...

Лугард рассмеялся:

- Это крепость сил безопасности. Я могу активировать защиту, и никто не прорвётся. Нет, это была... покупка. И всё же, Вир, когда Комитет пригласил беженцев, он открыл дверь несчастьям, хотя этому и не верит. А теперь... чем могу быть полезен?

Я вспомнил свою новость.

- Мне дают назначение - в заповеднике Анлав.

- Когда?

- В следующем месяце.

Мне показалось, что он вздрогнул, услышав о моей радости. Может, боялся этого? Но почему? Он знал, что это единственное интересовавшее меня занятие на Бельтане. Меня не отфутболивают, не напоминают об отсутствии должной подготовки - и всё благодаря моей настойчивости.

- В следующем месяце, - повторил он. - Значит, после Крещения. А если мы отметим Крещение небольшим праздником? Все Бродяги и Аннет, если она сможет прийти. Попроси её, Вир. Я близок к открытию. Мы и это отметим.

Меня его слова ошеломили. Он был уверен в успехе, и я почувствовал возбуждение от близости клада. Некоторое время мы вместе занимались новой машиной, предназначенной для перевозки припасов. Лугард считал, что её можно приспособить для уборки обломков из пещеры, которую он начал раскапывать.

Вернувшись в Кинвет, я опять увидел во дворе множество машин. Они разлетались, а Аренс нетерпеливо занял место за рулём моего хоппера, чуть не вытолкнув меня, и тут же взлетел. Я поискал Аннет. Она, как ни странно, не была

занята домашним хозяйством, а с озабоченным лицом смотрела в окно на улетающего отца.

- Что случилось?

- На орбите появились ещё два корабля. Говорят, хотят присоединиться к беженцам... будто бы им обещали тут место.

- Я думал, договор касался только одного корабля.

- Они говорят, что это ошибка, что договор касался их всех. Комитет собирается на переговоры с их представителями. Они прилетают в спасательной шлюпке.

Я вспомнил о предостережении Лугарда, которым так пренебрегли, о незнакомцах в Батте, о беззащитном порте. Ощущение опасности, испытанное в Батте, вернулось. Знал ли об этом Лугард? И как защитить людей, которые сами не хотят защищаться?

- Доктор Корсон считает их требования вполне разумными, - продолжала Аннет. - В конце концов они просто хотят быть со своими друзьями. Возможно, это просто недоразумение. Но будет общее голосование. А что об этом думает Грисс?

Я рассказал ей о приглашении, она кивнула:

- Мы можем пойти. Все будут заняты голосованием, им не до нас. Если он что-то найдет и мы увидим первыми!..

Она больше не вспоминала о беженцах, как будто сознательно избегала неприятного разговора. Но я знал, что мы оба о них помним.

Глава 5

Было решено провести общее голосование. Значит, всё взрослое население Кинвета и остальных посёлков соберётся в порту. Поэтому Аренс и родители остальных Бродяг обрадовались нашей поездке в Батт. Я слышал, что мнения по поводу беженцев разделились, предстоял спор. Вероятно, наиболее бдительные члены Комитета вспомнили предостережение Лугарда. Конечно, порт когда-то имел защитные устройства, но долгие годы на них никто не обращал внимания, и что с ними теперь... И сможет ли оживить их горстка вернувшихся с войны ветеранов?

На третий день Крещения весь отряд Бродяг двинулся в путь: Дагни и Дайнан Норкоты, Гита, Сабиан Дрекс, Эмрис Джесом, Айфорс Джулиан, Прита, Тед и, конечно, Аннет. Предстояло путешествие в лавовую страну, поэтому все захватили походные рюкзаки, хоппер был перегружен, и нам

пришлось продвигаться осторожно, часто останавливаясь. Поэтому мы добрались до Батта только около девяти.

Лугард ожидал нас, сидя за рулём старой боевой машины. Оставив нас разгружать хоппер, он отошёл в крепость. Вернувшись, с грохотом захлопнул дверь; я успел заметить, как он прячет в карман металлическую пластинку с кодом. Значит, он считает, что во время нашего отсутствия тут могут появиться посетители? Я не удивился этим предосторожностям.

Взрослые вряд ли поместились бы в машине, но дети расселись относительно удобно. Аннет сидела рядом с Лугардом, остальные теснились среди рюкзаков и разных ящиков. Я осмотрелся в поисках оружия. Его не было. Если Лугард и прихватил его, то куда-то запрятал.

Углубляясь в пересечённую местность под палящим солнцем, мы были вынуждены надеть тёмные очки: лавовые склоны вокруг ослепительно сверкали. Тропа, по которой мы двигались, извивалась в поисках прохода. Я подумал, что Лугард неоднократно бывал здесь, хотя нас он взял с собой впервые. Царапины на скалах по бокам свидетельствовали о том, что тут проходили большие машины, гораздо больше, чем наша или экскаватор, который приводил в порядок Лугард. По поведению Лугарда было видно, что он, хоть и высказался весьма неопределённо, был уверен, что отыщет ледяную пещеру.

Мы двигались по неровной дороге с максимальной скоростью, на какую только можно решиться в такой местности. Миновали не одно отверстие в лаве. Дважды пересекали лавовые мосты. Тут и там виднелись пятна лишайников и мхов. Мы сделали так много поворотов, что не будь в машине компаса, я не мог бы сказать, где теперь Батт - позади нас или впереди. Такой обманчивой местности я никогда не встречал на Бельтане - будто нарочно нагромоздили множество потоков, конусов, кратеров, чтобы обмануть глаз и чувство направления.

Трудно было судить и о времени. Казалось, мы уже очень давно движемся по этой раскалённой местности под ярким солнцем. Но, взглянув на часы, я обнаружил, что в пути мы находимся менее часа. Никаких животных мы не встретили. Впрочем, скрежет наших гусениц распугает любую живность.

Наконец мы обогнули обрушившийся конус высотой в холм и увидели, что след ведёт прямо к пещере. Над входом виднелся остов крана. Лугард затормозил рядом со входом.

Указав на небольшую платформу, он предложил мне и Теду первыми спуститься вниз, пока он будет управлять подъемником.

Я не спелеолог и потому неохотно ступил на шаткую поверхность. Лицом ко мне стал Тед, мы ухватились за петли безопасности, поставив у ног груду рюкзаков и один из ящиков Лугарда. Начался спуск, и я был рад, что продолжался он недолго. Сначала стало полутемно, затем мрак поглотил нас, как огромный зверь.

Внизу было прохладно - приятная перемена после палящего зноя снаружи. Я вспомнил, что воздух внизу перемешивается медленно и поэтому в нескольких шагах от входа температура его уравнивается с температурой стен. Лугард предупредил нас, чтобы мы захватили куртки, и теперь, дрожа, я понял почему.

Платформа совершила несколько спусков, каждый раз привозя двоих пассажиров и груду добра. Я удивился, какое количество ящиков и тюков захватил с собой Лугард: он спустил не только то, что мы привезли в машине, но и множество тюков, ожидавших у входа в пещеру.

Наконец Лугард спустился сам, но не на платформе, а прямо по верёвке и с такой легкостью, как будто проделывал это не раз. Платформа оставалась на дне пещеры. Я решил, что это дополнительная мера предосторожности. Лугард ни разу не упомянул беженцев с корабля, но, вероятно, и не забывал о них. Однако я был убежден, что если бы существовала опасность, он не привел бы сюда детей. Но какая опасность? Об этом мы могли узнать без всякого предупреждения.

Спустившись, Лугард включил небольшой прожектор, чтобы осветить дорогу. Зимой пещеры действуют как ловушки холода. Холодный воздух опускается вниз, покрывая стены изморозью. Лугард искал ледяную пещеру, поэтому чем дальше мы отходили от входа, тем холоднее становилось.

Отойдя несколько шагов от входа, Лугард направил луч прожектора вверх. На стенах под потолком виднелась какая-то бесформенная масса. Там что-то непрерывно двигалось.

- Западники! - воскликнула Гита.

Взад и вперёд раскачивались птичьи головы на длинных шеях. Да, это были западники в своих гнёздах из грязи. Ночные животные, они были известны тем, что, вспугнутые, всегда летели на запад - отсюда и их название.

Их колония располагалась вблизи входа в пещеру, и скоро

мы её миновали. Тропа шла вниз, но не круто, а под небольшим углом. Идти было нетрудно. Я искал следы машин. Но на полу не было следов гусениц, а на стенах - царапин. В каменном туннеле мы встретили единственное приспособление, устроенное Лугардом, - небольшую тележку на гусеницах. Мы нагрузили на неё тюки и ящики. Но свои рюкзаки понесли сами. И снова я удивился количеству багажа.

Мы шли уже около часа, когда Лугард остановился и предложил отдохнуть. Он сгрузил тюки с тележки, сложил их у стены и повернулся к выходу, как будто собирался вернуться за оставленным. Но не успел.

Стены пещеры и застывшая лава под нами дрогнули, появилось ощущение, что мир вовсе не такой уж прочный и устойчивый. Я услышал крик и увидел в свете прожектора испуганные глаза и готовые закричать раскрытые рты. Ко мне прижалось маленькое тело, и я инстинктивно обхватил руками Айфорса; он ухватился за меня, будто я был его единственной надеждой на спасение. Второй удар оказался сильнее первого. Посыпались обломки лавы. Оглушённый, я закрылся руками, задыхаясь в облаках пыли.

- Назад! - Я увидел, как Аннет, спотыкаясь, двинулась в направлении выхода. Одного из детей она толкала перед собой, другого тащила сзади. Лугард попытался остановить её, но она увернулась. - Назад! Дети, ко мне!

- Останови её! - обернулся ко мне Лугард, и в этот момент третий удар отбросил меня к стене.

Айфорс по-прежнему цеплялся за меня. Я увидел, как упал Лугард, а прожектор, который он, должно быть, уронил на пол, пустился в дикий танец. Обломки продолжали падать, некоторые ударялись в груду только что сваленных вещей. Одной рукой я нащупал крепления своего рюкзака и отстегнул его. Тед сидел с ошеломлённым лицом.

- За ней! - выдохнул Лугард. - Вход... груда камней... может засыпать...

Он пытался встать, но последний толчок отбросил на него несколько тюков, а он к тому же хромал. Я попытался оторвать от себя Айфорса, комбинезон треснул.

- Тед! Возьми Айфорса!

Разорвав комбинезон, я оторвал наконец испуганного мальчишку и подтолкнул его к Теду, который ошеломлённо вставал на ноги. Остальные все были здесь; Гита стояла на коленях у прожектора, устанавливая его. Прита свернулась клубком рядом. Эмрис тряс головой и обеими руками протирал глаза. Не было только близнецов и Аннет.

Попасть под рухнувшую крышу! Я понимал страх Аннет, но если она идёт навстречу опасности... Лугард лучше знает эти проходы... А я не могу бежать по такому неровному полу при свете фонарика. Я двинулся как можно быстрее назад по тропе, громко окликая Аннет.

Она ушла не далеко. Её остановила груда камней, загородивших туннель. Далеко вверху мы видели клочок неба. Когда я догнал её, она прижималась к стене, глядя на свободное небо, достичь которого не могла. Близнецы жались к ней.

- Назад! Лугард говорит, что здесь опасно... может обвалиться потолок. - Я крепко схватил её за руку. Она попыталась вырваться, я оказался сильнее, но оттащить её от стены больше, чем на один-два шага, не смог. Я боялся, что ещё один толчок может раздавить нас раньше, чем мы достигнем безопасного места.

- Наружу! - Она рвалась в противоположном направлении, хотя дорога была закрыта. - Надо увести отсюда детей!

- Не здесь! - Я прижал её плечом к стене и попытался обратиться к её рассудку. - Лугард говорит, что здесь опасно. Он знает пещеры. Есть и другие выходы...

Правда, сам я в этом сомневался. Если крепления подъёмника упали - а таких толчков они могли не выдержать, - то как же мы поднимемся, даже если удастся расчистить завал в туннеле? Кто-то должен будет взобраться наверх и укрепить верёвки. И я знал, кто это будет, хотя от одной такой мысли меня мутило: я не очень хорошо переношу высоту. Лучше вернуться к Лугарду и поискать другой выход.

- Лугард! - Аннет почти выплюнула мне в лицо имя. - Он не имел права приводить нас сюда... подвергать опасности детей!

- Разве он мог предвидеть землетрясение? Но нужно вернуться. Там глубже и поэтому безопаснее.

Но и в этом я не был уверен. Аннет неохотно пошла назад. Я поднял Дагни, её маленькое тело дрожало в конвульсиях. Она не плакала, но дышала тяжело, глаза её были широко раскрыты и полны такого страха, что она вряд ли осознавала окружающее. Аннет, поддерживая, вела её брата.

Не успели мы вернуться, как пещера опять дрогнула. Прижавшись к стене, мы, как могли, своими телами защищали детей. Обломки падали и катились вниз по уклону туннеля. Каким-то чудом ни один из них не задел нас. Наконец установилось затишье, и вновь во мне зашевелился страх. Когда-то это была вулканическая страна. Могут ли такие толчки дойти до подземного огня и разбудить вулка-

ны? Аннет была права в своём инстинктивном стремлении на поверхность, и чем быстрее мы туда выберемся, тем лучше.

- Вир! Аннет! - наши имена отдавались гулом в туннеле.

Я осторожно поднялся, почти опасаясь, что это движение может вызвать повторение толчков, таким неустойчивым казался теперь мир.

- Мы здесь!

В горле у меня пересохло от пыли. Я заставил Аннет встать. По-прежнему я нёс Дагни, а Аннет вела мальчика. Мы осторожно пошли вниз. И, наконец, дошли до места стоянки. Лугард сидел на тележке, вытянув правую ногу, и растирал её руками. Он поднял голову, и я увидел в его глазах облегчение.

- Медицинскую сумку! - он не задержался, чтобы показать, где в груде тюков лежит сумка, только кивнул в ту сторону. - Каждому дай по большой зелёной таблетке - это противошоковое.

Все остальные, должно быть, уже получили свою долю, потому что Айфорс спокойно сидел спиной к тюку, а Прита пила из фляжки, в то время как Тед разбирал груду припасов. Эмрис помогал ему, а Сабиан стоял рядом. Гита склонилась к Лугарду, держа наготове другую фляжку.

Аннет остановилась перед Лугардом.

- Как мы выберемся отсюда? Дети...

- Вероятно, в большей безопасности, чем на поверхности, - ответил он.

- Здесь? - недоверчиво переспросила она. - Здесь камни падают на головы.

- Дальше будет безопаснее. Мы пойдем туда.

- Это землетрясение, - спросил я шёпотом, наклонившись, - оно не разбудит вулканы?

- Землетрясение? - переспросил Лугард. Рот его исказился, вероятно, от сильной боли в ноге, которую он массировал. - Бедные... - Он спохватился и продолжил: - Это не землетрясение.

- Что? - Аннет присела на корточки, так как иначе не могла смотреть Лугарду в глаза: он по-прежнему не вставал. - Тогда что же это?

- Дистрибюторы.

Сначала я не понял. Думаю, Аннет вообще не поняла. Когда значение этого термина всплыло в памяти, у меня перехватило дыхание. Я мог бы задрожать, как Дагни, всё ещё лежавшая на полу. Дистрибюторы - удлинённые заряды

- невинное название для смерти и таких разрушений, каких никогда не видели на Бельтане. Дистрибюторы немало мирных планет превратили в пустыню.

- Беженцы? - Я ухватился за единственное возможное объяснение.

- Именно.

Лугард перестал массировать ногу, медленно и осторожно согнул колено, но не смог скрыть, что у него от боли перехватило дыхание.

- Что это значит? - ещё громче спросила Аннет.

Гита придвинулась ближе. Тед прервал своё занятие, все слушали.

- Дистрибюторы?

- Бомбы, - сказал Тед, прежде чем Лугард смог объяснить.

Вероятно, Лугард не мог простить себе, что открывает нам такую правду. Но мы всё равно должны знать, что нас ожидает.

- Бомбы? - недоверчиво переспросила Аннет. - Бомбы... здесь, на Бельтане? Но почему? И кто?..

- Беженцы, - ответил я. - А какова вероятность?..

Боясь продолжать, я замолчал. Нет, лучше сейчас не думать, что могло произойти наверху. Сейчас нужно сосредоточиться на тех, кто смотрит на меня, на ответственности перед Бродягами, которых я так опрометчиво завёл в опасность. Я спросил Лугарда:

- Вы знали... или подозревали?

Он медленно кивнул.

- Подозревал с самого начала. А со вчерашнего дня был убеждён.

- Коммуникатор?

Он опять кивнул. Я непроизвольно стиснул плечо Дагни, она негромко вскрикнула. Если Лугард предвидел нападение, значит он сознательно привёл нас сюда, потому что...

Он как будто читал мои мысли: - Потому что это самое безопасное место на Бельтане... вернее, в Бельтане - теперь и здесь. Я ведь говорил, что мы обнаружили это убежище ещё до войны. Если бы у меня было больше времени, если бы эти глупцы в Комитете поверили мне... мы все были бы здесь в безопасности.

- Нет! - Аннет зажала рот руками, размазав грязь по щекам и подбородку. - Не верю! Зачем им это? Мы приютили их...

- Им нужна только база, - ответил Лугард.

Голос его звучал устало, как будто он держался одной лишь волей, а теперь, когда его худшие опасения сбылись, силы оставили его.

- Может быть, проголосовали против посадки двух новых кораблей, а те привыкли брать то, что им не принадлежит.

- Куда теперь? - нарушил я наступившее молчание.

- Вниз, - указал Лугард на туннель. - Там база.

Я ожидал, что Аннет возразит, но она медленно встала и подошла к медицинской сумке. Лугард протянул руку.

- Помоги мне встать, - приказал он. - Мы сможем использовать тележку. Нужно нагрузить её.

- Это продовольствие?

- Да.

Я помог ему подняться, и он секунду-две опирался на меня, прежде чем перенести свой вес на ногу. Очевидно, это ему удалось, и он сделал, прихрамывая, один-два шага. Но по сжатому рту было видно, чего это ему стоило.

Пока Аннет заботилась о близнецах, остальные грузили тележку. Я подумал, что вскоре её придется разгрузить и посадить туда Лугарда, а может, и близнецов. Тед и я ухватились за верёвку, Гита подставила плечо Лугарду. Аннет понесла Дагни, прижавшуюся к ней с закрытыми глазами под действием успокоительного, а Эмрис и Сабиан вели с собой Дайнана. Айфорс ковылял у тележки, придерживая груз одной рукой.

Мы двигались с частыми остановками, и, наконец, я убедил Аннет положить Дагни на тележку. Но взамен она взяла с тележки узел. Больше Аннет не пыталась спорить. Думаю, она всё ещё не верила Лугарду и в глубине души злилась, что не может выйти и доказать свою правоту.

Дважды нам попадались боковые туннели, здесь потоки лавы разделялись. Но Лугард всегда указывал на главный туннель. Он тяжело дышал, струйки пота исполосовали его покрытое грязью лицо. Иногда он начинал дышать ртом. Но остановки объявлял я, а он ни разу ни на что не пожаловался.

Мы уже больше двух часов находились под землей. Сделали более продолжительную остановку и поели. Я видел, как смотрит Аннет на еду, и догадывался, о чём она думает. Она не верила, что это могло произойти, но всё-таки произошло с того самого утра, когда она сама намазывала этот хлеб джемом - и джем она сама варила и хранила в шкафу в своём доме в Кинвете.

Существует ли ещё Кинвет?

Лугард лишь делал вид, что ест, но дети были голодны и съели всё, что им дали. Не уменьшить ли порции? Сколько нам ещё предстоит оставаться в пещере? Лугард захватил припасы: еду, воду, но...

А что мы увидим, выйдя наружу? Допустим, беженцы покончили - мой разум не мог с этим смириться, но я заставлял себя смотреть в лицо жестокой правде - покончили с жителями Бельтана? Лучше ли нам оттого, что мы избежали общей гибели? Но, очевидно, Лугард считает, что у нас есть шанс выжить, иначе он не затеял бы это.

Отодвинув еду почти нетронутой, он рылся в кармане куртки. И извлёк свою дудочку. Аннет рядом со мной шевельнулась, но сдержалась. Может, она собиралась возразить? Но если и так, то передумала.

И вот в глубине пещеры, вдали от внешнего мира, Лугард заиграл. И его волшебная музыка влила в нас уверенность и надежду. Я сам чувствовал, как успокаиваюсь; вихрь мыслей замедлился, я снова поверил. Во что именно, я не мог бы сказать, но я верил в правоту правого, в то, что человек может надеяться и в надежде обрести истину. Я никогда не забуду этот миг, хотя никак не могу вспомнить мелодию. Эти чувства всегда во мне, и я сожалею, что мелодия больше не согреет меня: хоть мы многое испытали в этот день, судьба готовила нам ещё более тяжкие удары.

Началось, когда Лугард опустил дудочку и мы очнулись от успокаивающего волшебства. Послышался звук, ничего общего не имевший с музыкой. Голова Лугарда дёрнулась, он закричал:

- К стенам!

Мы бросились туда. Я швырнул Аннет вместе с Дайнаном, затем Гиту и Эмриса; в то же время Тед подтолкнул Айфорса и Приту к противоположной стене.

- Дагни! - закричала Аннет.

Дагни спала на груде одеял у тележки, и теперь нам было до неё не достать. Но Лугард был ближе. Я видел, как он кинулся туда, схватил девочку, и бросил её в сторону от себя. Но тут ноги его подогнулись, и он упал в ярком свете прожектора. С боковой стены пещеры с грохотом соскользнули камни. И прежде чем я смог вытащить Лугарда, каменный поток сомкнулся над ним, как река в пик наводнения.

Глава 6

Та же каменная река завалила прожектор, и мы оказались во тьме, кашляя и задыхаясь в облаках пыли. Какое-то время я мог только прижиматься к стене и пытаться облегчить боль в лёгких. Потом мне удалось включить фонарь на поясе. Вместо яркого луча прожектора появилось слабое пятныш-

ко. И то, что оно осветило, заставило меня снова пожелать тьмы.

Наша тележка, оставленная посреди туннеля, должно быть, сыграла роль дамбы, хотя камни и протащили её немного. В груде обломков за тележкой Лугард - он должен быть там.

- Гита! Дайнан! Тед! - голос Аннет, но настолько хриплый, что имена можно разобрать с трудом. Аннет делала перекличку.

Я уже был возле тележки, и Тед рядом. Приходилось работать с раздражающей осторожностью: камни осыпались, и мы боялись, что они снова обрушатся. К нам присоединились Гита и Эмрис, включившие свои поясные фонари. Видеть стало лучше. Аннет брала у меня камни и относила в сторону.

Мы молчали, слышался только резкий кашель; я знал, что все прислушиваются со страхом и надеждой. Работа шла медленно, а нам нужна была скорость.

Когда мы откопали Лугарда, оказалось, что именно груз на тележке избавил его от мгновенной смерти. Случайно два ящика упали по обе стороны тела и отчасти защитили его. Он лежал лицом вниз, и я боялся пошевелить его. Он молчал; мне казалось - умер; мы расчистили пространство вокруг, и Аннет быстро расстелила одеяла рядом с его засыпанным пылью телом. Нам кое-как удалось перевернуть его лицом вверх.

Глаза его были закрыты, из угла рта стекала тёмная струйка. Я не медик, могу лишь оказать первую помощь при несчастном случае. У Лугарда были переломы и, я уверен, внутренние повреждения. Аннет раскрыла медицинскую сумку. К счастью, сумка лежала у стены, там, где Лугард оказался бы в безопасности, не вернись он за Дагни. Но в сумке почти ничего не было - только болеутоляющее кратковременного действия. Может, мы убьём его, если переложим хотя бы на тележку, но это единственная возможность его спасти.

- Расчисть дорогу, - приказал я Теду, - и разгрузи тележку.

Он кивнул и вместе с остальными мальчиками принялся за работу. Аннет смочила водой из фляги обрывок одежды. Когда она коснулась его лица, Лугард открыл глаза. Я надеялся, что он не придёт в себя. Ему, должно быть, ужасно больно. Губы его шевельнулись, я нагнулся.

- Вам нельзя говорить...

- Нет... - он шептал чуть слышно. - Карта... внутренний закрытый карман... достань её...к базе...

Тут лицо его расслабилось, уголки рта обвисли, изо рта пошла темная пена. Аннет обтёрла её. Я нащупал пульс на шее. К груди прикоснуться не решился - бьётся ли сердце. Он не умер... ещё нет.

Я не верил, что он выдержит перемещение на тележку. Но нести в одеялах ещё хуже. Там, впереди, есть припасы, Лугард упоминал об этом. Но есть ли среди них медикаменты? В распоряжении Лугарда была вся крепость Батт. Значит, должны быть. Но в глубине души я понимал, что только немедленная госпитализация в порту может его спасти. Но нельзя же было просто сидеть и ждать, пока он умрёт, если имелся хоть малейший шанс. Аннет, должно быть, думала о том же. Она взглянула на меня:

- Возьми карту и иди. Там могут быть медикаменты...

Но оставить всех... Она угадала мои сомнения.

- Так будет лучше. Мы не можем сейчас двигать его. А там могут быть носилки... и мало ли что ещё.

- А если снова начнут падать камни?

- Мы расстелем одеяло здесь, - она кивнула в сторону, продолжая стирать с лица Лугарда кровавую пену. - Это мы сможем сделать. Побудем тут. Оставить его нельзя, но и ждать бесконечно мы не можем. Там должно быть что-нибудь - может, более подходящая тележка. Попробуй, Вир.

Мы осторожно передвинули Лугарда к стене. Как можно осторожнее я расстегнул его куртку и достал сложенную пластиковую карту. Линии на карте засветились от наших ламп: они были нанесены специальной краской для использования при ограниченном освещении. На карте было нанесено множество линий, и потребовалось некоторое время, прежде чем я нашел тот туннель, в котором мы находились. Проследив наш путь от входа в пещеру, я увидел, что впереди лежит относительно ровная дорога. И база Лугарда, возможно, не так уж далеко.

Тед отыскал прожектор и осмотрел его. Он был предназначен для работы в трудных условиях; после того, как мы восстановили один из контактов, прожектор заработал. Я взял одну флягу; мне хотелось пить, но благоразумнее было поберечь воду; к тому же мы обнаружили, что бак с водой на тележке дал течь. Аннет заполнила все наши фляги и занялась поиском других ёмкостей.

Перед уходом я постоял рядом с Лугардом. Он дышал, а пока человек жив, надежда остаётся. С этой надеждой я и ушёл. Некоторое время дорогу мне освещал прожектор, но я не оборачивался. Затем подошёл к очередному разветвле-

нию, и на этот раз карта подсказала, что нужно свернуть с главного туннеля. Через мгновение я оказался во тьме и включил свой поясной фонарь.

В пещерах имеется своя жизнь; она различается в зависимости от влажности, наличия пищи, количества света и других обстоятельств. Я видел в лабораториях слепые создания, извлечённые из вечной тьмы. Когда-то на Бельтане была небольшая биоспелеологическая лаборатория, но после смерти Йена Такуата её законсервировали. Но те создания жили в богатых водой пещерах, здесь же совсем другие условия. Я направлял луч фонаря в разные стороны. Хоть бы простого червя увидеть!

Но луч высветил у стены груду костей и обрывки шкуры. Чувство отвращения рассеялось - это не останки человека. Рогатый бородавочник, но очень большой. Я таких не видал. Бородавочники живут в болотах. Что делал здесь этот? Возможно, в лабиринте ходов есть и такие, что ведут к воде. Бородавочник мог заблудиться. Тогда это вселяет надежду на нахождение воды. Воздух здесь холоднее, причём с каждым поворотом температура падает. На скалах появилась изморозь.

Я добрался до конца спуска и огляделся. Вот тропа. По ней перетаскивали тяжести. Я удивлялся энергии Лугарда. А может, это следы тех, кто думал о подземном убежище ещё до эвакуации Батта?

Пещера от узкого входа резко расширялась. Луч фонаря осветил её, и я в удивлении застыл. Показались три постройки, дальняя чуть видна. Между ними груды ящиков и тюков. Лугард не мог один всё это проделать. Остатки незавершенного замысла.

Строения были сложены из блоков. В каждом по одной двери и больше никаких отверстий. Полукруглые крыши из таких же блоков. Если они когда-то и были закрыты, Лугард их открыл. Возможно, код ворот Батта действовал и здесь. Я заглянул в первое строение. Должно быть, оно предназначалось для командного пункта, а может, и для связи. Невысокая перегородка, не доходившая до потолка, делила его на три части. В одной находились два стола, стеллаж с грудой папок и небольшой компьютер. В другой - табло коммуникатора, почти такого же, как в Батте. Я попытался включить связь. Не знаю, на что я надеялся, - может, получить какой-нибудь ответ с поверхности. Но связь не действовала. В третьей, и последней, «комнате» находились четыре койки и

простейшие бытовые приспособления. Похоже, ими никогда не пользовались.

В следующем сооружении - в большом помещении - много коек, а за перегородкой - кухня и баки для воды. Я повернул кран - тонкой струйкой потекла вода.

В третьем - множество контрольных табло. Во всяком случае, это не связь. Может, пункт управления ракетами и защитными устройствами. Вероятно, оружие, которым должны были управлять отсюда, так и не было установлено или его демонтировали, когда силы безопасности отправлялись в космос.

Я вернулся в помещение с койками. Одна из них, самая лёгкая, оказалась единственным, что можно было использовать в качестве носилок. Какое-то время я провозился, снимая койку с креплений. Посмотрел на часы. Должно быть, уже ночь. Впрочем, ночь или день - какое это может иметь значение здесь? Строения защитят от холода; их можно обогреть, если мы разберёмся в оборудовании. Теперь у нас есть достаточно надёжное убежище.

Койка оказалась неудобной ношей. К тому же у меня не было ни одной верёвки, чтобы привязать Лугарда или спустить койку с уступов. Может, удастся разорвать одеяла на полосы. Добравшись до конца подъёма, я тяжело дышал и вполне был готов устроить продолжительный отдых. Но времени для этого не было.

В конце концов я потащил койку за собой, время от времени меняя руки, когда затекали пальцы. Койка цеплялась, царапала камни и издавала грохочущий шум, от которого болела голова. Мне всё время приходилось останавливаться и давать отдых пальцам, иначе они совсем онемели бы. Койка была слишком тяжела, чтобы её нести, тяжела и неудобна, чтобы тащить за собой. Она застревала в обломках скал, и тогда приходилось высвобождать её. И во всем мире не осталось ничего, кроме этого упрямого каркаса, который я с радостью разбил бы о стену.

Неожиданно боковой туннель кончился, и я увидел свет прожектора. Тёмная фигура бросилась ко мне, мой фонарь осветил Теда. Он мгновение смотрел на меня, потом подхватил койку. Я один за другим расцепил пальцы.

- Что там? - спросил Тед.
- Всё в порядке. Как Лугард?
- Пока жив.

Я и не надеялся на такой ответ. Хорошо бы Лугард продержался, пока мы не опустим его в нижнюю пещеру, - я не искал медикаментов, но они наверняка там есть.

Тяжело дыша, я опустился на колени у тележки; Тед подтащил койку. Аннет укрыла Лугарда, оставив снаружи одно лицо. Кровотечение изо рта прекратилось. Я не знал, хорошо это или плохо.

- Привяжите его к койке. И поднимите на тележку. Но придётся опускать его в другую пещеру. Там база сил безопасности. Даже бараки есть...

- Бараки?

Аннет протянула мне упаковку саморазогревающегося рациона. Пахло восхитительно. Я протянул руку, но пальцы мои онемели. Еда упала бы, если бы Аннет не продолжала её держать. Она поднесла банку к моим губам, и я с благодарностью отпил, чувствуя, как рассеивается туман усталости. Между глотками я продолжал:

- В них оборудование. Но есть и казарма. Мы можем там остановиться.

Аннет взглянула на Лугарда:

- Он без сознания.

- Тем лучше.

Это была правда. Придётся для безопасности привязать его к койке. Мне не хотелось думать, что должно вынести его изломанное тело. Однако у меня... у нас не было выхода. Идти значило дать ему хоть небольшой шанс, оставаться на месте - просто ждать неизбежного конца. К тому же опять могут произойти обвалы, хотя Аннет заверила меня, что пока я отсутствовал, ничего не угрожало им.

Мы как можно осторожнее подняли Лугарда, уложили его на койку и обвязали полосками одеял, приготовленными Гитой и Притой. Таким образом мы неподвижно закрепили раненого. Вещи мы собрали в одном месте, а с собой взяли только свои походные рюкзаки. Мы с Тедом взялись за петли из полосок одеяла и подняли Лугарда на тележку.

И вот мы медленно двинулись. Аннет с детьми - по обе стороны тележки, мы с Тедом направляли её по центру туннеля. Гита с прожектором шла впереди, благодаря освещению мы обходили самые крупные препятствия. И всё же мы не могли заставить тележку двигаться ровно. Необходимо было спешить, в то же время нельзя было и торопиться. Койка с Лугардом находилась в неустойчивом равновесии, и любой толчок мог, несмотря на наши усилия, швырнуть её на скалы.

Мы свернули в боковой туннель, ведущий к нижней пещере. Аннет взглянула в лицо Лугарда. Он был без сознания. Во всяком случае, я на это надеялся.

- Нужно выйти наружу. Ему нужна помощь... в порту доктор Симонс...

Если ещё есть в порту доктор Симонс, подумал я. Но Аннет продолжала упрямо считать, что Лугард ошибся в своей догадке о бомбардировке; а может, она хотела сохранить надежду в детях. Я не собирался выяснять её истинные мысли, слишком пугал меня предстоящий спуск с уступов.

- Смотрите! - Эмрис указал на высохший остов бородавочника. - Что это?

- Рогатый бородавочник, глупышка, - ответила Гита. - Вероятно, забрался сюда и заблудился. Но он должен был идти от воды...

Она пришла к тому же заключению, что и я.

- Внизу есть вода, - ответил я, - в трубах. А ведь в трубы она откуда-то попала. И может послужить проводником наружу.

Мы подошли наконец к спуску, и Гита направила вниз луч прожектора, осветив крутизну. Я услышал возглас Аннет:

- Туда?! Но нам никогда не спустить его...

- Придётся. Мне не удалось найти верёвок.

Я тупо смотрел на гигантскую уступчатую лестницу, на груду щебня у её основания. Спуститься вниз и вернуться... хватит ли у меня сил? Ответ нашёлся у Теда.

- Эмрис, Сабиан, разворачивайте нашу находку.

По его приказу младшие мальчики начали вытаскивать что-то из-под курток. Это оказалась даже не обычная верёвка, которая может порваться или перетереться, а ленты тангфора - сплава, применяемого при изготовлении сопел ракет. Полоски были изготовлены в виде цепи, на каждом конце которой - крюки из того же прочнейшего материала.

- Нашли в припасах, которые мы разгружали, - объяснил Тед. - То, что нужно?

Будь у меня возможность выбирать, я бы не взял ничего другого. Я так и сказал, когда мы разложили цепи. Они достанут с одного уступа до другого; впрочем, я не знал, выдержим ли мы вес койки с Лугардом.

- Иди вперёд с детьми, - сказал я Аннет. - Мы с Тедом, Эмрисом и Сабианом попробуем управиться тут. Но вначале вы должны спуститься и отойти в сторону.

Я понимал, что малейшая ошибка - и мы вчетвером полетим вниз. А это опасно не только для нас, но и для тех, кто будет ждать внизу. Аннет, вероятно, хотела возразить, но взглянула на Дагни, которую несла большую часть пути, и передумала.

- А как... - ага, ремни рюкзака! - Она положила девочку на пол и начала снимать рюкзак.

- Мне кажется, ты не...

- Я смогу! - Она повернулась ко мне с той же яростью, с какой рвалась на поверхность после первой бомбардировки. Я не стал с ней спорить. Силы мне потребуются для спуска.

Мы смотрели, как они спускаются один за другим: вначале Гита, которая установила прожектор на краю спуска, чтобы освещать дорогу; затем Прита, которую Гита уговаривала не смотреть вниз, а только себе под ноги; затем Айфорс; последней, очень медленно, после Дайнана, спускалась Аннет, неся привязанную к ней Дагни. К счастью, уступы не представляли собой серьёзных препятствий для спуска; гораздо больше беспокоила меня груда щебня у основания. И не только холодный воздух заставлял вздрагивать, когда мы следили за их спуском.

И вот Гита внизу, за ней остальные - все, кроме Аннет, двигавшейся всё медленнее и медленнее. По собственному опыту я знал, что утомило её. Мне казалось, она отдыхала очень долго, прежде чем спуститься с последнего уступа. Наконец все они перебрались через осыпь. Эмрис собрался открепить прожектор. Я покачал головой.

- Оставь его. Нам понадобится свет.

- Как мы будем спускаться? - это Тед.

Я видел только одну возможность, может, и не лучшую, но других у нас не было.

- Прикрепим здесь, - я указал на один крюк цепи, - другой - к койке. Один из нас с нижнего уступа будет регулировать спуск. А мы опускаем, я за один конец, остальные двое - за другой.

Тед кивнул:

- Регулировать будет Сабиан.

Сабиан самый младший. Сила нам понадобится для спуска. Я взглянул на него.

- Справишься?

- Не знаю, - честно ответил он. - Не могу сказать, пока не попробую. - С этими словами он соскользнул на первый уступ и стоял там, глядя вверх; большие тёмные глаза выделялись на слишком бледном в свете прожектора лице.

Мы прикрепили крюки с обеих сторон рамы и испытали их прочность. Другие два крюка закрепили на поверхности скал и тоже испытали. Затем подтащили койку с неподвижным грузом к краю обрыва, и начались худшие часы моей жизни.

Нам потребовалось более двух часов для медленного спуска; на каждом уступе мы останавливались и заново проверя-

ли крюки, немного отдыхали, наклонялись к Лугарду и вслушивались в его неровное дыхание, чтобы убедиться, что он жив. Я утратил всякое представление о времени, каким оно было в нормальном мире. Здесь время превратилось в злобное существо, которое изобрело для нас страшную пытку. Последнюю часть спуска я проделал как в густом тумане и внизу упал, способный только дышать. Остальным было не легче. Эмрис неподвижно лежал рядом с койкой. Тед сгорбился с другой стороны. Я услышал шорох и радостный возглас.

- Аннет!

Мне что-то сунули в руки, я не смог удержать, тогда это что-то оказалось возле моего рта. Я почувствовал вкус укрепляющего напитка. В чрезвычайный рацион всегда добавляют специальные восстанавливающие средства, но поможет ли это мне?

Наконец мы, шатаясь, смогли идти, а Аннет, Гита, Прита и Айфорс несли перед нами койку с Лугардом, используя петли из одеял. Я уже настолько пришёл в себя, что мог поддерживать Эмриса и Теда. Плечи и руки онемели. Потом они начали болеть, и боль всё усиливалась. Мы спотыкались и скользили, хотя по-настоящему ни разу не упали; наконец опасная осыпь осталась позади, мы очутились в более широкой части пещеры. Из дверей бараков струился свет. Я помню только, как перевалился через порог.

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на полу, на матраце той самой койки, на которой мы принесли Лугарда. Как всё болело! Руки будто вывихнуты, кости смяты непомерным напряжением.

Видимо, я застонал. Даже повернуть голову было невыносимо больно. Надо мной появилось лицо Аннет, с тёмными кругами под глазами и с таким выражением, какого я у неё раньше не видел.

- Ты проснулся...

Голос её звучал резко, и что-то в её тоне немедленно привело меня в себя. Я попытался сесть. Аннет не помогала, она с каким-то нетерпением смотрела на меня, как будто ждала слишком долго. Я руками протёр лицо, ощущая пыль и обломки, и замигал.

- Как Лугард?

- Умер, - ровным голосом ответила она.

Первой моей реакцией был гнев: все наши усилия оказались напрасными; после всего, что мы сделали, Грисс ускользнул от нас. Но тут же появилась другая мысль. Кто

будет руководить нами после смерти Лугарда? До сих пор мне некогда было думать о будущем. Когда мы достигли основания, у меня даже появилось ощущение, что самое трудное позади. Неправда.

Кое-как я поднялся. Слева на койке лежал Тед; за ним на одной койке остальные двое из спускавших Лугарда. А из глубины помещения, оттуда, где кухня, доносились голоса.

- Вир, ты проснулся!

Я медленно повернул голову - ощущение такое, что от быстрых движений можно распасться на части. Из общего помещения вышла Гита. Она схватила меня за руку.

- Идём, ужин готов. Ты проспал почти весь день.

Пошатнувшись, я встал. Аннет поддержала меня.

- Здесь много еды, - сказала она, как бы уверяя себя, - и кухня работает.

Возможно, на кухне в Кинвете пахло привлекательнее, но в ту минуту я так не думал.

Глава 7

Мне пришлось опереться локтями об узкий стол, чтобы поднести к губам чашку горячего кофе. Поглощая обжигающий напиток, я чувствовал, как усталость уходит. Аннет сидела напротив меня, положив руки на стол. Чувствовалось, что она напряжена; её беспокойство передавалось мне.

- Он сошёл с ума, - ровным голосом сказала она.

- Ты сама чувствовала толчки.

К чему поддерживать напрасную надежду? Я видел беженцев у Батта, верил, что Лугард правильно оценивал опасность. Он не сумасшедший. Напротив, я начинал думать, что он-то и оказался самым здравомыслящим человеком на Бельтане, когда потребовалось заглянуть в будущее. Но теперь...

- Он пришёл в себя перед смертью? - хоть какой-нибудь совет...

Она отрицательно покачала головой.

- Он дышал тяжело. Потом... сразу... дыхание прекратилось. Вир, что нам делать?.. Мы не сможем вернуться тем же путём...

Я отставил чашку и извлёк карту. Расстелил её на столе. В ровном свете помещения её линии по-прежнему заметно светились.

Я провёл пальцем от входа, найденного Лугардом, до нашего нынешнего лагеря - большой нижней пещеры. Из

неё выходило несколько туннелей. Два из них, похоже, вели на поверхность. Но я помнил слова Лугарда о том, что весь этот комплекс пещер был закрыт силами безопасности ещё до того, как они оставили Батт. Он открыл доступ сюда с большими усилиями... мне казалось, что у него не было времени, чтобы распечатать остальные входы, даже если он этого хотел.

- Незачем бояться худшего, пока всё не проверим, - так я сказал Аннет.

Она хотела, чтобы мы как можно скорее ушли отсюда. Но мне хотелось избежать дальнейших разочарований, особенно для младших. В конце концов мы решили, что вначале я исследую оба эти туннеля.

Перед уходом мне предстояло дело, трудное, может, для меня более трудное, чем для других. Осуждать мёртвых не принято, но, думаю, Аннет винила Лугарда в том, что воображаемые им ужасы вовлекли нас в катастрофу. Она не желала ему смерти, но и не жалела его. Однако помогла мне укутать тело пластиковыми листами из запасов базы. При этом что-то выскользнуло из одеяла, державшего тело Лугарда на месте во время путешествия, которое мне не хотелось вспоминать. Это что-то хрустнуло под ногой, и я поднял обломок дудочки, из которой он извлекал свою волшебную музыку. Должно быть, инструмент сломался, когда Лугарда засыпало. Я собрал все обломки и сунул их ему под куртку.

- Не Дагни, - вдруг сказала Аннет, когда мы закончили. Она рассуждала сама с собой. - Прита? Да. Все остальные тоже.

В конце концов мы с Тедом отнесли тело Лугарда обратно к груде щебня. За нами шли все, кроме Дагни, спавшей под влиянием успокоительного.

Вырубить могилу в скале мы не могли. Пришлось задвинуть койку с телом в расселину, а затем засыпать - вначале гравием, потом обломками скал, пока не получилась заметная насыпь. Мне хотелось лазером отметить это место. Но в оставленном снаряжении мы не нашли оружия. У нас были только три станнера: мой, Аннет и Теда. Гита приволокла последний обломок и с усилием взгромоздила его на верх насыпи. Я видел слёзы на её щеках.

- Я хотела бы... хотела бы, чтобы кто-нибудь сыграл на дудочке. Он был добрый человек, Вир.

Сам я не отнес бы к Лугарду это определение, но вспомнил, как он вёл себя с детьми, и подумал, что со своей точки зрения Гита права. Хорошо, что можно это вспомнить, и ещё

его храбрость и веру в то, что нужно выполнять свой долг. У меня не было ни малейшего сомнения: он верил в то, что спас нас, что бы ни думала Аннет.

Но и она не смогла уйти просто так. Взяв Гиту за руку, она другую руку протянула мне, я взял за руку Теда, он - Эмриса, и мы образовали кольцо вокруг могилы звездолетчика, который больше никогда не увидит звёзд. Аннет запела «Иди с добром», мы подхватили; молитва вызывала странное эхо. Не обращая на это внимания, мы допели её до конца.

Я решил дождаться утра; впрочем, утро, день, вечер, ночь здесь понятия относительные; я о них мог судить только по циферблату часов. Тем временем, продолжая разбирать припасы, мы нашли одеяла для замены разрезанных на полосы, еду в наборах концентратов - достаточный запас на долгое время - и оборудование для раскопок. Но оружия не было, а коммуникатор в штабном бараке оставался нем, хотя мы время от времени включали его. Возможно, Лугард активировал лишь часть оборудования. В бараках было тепло, кухонные установки действовали - и это было спасением: холод в пещере становился невыносимым.

Нашлась и одежда - форма сил безопасности. Для всех, кроме нас с Аннет, она оказалась велика. Нашлось несколько прожекторов, все в рабочем состоянии, и ещё много верёвок, какие до того обнаружил Тед.

Дети охотно работали, сортируя находки. Перетаскивая ящик с концентрированной фруктовой пастой, я заметил Теда. Он стоял в дверях помещения, которое я считал пунктом управления ракетами. Я поставил ящик и подошёл к Теду.

- В чём дело?

Он вздрогнул и слегка повернул голову. Но при этом не смотрел мне в глаза.

- Это ведь пункт управления огнём, Вир?

- Кажется, да.

- Значит, его можно использовать, можно ударить по этим... вышвырнуть этих дьяволов с Бельтана...

- По-твоему, Грисс Лугард был прав? - Я так долго противостоял упрямой уверенности Аннет в том, что мы - жертвы навязчивой идеи, что почти удивился, услышав слова Теда.

- Да. Можно привести это в действие?

- Нет. Ракеты, которыми отсюда управляли, размонтированы. Может, их и не устанавливали. Из этой базы перед закрытием вывезли всё оружие; конечно, самое главное они не могли оставить. Но даже если бы ракеты и были, нельзя их слепо использовать.

- Наверное, ты прав. А вдруг, выйдя, мы обнаружим, что они захватили планету? Что тогда, Вир?

Он задал вопрос, который мучил меня самого. Судя по приготовлениям, Лугард собирался провести здесь много времени. Но я знал, что Аннет с этим не согласится, если, конечно, ей не докажут, что на поверхности опасно. У Аннет хватит воли и решимости уйти одной, если я не попытаюсь найти выход. Значит, нужно выходить. Но я намерен был действовать осторожно, чтобы не нарваться на опасность. Лугард умер, спасая нас от неё.

- Начнем с разведки. Вряд ли кого-нибудь заинтересует дикая местность, - сказал я, но тут же призадумался.

Слух о сокровищах Предтеч привлечёт внимание беженцев, если они захватили планету. Впрочем, пустыня как нарочно создана для укрытия. И если мы выйдем, сохраняя путь отступления на базу...

- Партизанская война?

- Война? С нашими Бродягами? Будь разумным, Тед. Если понадобится, мы можем скрываться годами. Просто нужно действовать осторожно, пока мы не узнаем, что случилось.

Я видел, что он не удовлетворен, но пока можно не бояться безрассудных поступков. Вдобавок я обратился к его чувству ответственности, назначив его старшим на время своего отсутствия.

Остальную часть «ночи» - по часам - мы проспали. На следующее утро - третье под землёй - около восьми часов я отправился в путь. Мне хотелось бы иметь походный коммуникатор, чтобы поддерживать связь с базой, но подобные устройства отсутствовали, как и оружие. Вообще в припасах имелись странные пробелы, и я гадал, не Лугард ли ответственен за такой необычный выбор. Может, коммуникаторы отсутствуют, чтобы мы не пытались связаться с поверхностью и не выдали себя?

Я скопировал карту на листе пластика, оставив оригинал Аннет. Взял с неё слово не двигаться с места до моего возвращения и отдельно велел Теду проследить за этим. Затем, с лёгким рюкзаком, я решительно пошёл от освещённого лагеря.

Оглянувшись, я увидел тёмные тени. Кто-то - мне показалось, Гита - поднял руку в приветствии. Я махнул в ответ. Выбор мой пал на левый туннель: он был шире, хотя всё-таки оставался лишь туннелем сравнительно с пещерой. Увидев царапины на стенах - туннель расширяли, - я при-

ободрился: по-видимому, мой выбор правильный. Туннель не спускался, как тот, по которому мы пришли, а шёл горизонтально. Однако через час я наткнулся на тщательно сделанную преграду.

Кто-то хорошо поработал лазером. Я увидел части машин, вплавленные в скалы. Сюда пригнали строительную технику, забросали её камнями и с помощью высоковольтного лазера превратили в затычку, которую невозможно сдвинуть с места.

Вряд ли это сделал Лугард. Операция сил безопасности. Зачем они это сделали? Какие сокровища хотели спрятать? Может, пункт управления?.. А что, если им пришлось оставить здесь и ракеты?..

Я обдумал это предположение. Возможно, это и так. Может, у нас под рукой имеется средство, способное освободить Бельтан. Но я не знал, как запустить такую систему, да и нельзя проводить эксперименты, пока нам неизвестно, что происходит на поверхности. Ясно только, что в прошлом кто-то приложил большие усилия, чтобы скрыть базу.

Если Лугард знал об этом, возможно, он собирался использовать оружие для защиты. Ещё одна тайна, которую он не разделил с нами, а теперь уже слишком поздно.

Я, участок за участком, рассматривал сплавленную массу, пытаясь найти проход. Не удастся ли преодолеть преграду под потолком? Нет. Пришлось повернуть назад, чтобы осмотреть второй туннель. Выйдя в пещеру, я взглянул в сторону лагеря. Двери бараков закрыты. И света нет: бараки построены без окон. Сообщить о неудаче? Напрасная трата времени. Лучше сразу заняться вторым выходом.

Второй туннель всё время сворачивал из стороны в сторону, на стенах его - никаких царапин, но вскоре мой фонарь осветил опрокинутую тележку, такую же, какой пользовался Лугард.

Гусеница тележки застряла в камнях. Казалось, её оставили в спешке... чтобы выбраться наружу? Может, прямо впереди выход? Я перешёл на рысцу, насколько позволял неровный пол. Туннель ещё более отклонялся вправо и вниз. Я почувствовал разочарование, хотя здравый смысл говорил мне, что в текущей лаве не может образоваться отверстие, ведущее вверх. И тут меня поджидало второе разочарование - стена из сплавленных обломков. Эта была не такой, как первая. Я не вполне уверен, но эта стена показалась мне новой. Её сделали не десять лет назад, а всего несколько дней. Лугард?

Здесь было не так холодно. Стены без инея. Я заметил металлический блеск и опустился на колени рядом с оружием - тем самым, что я видел у дверей Батта, когда Лугард стоял перед беженцами, - или его близнецом. Оружие казалось совершенно новым. Не думаю, чтобы оно лежало здесь долго.

Я возбуждённо схватил его и направил на каменную перегородку. Может, удастся прожечь отверстие. Но когда я нажал на курок, ничего не произошло. Должно быть, заряд истощился при изготовлении преграды. Теперь я был уверен, что этот проход перекрыл Лугард. Но почему? Зачем ему закрывать нас в нём? Подготовка к долгой осаде, а теперь это... Должно быть, он сильно опасался того, что сейчас творится на поверхности. Но только ли нас он хотел спасти? Или тут есть тайна, которую нужно сохранить?

Я сел на пол, держа лазер, и задумался. Вряд ли есть смысл гадать дальше. Разгадку можно найти в лагере. Для собственной безопасности нам нужно знать правду. Есть ещё третий туннель. Я считал, что его не стоит исследовать. Осмотреть его сейчас или вернуться на базу для более тщательных поисков? В конце концов я решил вернуться и пошёл, прихватив с собой разряженный лазер Лугарда. Может, сумею отыскать заряд для него и прожечь перегородку. Миновал полдень, я проголодался и перед возвращением поел. И вот тут, поглядывая по сторонам, я случайно увидел на гладкой пыли, покрывавшей пол, цепочку следов.

Насколько я знаю обитателей заповедников, это не был один из них. След размером с мою ладонь. Значит, животное довольно большое. Лапа трёхпалая, пальцы такие тонкие, как будто прошёл скелет. Может, ещё какое-то существо заблудилось, как рогатый бородавочник, и плелось здесь, умирая с голоду?

Следы появились после того, как Лугард изготовил преграду. Я не заметил их, спускаясь по туннелю, а тут нет места, где могло бы спрятаться большое животное. Я пожалел, что спелеологическая лаборатория была закрыта, и у меня нет ни малейшего представления об обитателях подземелий. Конечно, животное, ищущее убежища в лавовых туннелях, не похоже на жителей богатых водой пещер. Наклонившись, я измерил отпечаток. Мелкий песок и щебень - судить о весе животного трудно. Но вид отпечатков мне не понравился. Трёхпалая лапа, по-видимому, принадлежала какой-то рептилии.

Осмотрев след, я решил, что животное спустилось по

туннелю, наткнулось на преграду и повернуло назад. Очевидно, оно привыкло двигаться у стен, во всяком случае все следы были там.

Убрав упаковку походного рациона, я встал и осветил цепочку следов, ведущих назад, к большой пещере. Они могли быть сделаны и час назад, и день, и неделю. Но мне не понравилось, что рядом с лагерем скрывается какое-то неизвестное существо. Если это умирающий с голоду хищник, он может напасть на любого. Станнер быстро действует на теплокровных, его воздействие на рептилий гораздо слабее, разве что на высоком напряжении, а наши станнеры всегда настроены на низкое.

Поэтому я пошёл назад так быстро, как сегодня ещё не ходил. У тележки следы отделились от стены и затерялись в центре туннеля. Осветив тележку, я увидел порванный трак. Такие края разрыва указывали не на скалу. Похоже, тут работали когти. А когти, способные разорвать гусеницу... Я крепче сжал найденное оружие. Если бы отыскать свежий заряд для него, нам не о чем было бы беспокоиться. Лазер, который плавит скалы, остановит даже медведебизона - самое опасное существо, какое я знал. Ни один рейнджер не осмеливался приблизиться к нему, не оглушив предварительно станнером...

Наконец я вышел в большую пещеру. Здесь следы резко сворачивали влево, по-прежнему держась у стены. Я был доволен этим: если существо не любит открытых пространств, ему придётся пересечь пещеру, ведущую к лагерю, а бараки способны выдержать нападение. Нужно только соблюдать осторожность за их стенами.

Я продолжал идти вдоль следов, пока они не исчезли в расщелине. Взглянув на карту, я понял, что это вход в третий туннель. Несколько цепочек следов в пыли вели в туннель и из него. Похоже, эти существа тут часто ходят. Из расщелины тянуло таким холодом, что я поразился. Если это рептилия, как она выдерживает такую температуру? Рептилии не могут жить в жаре и под прямыми солнечными лучами, а холод делает их вялыми, некоторые даже впадают в спячку. Именно изучение таких животных привело к открытию «холодного сна»! До изобретения гиперпрыжков огромные расстояния между звёздами люди преодолевали в состоянии «холодного сна», лёжа в похожих на гробы ящиках.

Существо, оставившее след, тем не менее выбрало туннель, ещё более холодный, чем пещера. Самые поздние сле-

ды, перекрывавшие остальные, вели туда, и я решил не ходить по ним.

Вместо этого я пошёл к лагерю. Дверь, ведущая в пункт управления оружием, была полуоткрыта, внутри темно, темно и в бараке с коммуникатором. Повинуясь какому-то импульсу, я не пошёл к населённой казарме. В конце концов я не говорил, когда вернусь, а мне очень нужен заряд для лазера Лугарда. Его можно попытаться отыскать здесь. Если бы он нашёлся среди припасов или в других помещениях, я бы уже знал.

Я вошёл в тёмное штабное помещение. Закрыл за собой дверь, и тут же вспыхнул свет. То же самое происходило и в других бараках. Но не в пункте управления огнём. Значило ли это, что Лугард активировал только часть оборудования? Мы знаем, что коммуникатор не действует, но что ещё здесь есть?

Я подошёл к картотекам. Они открывались прикосновением пальцев к реле. Когда я прикоснулся к первому реле, шкаф открылся и я увидел пустую внутренность. Там были секции для микрофильмов и для лент, но самих лент не было. То же и в других отсеках. Тогда я поискал на стенах другие реле и нашёл ещё четыре. Но если они и охраняли какие-то тайны, то не раскрыли их. Может быть, они были настроены на отпечатки Лугарда или даже моего отца, если к ним не притрагивались с начала войны.

Я сел к столу, положив на него оружие. В столе три ящика, тоже пустые. Потом я увидел четвёртый, узкий, прямо под столешницей. Я заметил его только потому, что его осветил мой поясной фонарь, который я забыл выключить.

Казалось, открыть этот ящик невозможно: ни защелки, ни кнопки. Я вытащил охотничий иридиевый нож и его несокрушимым концом прощупал еле заметную щель соединения. Потребовалось немало терпения, но наконец что-то щёлкнуло, и открылся неглубокий ящик.

В нём оказался только один пласталист - тоже карта. Я разложил её на столе и принялся сравнивать с той, что дал мне Лугард. Частично они совпадали. Но моя старая карта покрывала лишь около четверти новой. Опять я увидел сеть туннелей. Во всех случаях за преградами, которые я встретил, были обозначены продолжения туннелей, ведущие к каким-то помещениям или установкам.

Ракетные шахты? Или что-то подобное? Рядом цифры, настолько мелкие, что их трудно прочесть. Я решил, что это код. Ну, раз эти помещения для нас закрыты, не так уж и

важно, что там. Меня больше интересовал третий - холодный - туннель. На карте Лугарда он был лишь слегка обозначен, здесь же имелось много подробностей.

Судя по карте, этот туннель вёл к пещере, не меньшей, чем та, в которой мы находились. А может, просто одна большая пещера с узким переходом. Дальняя сторона этой пещеры не была дорисована, как будто тот конец составитель карты не исследовал и не знал истинных его очертаний. Пещера на карте была слегка заштрихована, что особенно подчеркивало её значение; поверх штриховки - опять код.

Я вспомнил рассказ Лугарда о ледяной пещере, в которой он нашёл следы чужаков. Холод, тянувший из пещеры, свидетельствовал о наличии льда. А специальное обозначение на карте - о важности этого места. Но никаких признаков выхода на поверхность. Приходилось признать, что два известных выхода запечатаны и нам придётся возвращаться тем же путем, каким мы сюда попали. А для этого - разобрать завал, остановивший Аннет. И за ним... я вздрогнул, представив себе подъём. А ведь лифт не работает.

Свернув обе карты, я сунул их в карман. Дальнейший осмотр комнаты связи и жилых помещений ничего не дал. Впрочем, я захватил с собой оружие, решив тщательнее поискать заряды для него. Оружие нам необходимо. Выйдя из штабного помещения, я услышал крики.

- Дагни! Дайнан!

На крики стены отзывались эхом.

- Дагни! Дайнан!

Дверь казармы была распахнута, оттуда струился свет. В нём была видна Аннет - это она кричала. Дальше, в полутьме, ещё одна фигура - это мог быть только Тед - и ещё кто-то, может, Гита, движущаяся в другом направлении - к уступам. И я побежал - вспомнил трёхпалые следы.

- Что случилось? - я поравнялся с Аннет, когда она снова позвала детей.

Она повернулась, схватив меня обеими руками.

- Вир, дети - они ушли!

И, продолжая держаться за меня, закричала:

- Дагни! Дагни! Дайнан!

Кто-то с другой стороны включил прожектор. Его луч дотянулся до стены пещеры и осветил расщелину, вдоль которой тянулись зловещие следы.

- Домой... - я расслышал это слово сквозь крики Аннет и увидел Приту. Встретив мой взгляд, она кивнула, как бы подчёркивая значение своих слов. - Дагни хотела к маме,

хотела домой. Она не понимала, что случилось. Когда Аннет пошла, чтобы принести ей поесть, - мы думали, она спит, - Дагни убежала. А Дайнан - он никогда не оставлял сестру.

Это правда. Куда бы ни шёл один из близнецов, туда же - и другой. Впрочем, обычно вёл Дайнан. И он не позволил бы сестре уйти во мрак одной. По-прежнему помня о следах, я схватил Аннет за руку.

- Тихо! - Всю силу вложил я в этот приказ. - Уведи всех - всех!

Она, не понимая, смотрела на меня, но больше не кричала.

- Мы здесь, кажется, не одни. - Всё, что я мог сказать. - Зайдите внутрь и оставайтесь там. Переключите станнеры на высокое напряжение.

Из тьмы появился Тед.

- Они оставили след, - сообщил он и тут же спросил: - Вир, а выход?..

Я покачал головой: - Выхода нет. А где след?

Мои страхи оправдывались: Тед махнул в сторону холодной расселины.

- Аннет, Тед, заведите детей внутрь и держите их там! И еще... - я сунул Теду бесполезный лазер. - Обыщи все запасы и попробуй найти заряд к этому. Стреляй во всё, что не сигналит фонариком.

Он кивнул, не задавая вопросов. Аннет могла бы задать, но я подтолкнул её.

- Уводи их!

- А ты куда?

- За ними. - Я уже сделал два шага к расщелине. И добавил, как последнюю предосторожность: - Пусть прожектор будет направлен туда.

Свет может и не помочь, но если мне предстояло иметь дело с созданием, живущим во тьме, тогда другое дело.

Глава 8

Я нашёл следы, которые видел Тед. Не узнать отпечатки маленьких ботинок было невозможно. И они лежали поверх моих, там, где я останавливался, осматривая след животного. Я вздрогнул. Если бы я не задержался в штабном помещении, а сразу пошёл к казарме, то мог бы помешать им уйти. Но теперь не время думать о том, что могло бы быть.

Несколько мгновений я раздумывал, включать ли поясной фонарь. Свет необходим, но он может привлечь внимание. Впрочем, свет совершенно необходим. А вот окликать детей я не буду.

Становилось холоднее. Стены туннеля, покрытые инеем, сверкали на свету. Я не понимал, что привлекло сюда детей. Может, они сознательно избегали встречи со мной - ведь они знали, что я исследую два других туннеля. Не похоже на близнецов. Оставалось предположить, что на обычно робкую Дагни подействовал испытанный шок. Она казалась в полузабытье, когда не спала. Дети не могли уйти далеко. Я вслушивался, надеясь услышать их шаги или - я думал об этом с замирающим сердцем - звуки чуждой жизни.

Я видел, что туннелем пользовались - следы лазера, царапины на стенах, отпечатки гусениц - здесь побывали не только люди, но и транспорт. Туннель шёл под уклон, температура падала. Я слышал только звук собственных шагов. И ничего не видел в луче фонаря. Станнер в руке был установлен на высокое напряжение, хотя это быстро истощало заряд. Сколько у меня запасных зарядов? В кармане на поясе два, ещё несколько в рюкзаке, но его я оставил. А сколько у остальных? Надо было проверить это, когда мы осматривали свои запасы. Впрочем, тогда пища и вода казались важнее.

Я взглянул на часы. Четыре пополудни - снаружи день, светит солнце. Но здесь эти представления не имели смысла. Дети где-то близко, но я не осмеливался идти слишком быстро. Вывихнутая лодыжка означала бы для всех нас катастрофу. Может, дети, увидев мой фонарь, убегут? Или с них хватит холода и темноты, и они готовы повернуть назад? Мне хотелось крикнуть, но воспоминание о следах заставляло молчать.

Туннель круто пошёл вниз - похоже на преодолённый нами спуск, только без уступов. Приходилось держаться за стены. Я удивился: близнецы спустились здесь? Очевидно, так и есть, иначе я догнал бы их.

И тут я услышал - негромкий, но отчётливый плач доносился снизу. И увидел слабый отблеск фонаря. Приободрившись, я двинулся вниз, в такой нестерпимый холод, что пальцы отказывались касаться стен. Как они туда добрались?

К счастью, спуск оказался недолгим. На полпути я разжал руки и спрыгнул в груду гравия. Но тут же вскочил, отделавшись несколькими царапинами.

- Дагни? Дайнан? - осмелился я позвать.

Плач не прекратился. Но мне ответили, только голос шёл не со стороны фонаря.

- Вир... Вир, выведи нас... - это Дайан.

- Где вы?

Я по-прежнему смотрел на фонарь и не мог поверить, что детей там нет.

- Здесь!

Они оказались гораздо дальше налево и выше, если только эхо меня не подводит. Я двинулся туда.

- Вир, - снова голос Дайнана, тонкий и слабый. - Там зверь. Он убежал, когда я бросил фонарь. Но он кусал фонарь, топтал его... и, может, он вернётся. Вир, уведи нас отсюда!

Я посветил своим фонарём в направлении голоса. Небольшой уступ, очень узкий. Сзади скорчилась Дагни, Дайнан впереди, защищая её. Девочка плачет без слез, глядя прямо перед собой, из её рта вырывается стон, из уголка губ тянется струйка слюны. Отсутствие выражения на лице испугало меня: мне показалось, что она потеряла рассудок от всего, что испытала.

На лице Дайнана тоже страх, но выражение сознательное. Он схватился за меня своей маленькой холодной рукой и глубоко вздохнул: будто огромная тяжесть свалилась с его плеч, когда он коснулся меня.

Уступ, на котором они теснились, был для меня слишком мал. Как же спустить Дагни, если она не придёт в себя?

- Дагни...

Взобравшись на груду щебня, я смог дотянуться до её рук и взять их в свои. Они безвольно лежали в моих ладонях: она, кажется, не почувствовала моего прикосновения. Продолжая смотреть прямо перед собой, она не переставала стонать. Я знал: при истерии иногда пощёчина может привести в себя. Но это хуже любой истерии.

- Давно она такая? - спросил я Дайнана.

В таком состоянии она не сможет идти.

- С тех пор... с тех пор, как этот зверь хотел съесть нас. - Голос его задрожал. - Она... она не слушает меня, Вир. Плачет и плачет. Вир, она тебя послушает?

- Не знаю, Дайнан. Можешь спуститься, чтобы я снял её?

Он послушно спрыгнул, освобождая мне место. Дагни по-прежнему как будто не осознавала моего присутствия. Я боялся, что теперь она вообще недоступна для влияний извне. Ей нужна помощь профессионала, а это возможно лишь в мире, в который у нас нет пути.

Я кое-как снял её с уступа, и она висела на моём плече, по-прежнему плача. А мне ещё предстоит поднять её по этому склону.

- Вир! Слушай!

Я слышал только стоны Дагни. Но когда Дайнан потянул

меня за руку, я прислушался. И услышал другой звук... как будто скатился камень. Из-за эха трудно было определить направление. Кажется, звук доносится сверху... и издалека.

- Вир... зверь?

- Какой он? - Лучше хоть немного узнать о том, что мне предстоит.

- Большой... с тебя ростом... и ходит на задних лапах. Он хуже бородавочника... весь в чешуйках и противный, противный. - Голос Дайнана всё больше дрожал, он с трудом сдерживал страх.

- Ладно, ладно. Послушай, Дайнан. Ты говоришь, его привлёк ваш фонарь...

- Не знаю, Вир... у него нет глаз... вообще нет! - Снова в его голосе зазвучал ужас. - Но свет ему не нравится. Я бросил в него фонарь, и он больше не нападал на нас. Прыгнул на фонарь, и кусал его, и бросал... а потом... он ушёл.

Привлекает тепло? Может, этот жилец тьмы и не нуждается в глазах, но тепло он ощущает. Я кое-что вспомнил. Так крошечные создания в подземных водах находят добычу - они улавливают тепло тела. Говорят, некоторые из них ощущают тепло ладони, поднесённой к скале возле их норки. Если этот зверь тоже охотится, ощущая тепло, его прежде всего должен привлечь фонарь... а теперь его привлечёт мой поясной фонарь.

Возможно, я смогу использовать фонарь, как это сделал Дайнан, если зверь на нас нападёт. Хотя как поднимать беспомощную девочку без света?

Фонарь Дайнана всё ещё горел, хотя и начал мигать. Эти фонари прочно сделаны, и зверь не смог его сломать. Увы, звуки доносились именно оттуда, со стороны фонаря.

Я не смог придумать, как поднимать Дагни и в то же время не оказаться совершенно безоружным. Рисковать я не стал. Была другая возможность - выманить зверя на открытое место и оглушить станнером. Но и тут я не был уверен, что станнер подействует, даже включённый на максимум.

Я осмотрел пояс Дагни. Девочка лежала лицом к стене, глаза её были открыты, но ничего не видели. Её фонарь оказался на поясе. Я отцепил его; Дагни продолжала лежать, пассивная, как игрушка.

- Послушай, Дайнан...

Очень многое зависело от того, что нам предстояло сделать. Если встреча со зверем, то в таком месте, которое я сам выберу, и подальше от детей. Я осветил подъём. Высоко над головой находилось самое близкое место, где я задержался

при спуске. Оно было гораздо удобнее уступа, на котором я нашёл детей.

- Вот что мы сделаем. Я не могу рисковать, взбираясь с Дагни, пока она... больна... а этот зверь может напасть. Поэтому я подниму вас обоих туда. И оставлю вам фонарь. Берегите его. Потом опять спущусь и оставлю свой фонарь как приманку. Когда зверь набросится на него...

- Но у тебя нет ни бластера, ни лазера! - Голос Дайнана дрожал, но мальчик рассуждал логично.

- Нет. Но мой станнер настроен на полную мощность. Если я буду осторожен - а я буду, - он должен сработать. Просто мы не можем взбираться, пока это существо угрожает нам.

Я видел, как он кивнул, сжав в кулаке поясной фонарь Дагни. Фонарь самого Дайнана мигал всё чаще и чаще. Я прислушался, но звуки прекратились; я мог лишь надеяться, что зверь не подкрадывается бесшумно в темноте к добыче.

С огромным трудом я поднял Дагни на уступ. Это хорошо показало, что нельзя подниматься дальше с постоянной угрозой нападения сзади. Надо утихомирить «зверя» Дайнана перед дорогой назад.

Посадив Дагни спиной к стене, а Дайнана перед ней, я немного отдохнул, в то же время давая мальчику последние наставления.

- Я спущусь к твоему фонарю. А свой включу и укреплю на скале. Сам я буду между вами и зверем. Не включай фонарь Дагни. Это очень важно. Если зверь охотится по теплу, его вначале привлечёт мой фонарь, и его тепло скроет излучение наших тел.

- Хорошо, Вир.

Я протянул ему свою фляжку и припасы.

- Дай Дагни немного воды, если она сможет проглотить. Вот здесь чрезвычайный рацион. Попробуй её покормить. Вам нужно подкрепиться. Если какое-то время ничего не будешь слышать, не беспокойся. Возможно, придётся подождать.

- «Но недолго», - подумал я, спускаясь к фонарю. Здесь так холодно, что дети долго не выдержат. Да и моё тело так онемело, что я сомневался, смогу ли драться.

Промежутки между вспышками фонаря, брошенного Дайнаном, становились всё дольше. Да и светил он всё слабее. Я с осторожностью крадущегося охотника подошёл к нему; на поверхности легче скрываться. Продолжающаяся тишина беспокоила меня: воображение рисовало зверя Дайнана, притаившегося где-нибудь в ущелье, следящего за

каждым моим движением и готового в любую секунду напасть раньше, чем я смогу использовать своё оружие, может быть, вообще бесполезное.

Закрепив свой фонарь между камнями, я скорчился, целиком обратившись в слух. Холод сковывал, притупляя чувства. А может, мне это казалось со страху. Время от времени приходилось шевелиться, чтобы не затекло тело, ведь тогда бы я совсем не смог двинуться. Циферблат на часах виден не был, и потянулось бесконечное ожидание в мучительном напряжении.

Без малейшего звука - в одно мгновение зверь оказался здесь! Он стоял, слегка склонив голову набок, повернув рыло к фонарю, опустив плечи; похожие на листья полоски шкуры колебались и застывали в направлении света - или меня, стоявшего рядом.

Существо было мертвенно-бледного цвета. Дайнан сказал правду: на голове «зверя» имелись два небольших возвышения - вероятно, на месте глаз, от которых эволюция отказалась за ненадобностью тысячелетия назад. Как такое большое животное находит здесь себе пропитание? Я всегда считал, что пещерная жизнь миниатюрна, и самые большие живые существа здесь - слепые рыбы. Но это было ростом с меня. К тому же было ясно, что оно всегда передвигается на двух ногах: передние конечности гораздо слабее задних; существо прижимало их к животу.

Жуткое впечатление усиливалось сверхъестественной худобой животного. Все его конечности - угловатые кости, обтянутые чешуйчатой шкурой; голова - череп, едва прикрытый плотью; а всё тело было таким тощим, будто животное умирало с голоду. Но двигалось оно энергично, без признаков слабости: должно быть, крайняя худоба - его естественное состояние.

Стоя на задних лапах, оно казалось страшнее, чем если бы передвигалось на четырёх. Мы связываем двуногое передвижение с разумом, хотя это далеко не всегда так. Складывалось впечатление, что мне противостоит не безмозглая тварь, а повелитель подземелья, подобно тому как люди - повелители поверхности.

Но для подобных размышлений не было времени. Слепая голова рывками поворачивалась направо и налево, но всегда в направлении фонаря. Голова с длинным узким черепом и маленькой пастью, окружённой единственном на всём теле избытком плоти - своеобразным вытянутым утолщением.

Похоже, оно обычно всасывает пищу, а не кусает её зубами. В целом это было кошмарное зрелище.

Вдруг, без всякого предупреждения, оно прыгнуло. Мой ответ запоздал на одну-две секунды. Вероятно, меня отвлекла необычная наружность животного. Это мне дорого обошлось. Я прицелился в голову и нажал курок: известно, что голова - наиболее уязвимое место для станнера. Но оказалось, что то, что верно для всех живых существ, здесь неверно. Я даже не заметил, как оно изменило направление прыжка. Но теперь оно устремлялось не к фонарю, а ко мне. А передние лапы, казавшиеся такими слабыми сравнительно с мощными задними, готовы были схватить и рвать меня когтями.

Я снова направил луч в голову, но не остановил животное. Оно вскочило на камни, за которыми я прятался, и уже готово было ударить меня. Слепота, казалось, ничуть не мешала ему знать, где я нахожусь.

Мне повезло: когти лишь разорвали комбинезон, оставив кровоточащие царапины. Спасло меня то, что камни под животным закачались, и оно должно было удерживать равновесие. Я бросился направо и покатился за грудой камней. Теперь зверь находился между мной и детьми. Расправившись со мной вторым или третьим ударом, он займется ими. Надо увести его от выступа. Не хотелось думать, сколько я продержусь в этой отчаянной игре.

Похоже, станнер бесполезен. Два полных заряда в голову - это поразило бы любой мозг. Но животное даже не замедлило движения. Теперь я оказался рядом с фонарем и попытался улучить мгновение и вытащить его. Не то, чтобы мне не хватало света, но животное хотело добраться до меня, а прямые световые лучи, по-видимому, всё же беспокоили его. К моему облегчению, оно не повторило нападения, и у меня появилась возможность прийти в себя.

Существо оставалось на неустойчивом обломке, поворачивая голову вслед за лучом. Не обладая зрением, оно каким-то образом ощущало свет. Может, это существо привыкло к холоду, и даже ограниченный источник тепла его и привлекает, и отталкивает. Если так... если бы у меня был лазер! Но я с тем же успехом мог мечтать о дистрибюторе - он действует вернее.

Однако, когда я отполз назад, прочь от уступа и детей, зверь спрыгнул с камней и последовал за мной, как будто я играл в дудку Лугарда. Только двигался он настороженно.

Преследуемый охотником, я оказался в незнакомом мес-

те. Луч фонаря разбудил своим прикосновением ледяные сталагмиты, похожие на зубы гиганта. Пол частично был покрыт прозрачным льдом, состоящим из гексагональных призм, расположенных по вертикали. Их грани отчётливо проступали. А на стене, где был закреплён мой фонарь, я увидел ещё большие кристаллы с чёткими гранями. В другое время эта красота поразила бы меня. Теперь же я лишь напрягался в страхе, что поскользнусь на этих кристаллах, упаду и стану легкой добычей хищника.

Существо не реагировало на холод; по-видимому, это была его естественная среда обитания, хотя это и противоречит всему, что мы знаем. Плечи и грудь мои кровоточили, холод грыз сквозь прорехи в одежде. Если я позволю ему слишком долго гнать меня, холод даст преимущество ему в нашей последней схватке. Я поднял станнер и выстрелил в третий раз, но не в голову, а в середину туловища - и с удивительным результатом!

Вздрогнув в свете фонаря, животное вскинуло голову. Из сморщенной пасти вырвался странный звук, на который послышался ответ - из-за моей спины!

Задрожав от ужаса, я прижался к одному из ледяных столбов и упал, поскользнувшись на льду. Станнер отлетел, но я как-то умудрился удержать фонарь. Перевернувшись, я ударился о пол здоровым плечом. И оказался перед странными предметами, которым здесь явно было не место. Когда-то они были глубоко погружены в лёд, но кто-то начал его растапливать и частично высвободил их. Я видел тени, смутные формы, всё было покрыто льдом. Прямо передо мной из ящика или контейнера торчала какая-то палка; в ящике их было несколько. Я схватил её в надежде использовать как дубину.

Звуки приближались. Я не стал вставать, только поднялся на колени и взмахнул палкой. На её поверхности я нащупал какие-то углубления, кончики пальцев попали как раз в них.

Из конца палки вырвался ослепительный луч света. Он ударил по ледяной колонне. Послышался свист, шипение пара. Меня окатило горячей волной, закипела вода. Я вторично взмахнул палкой, на этот раз намеренно прижав углубления пальцами, и существо, спешившее ко мне по скользкому полу, внезапно оказалось безголовым. Но продолжало держаться на ногах! И неслось ко мне, пока я не ударил его лучом в грудь.

Из леса ледяных колонн выскочило ещё одно. Но то ли при виде меня, то ли от света оно держалось осторожно,

кружило, передвигаясь с изумившей меня скоростью. Я не мог с ним соперничать в этом: мешали холод и раны. Поэтому я не стал целиться, а просто провёл стволом оружия по тому сектору, где находилось животное. Оно упало, но не только оно. Раскалывались ледяные столбы, падали огромные глыбы. Стена за ними как будто начала плавиться. И там открылась чёрная дыра, откуда донёсся громовой шум.

Некоторое время я лежал, не в силах подняться. Наконец, повернув чудесную палку и используя её как опору, умудрился встать. Пошатываясь и останавливаясь, я добрался до чёрной дыры, проделанной оружием, и посветил внутрь фонарем. Свет отразился от водной поверхности: целая река стремилась из тьмы во тьму. Я медленно двинулся назад, к уступу, светя перед собой, чтобы Дайнан знал, что это иду я.

- Вир! Вир!

Я услышал его зов и прислонился к стене, обдумывая, что делать дальше. Обрывками одежды я как можно плотнее обмотал тело. Но кровь продолжала сочиться из порезов. И холод мучил по-прежнему. Я не смогу подняться с Дагни, даже если Дайнан попытается мне помочь. Но и оставить детей и идти за помощью я не могу.

- Дайнан...

- Да, Вир? - радостно отозвался он.

- Ты сможешь подняться наверх и добраться до лагеря?

Я просил у него многого. Нет ли в пещере других чудовищ? И сможет ли он добраться без помощи?

- Попробую, Вир.

- Постарайся, Дайнан.

Я не мог выказать тревоги: моя твёрдость должна поддержать его в пути.

- Слушай. У меня есть оружие. Не знаю, что это такое... я нашёл его здесь. Нацеливаешь, нажимаешь вот эти места на поверхности, и отсюда вылетает очень горячий луч. Я даю его тебе. Если встретишь такого зверя, стреляй в середину тела. Понял?

- Да, Вир.

Голос его зазвучал увереннее. Из-за оружия, которое я даю ему? Человек всегда чувствует себя увереннее с оружием в руках. Может, поэтому мы держимся за оружие и развиваем скорее тело, а не мозг, как нужно делать по мнению многих на Бельтане. Но остаться без оружия... Я осмотрелся, держась руками за обломки скал. В тот момент я вовсе не был уверен, что смогу проделать необходимое для нашей с Дайнаном безопасности путешествие.

- Подожди, Дайнан. Я должен достать оружие себе. - Я двинулся вперёд, боясь остановиться, чтобы не упасть и больше не встать. Раны, нанесённые когтями, горели. Я подумал о яде и тут же постарался отогнать эту мысль, сосредоточившись на необходимости добраться до ледяного склада и добыть другой жезл. Проковыляв мимо обгоревших останков чудовища, я осветил фонарём полурастаявшую стену и торчавший из неё ящик с откинутой крышкой.

Я достал из ящика второй жезл. В ящике оставались ещё два. Но они были другими. Тот, что я вынул, был серо-голубой, как и первый, а остальные два - тускло-серебристые. Я направил тот, что держал в руке, на ледяную колонну и выстрелил. Снова волна жара, лёд растаял.

Изо льда высвободился только один ящик. За ним я увидел смутные очертания больших ящиков, какие-то тени. Сокровища чужаков, о которых говорил Лугард? Кто оставил их и когда? И кто освободил этот ящик изо льда? Лугард?

От головокружения я чуть не упал. Стараясь сохранить равновесие, болезненно оцарапал подбородок о ящик и осветил фонарём крышку. На ней было нанесено какое-то изображение, вырезанное не глубоко, но в прямом свете вполне различимое. Голова! Чудовище! Нет, у этой головы были глаза, но форма черепа та же самая. Неужели эти существа были оставлены здесь тысячелетия назад? Человек, незнакомый с космосом, сказал бы, что это невозможно. Но мы видели на множестве миров слишком много необъяснимого. Рисунок имел отношение к чудовищу - в этом я не сомневался.

Но теперь у меня нет времени для размышлений или исследований. Дайнан должен идти за помощью. Собрав все силы, я двинулся назад, к уступу.

Глава 9

Дайнан полез вверх, а я скорчился на узком уступе, обхватив руками Дагни. Стоны её стали тише. Глаза полузакрыты; из-под опущенных век видны лишь белки глаз. Второй жезл, взятый из ящика, лежал у меня на коленях, свободную руку я прижал к ранам на груди. Холод был ужасен. Нужно двигаться, чтобы оживить кровообращение. Но Дагни висит мёртвым грузом, а я слишком слаб. К тому же, хоть я и убил двух чудовищ, возможно, другие прячутся за ледяными столбами.

Мысли мои замедлялись, путались. Я почувствовал сон-

ливость. Но где-то внутри зазвучал тревожный звонок. Не спать: это путь к гибели. Я старался прислушиваться. Мне казалось, что даже отсюда я слышу голос подземной реки.

Река... вода должна куда-то течь. Можно ли ей довериться как дороге наружу? Я не знал в лавовой местности ни одной большой реки. Но этот район Бельтана никогда тщательно не исследовался. В последнее время, когда людей стало мало и большинство было занято в лабораториях, вообще исчез интерес к тому, что лежит за пределами поселений. В какой-то мере охранялись только заповедники животных. Я думаю, мы первые оказались в этой местности после консервации крепости Батт.

Наверное, река может вывести нас наружу. И если мы не найдем другого пути, придётся воспользоваться этим. Время шло, Дагни становилась всё тяжелее и тяжелее. Я забыл отметить, когда Дайнан ушёл и крикнул сверху, что благополучно поднялся. Поэтому часы ничего не говорили мне.

Дорога назад была прямой - если только он не встретит ещё одно слепое чудовище! Но ведь он маленький мальчик, замёрзший, измученный. От него нельзя ожидать такой же скорости, как от меня. Одной рукой я неуклюже пошарил в рюкзаке, достал тюбик с укрепляющим. В свете фонаря было видно, что лицо Дагни вымазано той же пищей. Должно быть, Дайнан пытался покормить её. Но когда я попробовал сделать то же, пища вывалилась из её расслабленного рта, и я понял, что ничего не выйдет. Я высосал укрепляющее. У него сильный неприятный привкус, но оно должно поддержать силы в чрезвычайных обстоятельствах, и я заставил себя проглотить всё. Дагни по-прежнему стонала. Время как будто остановилось. Бесконечный день-ночь продолжал тянуться.

Меня поддерживала необходимость постоянно быть настороже. В конце концов я сдавил раны, нанесённые когтями зверя. Боль рассеяла туман, охвативший мозг. Время продолжало тянуться, сверху ничего не было слышно; хотя я и говорил себе, что ещё рано, настроение ухудшалось. Скажет ли Дайнан, чтобы захватили необходимое оборудование? Почему я не сказал ему об этом? Надо было дать точные указания, перечислить всё необходимое. Вряд ли Дайнан сумеет...

В этом, кстати, я ошибся. Когда они наконец пришли, я увидел, что Дайнан обо всём подумал. Они принесли с собой верёвки, с помощью которых мы спускали Лугарда. Тед

спустился и обвязал ими Дагни, а потом поднимался рядом с ней, пока её тащили сверху.

Попытавшись двинуться, я понял, что настолько замёрз и устал, что почти ничего не могу; поэтому пришлось, скорчившись, ждать, пока Тед не вернулся и не закрепил на мне ту же самую петлю. Верёвка задела раны, я вскрикнул и стонал до тех пор, пока петлю не переместили ниже. Я, как мог, пытался подниматься сам, но этого было мало, и я двигался очень медленно. Вверху, вероятно, решили, что я так же тяжел, как Лугард.

Наконец я наверху, лицом вниз, раны страшно болят. Каким-то образом мне удалось перевернуться. Горел, ослепляя, один из прожекторов, который они захватили с собой. Я закрыл глаза, пока мои раны осматривали, снимали с них обрывки, которыми я останавливал кровотечение. Наконец облегчающая прохлада - это к ранам приложили обезболивающее из медицинской сумки. Облегчение было так велико, что я почувствовал сильную слабость, задрожал, но открыл глаза и увидел Аннет и Теда. За ними на полу сидела Гита, держа на руках Дагни; Прита вытирала лицо девочки и пыталась влить воду в её расслабленный рот.

- Идти сможешь? - спросила Аннет, отчётливо выговаривая слова.

Неважно, могу я или нет, - я должен! Невозможно отягощать их моим весом на ровной поверхности. Время очень существенно для Дагни. Как только мои раны обработали, я почувствовал приток новых сил. Держась за Теда и Аннет, я поднялся, хотя это было нелегко. И обнаружил, что вполне могу идти.

- Несите её, - кивнул я в сторону Дагни. - Ей нужно внимание.

Аннет взяла девочку из объятий сестры. Я сомневался, чтобы можно было что-то сейчас сделать для Дагни, но если что-то возможно, Аннет это сделает. Может, её забота и время залечат раны - если только нам не удастся получить настоящую медицинскую помощь наверху. Будут ли враги воевать с ребёнком, с больным ребёнком?

Рядом со мной оказалась Гита. Она поступила так же, как когда-то с Лугардом: положила мою здоровую руку себе на плéчо, предлагая опору, в которой я так нуждался. Остальную часть пути я помню смутно. В конце концов я проснулся в казарме.

На этот раз койки вокруг меня были заняты спящими. Одни стонали, другие бормотали во сне. Я осторожно ощупал себя. Куртки нет. Пальцы скользнули по повязкам,

защищавшим и залечивавшим раны. Это легкое прикосновение вызвало приступ боли. Мы должны благодарить судьбу: в нашем распоряжении были медикаменты. Я знал, что раны под повязками быстро заживут.

Однако я проголодался, и голод заставил меня двигаться. Опустившись на четвереньки, я осторожно встал и побрёл в столовую, оставив одеяла на койке. В ней стоял полумрак. Свет на время сна в казарме приглушали, но всё же абсолютной мглы пещер не было. Я различал плиту, тюбики с пищей и другие припасы на полке у стены. Направился к плите. Как открыть тюбик? Хоть я и чувствовал себя лучше, но по-прежнему мог действовать только одной рукой. Поэтому зубами отвернул колпачок и подождал, пока согреется содержимое. Еда пахла восхитительно, рот наполнился слюной, и я не стал ждать, пока всё согреется, а жадно высосал теплую пищу.

- Это ты...

Я повернулся на восклицание и увидел Аннет, закутанную в одеяло. Глаза её припухли, а лицо осунулось: это была не девочка, но женщина, знавшая тяжёлые дни и, может быть, ещё более тяжелые ночи.

- Как Дагни?

Она покачала головой и вошла в комнату, тщательно закрыв за собой дверь. Затем, словно думая о чём-то другом, нажала пластинку в стене, и свет сразу же стал ярче.

- Кофе на плите, - усталым голосом проговорила она. - Нажми кнопку.

Я положил пустой тюбик, достал две чашки и поставил их на стол. Аннет не пыталась помочь мне; она села, поставив на стол локти и опустив голову на руки.

- Может, в порту... что-нибудь сделают... - но в голосе её звучало сомнение. - Как проходы, Вир?

По-прежнему одной рукой я налил кофе в чашки, критически осмотрел их и добавил в каждую по две полных ложки тростникового сахара. Размешал сначала в её чашке, потом занялся своей.

- Оба прохода закрыты. И у нас нет оборудования - по крайней мере я его не видел - чтобы пробить перемычки.

Она невидящим взглядом смотрела прямо перед собой, не замечая ни кофе, ни меня. Я забеспокоился. Выражение её лица слишком напоминало то, что я видел у Дагни.

- Я ещё кое-что нашёл в ледяной пещере...

- Знаю... жезл. Дайнан показал его нам.

- Он похож по действию на лазер. Может, прожжём преграду. И там ещё есть река...

- Река, - тупо повторила она, а потом с пробудившимся интересом: - Река?

Я сел напротив неё, довольный, что прорвался сквозь отрешённость. Прихлёбывая кофе, рассказал об обвале в пещере и о том, как нашёл реку.

- Но ведь этим оружием можно пробить проход в одном из туннелей, - заметила она, беря в руки чашку. - Это лучше, чем пускаться в путь по реке, неизвестно куда ведущей. Если тебе удалось пробить стену пещеры, то с перегородками должно получиться.

Я должен был признать логичность её рассуждений. Но мысль моя продолжала возвращаться к подземному потоку, хотя я и согласился вначале испытать оружие и попробовать прожечь путь наружу.

Я действительно попытался, но безрезультатно: не хватило энергии. Должно быть, я использовал весь заряд, оставшийся в древнем оружии, когда сражался в пещере с чудовищами. Выбрав самую подходящую перемычку, я выстрелил. Луч на мгновение вспыхнул и погас. Как я ни вертел оружие, больше ничего добиться не удалось. Второй жезл, который я принес с собой, также ответил лишь короткой вспышкой. Я отправился к ледяному складу и принёс оставшиеся два жезла, но ни один из них не действовал.

Что бы ни скрывалось подо льдом, оно было для нас так же недоступно, как за стальной стеной. Мы попытались сколоть лёд. Но было ужасно холодно, а продвигались мы так медленно, что поняли: времени на это у нас нет. Слишком в тяжёлом состоянии Дагни.

С невероятными усилиями Аннет умудрилась покормить и напоить девочку, которая лишь поэтому оставалась живой. Но кроме этого она не смогла сделать ничего. В конце концов и Аннет согласилась попробовать выход по реке; тот путь, по которому мы пришли, был перегорожен в двух местах.

Мы установили, что река за стеной была неглубокой, всего по пояс, но холодная вода и быстрое течение не позволяли идти вброд. Под лучами наших фонарей вода была такой прозрачной, что можно было вступить в неё по ошибке, думая, что какой-нибудь камень выступает над поверхностью, тогда как он лежал на дне.

Отобрав припасы, мы занялись сооружением плота, используя для этого части установок центра управления огнем. Нам нужны были шесты, чтобы тормозить плот при очень быстром течении или направлять его; а подъемные тросы подойдут в качестве якорей.

Возможно, что туннели впереди заполнены водой доверху. У нас была водонепроницаемая оболочка; впрочем, без проверки невозможно было сказать, выдержит ли она подводное плавание.

За работой мы утратили всякое представление о времени. Мы ели, когда были голодны, спали, устав, и работали, отдохнув. Я забыл сверить часы, и теперь можно было лишь догадываться, сколько дней мы уже под землёй. У нас постоянно возникали споры об этом, пока, по предложению Аннет, не была запрещена сама тема. Наконец плот был готов, мы нагрузили его припасами и всем, что будет необходимо для путешествия наверху, если нам суждено вновь достичь поверхности Бельтана.

В последнюю ночь я сосчитал спящих на койках. Одного не хватало. Я ещё раз пересчитал, на этот раз по пальцам. Гита! Но где... Мой спальный мешок лежал у входа, но я навещал Аннет в её отгороженном уголке, чтобы посмотреть, не нужна ли помощь ей и Дагни. Должно быть, тогда Гита и выскользнула. Куда? После приключений близнецов вряд ли она отважится на самостоятельное исследование. Не стоит громко звать её и поднимать лагерь, пока я не поищу сам. Я выскользнул из пещеры и осмотрелся. Через какое-то время зрение адаптировалось к темноте, и я увидел отсвет поясного фонаря откуда-то из камней у основания подъёма. Рассерженный её неосторожностью (хотя больше следов мы не находили, уверенности, что рядом не бродят чудища, не было), я пошёл туда.

Я собирался резко заговорить с ней, но промолчал, увидев, где она стоит. Гита держала в руках один из жезлов, принесенных мной из ледяного склада. Конец жезла был направлен на стену. Из него вырывалась серия вспышек, очень слабых, сравнительно с тем огнем, которым было уничтожено чудовище.

- Гита!

Она повернула голову, но не опустила жезл. Её лицо выражало упрямую решимость, в этот момент она была особенно похожа на Аннет.

- Ты сам сказал, что они не годятся для твоих целей, - вызывающе заявила она, оправдывая свои действия. - А для этого они годятся.

Она пользовалась двумя жезлами, чтобы высечь в скале буквы. Мы так давно использовали для записи ленты, что письмо вручную оказалось почти забыто. Но на Бельтане

недостаток снабжения привёл к оживлению некоторых древних навыков, и Гита с энтузиазмом училась писать.

- Грисс Лугард, - она прочла уже написанное на скале. - Друг...

Да, правда, он был нашим другом. Он сделал для нас всё, что смог. Я думаю, ему понравилась бы надпись Гиты больше перечисления титулов и званий.

Я взял у неё жезл. До сих пор не могу объяснить, зачем я это сделал, но, экономя каждую искорку энергии, добавил под неровным «друг» ещё шесть букв. Гита читала их одну за другой, по мере того как они появлялись на скале:

- Т-р-у-б-а-ч. Трубач. О, это тоже ему понравилось бы. То, что нужно, Вир! Я не могла уйти и оставить его так, без надписи.

Романтика старых лент, скажет кто-нибудь. Но я знал: она права. Это нужно было сделать. И я был рад, что она подумала об этом. Как последний штрих, я воткнул оба жезла в груду камней, они стояли прямо, древки без знамён, памятник, который, может быть, не увидит больше ни одно живое существо, но который мы будем помнить долгие годы.

Никто не видел нашего ухода, никто не заметил и возвращения. И мы не упоминали об этом, даже в разговоре друг с другом, и сразу же отправились спать.

«Утром», если над слоем скал и почвы действительно было утро, мы в последний раз проверили содержимое своих рюкзаков. Запасы, оставленные Лугардом и более ранними исследователями, постепенно иссякали. На мне был мундир службы безопасности, с которого я спорол не имевшие теперь значения знаки различия. Мне очень нравился значок с капитанской звездой-метеором, и я часто думал, кто был этот капитан и что происходило с ним на других мирах.

Мы спустились в ледовую пещеру очень рано, поступив с Дагни так, как раньше с Лугардом: закутали её в одеяла, а сверху завязали пласталистами, которые предохранят её, когда мы будем на плаву.

Плот мы оставили у пробитой стены, и на нём уже лежали самые тяжёлые вещи. Стоило немалых усилий спустить его на воду и затем удерживать, пока шла погрузка. Поднявшись на борт и отвязывая один из канатов - Тед в это время отвязывал другой - я вдруг встревожился, почувствовав опасения перед тем, что ждёт нас впереди. Верное ли решение мы приняли? Но я знал, что если мы хотим спасти Дагни, больше ждать нельзя.

К счастью, течение оказалось не таким быстрым, как я

думал, хотя и достаточно сильным, чтобы нести нас. Один из прожекторов мы установили на носу (если можно говорить о носе плота), поэтому опасности впереди увидим. Мы с Тедом расположились по обеим сторонам плота и держали наготове шесты, чтобы отталкиваться от стен. Воздух оставался холодным, но нас уносило от ледовой пещеры, и вскоре температура стала такой же, как и в нашем лагере.

Я по часам следил за нашим продвижением. Мы отплыли в двенадцать, но я не знал, полдень это или полночь. К пятнадцати мы всё ещё были в туннеле, один или два раза потолок нависал, так что нам приходилось ложиться, но настоящих трудностей не встретилось.

Мы уже десять часов находились в пути, и я не мог определить, далеко ли нас унесла вода. Неожиданно Эмрис вскрикнул и указал вперёд, рука его ясно была видна в свете прожектора:

- Звезда!

В тот же миг прожектор осветил куст, который никак не мог расти под землёй, хотя мы по-прежнему плыли между скальными стенами. Теперь мы почувствовали, как наши лёгкие наполняются свежим воздухом. До сих пор мы даже не отдавали себе отчета, что дышим воздухом с сильным запахом подземелья. Итак, мы выбрались из пещер. Стояла ночь, и мы не знали, где находимся.

Я прополз вперёд и ослабил крепление прожектора, так что его стало возможно немного поворачивать справа налево. Кусты, но маленькие и чахлые. Скалы, и между ними полосы песка. Должно быть, уровень реки временами поднимается.

Затем каньон, по которому мы плыли, расширился, в воду врезалась длинная песчаная отмель. Плот развернулся, поскольку только Тед управлялся с шестом, и причалил к отмели с толчком, от которого нас всех встряхнуло. Я повернул прожектор и осветил песчаный пляж с кустами жёсткой травы, растущей выше от воды. Вполне приличное место, чтобы дождаться дня. Я сказал об этом, и остальные согласились.

У всех болело тело от долгой неподвижности. Тед и я чувствовали себя лучше других, потому что работали с шестами. Мы выбрались на песок и начали оттаскивать плот подальше от течения, чтобы его не унесло.

Мы разбили лагерь, и я взглянул на компас, имевшийся в наших запасах. На второй карте реки не было. Должно быть, картограф о ней не знал. Но судя по компасу, мы двигались на юго-запад; это означало, что мы находимся за

горами, в местах расположения больших заповедников. Если я прав, то это абсолютно дикая местность. Но зато недалеко находятся посты рейнджеров, и если утром мы увидим какой-нибудь знакомый ориентир, то сможем найти один из таких постов. При виде звёзд я почувствовал такое облегчение, что не сомневался: всё будет хорошо.

Мы поели и расстелили постели. Усталость навалилась, как ещё одно одеяло. Я разместил Теда в одном конце лагеря со станнером под рукой, а сам лег на другом. Я не думал, что кто-нибудь из нас способен быть часовым, но по крайней мере принять предосторожности нужно.

Меня разбудил какой-то звук. Громкий резкий крик повторился. Я открыл глаза, замигал от солнечного света и увидел птицу, бредущую в реку, пока вода не сомкнулась над её головой. Водяной гусь! Мы, должно быть, встревожили его своим присутствием. То, что мы его увидели, означало, что мы действительно в дикой местности. Я сел и огляделся.

Больше никто не шевелился. Раннее утро, свет ещё сероватый, мы в каньоне. Я посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли, и увидел свой ориентир, и очень заметный. Белый Конус, погасший вулкан, увенчанный вечной снеговой шапкой. Значит, мы прошли под горами.

Если Белый Конус в том направлении, то это должна быть Красная река, хотя волна, набегавшая на песок в нескольких метрах, не имела характерного красноватого оттенка, как в заповеднике. Я не знал другой значительной реки в этой местности. А ведь я собирался быть рейнджером и немало времени провёл за изучением аэрофотоснимков.

Если это Красная река - а я был уверен в этом, нам нужно лишь продолжить плавание, и мы доберёмся до моста на дороге в заповедник. Штаб-квартира Анлав находилась недалеко от моста. Я вздохнул с облегчением. Хорошо! Почти так же хорошо, как если бы мы увидели коммуникационную башню Кинвета.

Я принялся готовить завтрак на походной плите. Горячая пища ознаменует праздничный выход из пещер. Один за другим поднимались остальные, так же, как и я, готовые тут же продолжить путь. На станции должен быть флиттер. Если все в него не войдут, Аннет возьмёт с собой Дагни и всех, кого ещё сможет, а остальным придётся ждать второго рейса. Я думал о будущем и вдруг вспомнил. Мы вышли из тьмы на свет, но что произошло здесь? Может, мы здесь в большей опасности, чем в пещерах. Я велел всем быть поосторожнее. Не думаю, чтобы все были со мной согласны, и поэтому

отдал ясный приказ, хотя и не знал, будут ли они повиноваться.

- Мы не знаем, что произошло. Для собственной безопасности мы должны это узнать. Возможно, сюда просто не дошли разрушения. Я надеюсь добраться до штаб-квартиры Анлав. Там есть коммуникатор, и мы узнаем больше. Но идти нужно осторожно.

Кое-кто кивнул. Я ожидал возражений Аннет, но их не последовало. Она слегка улыбнулась и сказала:

- Хорошо. Я согласна. Но чем скорее мы узнаем, тем лучше.

Я удивился тому, что она изменила позицию. Неужели поверила, что Лугард говорил правду, и мы снаружи найдём опасность, а не помощь и комфорт? Но случая расспросить её мне не подвернулось.

И вновь мы погрузились на плот и поплыли. Течение здесь было медленным, и нам с Тедом всё время приходилось отталкиваться шестами, пока мы не устали. Тогда Аннет передала Дагни Прите, и сама с Гитой заняла моё место, а Эмрис и Сабиан - место Теда. Но как мы ни старались, к темноте достигнуть моста нам не удалось.

Река, которая текла теперь между красноватыми берегами, приобрела знакомый мне оттенок. Снова мы разбили лагерь, а на рассвете встали и взялись за шесты. Поздним утром мы увидели мост. Причалив к берегу, мы укрыли большую часть груза, взяв с собой лишь походное снаряжение. Гита, Аннет, Дагни, Айфорс, Дайнан и Прита укрылись в кустах, Сабиан остался часовым, а мы втроём пошли вперёд.

На дороге не было свежих следов. Здесь обычно пользовались наземными машинами. Хопперы распугивали животных. Недавняя непогода оставила на дороге полосы красной грязи, подсыхавшей и трескавшейся на полуденном солнце. Никаких следов, кроме нескольких отпечатков лап животных. Эта нетронутая дорога тревожила, и я заметил, что держу в руках станнер - тот, что принадлежал Аннет, - посматривая то вправо, то влево, то оглядываясь, как будто боюсь внезапного нападения из кустов.

Глава 10

- Это ведь самый большой заповедник?.. - Тед приблизился ко мне, говорил он негромко, как будто разделял мои опасения. Эмрис шёл по середине дороги и немного сзади.

- Да, Анлав. - Я не думал, что нам нужно опасаться живот-

ных. Они держатся в самых диких местах заповедников. Впрочем, о мутантах, которые жили здесь, этого я сказать не мог.

Анлав некогда был самой главной из горных лабораторий. Но это было несколько лет назад. Сокращение работ заставило на время перевести их центр в заповедник Пилав.

Мы миновали поворот и увидели станцию рейнджеров. Подобно всем остальным постам, она сознательно была построена так, чтобы сливаться с местностью. Стены - из грубых необработанных камней. На крыше, как на обычном холме, растут тёрн и виноград, гараж прячется за кустами.

Я приложил ко рту руки и издал опознавательный крик. Мы с растущим нетерпением смотрели на дверь станции. Никакого ответа. Ничего не оставалось, как подойти в открытую. Если силовое поле включено, мы об этом вскоре узнаем. Предупредив мальчиков, я пошёл вперед, вытянув руки. Животные, натыкающиеся на силовое поле, испытывают, как мне говорили, слабый шок. Я не знал, как оно подействует на человека.

Но рука не встретила преграды, и я подошёл к полуоткрытой двери. С каждым шагом росло беспокойство. Анлав настолько важен, что на станции рейнджеров обязательно должны быть люди. Что здесь произошло?

От моего прикосновения дверь распахнулась. Я осторожно переступил порог и оказался в главном помещении. Станция обычно состоит из трёх рабочих помещений, самое большое из них идёт во всю длину здания; кроме того, несколько жилых комнат с кухонным оборудованием. В глубине находятся небольшая лаборатория и кладовая.

Я чуть не упал: по контрасту после яркого солнца глаза почти не видели. Запнулся обо что-то на полу. Включив фонарь, я увидел обрывки пласталистов, которые обычно используются для упаковки. В луч фонаря попадали всё новые следы беспорядка. Стул оттолкнули так торопливо, что он упал на спинку, и теперь ножки его торчали, как стволы станнеров. На столе тарелки с засохшими остатками пищи. Коммуникатор выплёвывал ленту сообщений, пока та не кончилась и машина не остановилась. Стойка, в которой обычно держали станнеры, пуста. Что-то зашелестело, когда я подошёл. Пушистый зверек выскочил из-под стола и метнулся в кладовку. Пост покинули не только внезапно, но и довольно давно.

Я поискал панель освещения и дважды провёл по ней рукой, чтобы свет был поярче. Тед из двери спросил:

- Никого нет?

Я осмотрел жилые помещения. Одежда висела на крючках, четыре койки аккуратно застелены. Уходившие не упаковали свои вещи. Я убедился в этом, заглянув в стенные шкафы: там висели мундиры, лежало бельё. В кладовой порядок, но на полу следы грабежа: изгрызенные контейнеры, рассыпанные и наполовину съеденные припасы. Из-под перевёрнутого мешка я услышал предупреждающее ворчание.

- Ушли, - ответил я на вопрос Теда, пятясь из кладовой и не желая поворачиваться спиной, кто бы там ни прятался. Есть маленькие зверьки, которые не кажутся несведущему человеку опасными, но их не стоит недооценивать.

Ответ можно найти лишь в одном месте. Я подошёл к столу, рядом с которым на полу лежало кольцо ленты. Я не мог судить о мощности коммуникатора Анлава, но мне показалось, что прошло не менее одного-двух дней, прежде чем машина перестала передавать никем не читаемую информацию.

Лента покрыта кодом, но он простой, употребляется лишь для краткости. Я прочёл его без труда - обычные сообщения приборов, установленных на пастбищах и звериных тропах, о перемещениях животных. Два сигнала тревоги о появлении хищников на пастбищах; обычно в таком случае высылались рейнджеры со станнерами.

- Коммуникатор, - указал Тед на другую установку.

В один шаг я оказался возле неё. Взяв микрофон, услышал шум включенной связи, который невозможно спутать ни с чем. Но других звуков не было. Я нажал клавишу экрана - он оставался тёмным. Никакой передачи не было.

- Вызывай! - Тед стоял рядом.

- Пока не надо. - Я опустил микрофон и нажал кнопку, отключающую связь. - Пока мы не узнаем больше...

Казалось, он будет спорить, но Тед кивнул:

- Можем встревожить тех, кому не нужно о нас знать.

- Именно. Давай поищем флиттер.

В гараже мы нашли наземную машину и хоппер. У машины был открыт капот, рядом в беспорядке лежали инструменты, как будто работавшего неожиданно куда-то вызвали. Тед подошёл посмотреть.

- Вставляли новый аккумулятор... он уже вставлен, только закрутить гайки.

Эмрис взобрался в хоппер и, прежде чем я смог остановить его, включил двигатель. Никакого ответа. Должно быть,

обе машины оставлены именно потому, что в спешке оказались бесполезны.

- Вылезай! - прикрикнул я на Эмриса. - Помни, о чём мы говорили... не торопись. Если выберем хоппер, нас могут засечь на экране. Нет, передвигаться можно только в наземной машине, у неё есть искривляющее поле. А если тебе так уж хочется действовать, - добавил я, когда Эмрис, недовольный и нераскаивающийся, вылез из хоппера, - отправляйся к мосту и приведи всех. Скоро пойдет дождь.

Яркое утро сменилось сумраком. По небу двигались тёмные тяжёлые тучи; казалось, концентрирующуюся в воздухе влагу можно пить. Когда Эмрис ушёл, я повернулся к машине. Тед прав: две трети работы уже проделаны. Оставались лишь некоторые соединения. И если больше никакого ремонта не требуется, к нашим услугам средство передвижения, гораздо более подходящее теперь, чем хоппер и флиттер. Хотя машина движется только по земле, она снабжена специальным полем, искажающим картину для постороннего наблюдателя. С включенным полем машина невидима. Она не может двигаться быстро, зато остаётся незамеченной; впрочем, на радаре слабый сигнал можно заметить. Машина служит для незаметного приближения к животным на открытой местности. Если беженцы с космических кораблей - наши недруги, такой транспорт им неизвестен.

- Закрой капот, - сказал я Теду. Пока дождь не кончится, мы ничего не сможем сделать. - Поторопим ребят.

Мы попали под дождь и вернулись на станцию насквозь мокрые. Я положил Дагни на одну из коек, и Тед быстро включил обогреватели. Затворив дверь, мы оказались укрытыми от непогоды даже лучше, чем на пещерной базе.

- Что здесь случилось?

Аннет смотрела на тарелки, на стул, который никто из нас не побеспокоился поднять, на связки ленты на полу.

- Персонал покидал станцию в спешке - не знаю, как давно. Давайте убедимся, что у нас нет незваных гостей.

Со станнером наготове я пошёл в кладовую. Предупредив всех, чтобы держались снаружи, я переключил оружие на минимум: зверёк под ящиком небольшой. Проведя парализующим лучом, я начал переворачивать ящики и корзины, пока не обнаружил добычу. Зверёк спал, задрав заостренное рыло.

Это был инфлекс, лагерный воришка, не упускающий случая подкормиться возле людей. Впрочем, он не так безвреден, как кажется. Зверь оказался самцом, а у самцов в

когтях есть желобки с раздражающим ядом. Я положил зверька на ящик и продолжал поиски. Кажется, он один. Показав ребятам его когти, я вынес зверька за дверь и положил под выступ крыши, который отчасти защитит его от ненастья. Свежий воздух и дождь быстро разбудят его. Аннет нашла коммуникатор и настроила его на волну порта. Я едва успел перехватить у неё микрофон.

- Ты что!.. - начала она яростно.

- Мы ведь договорились - не торопиться, пока не будем знать, - напомнил я.

- У нас нет времени подсматривать и подслушивать! - Она пыталась вырвать микрофон. - Необходимо доставить Дагни к врачу, и побыстрее. Если вызовем, за нами пришлют флиттер.

- Попробуй послушать. - Я подумал, что на неё подействует, если она не поймает ни одной передачи. - Фихолм - единственный посёлок по эту сторону гор. Попробуй его.

Я отдал ей микрофон и настроил шкалу. Если передача идёт, мы её услышим, даже если не располагаем направленным лучом. Слышался шум статического электричества, но никакой передачи. Я переключил на приём, готовый в любой момент прервать связь. Но до нас доносился только треск разрядов. Аннет наклонилась, чтобы посмотреть, какую кнопку я нажал.

- Не понимаю. Они должны передавать. В этот час не может не быть связи.

- Может быть, некому передавать...

Она яростно затрясла головой, отвечая не столько на мои слова, сколько на собственные страхи.

- Коммуникатор никогда не оставляют. Попробуй экстренный вызов.

- Нет. Послушай, Аннет. Если Лугард был прав, мы можем оказаться в худшем положении, чем сейчас. Мы ведь договорились не торопиться. Здесь есть наземная машина. Её чинили, когда персонал покинул станцию, но как только погода прояснится, мы закончим ремонт. Наземные машины медлительны, но у них есть защита. Обещаю: как только сможем - двинемся в Фихолм. А оттуда перелететь через горы - пара пустяков. Скажи, разве это означает, что ничего не случилось? - Я указал на комнату. - Уходя, они захватили всё оружие, какое было на станции.

- Хорошо. Но как только сможем...

- Двинемся, - пообещал я.

Она отошла от коммуникатора и наклонилась, чтобы

поднять стул. А потом пошла к плите и занялась продуктами. Я начал обыскивать стол в поисках хоть какого-нибудь намёка на происшедшее. Ничего, кроме обычных записей. Лента на полу, которую я ещё раз более тщательно просмотрел, не содержала ничего, кроме сообщений из заповедников.

К полудню гроза кончилась. Как только стало можно выходить, мы с Тедом занялись машиной. Тед хорошо разбирался в двигателях и вообще оказался хорошим помощником. Но нас не готовили к технической работе, поэтому дело продвигалось не так быстро, как хотелось бы. Не успели мы закончить и захлопнуть крышку, как налетела вторая гроза. Пришлось вернуться на станцию.

Ночь прошла беспокойно. Может, мы просто привыкли к тишине пещер. Мне пришло в голову вставить свежую ленту в приёмник данных и включить его, обратив внимание на то, что происходит между нами и Фихолмом. Приёмник защёлкал, передавая кодированные данные об упавших деревьях, вышедших из берегов ручьях, животных, убегавших от ветра и дождя. Важнейшие из этих сообщений я отмечал на карте, чтобы мы были готовы к встрече с ними в пути.

Мы выступили на рассвете. Нас окружал влажный мир, но вчерашняя непогода рассеялась. Машина предназначалась для перевозки оборудования в заповедники; освободив её от этого оборудования и оставив только сидения, мы получили достаточно места для всех. Поле я не включал: хотел поберечь его для приближения к Фихолму.

Дорога покрылась лужами и рытвинами, но гусеницы машины и не к такому были готовы. Мы продвигались равномерно. Дважды приходилось объезжать упавшие деревья, и один раз мы пережили несколько тревожных моментов, перебираясь через ручей; мутная вода поднялась вокруг корпуса машины до уровня сидений, внутрь просочилось несколько ручейков. Но гусеницы вытащили нас на относительно сухое место.

Мы видели животных, но всегда в отдалении. К полудню начался подъём, впереди маячила высокая остроконечная скала, на вершине её был установлен наблюдательный пост для наблюдения жизни заповедника. Никаких признаков присутствия людей, хотя один из тросов подъёмника был порван и свободно болтался на ветру.

Аннет, впрочем, не обращала внимания на окружающее: ей удалось добиться ответной реакции Дагни, которая попросила пить. Она по-прежнему не осознавала окружающего,

но когда мы ели, тоже выпила содержимое тюбика: теперь не нужно было вливать его ей в рот и заставлять глотать.

Я решил, что к сумеркам мы доберёмся, и начал готовить Аннет к необходимости дальнейших предосторожностей. Когда я сказал, что всем придётся оставаться в машине под защитой поля, пока я отправлюсь на разведку, она согласилась, но, как мне показалось, с насмешкой: по-прежнему не верила в необходимость такой меры.

Я только раз был в Фихолме, и то очень недолго. Мы с двумя другими кандидатами в рейнджеры пересели здесь с флиттера в хоппер, отправлявшийся в заповедник. Фихолм больше Кинвета, это единственный посёлок по эту сторону гор. И всё же это всего лишь деревушка, особенно в сравнении с инопланетными городами. Здесь располагалась штаб-квартира рейнджеров.

Мы выбрались из машины, и я с беспокойством её осмотрел. Полуотремонтированный двигатель продолжал заботить меня. Это наше единственное средство передвижения. Если оно откажет, положение станет серьёзным. Но пока никаких признаков этого не было видно.

Сумерки наступили рано, на небе вновь собирались тучи, и я выжимал из двигателя всё, что мог, надеясь обогнать грозу. Добравшись до начала подъёма, я свернул с дороги и въехал в небольшую рощицу, а через неё в лощину. Выступ скалы образовал здесь стену, я подогнал к ней машину. Оставаясь в машине, ребята будут защищены.

Я взял с собой только станнер. Меня не оставляла надежда найти более мощное оружие. Аннет пообещала не включать фары, пока я не вернусь. Тед занял моё место у руля. Он включит поле, как только я окажусь вне его досягаемости. Выйдя из машины, я преодолел подъём. А когда обернулся, машина исчезла. Я испытал некоторое облегчение. Пока они в машине, им ничего не угрожает.

На дорогу возвращаться незачем. Я пошёл по полю, где было больше укрытий. Внизу виднелось тёмное пятно Фихолма; ни одного огонька, что само по себе служило тревожным признаком.

Местность вокруг посёлка была расчищена, большинство кустов и деревьев убрано, лишь немного их оставили для тени и украшения. Дома располагались по овалу, в центре которого была посадочная площадка для флиттеров и хопперов. Я не знал, каково население Фихолма, но тёмные здания могли вместить не менее двухсот человек. Помимо штаб-квартиры заповедников, здесь размещался магазин. Раньше

он торговал инопланетными товарами, теперь же служил пунктом обмена всего, что производилось в лабораториях и посёлках. Впрочем, каждый посёлок практически находился на самообеспечении; интерес к инопланетным редкостям падал; в конце концов, после первых десяти лет освоения планеты с других миров поступали лишь предметы роскоши и экзотики.

Я подошёл к возделанным полям, немного отступил для разбега, чтобы перепрыгнуть через ограду, которая обычно находилась под током, но тут заметил, что над оградой нет слабого голубоватого свечения. Ветка, коснувшаяся ограды, не пострадала. Защита почти созревшего урожая не была включена. Я увидел, как этим пользуется стадо варкенов. А по количеству вытоптанных и съеденных растений стало ясно, что это не первое нападение на поле.

Животные фыркали, принюхивались и отбегали при моём приближении, но недалеко, и поглядывали, не стану ли я их преследовать. Убедившись, что я им не опасен, они возвращались к пиру, какого никогда раньше не знали.

Тёмные дома, отключенная защита - всё это мне не нравилось. И тут я наткнулся на хоппер, который налетел на стену. Я посветил в кабину и тут же выключил фонарь, стараясь изгнать из памяти увиденное. После этого я не таился. Если бы хоть кто-то живой оставался в Фихолме, такого бы не было.

Я заглянул в первый же дом и опять увидел... Нет, одного взгляда было достаточно, чтобы я выскочил оттуда. Но оставалась штаб-квартира, и, может, там я обнаружу что-нибудь, хоть какой-нибудь намёк. Мёртвые лежали и на открытом воздухе. И стервятники из заповедников, прилетевшие на пир... Я избегал их, как мог. Но, чтобы войти в здание, мне пришлось переступить через скелет. Внутри я увидел людей, умерщих на посту у коммуникатора и в других местах, но нигде никаких указаний, что же так внезапно покончило с посёлком, существовавшим более ста лет.

Я заставил себя осмотреть несколько мертвецов. Ни ран, ни ожогов от лазера. Казалось, они просто упали во время работы и умерли, может, в несколько секунд.

Газ? Но ведь умирали и на воздухе. Или это самые сильные, которые перед смертью смогли выбраться наружу? Никакое известное мне оружие не могло вызвать такое опустошение. Подобное оружие могло быть у инопланетян. До нас доходили слухи о новых видах вооружения, созданных для захвата чужих планет. Такое оружие уничтожало всё

население, оставляя планету пустой. Может, беженцы применили его здесь? Возможно, они пользовались им до того, как стали пиратами? Ведь Лугард предсказывал, что остатки регулярных флотов займутся пиратством. Но к чему такая бессмысленная бойня?

Я находился в центре связи. Приборы включены, как и в тот момент, когда рука умирающего соскользнула с них. Горела лампа прямой связи. Я подошёл ближе и прочёл - Хайчекс - посёлок по ту сторону гор. Но из приёмника доносился только треск, такой же, какой мы слышали на станции рейнджеров.

Итак, этот город нам не поможет. И я не приведу сюда свой отряд. Я занялся поисками оружия. В конце концов мне попалось ещё три станнера и один дальнобойный лазер, предназначенный для расчистки местности. Но он был слишком тяжёл для перевозки, а когда я его включил, свечение было таким слабым, что я понял: он почти разряжен. То, что в этом посёлке, обслуживавшем три заповедника, не оказалось оружия, служило ещё одним тревожным предупреждением. Похоже, тут рылись до нас. Зайдя в склад, я убедился в этом.

Всё в диком беспорядке. Ящики и контейнеры вскрыты, их содержимое рассыпано и растоптано. Но не жители Бельтана рылись тут - я увидел два или три отчётливых отпечатка космических сапог. Грабители были из числа беженцев. Не они ли послужили причиной гибели города? Я опустился на четвереньки и пальцем тронул вытекавшую из контейнера жидкость: похоже, грабёж произошёл вчера, а ведь город погиб намного раньше, может быть, в тот же день, когда мы ушли под землю, или вскоре после того.

Я порылся в оставшемся и нашёл специальный мешок, который сбрасывали в заповедниках там, где не было посадочной площадки. В него я уложил банки и тюбики с продуктами. Из пещер мы принесли с собой немного, и если придётся держаться подальше от поселений, потребуется вся еда, какую мы сможем найти.

Мешок оказался слишком тяжёлым, мне пришлось тащить его за собой, но он был подготовлен к такому обращению, и я не беспокоился. Через другую дверь я вышел на посадочную площадку посёлка. И здесь картина бессмысленных разрушений. Я осмелился на мгновение дважды включить фонарь. Он осветил два сгоревших флиттера. С полдюжины хопперов, исполосованных лазерами и превратив-

шихся в массу полурасплавленного металла. Ни одной неповрежденной машины.

Хватит с меня Фихолма - могилы, в которую превратился Фихолм. На этой стороне есть ещё две рейнджерские станции, но вряд ли мы там найдём помощь. У нас только один способ добраться до Кинвета - вначале на машине, потом пешком через горы. Но нужно ли туда добираться?

Таща за собой мешок с припасами, я полями пошёл обратно. Из тени одной из рощиц я вдруг заметил на небе искру. Далеко от Фихолма, но это не звезда - скорее огонь флиттера. Курс его был неровным, он поднимался и опускался, метался вправо и влево, как будто его вёл неопытный или больной пилот. Я заторопился к машине, надеясь, что оттуда не вздумают сигналить пилоту. Увиденное в Фихолме ещё больше укрепило мою решимость держаться настороже.

Начался дождь, сильный, холодный; мешок потяжелел, особенно на подъёмах. Огонь флиттера больше не виден. Загремел гром, вспыхнула молния, я вздрогнул и перешёл на бег.

Глава 11

Я лежал на животе под кустом и смотрел в сторону машины. Саму машину я не видел из-за искажающего поля. Струйки дождя бежали по спине, собирались у пояса, а потом, когда я шевелился, ледяные потоки струились по бёдрам и ногам. Стояло лето, дни были тёплые, но в этой ночной грозе чувствовалось приближение осени, и больше всего мне хотелось оказаться под крышей. Но огонь флиттера сделал меня вдвое осторожнее. Любой сигнал, поданный мною, может нас выдать.

Прикрыв лампу руками, чтобы огонь сверху не был виден (впрочем, только сумасшедший пилот станет продолжать полёт при таких порывах ветра), я дважды нажал кнопку. В машине должны заметить эти вспышки. Внизу ничего не двигалось, я забеспокоился и готов был бежать туда со станнером. Я боялся, что они вызвали флиттер из машины по коммуникатору, и кто знает теперь, с кем мы можем встретиться.

Внизу что-то мигнуло, появились громоздкие очертания машины. Никакого света - по крайней мере мои предупреждения действуют. Я встал и пошёл вниз, таща свой тяжёлый мешок.

- Вир? - в голосе Аннет звучало беспокойство.

- Да! - я ухватился за дверь. - Впустите меня - быстро!

Я влетел внутрь, как будто атаковал врага. Послышались недовольные возгласы: мокрый, я всех растолкал.

- Флиттер... вы не вызывали его? - Я нажал кнопку поля и только тогда облегчённо перевёл дух.

- Нет, - ответил Тед. - Ты сказал...

- А почему нельзя? - голос Аннет заглушил ответ Теда. - Он держал микрофон так, что я не могла достать его. Иначе я вызвала бы. Но что случилось, Вир?

Я так устал, что больше не мог скрытничать. В конце концов раньше или позже они всё узнают; да и так, наверное, догадываются.

- Город мёртв, - сказал я.

- Все улетели? - недоверчиво переспросила Аннет. - Но куда - в порт, над горами?

- Я сказал мёртв, а не покинут. Город мёртвых...

Я почувствовал, как она напряглась, попыталась отпрянуть на переполненном сидении.

- Но как?.. убиты?..

- Те, кого я видел... нет следов ни лазера, ни бластера. Просто упали во время работы. Но город мёртв. А склады ограблены . Я принёс два станнера, остальное оружие исчезло.

- Значит, Лугард был прав! - вмешался Тед. - Беженцы напали... но зачем они убили всех?

- Нет! - Аннет била дрожь. - Нет! Неправда! Вир, мы должны вернуться в Кинвет. Возьмем флиттер - в Фихолме должны быть флиттеры.

- Были. Кто-то методично уничтожил их. Их резали лазерами. Хопперы тоже. Пригодного транспорта там нет.

- Тогда... что же нам делать? Дагни...

- У нас есть эта машина, и я принёс продукты, лёгкие и питательные. Лучше всего нам вернуться в заповедник, пересечь горы...

- Этот флиттер... - спросил Тед, - Ты думаешь, это были грабители?

- Могли быть и наши в поисках выживших, - сказала Аннет. - И мы их не вызвали... - голос её звучал обвиняюще.

- Ты видела, чтобы нормальный флиттер так летел? - вместо меня спросил Тед. - Что-то случилось с машиной или пилотом. Мы вернёмся тем же путем, что пришли, Вир?

Соблазнительная мысль. Вернуться в штаб-квартиру рейнджеров - там мы найдём убежище, может, используем как базу, тем временем разведаем маршрут через горы. Но любое строение, как магнитом, должно притягивать грабителей. Здесь множество карт; в том же Фихолме беженцы

могли найти карту, на которой помечены все станции рейнджеров.

- Думаю, нет. Мы двинемся отсюда на юго-восток, в холмистую местность. Там, в Гурьем Роге, есть приёмный пункт мутантов. Направимся туда - может, раздобудем ещё припасов.

Впрочем, в эту ночь мы никуда двигаться не могли: укрывались и отдыхали в машине. Я не собирался включать фары, такие заметные во тьме. Движение по пересечённой местности невозможно, а искать дороги - всё равно что напрашиваться на обнаружение. Я думал, Аннет станет возражать, но ошибся. Наоборот, она принялась устраивать нас поудобнее. Мы немного поели.

Уснули мы, я думаю, от сильной усталости. Дважды меня будил плач спящих детей: им что-то снилось. Но я ничего не видел во сне - спасибо и за это. Аннет успокаивала и утешала младших. Когда Прита захныкала, просыпаясь, Аннет протянула мне руку девочки, и я взял её. Прита замолчала, а Аннет придвинулась ко мне и прошептала:

- Вир, а мы сможем перебраться через горы?

- Сможем, если не будем действовать слепо. Сейчас лето, тропы в заповедниках открыты. По ним мы выйдем из гор недалеко от Батта.

Я заколебался, вспомнив посетителей, которых Лугард встречал вооружённым. У нас такого оружия нет. Если их привлёк в Батт слух о сокровищах, сейчас они могут быть там - ищут пресловутую находку Лугарда.

- Вир... - она говорила так тихо, что я с трудом разбирал слова. - Я кое-что вспомнила...

- Что? - подбодрил я, когда она замолчала.

- Ты знаешь, в Етхолме проводили эксперименты по заказу сил безопасности, - она глотнула, как будто слова выходили с трудом.

- Это было давно, с тех пор их закрыли.

- Все так считали... Доктор Корфу... ты знаешь, что он сделал?

- Принял двойную дозу снотворного и не проснулся.

- Он... он не хотел продолжать эксперименты, на него надавили. Я слышала, как мама... она участвовала в первых опытах. Они создавали мутировавший вирус. Вир, он должен был убивать разумные существа... поражал мозг... а планета оставалась нетронутой, потом её должны были занять десантники. На животных вирус не действовал. Вир, что если?..

Опять я вспомнил одно из предостережений Лугарда. У

нас могут быть тайны, которые грабители используют в будущих рейдах. Вирус с такими данными, рассеянный над ничего не подозревающим городом, континентом, целой планетой, период ожидания - и лёгкая добыча для сеятелей. Вирус... моя рука потянулась к затвору двери... если в Фихолме был такой вирус, я его носитель. Может, я уже мертвец! Может, для всех нас всё уже кончено. Я провёл с ними ночь, в тесном помещении, дышал тем же воздухом, касался их. Может, они все мертвецы из-за меня!

Люди в городе умерли так быстро и неожиданно, что я подозревал отравление каким-то газом, накрывшим посёлок. Может ли так же действовать инфекция?

- Может быть, я...

- Нет. Ты сказал, что они мертвы уже довольно давно, - шёпот её звучал отрывисто.

- Да.

- Вирус из Етхолма рассчитан на сорокавосьмичасовой удар. Затем он погибает. Была разработана и противовирусная вакцина. Если найдём записи, сможем узнать. Но ты не сможешь вести машину вверх по тропе?

- Нет. Но сколько можно, мы её используем. Вначале Гурий Рог. Если не ошибаюсь, там всегда был многочисленный персонал. Это пункт ввода мутантов, и там наблюдали лишь за высшими типами. Может, их отозвали, как всех рейнджеров. Там мы найдём припасы, укрытие. Это самая высокогорная из постоянных баз заповедников.

- А какие мутанты там были?

- Не знаю. Навещая Анлав, мы туда не заходили. Нам просто рассказали об этой базе, когда мы пролетали над ней на флиттере.

- У персонала был транспорт?

- Может быть, хоппер и обязательно - такая же машина. Им приходилось перевозить раненых животных для лечения. Всегда существует опасность, что на мутантов нападут контрольные животные. А чтобы изучить их по-настоящему, мутантов нельзя держать на привязи или в клетке.

Да, мы можем найти там хоппер. Это наполовину облегчит путь через горы. Я почувствовал, что мне не терпится добраться до Гурьего Рога.

Гроза к рассвету выдохлась. Как только рассвело, я тронул машину и повёл её на полной скорости; энергию отнимало и искажающее поле: его никогда не предполагали держать постоянно включенным. Эти машины предназначались для неровной местности, но насколько хватит заряда, я не знал.

Возможно, придётся идти пешком до того, как мы достигнем цели. Поэтому я старался двигаться побыстрее.

К счастью, дорога на юго-восток шла преимущественно по открытой местности. Постоянные холмы вынуждали подниматься и спускаться. Дважды до полудня приходилось останавливаться: Приту и Айфорса укачивало. Дагни, укутанная в одеяла, лежала неподвижно. Она ела и пила, не открывая глаз, и Аннет не могла сказать, спит ли она.

Мы пообедали у маленького ручья. Обед не готовили, обошлись тюбиками чрезвычайного рациона. Было жарко, солнце обжигало кожу. Мы не стали задерживаться. Перед отъездом я наполнил водой все фляги. Кто знает, как обстоят дела с водой в горах?

Холмы вокруг нас становились всё выше; мне приходилось отыскивать извивающуюся тропу, а не двигаться прямо вверх или вниз, как раньше. Казалось, я был прав насчет воды: местность становилась всё более и более пустынной. Грозовые потоки прорыли овраги, загромоздили проход буреломом, и наше продвижение всё замедлялось. Но затем мы вышли на расчищенную дорогу. Это был путь на Гурий Рог. Я не раздумывая свернул на него, решив увеличить скорость.

Расстояния с воздуха и на земле кажутся различными. Когда мы проделывали этот путь по воздуху с инструктором, казалось, что станция мутантов совсем недалеко от штаб-квартиры рейнджеров, и обе они на небольшом удалении от Фихолма. Теперь я думал, не заблудился ли, миновав Гурий Рог и углубившись в холмы.

Мы спускались по оврагу между рядами высоких кустов спигана. Наступило время плодоношения, и ветви, густо усеянные пурпурными плодами, сгибались до земли, преграждая нам путь. Насекомые, от крошечных до огромных зандских мух, которых я не смог бы накрыть ладонью, расправив яркие крылья, впивались в переспелые плоды на ветвях и на дороге. Множество птиц, стада небольших животных, наевшихся до опьянения; некоторые из них лежали на спинах, устремив к небу когтистые лапы. Хорошо, что мы ехали в закрытой машине: запах перезревших плодов вряд ли захочешь ощутить вторично.

Мы уже проехали это пиршество, когда я остановился: существо, стоявшее посреди дороги мордой к нам, не кормилось здесь. Его появление перед машиной свидетельствовало, что оно не только видит нас (хотя как оно могло видеть сквозь искажающее поле?), но и хочет нас для чего-то остановить.

- Истробен! - Гита наклонилась вперед, её голова оказалась на уровне моего плеча. - Вир, это истробен!

Если бы я сам этого не видел, не поверил бы: животное приподнялось на задние лапы, немного придвинулось к нам и поманило передней. Ошибиться в этом жесте было невозможно - оно нас манило. Мутант!

- Он хочет, чтобы мы что-то сделали, - повторила Гита, схватив меня за плечо.

- Но поле включено, - рука Аннет коснулась рукояти на табло. - Как он может нас видеть?

- Это мутант, - повторила Гита, - он многое может. Вир, нужно узнать, чего он хочет.

Но я не собирался возиться с животными. К тому же мутантам нельзя доверять. Неизвестно, кто ещё бродит вокруг, свободный от лабораторного контроля.

Я включил одно из защитных устройств машины. Мы ничего не почувствовали, но животные, поедавшие плоды, казалось, сошли с ума. Птицы взлетели, некоторые при этом столкнулись. Четвероногие - те, что были в состоянии, - убегали как могли быстро, уносились в разные стороны от машины, как будто она взорвалась.

Истробен задрожал, но остался на месте. Видно было, каких усилий это ему стоило. Пасть его раскрылась, должно быть, в крике, но в нашем поле мы его не слышали и не знали, крик ли это боли или гнева. Потом он опустился на четвереньки и, пьяно пошатываясь, двинулся в кусты.

- Что ты сделал? - спросил Тед.

- Включил ультразвук - им отгоняют животных.

Гита, сжав руку в кулак, ударила меня по плечу.

- Ты не должен был! - закричала она. - Он не хотел повредить нам. Он хотел, чтобы мы что-то сделали...

Я, не слушая её, увеличил скорость; мне хотелось побыстрее выбраться из кустов. Мы выехали на ровное место, покрытое свежей растительностью, какой мы не видели уже много часов. Причина этого сразу же стала ясна: фонтан на площадке, вода из него струилась в небольшой бассейн или пруд, а оттуда по вымощенному камнями руслу скрывалась среди влаголюбивой растительности.

За фонтаном находился ещё один искусно сооружённый дом, сливавшийся с местностью. А за ним - необычная скала, давшая имя станции, - она действительно напоминала рог гура, здесь даже выступали спиральные наросты, какие бывают у взрослых самцов.

Мы так неожиданно оказались в открытом месте, что у

меня не было времени прятаться и разведывать, как я хотел. Но никаких признаков жизни не было видно, а на стоянке транспорта пусто, даже наземных машин нет. Я отключил поле, и мир немедленно наполнился звуками. Смешанный шум - стоны, крики, время от времени рычание - всё это, казалось, шло от дома.

- Что это? - Аннет держала станнер наготове.

Я собирался открыть дверцу, но заколебался. Шум в таких масштабах означал что-то необычное, что-то дурное. Но я не замечал никакого движения.

- Вир, истробен... - привлекла моё внимание Гита, потянув за руку.

Я посмотрел, куда она показывала. Животное, пытавшееся противостоять ультразвуку, или его двойник, ковыляло из ягодных кустов. Глаза его были полузакрыты; оно качало головой из стороны в сторону, как будто его оглушили. Но оно упрямо держалось на лапах и миновало нас, направляясь к дому. При этом оно тоже издавало звук, что-то вроде ворчания. Крики в доме стали стихать.

- Вир, посмотри! Он снова нас зовёт.

Зверь добрался до фонтана и стоял там, полуоткрыв пасть: движения, видно, стоили ему немалых усилий. Он поднял переднюю лапу и сделал неуклюжий манящий жест. Больше отказываться было нельзя. Да я и не мог. Но, выходя из машины со станнером наготове, отдал категорический приказ:

- Никто больше не выходит. Закройте дверь за мной и ждите, пока я не дам знак. Если я вскоре не появлюсь, уезжайте...

Я не дал им времени на протесты, просто захлопнул дверь и осторожно двинулся к фонтану. Истробен, увидев, что я иду к нему, казалось, был доволен. Он повернулся и пошёл, но не к дому, как я ожидал, а направо. Я последовал за ним.

Тут я увидел начало трагедии. Должно быть перед самым ударом, опустошившим наш мир, сюда доставили партию мутантов из какой-то лаборатории. Их разместили в клетках, чтобы постепенно выпускать в заповедники, и потом, очевидно, забыли. Без пищи, без воды. Лежавшие неподвижно туши свидетельствовали, что многим животным помощь уже не потребуется. Истробен согнулся, носом прижавшись к проволочной сетке. В клетке на боку лежал другой истробен. При виде товарища он попытался поднять голову, но не смог.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что

опасности для нас здесь нет, но сделать нужно много. Я окликнул ребят, и вскоре мы открывали клетки и носили корм из контейнеров, стоявших поблизости. Эти контейнеры служили добавочной пыткой для пленников, так же как и вода из фонтана.

Многие из лежавших были ещё живы, и мы занялись ими. Те, что первыми пришли в себя, отправились вниз по склону холма в дикие места заповедника. Остальных мы оставили в клетках с открытыми дверцами, с запасом воды и пищи. Они будут постепенно приходить в себя. Пять животных погибли.

Дом стоял пустым. И в нём те же следы спешки, что и в штаб-квартире рейнджеров. Должно быть, крайняя необходимость вызвала людей, иначе они бы не оставили животных без присмотра. Значит, людей специально собрали в Фихолме, где они и погибли. Единственное объяснение, пришедшее мне в голову.

В доме мёртвых не было, поэтому мы с радостью заняли его; но помещение предназначалось всего лишь для одного-двух человек, и нам было тесно. Меня больше всего обрадовала находка подзаряжающего устройства на стене у посадочной площадки. Мы можем провести здесь день или больше и полностью восстановить запас энергии машины. Я надеялся, что она еще послужит нам.

Я рассматривал подзаряжающее устройство, стараясь вспомнить все необходимые действия. Подошла Гита.

- Вир, эти животные - все мутанты?

- Думаю, да.

- А насколько они разумны?

Я пожал плечами. Это невозможно оценить без лабораторных записей. Истробен, несомненно, проявил разум, пытаясь привлечь наше внимание к заключенному в клетке. Мы все, конечно, слышали рассказы о звериных отрядах - животных, работавших вместе и под руководством обученных людей. Рассказывали и об использовании их в войне. Животные действовали и на вновь открытых планетах: у них чувства гораздо острее. Но не все мутанты обладали телепатией, а это было необходимо в работе с ними.

В клетках находились двадцать животных пятнадцати различных пород; некоторые были мне совершенно незнакомы. Пять погибли, среди них два - незнакомых. Оставшиеся в живых разбредутся по заповеднику, но испытания, для которых они предназначались, никогда не будут проведены. Я желал им добра, но решил, что нас они больше не касаются.

- Не знаю, - ответил я на вопрос Гиты. - Может, их сюда и

прислали, чтобы проверить, на что они способны, - продолжал я, распутывая проводку.

- Они опасны?

- Нет. Это было предусмотрено. О себе могут позаботиться, но они не агрессивны. Нормальные животные - дикие - не привыкшие к человеку. Некоторые районы заповедников нельзя посещать без искажающего поля и ультразвука.

- А тот бородавочник?

В первое мгновение я не понял, о чём она говорит: это было уже далёким прошлым.

- Какой?

- Которого мы видели у коммуникатора. Вир, это был мутант?

- Всё возможно...

Она энергично кивнула.

- Знаешь, когда командующий улетел и все говорили, что покончили с военными проектами, многие лаборатории больше не докладывали в центр о своих работах.

Верно. Но при чём тут бородавочник? Я спросил её об этом.

- Не знаю. Но Прита продолжает вспоминать о нём. Она говорит, что он следил за нами, что мы ему не понравились...

- Даже если так, а я в это не верю, - ответил я, - это животное за горами на севере и далеко от любого поселка. Оно нам не опасно.

- Но, Вир, если все... - она заколебалась, потом продолжала, - если все, кроме нас, мертвы, мутанты могут стать разумным населением планеты.

Возможно, но пока об этом можно не думать.

- Мы не знаем, все ли мертвы, - решительно ответил я. - Завтра отправимся на разведку. Как только найдём подходящую тропу, двинемся в путь. И скоро ты будешь дома.

- Не хочу, Вир. Если Кинвет похож на Фихолм...

- Приближается зима. Мы должны вернуться до того, как закроется перевал, - продолжал я, как бы не услышав её.

Я не знал, что ей ответить: я чувствовал то же самое. Лучше перезимовать в Батте или в каком-нибудь пункте рейнджеров, чем возвращаться в мёртвый Кинвет. Нельзя привести детей в город, полный призраков, и оставить их там. Не все родители были так далеки от детей, как Аренсы. Те, у кого были близкие отношения с родителями, не должны увидеть, что с ними случилось, если Кинвет постигла судьба Фихолма.

- Вир, смотри! - она схватила меня за руку и показала на Гурий Рог.

Скала использовалась рейнджерами как наблюдательный пункт: оттуда открывался прекрасный вид на окружающую местность. Незадолго до этого я велел Теду туда подняться, и теперь он яростно размахивал руками, указывая на север. Я знаком велел ему спускаться, а сам побежал к подножию скалы.

- Флиттер... разбился... на холме к северу... - он тяжело дышал. - Горит!

Тот, что пролетал над нами накануне? Разбился и горит - мало надежды спасти экипаж.

- Сабиан, медицинскую сумку! - За нами стояла Аннет. - Тед, мы сможем добраться туда на машине?

Тед с сомнением покачал головой: - Не знаю, там очень круто. Но можно вскарабкаться...

- Куда это вы направляетесь? - спросил я.

- Люди на борту! - Аннет смотрела на меня так, будто у меня выросли рога бородавочника. - Они ранены. Надо торопиться!

Я понял, что никакие возражения не остановят её.

Глава 12

- Тед, ты остаёшься... будешь дежурить. - Аннет не остановить, раз она считает это своим долгом, но должен же быть какой-то порядок.

Я думал, Тед станет возражать. Ничего подобного. Ни следа упрямства, как бывало до похода в пещеры. Он кивнул, и я протянул ему запасной станнер.

- Оставайся в укрытии. Ты знаешь, что делать.

Я не стал вдаваться в подробности - высокая оценка. Он опять кивнул.

Аннет уже надела на плечо медицинскую сумку и пошла в направлении, которое указал Тед. Пришлось поторопиться, чтобы догнать её. Проводник нам был не нужен. В сумерках невозможно не заметить пламя. Аннет торопливо шла по бездорожью, и я не пытался успокоить её. Довольно скоро она сама замедлила шаг и остановилась, тяжело дыша после крутого подъёма. Пришлось переводить дух, прежде чем идти дальше. Я шёл рядом. Катастрофа была ясно видна. Флиттер ударился о скалу. Как будто рука великана смяла его, отбросила в сторону и подожгла.

- Тут никто не мог уцелеть, - сказал я.

Её тяжёлое дыхание напоминало плач. Я продолжал:

- Возвращайся...

- А ты?

Она не смотрела на меня: глаза её всё ещё были устремлены на сцену крушения, как будто она не могла оторваться.

- Посмотрю...

В глубине души я считал, что путешествие к этой груде лома совершенно бесполезно.

- Ну... хорошо...

Аннет была потрясена. Я не видел её такой с тех пор, как она наткнулась на завал в пещере и поняла, что мы отрезаны от поверхности. В жизни Бельтана так редко встречались насилие и трагедии, что нам не часто приходилось сталкиваться со смертью. Она видела, как умирал Лугард, но в Фихолме не была, и рассказ о мёртвом городе не стал для неё реальностью. И теперь она как будто сломалась.

Я смотрел ей вслед. Она ни разу не оглянулась, шла, опустив голову, глядя только себе под ноги. Потом я снова повернулся к обломкам флиттера.

Он упал на каменистую площадку. Я был рад этому: по крайней мере не нужно бояться лесного пожара. Конечно, грозы основательно увлажнили растительность, но тлеющие угли всегда могут разгореться, особенно при ветре. А из всех опасностей, подстерегающих в заповеднике, самая большая - огонь.

Не стоит подходить ближе. Я не мог приблизиться настолько, чтобы опознать флиттер и тех, кто находился в нём. Но оставалась крошечная возможность узнать, что же произошло на Бельтане. Поэтому я пошёл.

Я был прав. Жар, отражённый от скал, не давал приближаться к пылающей машине. Всматриваясь в очертания флиттера, я вдруг понял, что он не наш. Даже поломанный и обгоревший, он сразу выдавал своё инопланетное происхождение.

Затем я обнаружил бластер, далеко отлетевший от кабины с распахнутой дверцей. Регулярное оружие службы безопасности. От удара о скалу бластер разбился, починить его было невозможно. С тех пор, как Бельтан покинули вооружённые силы, я такого бластера ни разу не видел. Я и не пытался дотронуться до него. Рассказ Аннет о вирусах не выходил из памяти. Если флиттер... если эту машину пилотировали мёртвые или умирающие люди (я вспомнил неуверенный полет, виденный накануне), обломки всё ещё могут быть заразными. Итак, я не тронул бластер и осторожно переступил через другие обломки. Их было достаточно, чтобы подтвердить мою догадку: флиттер инопланетный.

Огонь гас; всё, что могло гореть, сгорело. Мне незачем здесь задерживаться. Вернувшись на станцию, я обнаружил, что Тед и Аннет перенесли внутрь наши вещи. Дагни лежала на одной из коек; в этой же комнате были постели девочек, а наши Эмрис и Сабиан разложили в большой комнате.

- Нашёл что-нибудь? - спросил Тед, когда я вошёл.

Я с одобрением заметил, что он расположился у окна, из которого прослеживались подходы к дому, в руке держал станнер, второй лежал рядом. Дом задней стенкой упирался в подножие Гурьего Рога, поэтому оборонять нужно было только фасад.

- Нет. Думаю, это был не флиттер. Скорее разведывательная шлюпка с корабля. От неё мало что осталось. И... нужно держаться от неё подальше.

Аннет поймала мой взгляд.

- Да! - тут же подхватила она. - Да!

Мы поели, и я распределил дежурства. Аннет от этой обязанности освобождалась. На её попечении Дагни. Но Гита, Тед, Эмрис, Сабиан и я будем дежурить по очереди. Не могу сказать, чего мы ожидали, но стоило подготовиться к худшему.

Я взял фонарь и обошёл загоны мутантов. Почти все животные разбежались. Истробен, остановивший нас, сидел в клетке с товарищем. Он подталкивал пищу к морде лежавшего; тот ел понемногу и был, по-видимому, ещё не в состоянии подняться.

Видя, что у них нет воды, я принес её и поставил ведро рядом с лежавшим животным; потом набрал воды в ладони и дал полакать. Первый истробен отодвинулся с негромким рычанием. Второй пил и пил, но когда я в четвёртый раз поднёс ладони с водой, он отвернулся и занялся едой с большей энергией, чем раньше.

Это была самка и, как мне показалось, беременная. А тот, первый, должно быть, самец. Этих животных привозили с других планет, и они весьма редки. Я подумал, что они - часть какого-то проекта, только что завершённого. Об этом говорило их недавнее появление в заповеднике. И если они всю жизнь провели в лаборатории, как же они выживут в заповеднике без присмотра рейнджеров? Конечно, они всеядны. И ни одно животное не отправлялось в заповедники, пока не адаптировалось к имевшейся там пище. Но... Впрочем, я не мог размышлять об этих несчастных переселенцах. Я принес ещё воды и пищи. Самец сопровождал меня до контейнеров. Он постучал лапой по крышке закрытого кон-

тейнера и посмотрел на меня с той же мольбой, с какой смотрел в ягоднике.

Я открыл крышку и отошёл, чтобы посмотреть, что он будет делать. Он принюхался, но ничего не взял. Опустился на четвереньки и отправился к самке, должно быть, довольный, что пища есть. Некоторое время я осматривал оставшихся животных, надеясь, что они вскоре разбредутся: сами мы не могли здесь задерживаться.

И опять мне захотелось сделать этот дом нашим постоянным жилищем, хотя он тесен и не так удобен, как штабквартира рейнджеров. Сколько времени займёт переход через горы? Не знаю. Иногда в конце лета грозы закрывают проход. Если Батт не занят, он был бы гораздо лучшим местом для нас, чем все по эту сторону гор. Для себя я выбрал последнее дежурство, поэтому, вернувшись в дом, сразу лёг спать. Тед разбудит, когда придёт время.

Спал я неспокойно, впечатления последних дней не оставляли и во сне. Но как только Тед тронул меня за плечо, я проснулся.

- Всё спокойно, - прошептал он. - Мутанты возвращались за пищей, но к двери не подходили.

- Хорошо.

Я заступил на дежурство. Постоять у одного окна, перейти к другому, и так через равные промежутки. Но ничего не было видно при свете полной зелёной луны - одного из чудес Бельтана.

Машину я оставил на подзарядке; пока батареи не зарядятся, она не нуждается в присмотре. Вопрос в том, долго ли мы сможем на ней двигаться. Хотя Аннет говорила, что состояние Дагни улучшается, выздоровление шло медленно. Девочку придётся нести на руках, когда мы покинем машину. Значит, припасов можно будет взять меньше. Лучше всего чрезвычайный рацион: он дает максимум калорий при минимуме веса; но нужна ещё вода, одежда для высоты - даже летом перевал местами покрывает снег. Многое можно оставить, но есть вещи, которые оставлять нельзя. Мысленно я составлял их перечень.

У стены в дальнем конце комнаты находился коммуникатор, который связывал станцию с Фихолмом. Накануне мы включали его со слабой надеждой, правда, быстро развеявшейся. Я решил установить его в машине и включить на самый широкий диапазон, хотя это потребует утром дополнительной работы. Неожиданно мне захотелось услышать

голос, любой голос, даже голос возможного врага, лишь бы знать, что мы не одни на Бельтане.

А что, если это так? Нужно готовиться к худшему. В порту есть установка SOS; её можно включить, и она автоматически будет посылать сигнал в космос. Любой корабль, проходящий в зоне слышимости, обязан ответить, если только это не сигнал, предупреждающий о заражении. В таком случае корабль, поймавший сигнал, обязан сообщить об этом в ближайший патрульный центр.

Патрульный центр? Много столетий Патруль охранял межзвёздные линии и восстанавливал порядок на планетах, где возникала угроза жизни. Но если мрачные прогнозы Лугарда верны, существует ли ещё патруль? Или его остатки отошли к более богатым внутренним планетам, где могла сохраниться цивилизация?

Я слышал страшные рассказы о планетах, где закон и порядок исчезали за ночь, иногда в результате природных катастроф, иногда из-за войн и эпидемий. Поселенцы Бельтана использовали их пример как доказательство верности своего пацифистского мировоззрения. Но что, если нас ожидают и война, и эпидемия - вернее, их последствия? И если помощь из космоса не придёт?

Технология уже начала распадаться. Она будет регрессировать и дальше. Мы с Тедом знаем достаточно, чтобы поддерживать в рабочем состоянии хоппер, машину или даже флиттер. Но когда не останется ни запасных частей, ни энергии, ни... В некоторых поселках имеются вьючные животные, их использовали в экспериментах. Есть поля, возделываемые роботами. Но сколько эти роботы будут действовать - сеять, собирать урожай, хранить его? Я вдруг представил себе поле, которое продолжают возделывать роботы, создают запасы пищи для людей, а люди не приходят, и в забытых хранилищах гниёт урожай, а роботы продолжают работать, пока не рассыплются сами.

Нас всего десять - и целая планета. Не может быть! Где-нибудь есть - должны быть - люди! Во мне всё громче звучало нетерпение - найти других. Я еле сдерживался, чтобы не разбудить ребят и не отправиться на поиски немедленно.

Подавив нетерпение, я дождался утра. Когда все встали, я подготовился к путешествию со всеми возможными предосторожностями. Мы разобрали припасы: те, что были в машине, те, которые взяли в Фихолме, и найденные здесь, отобрали самую лёгкую и калорийную пищу. Пересмотрели содержимое своих рюкзаков, принесённых ещё из Батта.

Выбросили всё, что не было абсолютно необходимо, и перепаковали рюкзаки, разместив в них то, что понадобится, когда мы покинем машину.

Мы просмотрели ленты и записи станции и обнаружили карту западной части гор: на ней были нанесены окрестности перевала. Управившись с рюкзаками, мы занялись багажником машины; туда поместили, сколько вошло, пищи и воды. Затем осмотрели одежду и заменили изношенную и порванную тем, что нашли в шкафах. Аннет, Прита и Гита приладили её на маленьких членов нашей группы. Эти приготовления заняли целый день.

После полудня Айфорс заметил, что два истробена наконец покинули клетку и двинулись вниз по ручью. Мы собрались у выхода, чтобы посмотреть на них. Самец шёл впереди, явно настороже, самка двигалась неуверенно, с частыми остановками, низко свесив голову и тяжело дыша.

Гита помахала им рукой, но животные не смотрели на нас. Как будто вся их энергия и решимость теперь концентрировались на том, чтобы добраться до зарослей.

- Надеюсь, они найдут подходящее логово, - сказала Гита.

- Вир, - Прита смотрела на меня. - Сейчас много мутантов освободилось?

- Наверное. Большинство из них уже в заповедниках. Помнишь, Комитет предложил это несколько месяцев назад? Трудно стало добывать специальный корм, когда корабли перестали прилетать.

- Но, может, и другие остались в клетках без пищи и воды?

- Не думаю. Оставалась только одна большая лаборатория - в Кибтроу. Эти животные оттуда. Посмотри маркировку на контейнерах с кормом. Вероятно, собирались избавиться от всех мутантов.

- Кибтроу, - повторила она. - Это за горами, к северу от порта?

- Да.

- Вир, когда мы переберёмся через горы, может, кто-нибудь сходит туда? Просто, чтобы проверить...

- Обещаю, что мы это сделаем. - Я сказал это не просто, чтобы отделаться. Просьба истробена в ягоднике - одно дело. То, что я обнаружил здесь, заставило меня принять решение: где бы мы ни искали выживших, одновременно нужно убедиться, что ни одно животное не осталось без пищи и воды просто потому, что человек не смог его освободить.

- Утром... - Аннет разгладила последнюю куртку, которую

она подгоняла под размер маленького Дайнана Норкота, и застегнула молнию.

- Да, - ответил я на незаданный вопрос.

Утром мы отправимся в путь. Хотя в течение дня ничто не предвещало опасности, мы дежурили и вторую ночь. Небо было безоблачным, ярко светила полная луна. Последние выжившие мутанты покинули загон. Весь оставшийся корм я перетащил к ручью: если они вернутся, они не станут подходить к дому. Впрочем, когда их потребности были удовлетворены, ни один из них не проявил к нам ни малейшего интереса - как будто нас закрывало искажающее поле.

Начиная своё дежурство, я обдумывал слова Гиты. Если человеческое население на Бельтане сильно сократится (я отказывался думать, что остались только мы), что станет с мутантами? В некоторых лабораториях заявляли, что вывели существа с высоким уровнем интеллекта. Континент велик, по большей части ненаселён, и животные могут там скрываться очень долго. Может ли возникнуть новая разумная раса, не знающая о своём происхождении? Но это при условии, что мы исчезнем.

В последний раз мы поели в доме и забрались в машину. Впервые Дагни как будто проснулась, осознала окружающее. Она сидела на коленях у Аннет, тесно прижавшись к ней и глядя вокруг, но говорила очень мало. По словам Аннет, Дагни была уверена, что мы только что вышли из пещеры. На неё благотворно подействовало спокойствие, отсутствие тревог и мирный ландшафт.

Мы предупредили всех, что в присутствии Дагни нельзя говорить ни о прошлом, ни о том, что может ждать нас впереди. Если она считает, что мы в обычном путешествии, какие не раз совершали раньше, тем лучше.

Наш путь пролегал мимо утёса, на котором разбился флиттер, но я как можно дальше обошёл это место. Обломки всё ещё дымились, но корпус был так изломан и оплавлен, что теперь я не смог бы опознать его. Мы подошли к старому руслу, ведущему в горы; согласно карте, это был наилучший путь, если только не повторится гроза с наводнением. Многочисленные следы предыдущего наводнения, застрявшие в скалах, напоминали о том, что эта пустыня не всегда лишена воды. Мы ползли вверх так медленно, что спешащий пешеход обогнал бы нас. Я выключил поле: мы шли большей частью в тени стен каньона, и здесь не имелось опасных для нас животных.

Поздним утром мы встретили галофи - столкнулись с

ним, объезжая поворот. Это был великолепный образец своей породы - одной из немногих местных для Бельтана пород, достигших значительных размеров. Спина его была покрыта грубой чешуёй толщиной с палец; там, где чешуйки прилегали одна к другой, виднелась бахрома, напоминавшая мех; на самом деле это была мясистая плоть. Такие же выросты образовывали кольцо на горле и нечто вроде гривы, шедшей от больших фасеточных глаз до спинного хребта и дальше до хвоста. Передние лапы - с острыми когтями, задние - плоские и широкие, приспособленные для быстрого передвижения по песчаной почве. Если животное потревожить, грива его встаёт дыбом, высовывается раздвоенный язык, и зверь убегает на задних лапах.

Но этот не собирался убегать, и через секунду я понял почему. Я увидел тускло-зелёную самку, только что отложившую яйца. Где-то поблизости в скалах находилось гнездо, и нам противостоял серьёзный противник шести футов ростом, способный, если действительно разозлится, прорвать корпус машины.

Я кулаком ударил кнопку ультразвука, галофи отпрянул, но не отступил, а приготовился к нападению; я видел, как молнией вылетает язык животного. Этим языком галофи воспринимает звуки, ушей у него нет. Должно быть, зверь теперь испытывал страшные мучения.

Животное раскачивалось, дёргалось и, наконец, потеряв равновесие, упало за скалу, с которой готово было напасть. Я увеличил скорость. Эмрис, сидевший сзади, сообщил:

- Вон его голова. Он всё ещё размахивает языком, но нас не преследует. Теперь он лёг спиной к ущелью.

- Гнездо, - коротко ответил я и выключил ультразвук.

Мы ушли уже далеко, вряд ли галофи будет нас преследовать. Инстинкт удержит его у гнезда, пока не вылупятся малыши. Сейчас его оттуда не оторвать. Но эпизод свидетельствовал о том, что нельзя слишком доверять окружающему спокойствию. Дагни! Как отразился на ней этот эпизод? Не отбросил ли снова в беспамятство? Аннет покачала головой, предупреждая и успокаивая одновременно. Дагни прижималась к ней, глаза её были закрыты.

- Спит.

Прежде чем выйти из машины в полдень и поесть, мы внимательно осмотрели местность. Солнце стояло в зените, но было прохладно. Мы уже были высоко в горах; рассматривая карту, я подумал, что вскоре придётся оставить маши-

ну. Поэтому я предложил, достигнув этого пункта, заночевать, даже если ещё останутся светлые часы: так у нас будет убежище на ночь. А пеший переход начнём утром.

Наконец мы остановились у выступа скалы. Сюда добирались уже с некоторым риском. Выйдя, я вместе с мальчиками укрепил гусеницы машины камнями для безопасности. Тут было уже совсем холодно, хотя солнце по-прежнему светило. Я поплотнее запахнул куртку и сказал, что пройду вперёд - разведаю дорогу по крайней мере на час. А заночуем мы здесь.

Идти было трудно, но в дороге попадались указатели, выжженные бластером, и местами тропа была расчищена. Значит, я шёл правильно. Если выступим на рассвете, к вечеру перевалим через самое высокое место и начнём спуск на другой стороне. А там должно быть убежище.

Найдя подходящую скалу, я взобрался на неё и принялся осматривать в бинокль пройденный нами путь. Никакого движения, если не считать одной-двух птиц. Похоже, погода нам благоприятствовала.

Аннет расставила меж камней походную плиту, и когда я вернулся, кофе уже дымился. Это маленькое удобство тоже придётся оставить. Я одобрил решение накормить нас горячим. До самого Батта теперь у нас не будет ничего, кроме чрезвычайного рациона. Я надеялся, что мы доберёмся за два дня, хотя меня и беспокоила лавовая местность.

Ночью снова дежурили по очереди. На этот раз участвовала и Аннет, поэтому дежурства стали короче. Но в машине было так тесно, что, я думаю, только маленькие спали хорошо. Ноги мои затекли и спина болела, когда я на рассвете выполз из машины.

Аннет опять подогрела еду и кофе, потом мы убрали плиту и всё лишнее в машину. Затем все, кроме Дагни, надели рюкзаки и взяли по две фляжки. Я обрадовался, увидев, что Дагни идёт самостоятельно. Выглядела она лучше, чем накануне. Она пойдёт рядом с Аннет, а Прита непосредственно за ними, чтобы помочь в случае необходимости.

Я пошёл впереди, за мной Гита, Эмрис, Сабиан, Аннет и две девочки, потом Дайнан и Айфорс. Замыкал нашу цепочку Тед. Мы будем меняться местами, но впереди всё время пойду я. Мы с Тедом несли тросы с крюками, которые хорошо послужили нам и могут ещё понадобиться.

С первыми лучами солнца мы двинулись по тропе. Думаю, никто из нас не оглядывался.

Глава 13

Один я поднимался бы быстрее. Но приходилось беречь силы: чем дольше Дагни сможет идти, тем лучше для всех. Было холодно, почти так же, как в ледяной пещере. И ветер пробирал сквозь одежду. Не стало деревьев, только временами полоски травы и гнущиеся от ветра чахлые кустики. На скале сидел пакка; он не встревожился при нашем приближении, а смотрел на нас круглыми глазами, ветер шевелил его длинную голубоватую шерсть, хвост он обернул вокруг лап. Щёки его раздулись от утренней добычи; это был период, когда пакка запасает еду на зиму.

Везде, где мы останавливались, чтобы перевести дыхание, я в бинокль осматривал пройденный путь. Не знаю, что я ожидал увидеть. Несомненно, никто не выжил в разбившемся флиттере. Но, может, кто-то вышел из него раньше.

Время от времени я видел движущиеся точки. Должно быть, крупные животные из заповедника. Но ничто не двигалось на пройденной нами тропе или возле оставленной машины. Дождя не было, но небо затянули тучи. Всё предвещало ухудшение погоды, и мы заторопились. Пока Дагни держалась лучше, чем я мог надеяться. Она шла рядом с Аннет и Притой, не отставая. Даже заметила пакку и сказала об этом. Хороший знак.

Мы дошли до высоты, на которой росли только лишайники. В тени скал появились снежные сугробы; в тех местах, куда не заглядывало солнце, они были довольно высокими. Ветер заставил поднять воротники, которые обычно, как флажки, болтались за плечами. Здесь Дагни начала спотыкаться, но мы не замедлили движения: нужно как можно быстрее миновать перевал и начать спуск.

Между двух острых скал нашлась расселина; все сгрудились в ней и достали тюбики с рационом. Я отследил по карте путь от станции мутантов. Опасности сбиться с тропы не было: слишком ясно видны следы тех, кто проходил здесь раньше. Я старался определить расстояние до убежища по ту сторону перевала.

- Далеко ещё? - спросила Аннет.

Дагни сидела у неё на коленях, прижавшись головой к плечу и закрыв глаза. Мне показалось, что у неё участилось дыхание. Впрочем, в разреженном воздухе высот все мы дышали чаще обычного.

- Через перевал и потом чуть больше, чем расстояние

отсюда до машины, - я не стал скрывать правды: не время пробуждать ложные надежды.

- Она не дойдет сама, - твёрдо сказала Аннет.

Я знал, что она права. Сняв рюкзак, я выложил его содержимое. Отобрано самое необходимое. Но мы предусмотрели возможность, что придётся расстаться и с этим. Я начал отбирать то, что нельзя оставлять. Запасные заряды для станнера сунул в карман куртки. Тюбики с рационом можно разделить - всё равно большая часть будет вскоре съедена. А вот одеяла... Тед положил на одно одеяло руку.

- Это понесу я. Во второе завернём Дагни. А это, - он выбрал самую тяжёлую из оставшихся вещей - прожектор, - я смогу прицепить к поясу.

Когда мы снова двинулись, я нёс Дагни в гамаке из верёвок на спине. Она не просыпалась, положив голову мне на плечо. Снова в состоянии, похожем на кому.

К счастью, горная тропа не требовала крайнего напряжения сил, и я снова и снова благословлял тех представителей службы безопасности, которые её проложили. Конечно, это не гладкий асфальт, но на лучшее нельзя было надеяться.

Тропа проходила в ущелье между двумя пиками, почти такими же величественными, как Гурий Рог. В ущелье было сумрачно, дул сильный ветер, мы жались к стенам, согнувшись, с осторожностью делая каждый шаг. Дагни тяжелее рюкзака, поэтому мне приходилось быть вдвойне осторожным, чтобы не потерять равновесие под порывами ветра.

В ущелье тропа пошла под уклон. Мы выйдем из него ниже, чем вошли. Я обрадовался этому. Говорить мы уже не могли - приходилось перекрикивать вой ветра - и обменивались жестами, когда в этом возникала необходимость.

Однажды путь нам преградил сугроб, пришлось брести по снегу. А в конце ущелья нас ожидала серьёзная преграда. Идя впереди, я увидел поперечную трещину, которая аккуратно, как гигантским ножом, рассекала тропу. Не знаю, была ли она, когда прокладывалась тропа. Во всяком случае, на карте её не отметили. Но она оказалась слишком широка для прыжка, и я не видел способа преодолеть её.

Мы отступили в ближайшее укрытие и прижались друг к другу. У нас имелись верёвки с крючьями. С их помощью можно попробовать спуститься в трещину и попытаться выйти на поверхность с другой стороны. Оставив Дагни с Аннет, я велел всем закутаться в одеяла. Тед держал верёвку и следил за моим спуском. На дне валялось множество ос-

колков камня. Направо идти бесполезно: щель вскоре сузилась, и я упёрся в скалу.

Левая сторона выглядела привлекательнее. Я шёл по ущелью, пока не нашёл стену, по которой можно было подняться с помощью верёвок. Потребовалось немало усилий, чтобы всех переправить через трещину, и мы полностью выбились из сил. Тед прошёл немного вперёд и вернулся с обнадеживающим известием: ему удалось найти продолжение тропы. К тому же ему показалось, что он видел крышу убежища. Но оно ещё довольно далеко внизу.

Приближалась ночь. Мы поели и стали совещаться. Аннет возражала против ночёвки на открытом воздухе. Её беспокоила не только Дагни, но и все остальные. Я склонен был согласиться с нею. У нас были фонари, но они могли привлечь внимание, без чего нам лучше обойтись.

- Это только вероятная опасность, - заметила Аннет, когда я сказал ей об этом. - А ночь здесь гораздо опаснее. Если мы будем пользоваться фонарём осторожно...

- Заслоним его со всех сторон, - размышлял я, - и направим только на тропу. Двигаться придётся медленно...

- Всё лучше, чем оставаться на месте.

- Тед, - сказал я, - пойдёшь впереди. Я понесу Дагни и не смогу быть всё время настороже. Эмрис замкнёт цепочку.

Я впервые возлагал на мальчика такую ответственность. Но он хороший ходок и всегда сохраняет хладнокровие. Перед ним может идти Аннет. Но придётся не растягиваться и стараться в темноте не упасть: такое падение могло бы иметь плохие последствия.

Я не посмотрел на часы и потому не знаю, сколько времени мы ползли по тропе. Для отдохнувших, не отягощённых поклажей людей, возможно, дорога показалась бы легкой, но мы были нагружены и устали. Тед пользовался фонарём и время от времени светил назад, когда сталкивался с особенно трудным участком.

Ночь была облачной, но когда я мог думать о чём-нибудь, кроме следующего шага, я благодарил провидение за то, что не было дождя. Потом я заметил, что вокруг нас появились кусты и ветер уже не так безжалостен. Тропа снова стала похожа на расчищенный путь. Но она вся заросла, и я увидел, как Тед взмахивает ножом, расчищая её. Спустя некоторое время - очень долгое, как мне показалось, - мы вышли на поляну, покрытую жёсткой горной травой, и фонарь Теда осветил фасад убежища.

Оно было не таким массивным и хорошо сооружённым,

как станция рейнджеров. Дверь висела на одной петле, через порог надуло груду опавшей листвы. Я даже обрадовался этим следам запустения: они означали для нас безопасность.

Спотыкаясь, мы забрались внутрь и почти сразу упали на грязный, усеянный листьями пол. Тед провёл лучом по сторонам, осветив убожество нашего жилья. Вдоль одной стены стояли койки, скорее даже обычные нары. И больше ничего - ни мебели, ни плиты, вообще ничего. Груда высохшей травы и листьев в углу и несколько побелевших обглоданных костей говорили, что после ухода людей здесь было логово какого-то животного. Но кости старые, трава прошлогодняя, а может, позапрошлогодняя, так что даже нового жильца здесь больше нет.

Аннет развязала свой рюкзак, достала одеяла, торопливо расстелила их на койке и, взяв у меня Дагни, положила её отдыхать. Хотелось чего-нибудь горячего, но на это не было никакой надежды. Тот, кто не поместился на нарах, лёг на полу. Я прислонился к двери, расстегнув кобуру станнера. Хоть мы и устали, всё равно нужно дежурить, особенно по эту сторону гор.

Ветер, сопровождавший нас на тропе, теперь стих. Я так устал, что с трудом шевелился, но спать не хотелось. Как будто я миновал точку, за которой надобность во сне отпадает. Слышалось тяжёлое дыхание спящих. Ни стонов, ни криков кошмаров - только тяжёлое дыхание

. Однажды я услышал шорох и ухватился за рукоять станнера. Медлительность собственной реакции меня поразила. Но звук не повторился; тот, от кого он исходил, не пытался приблизиться.

Не знаю, далеко ли мы были от Батта. Может, карта подсказала бы, но ночью я не мог в неё заглянуть. И я не представлял, сможем ли мы пешком пересечь дьявольскую лавовую страну. А может, лучше и не возвращаться в Батт, хоть мы и оставили там хоппер и продовольствие в изобилии. Я слишком устал, чтобы думать последовательно, но мысли мои шли одна за другой в уставшем мозгу. Я уже готов был предпринять то, что с самого начала предлагала Аннет, - разведывательную экспедицию в населённую местность. Пешее путешествие будет долгим и трудным, не все из нас его вынесут. Поэтому нужно найти базу, с которой можно действовать. Но кроме Батта, я такой базы не видел.

- Вир...

Я узнал шёпот Теда.

- Я сменю тебя...

Больше всего мне хотелось передать хотя бы эту часть ответственности, но я знал, что не усну.

- Не могу спать, - сказал я, когда Тед подполз ближе, - я подежурю ещё.

- Вир... - он не принял моё невысказанное предложение вернуться к одеялам, - куда мы пойдем дальше?

- В Батт, если сможем.

- Ты думаешь, мы не сможем пройти по лавовым полям?

Видно, он думал о том же.

- Да... и крепость может быть занята.

В нескольких словах я впервые рассказал ему о встрече Лугарда с беженцами.

- По-твоему, они охотятся за сокровищами, за тем, что мы нашли в ледяной пещере?

- Да, это может привлекать их.

- Что же нам делать?

- Что сможем. Утром посмотрим карту, поищем удобный подход к Батту. Если такой подход есть, а Батт не занят, остановимся там. В нём имеются средства защиты.

- Лугард знал эти средства, а мы - нет.

- Придётся учиться; если потребуется, методом проб и ошибок, - возразил я.

Разговор с Тедом, как ни странно, успокоил меня; и тут же навалилась сонливость, глаза буквально слипались.

- Принимай дежурство, Тед, - с трудом проговорил я.

Помню, как добрался до груды одеял, оставленных Тедом, и больше ничего. Проснулся я оттого, что солнце светило прямо в лицо. Тело нежилось в тепле. Я слышал, как рядом шепчутся, шевелятся. Сев и протерев глаза, я обнаружил в убежище нечто похожее на порядок.

Листва, высохшая трава старого логова, большая часть грязи и песка выметены. Койки аккуратно застелены одеялами, кроме той, на которой лежал я. На моём месте у двери сидела Аннет. Рядом с ней лежал станнер; она перебирала ягоды, складывая их на широкий лист. Прита была занята тем же. Дагни сидела между ними и время от времени брала ягоду и клала в рот. Остальных не было видно. Прита подняла голову, увидела меня и улыбнулась.

- Аннет, Вир проснулся.

- Пора уж! Давно я не видела, чтобы так крепко спали!

Если бы не тон, её слова можно было бы принять за осуждение. Но она улыбалась. Встав, она добавила:

- Иди умойся. Снаружи есть ключ. Потом поешь - тебе это нужно не меньше сна.

- После твоего напоминания - да!

Я вдруг почувствовал страшный голод, но, мигая, продолжал сидеть. Атмосфера как-то изменилась. Аннет - как будто в одном из наших прошлых походов, уверенная, что вскоре мы наверняка вернёмся домой. Может, это потому, что мы вблизи знакомых мест? Неужели она думает, что всё будет по-прежнему, когда (и если) мы вернемся в Кинвет? Во всяком случае, я не собирался нарушать очарование; я был слишком благодарен за то, что слегка отпустило напряжение, давившее на всех с того момента, как нас замуровало в пещерах.

Маленький ключ выбил в камне бассейн, и я хорошо попользовался им. Возможность умыться ещё больше улучшила мое настроение. Поляна, на которой располагалось убежище, вся заросла кустами, большей частью ягодными. Вот откуда у Аннет ягоды.

Я всё ещё стоял на коленях у воды, когда появился Тед. Увидев меня, он быстро подошёл и доложил:

- Я просмотрел утром карту. Между нами и Баттом лавовое плато. - Он нахмурился. - Я поднялся на высоту, чтобы осмотреться. И что-то увидел... Я не говорил никому. Хотел, чтобы сначала узнал ты.

- Хорошо. - Я вытер руки пучком длинной травы. - Где?

- Вир, ты готов? Завтрак! - позвала Аннет.

Тед продолжал хмуриться.

- При них лучше не говорить? - я кивнул в сторону девочек.

Он подтвердил.

- Гита видела, но она будет молчать. Это... это не уйдёт. Можно сначала поесть, чтобы они не беспокоились.

- Вир, - в свою очередь из кустов вышла Гита, - там...

Тед сделал выразительный знак; на мгновение Гита возмутилась, потом поняла.

Итак, я не мог наслаждаться завтраком, просто проглотил рацион и похвалил добавку из ягод. Тед и Гита скрывали своё нетерпение лучше, чем можно было ожидать. Наконец я смог заявить, что должен осмотреться, и ушёл. Аннет впервые не стала спрашивать, куда мы идём; я поторопился уйти, прежде чем она спросит.

Тед привёл меня к импровизированной лестнице, ведущей на вершину изогнутого ветром боргарного дерева. Лестница оказалась другим деревом - фенсалом. Буря когда-то вырвала его и наклонила так, что оно переплелось ветвями с боргарным. Красный ствол фенсала, лишившийся почти

всей своей ароматной коры, резко выделялся цветом на фоне боргарного дерева, которое уже потеряло листву, но взамен выпустило множество бледно-голубых цветов.

Тед, примостившись на соседней ветке боргарного дерева, поддерживал меня, а я смотрел в бинокль. Настроив оптику, я увидел хоппер. Насколько можно судить, он был в порядке. Приземлился на ровной, незаросшей полоске, не пострадав при посадке.

- Доставит нас в Батт без труда, - заметил Тед.

Правда. Но то, что хоппер всего в одном-двух часах ходьбы от нас, вовсе не означало, что он пригоден к работе. Видимо, у Теда тоже были сомнения, потому что он добавил:

- Не знаю, что там внутри. Но мы с Гитой следим за ним по очереди всё утро. Никого не видели. Может, это приманка...

Хорошая догадка, но Тед заходит слишком далеко.

- Если и приманка, то не для нас, - сказал я.

Вряд ли нас могли выследить так, чтобы мы не заметили. Мы видели лишь тот флиттер, да и он разбился. С другой стороны...

Гита располагалась ниже нас: - Ты думаешь, там внутри мертвецы, как в Фихолме...

Я не мог отказать ей в проницательности.

- Весьма вероятно.

- Но если они умерли от вируса, он нам не повредит. А хоппер нам нужен...

- Что ты знаешь о вирусе?

Я мог бы и сам догадаться. Мы все находились в тесной машине, когда Аннет рассказала мне о своих страхах.

- Мы слышали. Тед и я знаем, и ещё Эмрис и Сабиан. Прита верит, что мама ждет её. И Айфорс, он всё время говорит о своём отце. Они не должны знать, пока можно скрывать. Но, Вир, - она вернулась к главному вопросу, - разве мы не можем использовать хоппер, если опасность заражения не грозит?

- Наверное, можем. Но мы ведь не знаем точно, отчего погиб Фихолм. Может, не от вируса.

- Ты не заболел, Вир, а ты был там. Ты принёс пищу. Мы ели её, и тоже никто не заболел... кроме Дагни, но она не от вируса, - Гита логично перечисляла пункт за пунктом.

- Верно. Хорошо. Оставайтесь здесь. Тед, передаю тебе команду. Пойду посмотрю. Если его можно использовать, я на нём прилечу. - Я отстегнул от пояса компас и засёк направление, затем пометил ориентиры. - Если выступлю не-

медленно, смогу вернуться засветло. Остальным скажите, что я ушёл разведать дорогу вниз.

- Хорошо. - Тед подождал, пока я спущусь, потом спустился сам. Гита уже ждала на земле.

- Я тоже хочу идти, Вир.

- Нет.

- Но, Вир, а вдруг это ловушка? Я хорошо управляюсь со станнером, а к машине не подойду. Прикрою тебя.

- Нет. - И добавил, чтобы подсластить пилюлю: - Именно потому, что ты хорошо управляешься со станнером, я и хочу, Гита, чтоб ты осталась. В одиночку легко проскользнуть и уйти незаметно. Поверь мне, я буду осторожен. Но если это ловушка, если нас каким-то образом выследили, они могут быть и тут. Все должны быть в укрытии, с постоянным дежурством - понятно?

Угроза была маловероятной, но она была; я не обманывал Гиту. Она осталась недовольна, но больше не возражала.

- Если я не вернусь до темноты, - сказал я Теду, - скройтесь. Думаю всё же, что лучше идти к Батту - если он пуст. Но...

Я замолчал в нерешительности. Можно ли предвидеть, что случится со мной, со всеми? Зачем обременять их советами, которые могут оказаться бесполезными? Если я не вернусь, ситуация изменится.

- Действуй самостоятельно, - единственное, что я мог сказать.

- Да, Вир...

Я оглянулся, потому что сделал уже два шага.

- Будь осторожен, - почти сердито добавил Тед. - Мы не можем потерять тебя.

Куда же делось чувство, которое я испытывал когда-то - неужели это было всего несколько дней назад? - будто Тед бросает вызов моему старшинству? Мне пришло в голову, что Тед теперь смотрит на меня, как я смотрел на Лугарда в начале нашего рокового путешествия. Мне это не понравилось, потому что это ставило меня в положение, которого я не хотел. Я поднял в ответ руку и нырнул в кусты.

До сих пор мы не заглядывали далеко в будущее. Я думал, как и другие члены группы, постарше, что произошло нечто ужасное. Но за завтрашний день мы не заглядывали. А если случилось худшее и мы остались единственными людьми на планете?

Идти в порт, включить тревожный вызов. Но ответа можно ждать годами - если вообще дождёшься. Что тогда? Я

отшатнулся от этих мыслей. Лучше для меня и для всех нас, если мы будем заниматься только неотложными делами. А моя задача сейчас - исследовать хоппер.

Если он покинут или его экипаж мёртв, это подарок судьбы. Не нужно бояться идти через лавовую страну. Я её видел раньше и поэтому ужасался одной лишь мысли о пересечении её пешком, с ограниченными припасами, без проводника, без подробной карты.

Идя по компасу, я оставил старую тропу и свернул влево. Местность была лесистая, но деревья не такие гиганты, какие можно встретить ниже. Чтобы не заблудиться, я часто смотрел на компас. Приходилось рассчитывать на свою подготовку будущего рейнджера. Деревья становились выше, а внизу - всё темнее. Время от времени я останавливался и прислушивался. Но слышны были только обычные лесные звуки. Наконец я подошёл к кустарнику, за которым - поляна, а на ней - хоппер.

Оставаясь в укрытии, я добрался до места, где кусты выдавались вперёд. Дверца хоппера, которую я раньше не видел, была полуоткрыта. Увидев, что не даёт дверце закрыться, я встал и, несмотря на протесты желудка, пошёл навстречу тому, от чего в обычных условиях немедленно отпрянул бы.

Глава 14

В хоппере находились четыре пассажира, один из них - пленник. Он сидел на сидении пилота и был одет в комбинезон поселенца. За ним располагался человек в мундире беженца с лазером в руке. Нетрудно было догадаться, что он целился в пилота, когда наступил конец. Остальные двое также были в мундирах.

Мне не хочется вспоминать следующий час. Копать могилу было нечем. Я мог только лишь прикрыть их землёй. Сделав это, я убедился, что хоппер в порядке. Можно только гадать, куда они направлялись. Может, за горы, а может, в Батт - в этом направлении других населённых пунктов не было. Но все они уже какое-то время мертвы.

Наконец я смог взлететь и направиться к нашему убежищу. Машина была в хорошем состоянии, даже лучше, чем наши в Кинвете. Я убедился в этом, проверив, как она реагирует на команды. Хоппер был на ручном управлении, а не на автопилоте, поэтому я не мог определить, откуда и куда он летел.

Уже в сумерках я сел на небольшую поляну. И был доволен, не увидев никого из детей, когда выбрался из кабины.

- Домой! - Аннет ласково провела рукой по корпусу хоппера. - Мы сможем лететь домой!

- Ещё нет.

- Как это нет? - сердито спросила она. - Нам нужно лететь в Кинвет, узнать, что там произошло.

- Я знаю, что произошло, по крайней мере частично, - ответил я ей и всем остальным: чем скорее они привыкнут к необходимой осторожности, тем лучше. - В хоппере был пленник и охрана. Пленник - наш поселенец, охрана - беженцы.

- Кто он? - спросила Аннет.

Я покачал головой: - Я его не знаю.

К моему облегчению, она оставила эту тему, спросив: - Куда же, если не домой?

- В Батт. Помнишь комнату связи?

Это была единственная приманка, с помощью которой я мог получить её согласие. Станет ли она спорить? Скажет, что до сих пор коммуникаторы не дали ничего? И если она будет продолжать настаивать на возвращении в Кинвет, достаточно ли моего авторитета, чтобы отказать ей? Мы никогда с ней не расходились во мнениях окончательно, а теперь это было бы хуже всего.

- В Батт, - повторила она и замолчала, как бы обдумывая сказанное.

- Это лучшее убежище. Мы ещё не знаем всех его возможностей. Лугард говорил, что его защиту преодолеть невозможно.

- Защиту от кого? - горько спросила она. - Пока нет никакой угрозы для нас... здесь. И мы должны знать...

- Да...

Она, должно быть, поняла мою мысль и значение быстрого взгляда, брошенного на детей. На мгновение она как будто испугалась, потом, очевидно, чувствуя свою вину, сдалась.

- Значит, Батт. Полетим вечером?

- Завтра рано утром.

Я не собирался действовать наобум. Если Батт занят искателями сокровищ, он может оказаться змеиным гнездом.

И мы провели вторую ночь в голой хижине. Но нам повезло - у нас есть хоппер, не нужно готовиться к опасностям лавовой страны. Я проверил коммуникатор хоппера. Он

работал. Но я не пытался вызывать, только слушал. И ничего не услышал.

Утром, на рассвете, мы забрались в кабину. Как и в машине, нам было тесно, но мы всё равно были счастливы. Подбадривала знакомая обстановка. Я наметил курс - прямую линию на Батт.

Пролетая над лавой, я мысленно благодарил судьбу за то, что нам не нужно преодолевать эти места пешком. Когда мы двигались к пещере, то нас вёл Лугард и вёл по уже известному пути. А теперь, глядя на изломанную растрескавшуюся лаву, я понимал, что мы могли бы заблудиться и остаться здесь навсегда.

Незадолго до полудня мы достигли Батта. Аннет, сидя рядом со мной, наблюдала в приборы. На небе ни одного флиттера, никаких шумов. Взглянув вниз, она сообщила, что посадочная площадка свободна.

Я удивился: - А хоппер, в котором мы прилетели...

Когда это было? Сколько дней назад? Из-за наших подземных приключений я потерял дням счёт.

- Да! - Это и ей пришло в голову. - Где же он? Захвачен мародерами, пришедшими после нас?

Лугард закрыл вход в крепость. Если он включил и защиту, мы не сможем попасть внутрь. Значит, у нас не будет безопасной базы. Я подумал: как глупо, что ещё в пещере я не отыскал металлическую пластинку, открывавшую вход в крепость.

Но тут Аннет сообщила, что вход открыт. Одним препятствием меньше! Однако я не посадил хоппер перед входом, а, используя всё своё умение, сел на крышу. Возможно, в двери ловушка. Нужно избежать её.

Включив магнитные крепления колес, я со станнером наготове выскочил из кабины. Слышался лёгкий шум ветра среди странно источенных скал, солнце обрушило свой жар на голову и плечи. Я тут же почувствовал, что одежда, подходящая для гор, не годится в лавовой стране. Я подошёл ко входу в сторожевую башню. Аннет заняла моё место у руля, и я взял с неё слово, что при любой неожиданности она взлетит, даже если я не успею вернуться.

Странно было шаг за шагом спускаться в спокойную тишину Батта. Тишина подавляла - каждый неосторожный шаг мог вызвать катастрофу. Я часто останавливался и прислушивался, но ничего не слышал. Внутри даже шум ветра стих. Я спускался всё ниже и ниже, пока не оказался в

главном зале, откуда видны были комната связи, гравитационный лифт и столовая, где мы так давно ели.

Я никого не встретил. Зато в столовой я впервые нашёл доказательство того, что Батт посещали. Как и на складах Фихолма, тут присутствовали следы торопливого обыска, хотя бессмысленных разрушений я не видел. Запас продуктов не уменьшился.

Следующая цель - комната связи. Здесь беспорядка не было, и я не мог сказать, включали ли коммуникатор. Сам я не пытался это сделать. Подбежав к главному входу, я понял, что его вскрывали лазером и поэтому он снова не закрылся. Это поколебало мои надежды на безопасную базу, но входом мы займемся позже.

В крепости никого не было. По моему сигналу все вышли из хоппера, и мы вступили в Батт. Два дня мы работали, превращая его в крепость, какая была нам необходима. Я думал, Аннет станет возражать против ненужной траты времени. К моему удивлению, этого не произошло, хотя она и посидела в комнате связи. Не сомневаюсь, что она пыталась поймать какую-нибудь передачу.

Гравитационный лифт работал, хотя я ему не доверял. Мы нашли второй вход в подземный этаж крепости. Я искал его, потому что знал: машины, которыми пользовался Лугард, доставлены не в лифте. Из подземного склада открывался выход в одно из лавовых ущелий.

Мы испытывали машины, пока не нашли одну, которую, вероятно, использовали, когда закрывали вход в пещеры. На ней был установлен лазер. С большим трудом мы перетащили его для защиты входа в Батт. Прожжённую лазером главную дверь мы завалили, чем могли, а затем с помощью лазера сплавили в единую пробку - теперь здесь образовалась непроходимая стена. Входа с поверхности больше не существовало - только через крышу или через лавовое ущелье. Потребовалось бы массированное нападение, чтобы проникнуть внутрь.

На складе оказалось множество припасов, в течение долгого времени мы ни в чём не будем нуждаться. На третью ночь я лежал в изнеможении, но с чувством безопасности, какого не испытывал с момента начала всех наших злоключений. Впрочем, долго наслаждаться этим чувством не пришлось. Подошла Аннет.

- Кинвет!

Она произнесла только одно слово, но с решимостью, в которой звучали и обещание, и угроза. И добавила:

- Я ничего не поймала - а мы должны знать.

Конечно, она права. Но как мне хотелось теперь, когда мы близки к разгадке, оттянуть её.

Увидев мои колебания, Аннет добавила:

- Если ты не пойдешь, пойду я... даже в одиночку.

И я знал, что она выполнит своё обещание.

- Я пойду.

Чувство безопасности исчезло. Как кратковременно оно было! Как будто на меня снова взвалили тяжесть, от которой я только что освободился.

- Если... если случилось худшее, - она смотрела не на меня, а куда-то вдаль, как будто не хотела, чтобы я заглянул ей в глаза, - есть порт и сигнал.

- Знаешь, Аннет, этот сигнал...

- Да, на него могут ответить через много лет! - В ней проглянула прежняя несговорчивая Аннет. - Но это шанс, которого мы не можем упустить. Кинвет и затем, если необходимо, порт. Но, Вир, не ходи один.

- Ты не пойдёшь, - возразил я.

- Не я, - к моему облегчению, согласилась она. - Но мы должны быть уверены в Кинвете, в сигнале из порта. Двое лучше одного. Тед...

- Но...

- Я знаю. Ты считаешь его старшим после себя, своим наследником, что ли. Конечно, он не Вир Коллис, как ты не Грисс Лугард. Но ты должен взять его именно по той причине, по какой хочешь оставить. Он следующий за тобой, лучший из нас.

Подумав, я решил, что она права, хотя и не хотелось этого признавать. Тед обладает качествами, которые позволят ему решить необходимую задачу, если со мной что-то случится. И то, что Аннет предвидела такую возможность, значило, что у неё не осталось прежней надежды, заставлявшей её так упорно стремиться в Кинвет. Но я ни о чем её не спрашивал: об этом лучше не говорить.

Я потратил ещё день, чтобы убедиться, что Батт готов к защите. Аннет была этим недовольна. Затем мы ушли пешком - в этом я Аннет не уступил. Хоппер - последнее средство спасения для оставшихся в Батте. К тому же я считал, что лучше двигаться скрытно, хотя это и удлинит путь. Лучшая наша защита - не попадаться на глаза.

Тропа, шедшая из Батта, сильно заросла. Ею не пользовались десять лет, всё передвижение осуществлялось во флиттерах и хопперах. Но она была достаточно заметна,

заблудиться невозможно. С собой мы взяли лёгкие рюкзаки и станнеры с запасными зарядами. Я обыскал всю крепость в надежде найти более мощное оружие. Но, как и на пещерной базе, его не было: должно быть, унесли с собой уходившие войска. Последним моим делом в Батте было снять лазер, которым мы заплавили дверь, с большими усилиями перетащить его на крышу и закрепить для обороны. Не думаю, чтобы это понравилось Аннет; вряд ли она станет им пользоваться, даже в чрезвычайных обстоятельствах. Впрочем, кто знает, как поведёт себя человек, глядящий в лицо смерти?

Мы шли по дикой местности, почти такой же запущенной, как в заповеднике, но к полудню встретили одинокую ферму. И здесь увидели ещё одну трагедию. Как и на станции мутантов, в загонах оставался скот. Животные почти все погибли. Мы освободили двух ещё живых тягловых животных - они съели всю траву в своих загонах, - накормили, напоили их и выпустили на волю. Я подумал, что если на обратном пути найдём их, хорошо бы прихватить их с собой. Что же касается мелкого скота и птицы, им уже нельзя было помочь.

Дом был пуст, и мы не знали, что случилось с хозяином и его семьёй. Грабители в доме не побывали. Мрачное начало, у которого нет и не может быть светлого конца. Мы поплелись дальше, придерживаясь, насколько можно, дороги. Она нужна была нам, как связь с безопасным прошлым, с цивилизацией Бельтана.

Мы почти не разговаривали, пока Тед не выпалил:

- Ты думаешь, все... все погибли, Вир?

- Возможно.

- Беженцы тоже?

- Те, что в хоппере, были мертвы. Наверно, высвободили нечто, с чем не справились сами.

Тед остановился и посмотрел мне в глаза.

- Нам лучше... всё узнать?

- Придётся.

Положение Теда в Кинвете было почти таким же, как моё. Его родители погибли в неудачном лабораторном эксперименте, воспитывался он в семье Дрексов, родственников отца. Близких потерял, но это не значит, что он был так же далёк ото всех, как я. Он ведь не относился к семье работника службы безопасности.

- Ты прав, - неохотно согласился он. - И что же мы будем

делать, если это правда? Да, знаю, включим сигнал в порту. Кто знает, когда его услышат?

- Закон спасательной шлюпки, - коротко ответил я.

- Закон спасательной шлюпки? - повторил он. Потом понял. - А, ты имеешь в виду устав космических кораблей. Создадим колонию, как если бы высадились на необитаемой планете. Но мы ведь не уцелевшие после кораблекрушения.

- Очень похоже на то. И у нас для начала имеется больше, чем у переживших кораблекрушение. Нам принадлежит всё, что здесь осталось. Это наше - без всякого сомнения.

- Машины не будут работать вечно. Большинство из них мы даже не сможем обслуживать. А когда всё остановится...

- Да, мы будем предоставлены сами себе. Надо закрепиться до того, как остановятся машины.

Это значило заглядывать на годы вперед, а я всё ещё не хотел - пока не припрёт. Думаю, Теду такие мысли нравились не больше, чем мне. Он замолчал. До конца дня мы говорили немного и только о том, что встречалось по пути. Мы заночевали у ручья в небольшой роще. Костра не разводили. Дежурили по очереди, утром съели чрезвычайный рацион и отправились дальше.

К полудню мы подошли к знакомым полям. Скот бесцельно бродил на свободе. Несколько животных с жалобными криками пошли за нами, но мы прогнали их, так как не хотели привлекать к себе внимания.

И вот мы в Кинвете - в том, что когда-то было Кинветом. На лентах я видел картины военных разрушений на других мирах, но они значили для меня не больше, чем художественные или исторические ленты, - на них показывались события, которые прямо тебя не затрагивают. И то, что я увидел здесь, подействовало, как удар в лицо.

Обгорелая изрытая земля, остатки домов и лабораторий, которые мы знали всю жизнь. Ни один ориентир не остался цел, чтобы напомнить о посёлке. Как будто всё, сделанное людьми, раздавили ударом гигантского кулака.

- Нет! - у Теда вырвался стон. Он не побежал туда, в зону разрушений; а только смотрел на меня с искажённым лицом.

- Что...

- Должно быть, мы это слышали в пещерах.

- Но почему?

- Вероятно, мы никогда не узнаем.

- Я... я... - он размахивал станнером, как будто это был бластер, а перед нами - преступники, совершившие это злодеяние.

- Побереги заряды... они нам ещё понадобятся.

Обещание возмездия на него подействовало.

- Куда теперь?

- В порт. - Но я не надеялся, что там лучше.

Мы собирались остановиться в Кинвете, но теперь даже близко к нему не хотелось подходить. Мы пошли быстрее, чем раньше, стараясь как можно дальше уйти от этого страшного места. Уже давно стемнело, когда мы заночевали в сарае на краю поля - в нём обычно хранили урожай. Между Кинветом и портом лежали почти сплошь возделанные земли.

Наступала пора уборки урожая. Жатва уже началась, потому что на некоторых полях мы видели только стерню, хотя нигде не заметили ни мешков с зерном, ни полевых роботов. Вероятно, нам придётся позаботиться об урожае. Тут его слишком много для нашей маленькой группы, но я не мог допустить, чтобы он погиб. С начала войны нас приучили беречь каждое зернышко.

На следующее утро мы подошли к окраинам Етхолма. Возможно, посёлок не пострадал, как Кинвет, но в пещерах мы ощутили не один бомбовый удар. На обратном пути можно заглянуть и в Етхолм, и в Хайчекс, но сейчас важнее порт. Мне казалось, что если кто-то и выживет, то он будет в порту.

Мы шли быстрым шагом, которому учат рейнджеров. Переход, отдых, опять переход - рейнджеры переняли эту манеру у службы безопасности. Это самый быстрый способ передвижения пешком, а полями так можно идти долго. Но мы были ещё за пределами порта, когда увидели две громадные металлические колонны, устремлённые в небо.

- Корабли! - воскликнул Тед.

- Тише! - Я схватил его за руку и потянул в кусты, отделявшие одно поле от другого. Теперь нам потребуется вся скрытность и хитрость. Несомненно, не правительственные корабли, но и не корабли вольных торговцев - они бы приземлились, только если бы их заставили.

- Патруль? - не утверждение, а вопрос.

Теперь мы крались, перебегая от одного укрытия к другому. Может, мы ошибаемся: поселенцы подали сигнал, и корабли прилетели на выручку. Если так, мы в безопасности. Но я решил ничего не принимать на веру.

У ворот, ведущих в порт, следы беспорядка и борьбы. Следы огня, расплавленные участки - здесь использовали лазер. Мы миновали разбитые хопперы, флиттер, ударив-

шийся о крышу дома. Но ни звука, ни следа живого. Наконец мы добрались до ворот и скорчились за хоппером, искорёженным лазером. Я достал бинокль.

Корабли долго находились в космосе - это было видно по состоянию их бортов. Ближний к нам больше никогда не поднимется. Его дюзы сильно изувечены. Я удивился мастерству пилота, посадившего корабль с такими дюзами. Он, должно быть, сам потерял речь от такой удачи.

На обоих кораблях полустёртые надписи. Какие-то вооружённые силы. Корабль беженцев здесь не приземлялся - но, может, это те два, что следовали за ним и потребовали тех же условий? Люки открыты, трапы спущены, но ни малейшего движения. Я бросил взгляд на один трап, долго смотрел на него, потом поднялся.

- Что, Вир?

- На трапе мертвец. Думаю, можно не бояться кораблей. Пошли в здание порта.

Мы не приближались к кораблям, но достаточно приободрились, чтобы в открытую пройти по полю к зданию администрации. Мягкие подошвы наших лесных ботинок не производили никакого шума в залах, где недавно стучали космические сапоги. Здесь появились следы запустения ещё до катастрофы - закрытые двери, секции зала, где уже давно никто не ждал разгрузки, не собирались инопланетные пассажиры - так было уже много лет. Терминал напоминал памятник - не мёртвому герою, а мёртвому образу жизни. Я обнаружил, что дрожу, несмотря на удушливую жару.

Наша первая цель - центр связи. Здесь царил дикий беспорядок. Всё свидетельствовало о схватке. Приборы изрублены лазерными лучами, на полу засохшая кровь. Видны были и попытки восстановить центр. На одном столе лежали инструменты, проводка обнажена. Думаю, это передатчик сигналов кораблям на орбите.

Но ремонт едва начался, и я не мог, не знал, как его продолжить. То, что мы искали, находилось дальше, в небольшой комнате. Перешагивая через обломки, мы пошли туда. Дверь сопротивлялась, пришлось нам обоим нажать изо всех сил. Она заскрипела и открылась. За ней на помосте находился космический маяк - когда-то находился! Осталась же от него масса расплавленного металла, вряд ли нужного кому-нибудь на Бельтане.

- Нет маяка, - после долгого молчания сказал Тед. - Здесь тоже сражались.

- Кто-то, наверно, хотел включить его, но был пойман...

Хоть я и не верил в помощь из космоса, но теперь ощутил утрату; всё вокруг будто потемнело; разорвалась последняя нить, связывавшая нас с прошлым миром. Я повернулся и, так как Тед не сразу пошёл за мной, а продолжал смотреть на оплавленную глыбу, положил руку ему на плечо.

- Идём. Теперь это бесполезно.

Есть ещё одно место в здании, куда я должен зайти. Но не за помощью, а за ответом на вопросы. Эти ответы нужны мне.

Здесь должен быть ключ к происшедшему. Сюда отовсюду ежедневно приходили рапорты, и хранились они в памяти компьютера. Если он не уничтожен, можно найти самые последние сообщения и узнать, что произошло. Я сказал об этом Теду, и мы, минуя разрушенный центр связи, вышли в поисках банка данных Бельтана.

Глава 15

Я ожидал увидеть разрушенным и компьютер, но нет: либо схватки здесь не было, либо записи никого не интересовали. Подойдя к пульту управления в центре комнаты, я принялся изучать кнопки на панели. Переднюю стену занимал экран, он давал визуальные ответы на вопросы. А в стены встроены реле, содержащие не только полную историю планеты от Первой Посадки, но и доклады всех лабораторий. Большинство из них закрыты, а коды доступа к информации мне не известны.

Я заколебался. Какая комбинация выдаст нам сведения о происшедшем в последние дни? За неимением лучшего набрал ключевое слово «беженцы»: ведь именно прибытие первого корабля беженцев вызвало все последующие события.

- Четвёртый день, шестой месяц, сто пятый год после Первой Посадки...

Запись прозвучала в помещении неожиданно громко; я уменьшил громкость. Продолжалось перечисление фактов - корабль беженцев запросил разрешение на посадку, она разрешена на севере. Было добавлено несколько данных о новом посёлке. Затем говорилось о появлении новых кораблей, опять просьбы о посадке, встреча между представителями кораблей и Комитетом, решение о всеобщем голосовании. Пока что всё это мы знали. Но дальше начиналось неизвестное. Я наклонился вперёд, слушая, что было дальше.

- Двенадцатый день, седьмой месяц, сто пятый год после

Первой Посадки. Всеобщим голосованием решено разрешить посадку ещё двум кораблям, при условии что их больше не будет. Результаты голосования: 1200 на 600.

Голос замолк. Похоже, это всё, что хранилось в памяти компьютера о беженцах. Можно поискать в другом месте... Я снова набрал код и ждал.

Ответ был закодирован - серия чисел и упоминаний, понятных только тому, кто составлял код. Так продолжалось некоторое время, затем...

- Сектор 4-5. Рано утром прибыл отряд беженцев. Просят медицинскую помощь. Силой захватили доктора Ремерса. Оставили охрану. Убиты Лойенс и Меттокс. Лаборатория Райтокс разграблена. Большая часть персонала под стражей. Предупреждение: они захватили отчёты о старых экспериментах...

Опять последовал код - серия чисел. Я на всякий случай запоминал их, сделав знак Теду. Он кивнул, губы его зашевелились: он тоже старался запомнить. Голос внезапно оборвался, и мы услышали шорох перематывавшейся ленты.

- 6 - с - р - т - текс - ру - 903, - повторил я.

- Так, - согласился Тед.

Оставалось проверить, имелась ли информация, соответствовавшая этому коду. Я набрал команду.

- Закрытая информация, - послышался голос, на табло вспыхнул красный сигнал. Я знал, что в помещениях, некогда занятых службой безопасности, звучит сигнал тревоги. Но теперь никто на него не ответит, охрана для проверки не прибежит.

Выдав сигнал предупреждения, машина принялась выдавать информацию. Большей частью это были непонятные нам формулы, но потом послышалась обычная речь:

- Высоколетучее. Нестабильно. Не рекомендуется к использованию. Результаты испытаний. Возможность заражения: действует в течение сорока восьми часов. Никаких симптомов, кроме лёгкой головной боли. Вызывает кровоизлияние в мозг. Передаётся, пока заражённый жив; может передаваться только от живого к живому. Уничтожает только разумную жизнь до уровня... - Ещё серия чисел, затем: - Информация закрыта, пятый уровень, двойной код. Мы уничтожаем всё, кроме основной формулы, которая кодируется...

Конец. Тед придвинулся ближе, глядя на табло.

- Они, должно быть, нашли эту формулу. Но зачем?

- Лугард боялся этого.

Я рассказал Теду, что говорил Лугард о пиратских флотах, использующих биологическое оружие. Похоже, однако, что оружие вышло из-под контроля.

- Они его использовали, и все просто... умерли...

Думаю, что хотя Тед видел Кинвет и порт, в глубине души он не верил в конец Бельтана.

- Наверное, мы никогда не узнаем, что произошло, - сказал я, включая опять запись ежедневных событий.

Было ещё два сообщения: одно из Хайчекса, второе из Кинвета, последнее было прервано на полуслове, хотя в нём не содержалось и намёка на опасность.

Вот и всё. Возможно, когда-нибудь мы вернёмся сюда, попытаемся расшифровать коды или как-нибудь иначе добраться до банков данных. В тот час на это не было времени. Я медленно встал, переводя взгляд с одной стены на другую. Огромное богатство знаний скрывается за ними, но большей частью это специальные сведения, они нам сейчас не помогут. Но есть и ещё кое-что... Я бывал тут несколько раз с поручениями и знал, чего хочу и где это находится. Подойдя к дальней стене, я набрал серию цифр. Послышались щелчки реле, и из углубления выпали две ленты Зексро. Я подобрал их и хотел уже уходить, когда послышался ещё один, более громкий щелчок.

- Пожалуйста, подпишитесь. Все требования на ленты должны быть подписаны.

Тед издал приглушённый звук - полусмех, полуплач. Это говорило о состоянии его ума. Но я повернулся и вставил большой палец в щель для снятия отпечатка, назвал себя, сказал, что я из Кинвета по официальной надобности.

- Прекрати! - я схватил Теда за плечо и сильно встряхнул его.

- Подпись... - повторял он. - Подпись! Как будто ничего не случилось и ты пришёл за припасами.

- Да!

Меня тоже поразило равнодушие программы. Планета умерла или умирает, а машина требует подпись, чтобы выдать две катушки ленты. Нам это внезапно напомнило весь окружающий ужас. Мы повернулись и побежали - прочь от этой неоконченной, а может, уже кончившейся, истории, побежали по коридорам, по залам, прочь из здания, на поле, где молчаливые мёртвые корабли указывали на звезды, от которых мы, возможно, навсегда отрезаны.

Снаружи чувства, охватившие нас в здании порта, слегка рассеялись. Солнце светило, дул прохладный ветер, мы

вновь поверили, что живы. Хотя главная цель, ради которой мы пришли в порт, не выполнена, здесь было многое другое, что может оказаться полезным. Я решил посмотреть, что можно будет постепенно переместить в Батт. А если удастся найти флиттер в рабочем состоянии, нам вообще повезёт. Легче было бы разойтись, действовать поодиночке и встретиться в условном месте, но мы не хотели этого. Не хватало решимости бродить в одиночку по городу, населённому мертвецами.

То, что нам нужно, могло находиться лишь в нескольких местах - в парке для действующего транспорта, в пакгаузе инопланетной техники (впрочем тот, вероятно, пуст), в мастерской, где ремонтировали транспорт, и на общем складе. Я перечислил эти места, Тед согласился. Но остатка дня на поиски не хватит, и мы решили переночевать в пакгаузе. Заходить в жилые дома не хотелось.

Машинный парк нас разочаровал. Как и в Фихолме, здесь большинство флиттеров и хопперов было методично уничтожено. Один или два уцелевших нуждались в ремонте. Впрочем, я решил, что со временем мы сможем привести их в рабочее состояние.

Больше всего угнетала тишина. Да, шелестел ветер, мы слышали крики птиц (слишком много птиц для населённого места), время от времени - шаги животных. Но нам всё время хотелось оглянуться. Странное чувство, как будто из комнаты, в которую мы вошли, люди только что вышли; кто-то исчез за углом за секунду до нашего появления. Напряжение росло, пока Тед не выразил его в словах:

- Они здесь! - это был не вопрос, а утверждение.

- Нет, мы ведь никого не видели. - Но я тоже чувствовал, будто за нами следят. Неужели это потому, что здесь много мертвецов?

После парка мы осмотрели пакгаузы, где разгружались корабли. Я смутно помню, как ещё мальчишкой приходил сюда с отцом. Тогда это было шумное место. Одновременно разгружались четыре - пять кораблей, привозили технику, увозили продукты, произведённые в наших лабораториях; всё здание было забито грузами. Теперь оно пустовало. В дальнем конце - несколько тюков. Мы пошли туда. В помещении было темно. И даже шелест наших шагов звучал здесь слишком громко.

- Грабители... - вдруг сказал Тед.

Он был прав. Остатки иноземных грузов разграблены. Мы увидели разбитые ящики, перевёрнутые тюки и опять

бессмысленное уничтожение ненужного. Тщательный осмотр помог бы отыскать что-нибудь полезное, но транспорта у нас не было, а в рюкзаки мы намерены были класть только самое необходимое.

- Склад, - я перешёл к следующему пункту своего перечня.

- Там то же самое, - ответил Тед. - Нам нужно продовольствие...

И снова он прав. Я вспомнил, что завтракали мы давно. Зайдя в помещение, где вели переговоры таможенники и суперкарго, мы осмотрелись. В комнате две двери: одна, через которую мы вошли, вела в обширную пустоту пакгауза, другая - на улицу. Я открыл её и выглянул - тишина. Закрывая эту дверь, опустил палец в кодовый замок. Не знаю почему, но после этого стало спокойнее.

Мы нашли небольшую плиту. Очевидно, на ней кипятили кофе. А Тед, заглянув в ящик, обнаружил там банку с кофе и множество чашек. Должно быть, держали для официальных посетителей: на чашках были гербы всех посёлков.

Я заметил, что Тед выбрал чашки отдалённых поселений - они находились за горами. Я отмерил порцию кофе и поставил кофеварку на плиту. Хорошо заниматься чем-то привычным. Сидя в ожидании кофе по обе стороны письменного стола, мы старались не смотреть друг на друга.

- Что теперь? - первым нарушил молчание Тед.

- Вернёмся в Батт.

- Ты думаешь, мы... мы здесь одни?

- Может, кто-то остался на севере, но сомневаюсь. Они тоже прибыли бы в порт.

- А беженцы?

- Тоже были бы здесь, у кораблей - если бы выжили.

- Наверное, ты прав. - Он через плечо оглянулся на дверь в пакгауз, которую мы оставили полуоткрытой. - Не могу подавить чувство, что тут кто-то есть. - Он заговорил быстрее. - И не хочу встретиться с этим.

Он отхлебнул кофе, продолжая прислушиваться. Я знал, что он имеет в виду.

Мы разложили одеяла на полу - жёсткая постель, но нам подходит: здесь по крайней мере нет «привидений». Конечно, в порту отыскались бы более удобные постели, но в эту ночь они не для нас.

Хотя ничего не говорило о необходимости дежурства, мы всё же решили спать по очереди. Теду выпало дежурить первым, и я завернулся в одеяла. Мы выключили свет, предпочитая полутьму: из пакгауза пробивалось освещение. Я

думал, что не усну, однако уснул сразу же - и проснулся от прикосновения Теда. Рукой он зажимал мне рот, требуя тишины.

Проснувшись окончательно, я тоже услышал это. В пакгаузе звучали шаги, и только космические сапоги могли произвести такой стук. Один человек... нет... кажется, я слышу шаги ещё двоих. Тед прошептал мне на ухо:

- Они пришли с поля. Я слышал, как там сел флиттер.

Мы подкрались к двери и заглянули в пакгауз. В дальнем конце, где лежал разграбленный груз, светил фонарь. Мы увидели там две фигуры. Итак, мы не одни... Тед снова прошептал:

- Думаешь, они ищут нас? Знают, что мы здесь?

- Нет... Иначе они напали бы, - ответил я. - У них преимущество в оружии, они без труда захватили бы нас.

Похоже, они что-то искали в разбитых контейнерах. Действовали торопливо, как будто их поджимало время или что-то пугало.

Если они заражены вирусом, то это ходячие мертвецы. И они об этом знают - видели другие жертвы. Поэтому они для нас большая угроза, чем если бы охотились за нами с лазерами.

- Собираемся и уходим, - прошептал я. - Не оставляй ничего, что выдало бы наше присутствие.

Мы стали осторожно собираться. Тед поставил чашки в ящик, я закрыл плиту в шкаф. Мы не осмеливались зажигать свет, но мне показалось, что поверхностный взгляд не обнаружит следов нашего присутствия. Я открыл наружную дверь, и мы выскользнули на улицу.

Когда мы уже поверили, что благополучно ускользнули, сзади раздался крик. Мы отошли от пакгауза уже на квартал, и теперь нам оставалось обогнуть посадочное поле и выйти за город.

- Лазеры! - предупредил я Теда, и мы устремились в подъезд дома. Дверь подалась, и мы чуть не упали в прихожую. Я мгновенно закрыл дверь. Её легко прожечь, но даже для этого нужно время.

Тед споткнулся обо что-то в темноте и чуть не упал. Он дико закричал и метнулся мимо меня внутрь. Я на мгновение зажёг фонарь, взглянул - и так же быстро побежал за ним.

Прихожая заканчивалась гравилифтом, но я свернул в дверь налево и потянул за собой Теда. Мой выбор был вознаграждён - большое окно. Оно открыто, и нам потребова-

лись считанные секунды, чтобы вылезти через него в сад, чуть ли не в садовый пруд.

Садик окружён виноградником, таким густым, что только лазер мог прорезать эту стену. Но сила страха и отвращения была такова, что мы, не обращая внимания на царапины и уколы, взобрались на ограду и через неё вывалились наружу - снова на улицу. И снова услышали отдалённые крики - скорее не сигналы тревоги, а вопросы. Они считают, что мы из их отряда? Если так, почему мы бежали - или с началом эпидемии люди стали бояться друг друга?

Я на мгновение растерялся. Куда идти? Подальше от порта в открытую местность - в этом наше преимущество. Я сказал об этом Теду.

- И куда потом - назад в Батт?

- Нет. Они могут нас выследить.

Хотя там и есть защита, я слишком многое видел в порту, чтобы на неё рассчитывать. Мы побежали по улице, держась в тени. Теда на мгновение осветило прожектором, прежде чем он упал на землю.

- Эй!

Не испепеляющий луч, которого мы ждали, а просто оклик. Значит, нас преследуют не враги, а наши? Но я же слышал стук космических сапог в пакгаузе.

- Подождите! - снова оклик вместо огня.

Но мы не стали ждать. Я рывком поднял Теда, и мы скользнули между двумя зданиями, стараясь, чтобы между нами и преследователями располагалось хоть какое-нибудь строение.

- Флиттер! - выдохнул Тед.

Нельзя ошибиться, услышав звук взлетающего флиттера. Мы инстинктивно пригнулись, стараясь раствориться в тени, чтобы нас не увидел пилот. Флиттер скользнул над ближайшей крышей и полетел вдоль улицы, которую мы только что покинули. Может быть, забрать тех, что искали нас?

- Пошли!

Мы воспользовались всеми уловками, чтобы запутать преследователей. И, когда оглянулись, увидели поразительное зрелище. В порту вспыхнуло освещение. Я с детства не помню такого блеска - здесь всегда экономили энергию. Должно быть, они считали, что мы прятались где-то там.

- Они не стреляли, - заметил Тед. - Почему?

- Может, с них хватит убийств, - мрачно предположил я. - Или мы оказались слишком далеко, когда они поняли, что мы не из их числа.

- А может, это наши?

- Наши не могут быть в космических сапогах - а я их слышал в пакгаузе.

- Что же нам теперь делать?

- Повернём на север. Если они будут преследовать...

- Но как? Они с чужих планет, у них нет опыта.

- Им и не нужно. Нужен инфраскоп. А он у них есть. Поэтому мы будем держаться подальше от Батта, пока они идут за нами... или рыщут вокруг.

Инфраскоп - назначение у прибора доброе, но он поможет нас прикончить, если мы не уберемся подальше. Этих приборов в порту множество. Рейнджеры использовали их для наблюдения за животными. Их легко настроить на тепло человеческого тела - с их помощью отыскивали заблудившихся в заповедниках.

И вот мы двинулись на север, в направлении, противоположном тому, откуда пришли. Я думал, как бы обмануть инфраскопы. Уйти под землю - да. Нужно держаться подальше от лавовой местности, чтобы не привести чужаков к Батту. Но в этих холмах тоже есть пещеры. У нас мало продовольствия и нет возможности возобновить запас.

К рассвету мы ушли далеко в глушь, но флиттер легко нас догонит. Требовался отдых. Мы выбрали рощу с густым подлеском и сели. Тед спал первым, я караулил.

Под низко нависшими ветвями деревьев было прохладно. Я был уверен, что с флиттера нас не увидят. Но им и не нужно нас видеть. Если инфраскоп покажет, что мы здесь, им стоит только направить сюда лазер, и всё будет кончено. Я услышал с юга звук приближавшегося флиттера. Растительность здесь густая, и если мы на время разделимся, они получат две цели. Я разбудил Теда.

- Что?..

- Пошли! - Я подтолкнул его вправо. - Идём на север... но не вместе.

- Хорошо!

Он надел рюкзак, и мы разошлись. Флиттер как будто завис над нами. Я с напряжением ждал огненного луча. Вместо этого послышался громовой голос:

- Выходите! Мы не причиним вам вреда!

Они что, считают нас глупцами? Зачем им говорить с нами? С поселенцами они не беседовали.

Но они не стреляли, хотя флиттер по-прежнему висел над нами. Я слышал, как продирается сквозь кусты Тед, держась на расстоянии от меня. Неужели эта нехитрая уловка сбила

со следа наших преследователей? Или они почему-то не хотят больше убивать? Мы видели не только наших мертвецов, но и их. Может, просто их стало слишком мало? Или они ищут тех, кто работал в лабораториях и знает противоядие? Вероятно, истину я никогда не узнаю.

- Мы можем поджарить вас, - продолжал громкоговоритель, - прямо на месте. Вы это знаете. Мы этого не делаем. Выходите! Мы все в одинаковом положении - мы умрём, и вы умрёте. Но вы умрёте быстрее, если не выйдете!

Просьбы, потом угрозы, но ни малейшего желания их выполнить. Они хотят получить нас живыми, значит мы им очень нужны.

Наша планета спасла нас самым непредвиденным образом. Здесь, должно быть, находился небольшой заповедник для исследований. Кроны деревьев смыкались над узким рвом - скрытым подходом для наблюдений. Я споткнулся и упал в ров, а через секунду услышал звук падения Теда. Ров искусственный, он вымощен. Края его выше головы. Я свистнул, как древесная ящерица, и услышал ответ Теда. Он подошёл ко мне.

Мы пробирались в темноте, спотыкаясь о корни, нависшие ветви, опасаясь включать фонарь. К своему удивлению, я услышал, что флиттер улетает. Он больше не висел над нами. Неужели они отказались от преследования? Если мы им нужны живыми, то, пока мы во рву, они в затруднении. Возможно, ищут место для посадки, чтобы поискать пешком. Тогда преимущество на нашей стороне.

- Похоже, садятся, - сказал Тед.

Неудачный выбор - звук далеко от нас. Мы продолжали двигаться по рву. Должен же он где-то кончиться.

Глава 16

Ров становился мельче, но над головой по-прежнему смыкались заросли. Дважды мы натыкались на наблюдательные посты, с сидениями, с полками, на которых когда-то стояли приборы. По состоянию рва, по густым зарослям я решил, что это место давно уже не использовалось.

Местность к северу от порта мне незнакома. Это наименее населённая часть континента, небольшой участок возделываемых земель, окружённый глушью. Несколько постов безопасности, гарнизоны которых часто менялись. Проекты, первоначально тут осуществлявшиеся, давно оставлены. Где-то впереди начинаются холмы, переходящие в горы,

через которые мы перешли. Там мы нашли бы укрытие от флиттера: инфраскоп плохо действует на пересечённой местности.

Я больно ударился подбородком о какое-то препятствие, и мы оказались у конца рва. Я нащупал несколько ступенек. Флиттер был уже какое-то время не слышен. Если преследователи приземлились, преимущество на нашей стороне: мы вполне подготовлены, а они больше привыкли к космическим просторам.

- А мы сможем вернуться в Батт, если сейчас пойдём на север? - спросил Тед.

- Не сразу. Придётся ещё свернуть на запад.

- Там нет дорог.

- Да. Но дальше есть посты безопасности.

Посты, должно быть, разрушены. Я вспомнил, что мы видели на экране в Батте. Рогатый бородавочник, привычно сидящий в кресле и глядящий на нас. Дрожь пробежала по спине. Мы выбрались на старую дорогу.

- Куда теперь? - Тед придвинулся ближе. - Мы... мы в лесу?

Его неуверенность имела основания. Видимость почти нулевая. Я нащупал упругую стену кустарника. Проведя руками вверх, обнаружил, что кусты смыкаются над головой, образуя крышу. Такие незаметные подходы для наблюдателей устраивались в заповедниках мутантов.

Но заповедник мутантов на севере? Ведь они все за горами. Впрочем, мы многого о Бельтане не знаем. В последние годы было столько закрытых проектов... многие из них позже оставлены... сотни заповедников могут скрываться в отдалённых районах континента, а поселенцы о них не подозревали, да это их и не интересовало.

Я осмелился включить фонарь, зная по прошлому опыту, как хорошо сооружаются такие тайные подходы. Туннель, образованный растительностью, расходился в стороны. Кусты держатся на сетке из специальной стали, которая способна долгие годы сопротивляться воздействию стихий. Стены не менее прочны, чем у домов в посёлках.

Направо или налево? Компас подсказал - налево. Никакой флиттер не обнаружит нас сверху. Если всё устроено, как в других заповедниках, вверху расположены полосы, искажающие показания инфраскопа. Нам повезло с этим безопасным путём... Меня продолжало удивлять, что такое сложное сооружение находилось рядом с портом и о нём никто не знал. Я не часто читал информационные ленты, как Гита, но считал, что о заповедниках знаю всё.

- Что... что это?

Тед придвинулся ближе. Он шёл за мной, едва не наступая мне на пятки.

- Похоже на пункт наблюдения за мутантами. Но вот где... среди заповедников такой не значится. Ага!

Мы зашли в тупик, но я знал, как тут действовать. Передав Теду фонарь, я порылся в ветвях и отыскал дверцу. Открылась она с трудом - ею уже несколько лет не пользовались. Ветви расступились, лианы разорвались, и мы выбрались наружу.

Перед нами лежало то, что мне меньше всего хотелось увидеть, - открытая местность, к тому же болотистая. Заросли тростника почти с деревья высотой. На нём всё ещё сохранялась летняя листва, которая подхватывала малейший порыв ветра. Она всегда в движении, шуршит, листья сталкиваются, обнажаются спелые плоды.

Вдобавок к тростникам - гротескные груды хортала, гриба, образующего огромные наросты и быстро отмирающего; в оставшихся наростах селятся различные животные и птицы. Здесь опасно просто потому, что никогда не знаешь, когда кусачий или жалящий обитатель придёт в ярость.

Каменистая тропа вела прямо в болото, заросшее, обесцвеченное водорослями и мхами. Над лужами с илистыми краями, с грязной водой, как дьявольские зелёные свечи, танцевали болотные огоньки. Так непохоже на Бельтан, который я знал; как будто мы, пройдя через туннель, попали в другой мир.

- Мы пойдём туда? - спросил Тед.

Раньше этой дорогой часто пользовались, но мне этого не хотелось. Конечно, можно вернуться и исследовать другой конец туннеля, хотя он и ведёт совсем в другую сторону от нашего первоначального направления.

Тяжёлые испарения болота достигли обоняния; тростники зашумели на ветру. Тут даже днем опасно ходить, решил я. И уже хотел повернуть назад, когда услышал возгласы из туннеля. Должно быть, наши преследователи упали в траншею. Значит, они по-прежнему идут за нами. Повернув назад, мы попадём прямо им в руки.

Я стал внимательно изучать каменистую дорожку. Насколько можно судить, она идёт по какому-то возвышению. Ни разу не исчезает в болоте, ни в одном месте не перекрывается растительностью. И тут, изрядно удивлённый, я понял, что, несмотря на сумерки, ясно вижу каждый камень дорожки; они как будто были покрыты фосфоресцирующим

материалом. Дорожка сделана так, что видна в темноте. Значит, она предназначалась для наблюдения за ночными животными?

- Придётся идти туда, - решил я. И сделал первый шаг.

Наши преследователи обуты в сапоги с металлическими подошвами, им тут будет нелегко: камни покрыты чем-то скользким. Наши мягкие башмаки несли нас устойчиво, конечно, если мы не слишком торопились. Некоторое время мы двигались прямо в болото, и его гнилые испарения окружили нас. Тростники стали гуще, и, когда дорога свернула влево, совсем заслонили ту её часть, что мы миновали.

Наши глаза привыкли к темноте, и свечения камней вполне хватало. Я не пользовался фонарем. Мы уже довольно далеко углубились в эту печальную местность, когда набрели на остров, высоко поднимавшийся над уровнем болота. Пять камней образовывали лестницу, ведущую от дороги на его поверхность.

Остров искусственно выровнен, хотя густая растительность свидетельствовала, что его уже несколько лет не посещали. В центре несколько загонов напоминали знакомую нам станцию мутантов - место, где содержат животных, прежде чем выпустить в естественную для них среду обитания.

Вероятно, это тупик, и я подумал, что сделал неправильный выбор. Тратить время на пересечение острова я не стал. Там опять каменные ступени, ведущие к посадочной площадке. Площадка окружена стеной из светящихся камней, рассчитанных, очевидно, на то, что их видно с воздуха. Почему? Нужно было доставлять сюда груз по ночам? Никакой другой причины не могло быть.

Мы обошли стену с трёх сторон. Никакого выхода. В конце концов я решился включить фонарь и осветил пространство за стеной, пытаясь найти проход через болото.

Фонарь осветил гряду, похожую на ту, по которой шла дорога, но невымощенную. Если это продолжение дороги, она нас выдержит. Хотя, конечно, риск был.

Мы вернулись к загонам. Впервые я заметил небольшое сооружение из проволочной сетки, затянутой растительностью. Дверь его открыта, вход весь перевит лианами, преграждавшими путь. Мы расчистили его. Осторожно осветив внутренность, я решил, что это сооружение должно так же сливаться с местностью, как и все наблюдательные пункты рейнджеров. И это всего лишь временное убежище. Как и строение в горах, оно было лишено мебели, если не считать

двух коек, встроенных в стены и покрытых неприятной на вид плесенью.

Сильно пахло сыростью. Тед вскрикнул, и я уловил справа вспышку станнера. Фонарь осветил существо, дергавшееся, пока луч не подействовал полностью; тогда оно затихло, выставив брюхо и обнажив могучие когти. Кос-краб и сам по себе очень опасен. А тут за ним виднелась паутина, и в ней что-то шевелилось...

- Назад!

Я попятился, Тед за мной. Целое гнездо крабов! Не знаю, кто ещё здесь обитал, но у меня не было ни малейшего желания выяснять это. Придётся повернуть назад - но, выйдя из сооружения, мы услышали звук и увидели вверху свет прожектора. Флиттер выследил нас!

Я отстегнул фонарь и бросил его в хижину. Пусть кажется, что внутри кто-то есть.

- Пошли!

Мы побежали к посадочной площадке, через стену, к гребню, который, возможно, ведёт на ту сторону болота. Если нас ищут не по инфраскопу... но на такую удачу нечего рассчитывать. Может, заметив свет, они задержатся у хижины.

Теперь приходилось идти наощупь, а это было опасно. Но спустя короткое время почва под ногами стала совсем твёрдой. Ножом я срезал ветку и стал ощупывать ею дорогу в поисках незаметного поворота. Призрачные болотные огни горели тут и там, поддерживая слабый свет.

Сзади донёсся шум садящегося флиттера. Я вздохнул с облегчением. Они увидели посадочную площадку и сели, возможно, привлечённые светом в хижине. Значит, их инфраскоп больше не действует, иначе они поняли бы, что это обман.

Неожиданно мой прут провалился. В панике я стал щупать им направо и налево, надеясь, что это просто поворот, а не конец безопасного пути. Действительно, слева я нащупал продолжение твёрдой поверхности.

Теперь всё держалось на нервах. Напряжение становилось всё сильнее, тропа шла не прямо, а сворачивала то направо, то налево, то снова направо. Каждый поворот вызывал страх, что мы подошли к концу.

Я начинал думать, что это возвышение искусственное, сделанное для какой-то цели, хотя оно и не было вымощено. Оно слишком извивалось, чтобы быть естественным. Болотные огни остались позади. Мы по-прежнему двигались сквозь болотное зловоние, какие-то существа ускользали из-

под ног. Каждое мгновение мы ждали, что они перестанут убегать и загородят нам проход.

Наконец гребень привёл нас к маленькому озеру. Я услышал удивлённое восклицание Теда и эхом повторил его.

Мы увидели огни - не болотные огоньки и не фонари или прожекторы, как на флиттере. Это было бледное свечение, похожее на свечение камней на дороге.

Камни! Светятся камни! Из них сложены грубые столбы, расставленные там и тут. Между столбами, поднимавшимися над тёмной поверхностью воды, - насыпи, слепленные из грязи и тростника.

- Рогатые бородавочники! - полушёпотом воскликнул Тед.

Да, рогатые бородавочники. Но я никогда не видел такого их поселения. Обычно они живут поодиночке, одно озеро занимает одна семья. А здесь я насчитал не менее двадцати насыпей со столбами между ними.

Водная поверхность спокойна. И по виду ближайшей насыпи (в ней чуть выше поверхности виднелось входное отверстие) похоже, что они оставлены. Но всё же картина была так далека от нормы для этого вида, что я почувствовал беспокойство. На Бельтане быстро привыкаешь обращать внимание на всё необычное.

Узкая тропа проходила рядом с одним из столбов. Действительно, искусственное сооружение, камни скреплены той же смесью грязи и растительности, из которой слеплены жилища животных. Это сделали рогатые бородавочники? Но как? У них не хватило бы интеллекта для сооружения такой системы освещения.

Камни одинаковые, точь-в-точь такие, как на дороге, ведущей к острову. Я опустился на колени и пощупал землю. И нащупал углубления, хотя они и сгладились за несколько лет. Столбы сооружены из покрытия дороги!

Осторожно поглядывая на насыпи-куполы, мы продвигались вперёд. Кое-что обнадёживало. Бородавочники любят селиться у воды, но в болотах не живут: они питаются тем, что растёт в сухих местах. Значит, мы на краю болота.

В серых предрассветных сумерках мы вышли на твёрдую землю, оставив болото позади. Флиттера не было слышно. Дорога, проведя нас через трясину, неожиданно кончилась ещё одной посадочной площадкой. Я осмотрелся в поисках пещеры или какого-нибудь убежища. Мы падали с ног от усталости и без отдыха далеко не уйдем.

- Вир!

Я повернул голову. Тед указывал на утёс впереди.

- Вир! Иопей!

Я тоже увидел его - голова с широким клювом, ярко-оранжевое и белое оперение. Иопей взлетел, упал вниз и, казалось, исчез в скалах. Мы двинулись туда. Гнёзда иопея, сооружённые из смеси перьев, мха и секреции специальной железы, всегда находятся у входа в пещеру. Гнездо внутри, а сама птица охотится за насекомыми снаружи. Нам повезло, что мы её вообще увидели. Если бы не иопей, мы никогда не нашли бы пещеру: вход закрывала нависавшая скала.

Нужно было протискиваться в узкую щель. Мы оказались в полутёмной пещере с песчаным полом. Это не лавовая страна, поэтому туннелей здесь нет. И я не собирался идти вглубь. Здесь мы в безопасности от инфраскопа. Можно посветить фонарём.

Узкий вход напоминал горлышко бутылки. Пещера оказалась очень странным местом. В своих блужданиях по лавовым пещерам мы видели немало необычного, но здесь было кое-что новое.

С пола поднималась густая поросль чисто белой растительности высотой до колена. Она выросла из семян, принесённых иопеями, чьи бормочущие крики у нас над головой напоминали стоны. Некоторые побеги высохли и погибли, другие всё ещё боролись за свою обречённую жизнь. Тед перевёл фонарь от этой призрачной растительности на птиц, которые беспокойно зашевелились в гнёздах.

С пола послышался другой звук. Тед успел осветить мохнатый зад с пушистым хвостом - ткач-брод. Хвост торчал из громадного гнезда, сплетённого частично из высохших побегов призрачных растений, частично из принесённых снаружи кусочков. Вся масса достигала высоты талии человека, она крепилась к дальней стене и была изготовлена не одним поколением бродов. Характерное травяное плетение кое-где смялось и порвалось, но было ясно, что гнездо по-прежнему обитаемо.

Мы обошли призрачную растительность, гнездо бродов и угол, где гнездились иопеи, - там стены и пол были покрыты неприятно пахнувшими пятнами. Оставалось узкое пространство, на котором можно было прикорнуть. Фонарь продолжал светить, беспокоя птиц, пока мы ели. Затем я достал карту и принялся обдумывать план дальнейших действий.

Дежурили мы по очереди. Ещё дважды ели. Иопеи постепенно привыкли к нашему обществу и, когда мы выключили фонарь, принялись вылетать и влетать. Судя по моим часам,

мы провели в укрытии полтора дня. Я надеялся, что преследователи отказались от поисков. Оставаться здесь слишком долго я тоже не хотел: боялся, что они полетят на юг и найдут Батт.

Стала ясна глупость наших попыток воспользоваться коммуникатором. Если Аннет в наше отсутствие возобновит их, результаты могут быть самые плачевные. Последние часы в пещере были трудными: очень хотелось двигаться.

Наконец, вслед за иопеями мы выбрались из полутьмы. Пока никаких признаков слежки. Теперь приходилось двигаться по компасу на юго-запад. В этой местности нелегко выдерживать направление - повсюду холмы.

Мы обогнули болото в первую же ночь. Светила луна, иногда слишком ярко. Не нужно было нащупывать каждый шаг, поэтому мы продвигались быстро. Я продолжал искать следы бородавочников. Поселение было рассчитано на множество этих животных, и они должны были оставить заметный след, ведущий из болота.

Когда мы наконец набрели на эту их «дорогу», я был, несмотря на все свои предположения, поражён шириной и глубиной пространства, испещрённого следами их когтей. Тут вполне могла пройти машина; дорога шла в углублении, вытоптанном поколениями этих существ.

Я не интересовался, куда она идёт. С меня достаточно и следов, хотелось побыстрее оставить их позади. В одиночку рогатые бородавочники не опасны, но стада (а раньше они никогда не водились стадами) следует избегать.

Мы быстро шли, пока болото не осталось южнее, и тогда повернули на запад. Всё время ожидали услышать звук флиттера, но тот не появлялся; мы несколько успокоились, но не настолько, чтобы попасть в ловушку.

Инфраскопа у меня не было, зато было нечто, развивающееся у каждого рейнджера, иначе ему просто нечего в этой службе делать, - шестое чувство опасности. Дойдя до поворота за выступ скалы, я неожиданно остановился и рукой преградил дорогу Теду.

Вместо того, чтобы идти вперёд, я отступил, потянув за собой Теда. Прислушался, стараясь ощутить чужой запах. Ни следа опасности впереди - и всё же я знал, что нас впереди поджидают.

Последним рывком я упал в расщелину, частично подмяв под себя Теда. Мы долго лежали, прислушиваясь. Не знаю, как они догадались, что ловушка не сработала. Возможно, всё же пользовались инфраскопом. Их подгоняла

необходимость, такая жестокая, что они решили действовать в открытую.

- Мы знаем, что вы здесь.

Голос гремел в скалах, как ранее в порту.

- Мы не причиним вам вреда. Нам нужна ваша помощь - клятва перемирия.

Клятва перемирия? Да, некогда давались такие клятвы и даже выполнялись. Но после того, что произошло на Бельтане, после того, что мы видели, у нас не оставалось никакого доверия к их «чести».

- Мы нужны вам, вы нужны нам... - продолжал голос, и в нём зазвучало отчаяние.

- Послушайте, мы безоружны. Смотрите...

Из-за скалы в лунный свет вылетело оружие. Со стуком ударилось о камень: бластер, два лазера и ещё одно, незнакомое мне, но, несомненно, не менее, а может, и более смертоносное.

- Мы идём - у нас пустые руки - клятва перемирия...

Сначала я увидел их тени. Приготовил станнер и заметил, что Тед сделал то же. Их было трое, лица я не разглядел, они стояли спиной к свету. Двигались медленно, каждый шаг давался им с трудом. Шли, вытянув руки ладонями вверх. Один остановился и коснулся лба правой рукой. Я вспомнил симптомы болезни и в ужасе застыл.

- Давай, - шепнул я Теду, - на полную мощность!

Глава 17

Они рухнули, обрушились на землю, как будто были слеплены из глины, растекающейся под напором воды. Они не умерли, но некоторое время их можно было не опасаться.

- Тед, стой! - резко приказал я, потому что он двинулся к неподвижным телам.

Не знаю, каковы признаки болезни и есть ли вообще видимые признаки, но то, что эти люди так упорно преследовали нас, служило предупреждением. Я считал, что имелась только одна причина этому - они знали, что мы местные, и думали, что мы можем усмирить демона, которого они выпустили.

- Передаётся от живых, - напомнил я Теду, когда он вопросительно взглянул на меня. - Возьмём их оружие и уйдём, прежде чем они...

Он кивнул и подобрал лазер и бластер, а я остальное. Мы осторожно обошли лежавших.

- Флиттер, - сказал Тед.

- Да.

Если мы найдём их транспорт и заберём его, то не только оставим их пешими, неспособными следить за нами, но и ускорим своё возвращение в Батт. Мы не слышали звуков посадки, но это не значило, что флиттер не стоит где-то поблизости, поэтому мы принялись за поиски.

Я не знал, сколько времени будет действовать на них станнер. Люди на него реагируют по-разному. Но, захватив оружие, мы контролировали ситуацию. У них оставался только один вид вооружения, но очень страшный, если они поймут это. Им достаточно коснуться нас, и мы мертвы, хотя некоторое время будем ещё ходить, говорить, казаться живыми.

Мы поднялись на холм, у подножия которого шли. С высоты я тщательно осмотрел окрестности и увидел то, что мы искали, на небольшой лужайке за одним из холмов.

Я принялся разглядывать флиттер в бинокль. Дверь кабины открыта - и в траве лежит человек. Может, выпал из кабины или упал, стоя рядом. Но лежал он неподвижно и не под действием станнера. Я укрепился в своём предположении - отряд нёс с собой заразу. Но флиттер - можем ли мы им воспользоваться? Для нас он так много значил. И оставить его к услугам врага... Полёт на юг приведёт их к Батту. Итак, заражена ли машина?

- Он мёртв? - Тед тоже увидел флиттер. - Зараза?

- Да. Если мы решимся взять флиттер...

Мы не знали численности их отряда. Внутри могут находиться ещё люди, мёртвые или умирающие. Тед, глядя на флиттер, напрягся так заметно, что я уловил его удивление.

- Что случилось?

- Посмотри на хвост... возле красной травы.

Трава, на которую он указывал, была отчётливо видна на фоне тусклых листьев зика. Секунду или две я ничего не замечал, настолько хорошо прятался хищник. Потом он шевельнулся, и я сразу увидел отвратительную рогатую голову, нацеленную на неподвижное тело

- Рогатый бородавочник? - удивился я.

Он действовал так, как никогда не действуют бородавочники. Обычно эти животные не опасны, хотя их внешность внушает отвращение. Это амфибии, взрослые особи достигают метра в высоту. Их широкие морды с зияющей щелью пасти и тремя мясистыми наростами - одним передним, там, где у человека нос, а другими над выпуклыми глазами

- крайне отталкивающи по нашим стандартам. Известно также, что бородавочники способны менять цвет кожи, сливаясь с окружением. Это робкие существа, предпочитающие свои болотистые логова, убегающие, когда их потревожат, хотя самцы вооружены когтями, в определенное время года ядовитыми. Они охотятся, прыгая на добычу из укрытия, хватая её лапами с присосками и разрывая горло когтями.

Этот бородавочник был огромен. Я о таких даже не слышал. Голова, которая располагалась над согнутыми плечами под прямым углом, была шире и больше обычной. Зверь как будто приглядывался.

Характерным прыжком он приблизился к хвосту флиттера, рядом с телом. Низко наклонился, покачивая головой, осматривая или принюхиваясь. Очевидно, удовлетворённый, он неожиданно вытянул передние лапы, положил их на дверцу и с видимым усилием неуклюже просунул внутрь голову. И оставался так некоторое время, тщательно осматривая внутренность флиттера. В бинокль мне видна была только его спина. Соскочив на землю, он снова обратился к человеку, ощупывая передними лапами его тело.

- Вир! Смотри, что он делает!

Я тоже видел. Болотное животное держало в лапе длинный нож. Свет отразился в металлическом лезвии. Бородавочник держал находку, изучая её выпуклыми глазами. Всё в его движениях свидетельствовало, что это не животное, а разумное существо, которое нашло нечто, способное в будущем принести пользу.

- Вир, но как?..

- Мутант, - единственное возможное объяснение.

То, что я видел, плюс посёлок в болоте... всё это значило... Итак, проводились эксперименты с мутациями местных животных, а не только с привозными. Но с какой целью?

Бородавочник снова принялся осматривать или обнюхивать мертвеца. Потом повернулся к флиттеру и предпринял тщетную попытку залезть в кабину - это было настолько не похоже на его обычное поведение, что я с трудом перевёл дыхание. Но приземистое тело помешало ему, хотя зверь и прилагал большие усилия. Наконец он оставил свои попытки и двумя большими прыжками исчез в направлении болота. Нож он унес в пасти.

Для нас он кое-что сделал. Его поведение у флиттера ясно показало, что в кабине никого нет. А машина нам нужна.

Надев рюкзаки, мы спустились с холма. Шли не торо-

пясь. И тщательно осмотрели лужайку, прежде чем выйти на неё.

Тело мы обошли так же, как и тех, оглушенных станнером. Проходя, я заметил, что мертвец одет в космический мундир. К какому союзу он относился, мы никогда не узнаем.

Пока Тед караулил, я вслед за бородавочником заглянул внутрь. Флиттер был шестиместный, одна из больших машин из порта. За пассажирским салоном валялось множество ящиков, как будто экипаж занимался грабежом. Я протиснулся внутрь и сел в кресло пилота. Как я и думал, машина была на ручном управлении.

- Давай! - позвал я Теда.

Он повиновался без лишних движений, захлопнул за собой дверцу кабины и сел в кресло второго пилота. Я включил двигатель. Указатель энергии приближался к нулю. У меня не было времени на подзарядку в порту. Оставалось надеяться, что до Батта хватит.

У меня была небольшая практика в обращении с флиттерами. В последнее время на Бельтане больше пользовались хопперами. Тем не менее я поднялся в воздух всего лишь с одним-двумя толчками. И направился на юго-запад с наибольшей скоростью, какой мог достичь. Намного быстрее, чем в хоппере. Курс я проложил в обход порта, чтобы не насторожить врагов, которые, возможно, там ещё оставались.

- Вир, - нарушил молчание Тед, - эти мутировавшие бородавочники...

- Да?

- Ведь о таких экспериментах никогда не сообщалось.

- Нет.

А сколько ещё подобных секретов теперь обнаружится? Возможно, проводились такие эксперименты, о которых вообще не имелось информации, даже закодированной в памяти компьютера.

- А что если есть и другие?

- Думаю, можно ожидать дальнейших сюрпризов.

- Но ведь мы теперь не можем рассчитывать на помощь извне. И...

- И нам придётся жить на Бельтане вместе с мутантами, - закончил я. - Да, есть над чем задуматься.

- Батт в дикой местности, далеко от заповедников. Вир, как ты думаешь, мы сможем открыть пещеры вновь? База была бы безопасным местом...

- Да, если там нет опасных местных животных. Помнишь ледяную пещеру?

В общем, он был прав. Лугард и его предшественники хорошо продумали местоположение последнего убежища.

- Вир, посмотри - туда! - Движение заметил Тед, я сосредоточил внимание на приборах.

То, что он увидел, при других обстоятельствах было бы вполне обычным зрелищем в это время года. Внизу на поле роботы убирали урожай; в конце каждых трёх рядов они выплёвывали мешок с зерном. Но кто их запрограммировал? За ними виднелись ещё два поля, уже убранных. Значит, они работают день, может, два.

Беженцы? Неужели остались выжившие, которые подумали об уборке? Роботов требовалось тщательно программировать: наши поля невелики, а роботы склонны действовать, невзирая на изгороди, забредая даже в густой кустарник, если за ними не присматривать. А здесь поля убраны правильно. Но не было видно никого с управляющим устройством. И ферм поблизости нет.

- Клиновидный овёс!

Узнав злак, я невольным движением чуть не остановил флиттер в полёте. Это не человеческая пища. Грубое зерно, которое убирали роботы, обычно направлялось в заповедники, где зимой служило кормом животным. Зачем убирать клиновидный овёс теперь?

Робот, двигавшийся под нами, подошёл к краю поля. Я ожидал, что он врежется в изгородь. Возможно, какой-нибудь умирающий в бреду активировал робота, сам не понимая, что делает.

Но робот на границе поля остановился. Я ещё раз облетел поле, рассматривая подготовленные к отправке мешки с зерном и стоявшего робота. Поле убрано совсем недавно, может, только вчера. А мешков с зерном нет. Оставались лишь три у изгороди. Остальные исчезли.

- Кто-то жив! - воскликнул Тед. - Давай поищем. Вир, мы должны!

С поля вела дорога. Мы пролетели вдоль неё, но не увидели ни фермы, ни небольшого посёлка, только амбар для зерна. И никого живого.

И хоть нам срочно нужно было возвращаться в Батт, я не мог не учитывать возможности, что кто-то из поселенцев выжил. Поэтому я посадил флиттер на площадке, где останавливались грузовые машины.

Двери амбара были широко раскрыты. А внутри ничего -

ни одного мешка. Мы звали, потом я увидел микрофон коммуникатора на стене и попробовал вызвать по нему. Ответа не последовало.

Возвращаясь к флиттеру, я увидел следы в пыли. Это не были следы хоппера или машины, лесных ботинок или космических сапог.

Отпечатки копыт, и я их узнал. Совсем недавно, уже после того, как тут побывали последние машины и человек, по дороге прошло несколько сирианских кентавров. Клиновидный овёс и кентавры хорошо увязывались друг с другом. Но робот-уборщик - кто руководил им? И вдруг я почувствовал, что не хочу этого знать, хочу вернуться в Батт, к своим, в дикую местность, где нет места невероятному.

- Вир, смотри - тут что-то тащили. - Тед показал полосы в пыли.

Да, тащили что-то тяжелое. Мешки с зерном или?.. Всё вокруг показалось чужим. У нас появилось такое чувство, будто мы слишком задерживаемся там, где нас не хотят видеть. Не то чтобы я ощущал слежку, что какие-то наблюдатели-нелюди лежали поблизости, разглядывая нас. Нет. Как будто мы заглянули в покинутый дом, где больше никогда не будут жить люди.

Успокаивая разыгравшееся воображение - такие картины увидишь разве в развлекательных лентах, - я направился к флиттеру. И, набрав максимальную скорость, решил больше не отвлекаться.

Мы не снижались над полями, ждущими уборки. То, что росло там, предназначалось для людских желудков. Нигде не было видно действовавших роботов. Ещё месяц, может, всего три недели, и урожай уже не спасти. Во мне росло чувство, что нам в Батте придётся об этом серьёзно подумать. Припасы следует сохранить для непредвиденных обстоятельств, а питаться тем, что дадут поля. Всегда должен быть запас на крайний случай.

Необходимо было обогнуть порт, поэтому мы пролетели над двумя небольшими поселками - Риволмом и Пикчексом. Их не бомбили, но и они превратились в могилы.

К сумеркам мы приблизились к дикой местности, в которой находится Батт. На случай, если Аннет продолжает включать коммуникатор, как она это делала раньше время от времени, я настроил прибор на волну порта - так нельзя установить, куда мы движемся, - и передал в нашем коде:

- Говорит Вир, говорит Вир, отвечай, Грисс...

Считая, что она поймёт меня (впрочем, на самом деле на ответ я не надеялся), я установил коммуникатор на автоматический повтор вызова. Но вдруг щелчки нашего кода были заглушены более громким сигналом. Я громко произнёс, переводя с кода:

- Опасность, опасность!

Я передал: - Что случилось?

- Отряды мутантов, отряды мутантов. Нас осаждают отряды мутантов - не приближайтесь!

Она, должно быть, считала, что мы идём пешком и не имеем оружия. Но отряды мутантов - что это значит? Бородавочник, обыскивающий мертвеца в поисках ножа, следы кентавров, роботы-уборщики, которые больше не служат человеку, - что происходит на Бельтане?

В прошлом я не обращал внимания на разговоры о необычных экспериментах с мутантами. О звериных отрядах, участвовавших в войне, говорилось только в закрытых сообщениях. Но и эти отряды, и группы наблюдателей состояли из высокоразвитых животных, и обязательно под командованием человека. Командир-человек всегда был способен сохранить порядок и дисциплину в своём чешуйчатом, пушистом или крылатом войске.

Но что, если среди этих мутантов оказывались мятежники - вернее, те, кого считали мятежниками исследователи: мутанты, не желавшие подчиняться человеку? Благоразумнее всего было бы их уничтожить, проследив, чтобы они не дали потомства. Однако, несмотря на ограничения подобных экспериментов в последнее время, всегда находились ученые, настолько увлечённые своим делом, что продолжали работать, не обращая ни на что внимания, считая, что никакой опасности нет, пока образцы под присмотром.

- Что за мутанты? - передал я.

- Мы не можем определить, их много, они разные. Держитесь подальше... - пришёл ответ.

Отвечала Аннет, я узнал её почерк.

- Мы во флиттере. - Поскольку нам угрожали не беженцы, я решил говорить в открытую. - Можем ли мы сесть на крышу?

- Нет. Среди них унжеры...

Тед свистнул, и я мог бы сделать то же. Гигантские хищные птицы, туземные обитатели равнины. Унжер достаточно велик и безмозгл, чтобы не только напасть на флиттер, но и повредить его. Нападение нескольких унжеров вполне

способно отправить нас на землю. Но я не видел смысла в том, чтобы садиться на поверхность. Как пройти через отряды мутантов? К тому же наземный вход в крепость закрыт.

Я взглянул на оружие, захваченное у беженцев. Два лазера...

- Включаю автопилот, - сказал я Теду. - Займи это окно, а я - то. Стреляй из лазера. Будем пробиваться.

Он взял один из лазеров и осмотрел спусковой механизм, я проделал то же с другим. Оружие не сложнее станнеров, к которым мы привыкли. Прицел и спусковая кнопка. Нацелишься и нажимай её.

- У меня есть оружие, - передал я Аннет. - Мы летим.

И мы полетели в сгущавшемся сумраке. Я увидел направленный в небо прожектор - маяк. Сквозь эту световую колонну пролетали унжеры, казалось, патрулировавшие в воздухе над Баттом. Наших на крыше не видно, но хоппер, который мы там оставили, теперь стоял в другом месте. Прожектор был сбит со своего основания и помят, но продолжал светить.

- Приближаемся! - предупредил я Теда.

Звук мотора, должно быть, насторожил летавших стражников. Один отвернул и полетел прямо на нас. Я обождал, пока он не окажется в зоне досягаемости, затем выстрелил из лазера. Пламя охватило птицу, и через мгновение обугленное тело тяжело падало. Я увидел, как луч лазера срезал другого унжера, и понял, что Тед начеку. Мы сбили ещё шестерых, прежде чем они оставили нас в покое и поднялись в небо, с которого уже ушло солнце, но ещё не исчезли цвета. Теперь оборона целиком падала на Теда, а мне предстояло посадить флиттер на крышу. Я не был уверен, что мне хватит умения, но другого выхода не было.

Я сделал три круга, не решаясь садиться. Наконец, в четвёртый раз, зная, что лучшей возможности у меня не будет, я нажал кнопку посадки.

Лишь просидев несколько мгновений в неподвижном флиттере, я поверил, что мы благополучно сели. Выключил мотор и выскользнул из кабины с лазером наготове, чтобы отразить нападение.

Вход в сторожевую башню на крыше закрыт. Я нетерпеливо застучал рукоятью лазера и обернулся, услышав свистящий крик сверху. Тед бежал по крыше, обернулся, опустился на одно колено, выстрелил. Я увидел скользящего вниз унжера и понял, что Тед промахнулся. Выстрелил сам - и удачно.

Послышался стук, что-то ударилось о крышу, вначале

недалеко от флиттера, потом ближе к нам. Тед подбежал ко мне. Тут он включил фонарь, и я увидел, что стучало - стрелы из какого-то серебристого материала с остриями, вымазанными зловещей жидкостью. Они прилетали снизу, из-за стен Батта. Стрелы продолжали падать всё ближе к нам. Мы не могли вернуться к флиттеру под этим дождём, и я подозревал, что стрелы гораздо опаснее, чем кажутся.

- Лазером, - сказал я Теду. - Прожигай мне дорогу. Стреляй в воздух, не давай им упасть.

Он так и поступил, оставив мне узкое пространство под лучом. Я чувствовал над собой горячий воздух. Ухватив дымившуюся тушу унжера, я использовал его как укрытие. Теперь, если успеют открыть дверь, у нас есть шанс. Конечно, если в крепости знают, что мы на крыше, и сейчас разбирают завал.

Стрелы продолжали падать. Тед хотел жечь их, но я его остановил. Заряды лазеров нам ещё понадобятся. Оставалось только ждать и надеяться.

- Что за мутанты? - спросил Тед. - Бородавочники? Кентавры?

- Может быть кто угодно. У нас импортировали множество животных.

Да, подумал я, множество, а среди нас нет никого, кто бы знал, где и как искать о них информацию, чтобы понять природу неожиданного противника.

Мы услышали шум за дверью.

- Вир?

- Да! - закричал я.

Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем нас впустили внутрь. Едва взглянув на нас, Эмрис, Гита, Сабиан и Аннет снова принялись сооружать баррикаду. Аннет глянула на меня через плечо, продолжая работу:

- Они напали три часа назад. Мы собирались навсегда закрыть этот вход.

- Хорошо, что не успели, - я начал ей помогать. - Кто? Или что?

- Не знаем, Вир, не знаем! Они напали внезапно. Некоторых мы узнаём, других - нет. Животные, которые уже не животные. Вир, неужели мир сошёл с ума?

- Его к этому подтолкнул человек, - ответил я. - Мы остались одни.

Она как будто на глазах постарела.

- Все умерли...

- Или умирают, - я подумал о беженцах.

- А как нам... как нам помириться с этими? - Она указала на стену Батта и на то, что за ней.

Действительно, как? У меня не было ответа, да и ни у кого в тот час его не было.

Глава 18

Нам рассказали, что мутанты возникли как бы ниоткуда. За время осады мы даже не узнали ни их количества, ни того, какие виды животных к ним относятся. А осада была настоящая, державшая нас за стенами крепости. В конце концов в отчаянии я поднял флиттер и принялся летать низко над землёй, где они укрывались, а Тед и Эмрис поливали местность из окон лучами станнеров. После первой схватки с унжерами мы не использовали лазеры.

Весь день после этого мы не замечали среди камней и кустов никакого движения. На второй день со сторожевой башни я увидел отступление странного войска - оно ушло к горам. Ещё три дня мы не решались поверить, что мутанты действительно ушли, не оставив засады.

Мы не знаем, почему они на нас напали. Быть может, освободившись от власти человека, они не желали снова в ней оказаться. Загадкой оставалось и то, как они узнали, что мы в Батте. Гита предположила, что один из освобождённых на станции мутантов следовал за нами. Однако это свидетельствовало бы о давно существовавшей организации. Объединить разные виды в единую армию - сложнейшее действие. Я не мог поверить, что мутанты настолько разумны.

Одно время мы думали, что ими командуют люди - какой-нибудь уцелевший патрульный, свихнувшийся от пережитого, послал их против нас, приняв за врагов. Но Аннет сказала, что до появления унжеров все они много раз бывали на крыше, и любой человек распознал бы себе подобных.

Во всяком случае и нападение, и его прекращение оставались неразрешимой загадкой. Точно так же мы никогда не узнаем, что вызвало нападение на Кинвет и распространение заразы.

Мы знали, что теперь, после отступления мутантов, у нас самая сильная позиция на Бельтане. Возможно, нас спасло осознание страшной реальности. Нам так много предстояло сделать, что мы работали с утра до вечера и, утомлённые, засыпали мёртвым сном.

Нашим спасением был флиттер. Мы не решались выходить в окрестный лес. Мутантов не видели, нападений больше не было, но не было и уверенности, что они не прячутся где-нибудь поблизости, готовые напасть.

Мы с Тедом никогда не вылетали вместе, чтобы не потерять обоих пилотов. Он стал так же хорошо управлять флиттером, как и я, а потом и лучше меня. Мы по очереди вылетали на разведку, хотя ни разу не видели ни беженцев, ни выживших поселенцев. Главной целью Теда стала ремонтная мастерская в порту; он брал с собой Эмриса; тот караулил, пока Тед грузил инструменты и запчасти, которые затем перевозил в Батт. Теперь у нас всего достаточно, чтобы флиттер работал многие годы, заверил меня Тед. Если, конечно, не произойдёт крушения.

Гита, Сабиан и я дважды посетили фермы и активировали робоуборщиков, оставляя их работать на ночь - им безразлично, день или ночь; возвратившись на рассвете, мы увозили убранное; работали мы под охраной всякий раз, как оказывались на краю поля.

Мы видели других роботов и знали, что их привели в действие мутанты. Но эти роботы функционировали днём, а ночью урожай убирался. Возможно, среди мутантов были ночные животные.

Потом появились признаки, что их организация - если таковая существовала - раскололась и началась кровавая борьба. Однажды, отправившись в сад, мы обнаружили, что не первые побывали здесь. Почва была изрыта острыми копытами кентавров, были и отпечатки лап, которых я раньше не видел, только в пыли рядом с Баттом. Виднелись пятна свертывавшейся крови, но тел не было.

После этого мои надежды окрепли. Если наши враги поссорились, нам угрожает меньшая опасность. Теперь их будут больше занимать собственные распри.

Трижды я возвращался в порт и пытался разобраться в записях. Иногда попадались понятные отрывки. У Гиты, которую я брал с собой из-за её привычки работать с записями, получалось лучше. Мы нашли небольшой переносной аппарат для чтения записей и вместе с грудой катушек привезли в Батт и разместили в комнате связи. Позже постараемся установить, какой информацией мы располагаем (впрочем, большей частью она слишком специальная).

Именно тогда я начал свой рассказ о последних событиях бельтанской истории. Но боюсь, что он слишком неполон,

что мы упускаем информацию, которая в будущем понадобится.

Медикаменты и информационные записи из медицинской библиотеки мы смогли переместить в Батт. Но никто из нас не обладает нужной квалификацией для управления сложной диагностической и хирургической техникой, поэтому многие достижения медицины для нас пропали.

Нижние помещения Батта загромоздились всевозможными материалами из порта и посёлков; ободрённые отсутствием нападений, мы старались собрать всё, что возможно. И мы не разбирали находки, просто приносили всё, что помещалось во флиттере.

Началась осень, дожди шли даже в лавовой местности, где обычно сухо. Мы закрепили флиттер и хоппер, укрыли их пласталистами. И лишь тогда занялись разборкой найденного. Распаковывали то, что можно использовать сразу, остальное складывали для хранения.

Иногда вспыхивали стычки, когда работавшие не соглашались друг с другом. Но так много предстояло разобрать, так это было интересно - самое разнообразное добро было привезено во флиттере, - что мы забывали споры.

Наконец, поняв, что плохо организованная работа ведёт к ещё большей сумятице, мы устроили совет и решили составить план и строго его придерживаться. С этих пор мы работали не менее напряженно, но с большим успехом.

Я хотел попытаться вернуться в пещеру Лугарда. Привлекали не только запасы, остававшиеся там, но и возможность получить хорошее убежище. Вдобавок в ледяной пещере имелся клад древних вещей, в котором могли храниться ещё большие чудеса, чем жезл, отогнавший чудовищ. Но работать в пустыне, чтобы раскопать пещеру, пусть даже под охраной, было безумием.

Вместе с работой по плану мы подготовили программы обучения - каждый из нас должен был изучать какую-то специальность и общие сведения, необходимые для выживания.

Именно тогда мы осознали (говоря «мы», я имею в виду себя и Аннет), что это дети людей, которые много поколений были узкими специалистами и привыкли работать умственно, а не физически. Первые поселенцы Бельтана были отобраны за знания, и хотя их потомкам не хватало первоклассного обучения, получаемого на других планетах, они унаследовали образ мышления и привычку к поиску информации.

Тед избрал технику и упрямо изучал её, ему помогал Эмрис. Они проводили много времени в подземном складе, изучали инструкции к машинам, разбирали моторы, которые мы не могли использовать, и снова собирали их. Думаю, это была очень полезная тренировка.

Аннет проявляла способности к биологии. Она собрала и прочла все ленты, касавшиеся мутантов, каждую свободную минуту она погружалась в них, а Гита, интересовавшаяся общими, а не специальными проблемами, стала нашим библиотекарем и вела информационные записи.

К моему удивлению, Прита выбрала медицину, придя к ней через интерес к лекарственным травам, который у неё давно уже проявлялся. Сабиана занимали роботы и уборка урожая. Теперь он заинтересовался агротехникой.

Айфорс не склонялся к чему-либо конкретному. Он много и разнообразно читал, и я подумал, что он следует примеру Гиты. Дайнан тоже ещё не сделал выбора, но усердно изучал то, что мы ему советовали.

Я не упоминаю Дагни - это было наше постоянное горе. В течение осени продолжалось медленное улучшение её состояния. Прита и Аннет проводили с ней многие часы, но регрессии происходили так часто, что и более терпеливые воспитатели пришли бы в отчаяние. Гита снова и снова проигрывала детские записи, и мы радовались, когда Дагни отзывалась на них. Но казалось, какая-то важная часть её мозга функционирует неверно. Мы начинали радоваться улучшениям, а она тут же вновь уходила в беспамятство.

Думаю, она так и не поняла, что случилось, и почему она живёт за толстыми стенами Батта, а не дома. Она не проявляла любопытства - это казалось Аннет самым зловещим симптомом.

Осенью она стала часто простужаться и проводила большую часть времени в постели, кашляя, ненадолго засыпая. Аппетита у неё не было. Иногда её приходилось кормить с ложечки, она упрямо отворачивала голову от Аннет или Приты, пытавшихся накормить её супом.

В каждом помещении Батта стояли нагреватели, мы с Тедом постоянно возились с ними, используя все инструменты, какие могли найти. Но когда дожди сменились снегом, в комнатах стало холодно. Теперь Дагни не вставала, и я заметил, что она всё меньше сидит в постели, облокотившись на подушки. Нас приводило в отчаяние, что не хватает знаний, чтобы помочь ей. Мы могли дать ей лишь заботу и любовь.

Конец наступил в середине зимы. Однажды утром Дагни как будто пришла в себя. Дайнан провёл с ней много времени, но наконец, обеспокоенный, пришёл к Аннет и спросил, что ему сказать сестре: она хочет домой и спрашивает, где её родители. С необычной для его возраста мудростью брат-близнец объяснил ей, что они находятся в другом посёлке по делу, связанному с работой лаборатории. На время Дагни успокоилась. Но теперь она вновь волнуется и просится к родителям.

Дайнан, помнивший, как она в таких же обстоятельствах убежала в ледяную пещеру, встревожился её настойчивостью. Аннет обнаружила, что Дагни сидит на краю кровати, закутавшись в одеяло, и готова бежать. Приход Аннет успокоил девочку, и она согласилась снова лечь; лекарство она принимала только вместе с Дайнаном.

Возбуждённое состояние перешло в глубокий сон; и больше Дагни не проснулась. Мы похоронили её, как когда-то Лугарда: земля была скована морозом. Лазером я высек имя и даты жизни; впрочем, мы потеряли счёт времени и считали не дни, а сезоны. Мы ведь так и не узнали, сколько дней провели в пещерах.

Так мы потеряли второго - после Лугарда - члена нашей группы. И так мала была эта группа, что хоть Дагни почти не принимала участия в нашей жизни, после её смерти образовалась брешь, которую нечем было заполнить. Аннет, Тед, Гита и я много работали, чтобы и остальные были постоянно заняты.

Мы отпраздновали День Середины Зимы, как можно тщательнее вычислив эту дату. Мы надеялись, что дети не станут сравнивать наш праздник с прошлогодним. Аннет приготовила вкусный обед с инопланетными приправами, которые она теперь расходовала крайне бережно. После обеда Гита подошла ко мне и протянула небольшой свёрток.

В нём оказалась дудочка - не такая, как у Лугарда. Ей не хватало волшебства. Но Гита сунула её мне в руки, и я увидел, что все смотрят на меня.

И вот я, игравший когда-то в беззаботные дни детства на тростниковой дудочке, но никогда после того, как услышал Лугарда, поднёс дудочку к губам, вначале неуверенно, потому что давно не играл. Но потом, ноту за нотой, припомнил одну из походных песен. Вначале получалось с трудом, потом легче. Аннет подхватила мелодию, остальные - за ней, их голоса заглушили звуки моей дудочки - возможно, к лучшему. Когда песня кончилась, Гита сказала:

- Не надо больше слов, Вир... только мелодию.

Это меня подбодрило, и я осмелился на серию журчащих нот, которые исполнял когда-то у костра - тогда мы были всего лишь бродягами, а не последними уцелевшими на планете людьми. Я сыграл мелодию до конца, а они напряженно слушали, как будто моя музыка открывала дорогу к лучшим дням.

После Дня Середины Зимы холода усилились. Мы дрожали и возились с нагревателями, почти не выходя из Батта, хотя иногда случались дни с ярким солнцем на ослепительно белом снегу.

В Батте было безопасно, но меня начала тревожить мысль, что придётся отсюда переселяться. Возвращаться в посёлок не хотелось. Там слишком много воспоминаний. Стоило обдумать устройство нового, нашего собственного посёлка у порта. Конечно, я не надеялся восстановить космический маяк. С другой стороны, если хаос, вызванный войной, не продлится так долго, как предсказывал Лугард, и кто-то снова попытается установить контакт с Бельтаном, то приземлится корабль в порту.

Обнаружив, что порт пуст, осмотрев ближайшие посёлки, экипаж корабля вряд ли двинется дальше в поисках уцелевших жителей планеты.

В конце концов, я упомянул об этом на одном из еженедельных советов. Ни одно из зданий порта мы не могли сделать таким же неприступным, как Батт. И потребует это многолетней работы. Сабиан с энергией, которой я от него не ожидал, напомнил, что нужно заниматься и сельским хозяйством. Хотя мы, даже с помощью роботов, не можем возделывать все ранее окультуренные земли, но основные виды продуктов надо выращивать.

Поля располагались ближе к порту, чем к Батту. Запрограммированные роботы основную работу выполняют сами. Мы не забывали и о мутантах. Единственным свидетельством, что они не потеряли к нам интерес, оставались следы на снегу вокруг Батта (мы даже не были уверены, что следы оставлены мутантами, а не обычными животными). Но мы не хотели быть внезапно отрезанными от крепости.

Итак, было решено, что я полечу в порт и осмотрю его в поисках небольшого здания, пригодного для наших целей. Со мной отправится Эмрис, он поднимет флиттер, пока я буду заниматься разведкой. Мы старались обезопасить наше самое ценное имущество.

Мы вылетели ранним утром. День обещал быть ясным. В

прошедшие два дня дули тёплые ветры. Снег в сугробах вокруг лавовых гребней подтаял. Я думал о том, когда мы сможем заняться пещерами. Может, только через годы.

Кратчайший путь к порту вёл через возделываемые земли, покрытые снегом. Мы свернули в сторону от Кинвета.

В порту один из кораблей беженцев всё ещё стоял носом к звездам, но второй, у которого были повреждены дюзы, упал, пробив носом стену пакгауза. На всём белом поле и на молчаливых улицах не было ни одного следа.

Мы сделали круг, и я выбрал небольшой дом в дальнем конце поля, где в добрые старые времена жил комендант порта. Дом построили одновременно с портом, он был сложен из больших камней и почти так же прочен, как Батт.

Я выбрался из кабины, и Эмрис немедленно взлетел. Он будет кружить надо мною, пока я осматриваю жилище.

Пожалуй, подойдёт, решил я. К счастью, дом не занимали после отлёта последнего коменданта, поэтому здесь не было и смерти. Мы сможем, как и в Батте, заблокировать входную дверь и окна первого этажа и установить снаружи подъёмную лестницу к верхним помещениям. Трудная работа, займёт целый год.

В назначенное время сел Эмрис, он был чрезвычайно возбуждён.

- На севере, Вир, там город!

Город! Беженцы? Или поселенцы, бежавшие из своих домов?

- Показывай! - потребовал я.

Он послушно нажал курсоуказатель. Если можно назвать городом разбросанные хижины, то это город. Обитатели его высыпали наружу, заслышав шум снижавшегося флиттера.

- Вверх и прочь!

Реакция Эмриса, к счастью, была мгновенной. Я видел достаточно, чтобы понять, что мы чуть не оказались в положении человека, сунувшего палку в осиное гнездо.

- Это... это мутанты! - недоверчиво сказал Эмрис, когда флиттер поднялся и полетел в сторону. - Но у них дома. Что же готовили в лабораториях?

За те немногие мгновения, пока мы парили над беспорядочной мешаниной хижин, я насчитал по крайней мере три вида - все травоядные, но три различных вида, живших рядом вполне мирно. Может, это справедливо только для травоядных? А хищники или всеядные? Сколько ещё подобных «посёлков» разбросано вокруг?

Во всяком случае, хоть я и был уверен, что кентавры

запустили роботов-уборщиков прошлым летом, они не могли пользоваться нашим транспортом из-за устройства тел, - и потому не будут нас преследовать.

Но посёлок мутантов в непосредственной близости от порта противоречил нашим планам переселения. Придётся оставлять послание на случай прилёта спасательной экспедиции. И я твёрдо решил это сделать. Не потому, что сохранял хотя бы слабую надежду на такое прибытие. Просто нужно поддерживать веру в жизнь за пределами Бельтана, в жизнь нашего рода.

И теперь мы живём в крепости и, когда выходим, берём оружие. Мы сохраняем жалкие остатки человеческой цивилизации, бережём знания и пытаемся улучшить обучение. Заботимся о машинах, зная слишком хорошо, что их не хватит даже до конца нашей жизни. Мы сознаём, что те в нашей маленькой колонии, что придут за нами, будут спускаться всё ниже и ниже по лестнице цивилизации и, может быть, со временем встретят тех, кто поднимается по этой лестнице.

Прошло уже три года с того дня, как мы вслед за мрачным дудочником Гриссом Лугардом оказались в безопасности его пещер. Два года назад мы с Аннет стояли перед лицом всего нашего маленького общества, произнося клятву совместной жизни. Этой весной - ещё не стаял снег - родился наш сын Грисс, первый из поколения, которое никогда не увидит звёзд. Если, конечно, не случится чудо.

Мы больше никого не потеряли, хотя в период уборки урожая Сабиан и Эмрис отбили нападение мутантов - на этот раз хищников, отдалённых потомков собаки.

Гита надеется, что когда-нибудь мы сможем установить контакты с некоторыми видами. Она считает освобождение мутантов из клеток началом таких взаимоотношений и хотела бы отправиться за горы для встречи с истробенами. Но на это мы не решаемся: нас слишком мало. Потеря даже одного члена группы поставит в опасное положение всю колонию.

Посёлок мутантов у порта процветает. Мутанты управляли роботами на полях уже два сезона. Затем роботы вышли из строя. По настоянию Аннет и Гиты, в знак дружбы мы с Тедом ночью слетали туда и починили машины, пустив их утром в работу. И хотя мы оставили в знак мира продовольствие, особенно куски соли, мутанты ничем не ответили.

Они по-прежнему шпионят за нами, и мы всегда выходим парами, но не убиваем, пользуемся станнерами.

Мы с Тедом проводим долгие дни в порту, восстанавливая маяк и отбирая ленты. Надеемся, что наша установка сработает, если поблизости появятся корабли. Упавший корабль ржавеет, а тот, что стоит, наклонился. Будь мы подготовлены, могли бы взлететь в нём - но куда?

Похоже, пророчество Лугарда о конце межзвёздной цивилизации оправдывается. После кораблей беженцев никто не посещал Бельтан. И вряд ли посетит, разве что в начале новой эры, когда где-то на другой планете человечество выберется из варварства, овладеет древними знаниями и ринется в космос.

Если при этом будет вновь открыт Бельтан, мы надеемся, что найдут эту запись и другие, которые мы будем вести, пока у нас есть ленты Зексро. Закончив очередную ленту, мы ставим её на постоянное хранение в порту. Так прилетевшие узнают, как для нас кончился один мир и начался другой.

Тут кончается моя часть рассказа. Мы решили, что запись продолжит Гита. Завтра я отправляюсь в порт и помещу свой рассказ в память машины.

Опять наступило время жатвы. Мы будем следить за полями мутантов, помогать им, если сможем, надеясь на прорыв и на дружбу наших рас. В ином случае наше будущее темно, как пещеры, через которые мы прошли. Но мы нашли выход к свету. И каждый день молимся, чтобы это случилось вновь.

ИВОН, РЫЦАРЬ РОГА

Рассказ о том, как герцог Бордо узнал горе при дворе Карла Великого, а потом заслужил любовь Оберона, Короля Эльфов, к своей долгой славе и великой радости.

Приключение первое

I. Как король Карл Великий созвал совет пэров Франции

Горькие и печальные дни постигли двор короля Карла Великого и всю Францию после смерти Роланда и его соратников, сложивших свои головы в последней великой битве с сарацинами. Карл Великий стал подолгу раздумывать о будущем своего королевства. Суровыми и тревожными были мысли короля, потому что ушли из жизни могучие герои, служившие раньше своему народу защитой от врагов и всяческого зла.

Подумав, Карл Великий решил созвать ко двору пэров и герцогов, графов и рыцарей, всю знать и владетельных господ на королевский совет о положении и делах Франции. Однако из главных Двенадцати, всегда служивших опорой королевскому трону, прибыл один только герцог Нэм из Байо.

Карл Великий всегда прислушивался к советам этого человека, потому что герцог Нэм был товарищем по оружию, надежным другом и братом на пирах тем, что ушли: Роланду, Оливеру и Оже Датчанину, и всем остальным славным рыцарям.

Когда пэры и дворяне, а также и другие приглвшенные были в сборе, Карл Великий поведал им мысли, которые постоянно тревожили его в последнее время.

— Полна горя и скорби осиротевшая Франция, — начал король, — блистательные и доблестные рыцари, лучшие герои, легли мертвыми на горных перевалах после страшной сечи. Давно ли покойный Роланд сидел среди вас, а Оливер поднимал свой голос на наших советах? Я старик, и слабею уже под ношею прожитых лет.

Что будет с Францией и с нашим народом, когда я сложу клинок и царский венец по повелению Смерти? Вот вопрос, на который я жду ответа от вас.

Назовите мне имя моего преемника, потому что я чувст-

вую, что время легло мне на плечи подобно тяжелому плащу, а эта корона, которая казалась мне в дни моей молодости легче птичьего пера, теперь превратилась в свинцовый обруч, и этот груз лишь томит мою побелевшую голову.

У меня двое сыновей. Но ни одного из них я не могу с чистой совестью поставить перед вами и сказать: вот тот, кто займет мой престол.

Младший, Луи, еще мальчик, неиспытанный и несведущий — итак, не король по годам.

Что до старшего, Шарлота — то до сих пор он был лишь причиной горя для нас всех. Мог он окоротить свой бешеный нрав и не убивать сына Оже Датчанина? Шарлот же погубил юношу! Поэтому, если вы сочтете нужным оставить в стороне Шарлота, я не скажу вам «нет», хоть я и люблю своего сына всем сердцем. Страна подобна только что подкованному жеребцу, упрямому и чуткому, знающему, кто в силах удержать повод.

Теперь обсудите между собой все сказанное, и ваши слова станут моей волей.

Карл Великий удалился в глубину залы. Пэры переглядывались между собой, но никто не решался заговорить, опасаясь, что соседи найдут его слова не такими уж вескими и мудрыми.

Один только герцог Нэм, ничего не боясь, поднялся со своего места и заговорил. Все с полным вниманием обратили к нему свой слух.

— Так как наш Государь поставил перед нами нелегкую задачу, нам нужно все-таки разрешить ее, исполнив свой долг пэров Франции. Государь сказал истинно о принце Луи: принц Луи еще слишком юн, не ведал испытаний и тягот. Незнаком он еще с видом доспехов, не сражался с врагом один на один в открытом поле. Поэтому принц Луи не сможет повести за собой рыцарей на войне, и он еще не обрел всей мудрости, чтобы править. Принц Шарлот старше годами, и он занял бы свое место в битве. Правда и то, что на его счету немало безумных и дьявольских проделок, но разве человек наберется ума, сбегая от ответа за свои дурные дела? Пройдет время и, кто знает, — может быть, принц Шарлот, пожалев об ошибках своей не в меру горячей молодости, овладеет собой, как пристало рыцарю чести. Кроме того, в нем действительно течет кровь королей, и если мы сейчас оставим принца Шарлота в стороне, то после смерти короля Карла Великого на нашей земле не будет мира. Отыщутся люди, готовые

идти за принцем Шарлотом до смерти, и тогда брат будет против брата и отец — против сына. Междоусобная война принесет гибель всем нам.

Поэтому, досточтимые пэры, я призываю всех вас выбрать принца Шарлота преемником короля Франции, и только тогда нас ждет мирное будущее.

Пэры и члены совета были очень довольны речью герцога Нэма, а истина его слов была очевидной даже для самых неторопливых умов. Тогда пэры поручили одному из своего числа передать королю, что они готовы огласить выбор. Король незамедлительно вернулся в залу собраний.

Герцог Нэм негромко сообщил Карлу Великому волю пэров — а именно, что принц Шарлот будет править после своего отца. Карл Великий сделался необычайно весел и радостен, чего не случалось с ним уже долгое время. Велика была любовь короля к старшему сыну, и король был горд, что пэры назвали наследником престола принца Шарлота, которого многие ненавидели за его злодейства.

Но на совете присутствовал один человек, граф Амари, в жилах которого текла такая же темная и дурная кровь, что и в злобном негодяе Ганнелоне (будь он трижды проклят за предательство и гибель Роланда и верных его рыцарей!) Граф Амари ненавидел всех и вся, но его лицо было ясным и приветливым, голос — вкрадчивым и приятным, а сам граф угодничал и льстил всякому, кто мог бы ему хоть в чем-нибудь пригодиться. Грязные мысли и нечистая совесть графа были точно за семью печатями для окружающих, и король Карл Великий назначил графа Амари наставником принца Шарлота.

Только один человек во всем королевстве подозревал, что именно Амари учит принца Шарлота творить гнусности. Этим человеком был славный герцог Севин, справедливый и мудрый правитель богатых земель в Бордо и Аквитании. Герцог Севин умер много лет тому назад, но ненависть Амари к этому человеку была так сильна, что даже смерть не остановила ее. С тех пор, как Амари был уже не в силах навредить герцогу Севину, он замыслил утолить свою ненасытную злобу, погубив двух юных сыновей герцога Севина, Ивона и Жерара. Граф Амари тайно поклялся любыми путями привести этих юношей к постыдной и жестокой смерти.

Думая только об этом, теперь, на совете, граф Амари поднялся, улыбнулся как можно приятнее — так он делал всегда, обращаясь к королю, — и проговорил:

— Ваше Величество, молодому человеку должно узнать многое о самых различных предметах, для того чтобы преуспеть в этом непростом мире. Тому же, кто будет править королевством, нужно узнать вдвое больше. Поэтому, пока Вы еще с нами и пока Ваша Милость опекает принца Шарлота и подает советы о его воспитании, соизвольте отдать принцу Шарлоту одно герцогство, и тогда Ваш наследник научится управлять великим королевством на примере малого владения.

Карл Великий кивнул, одобряя разумность слов Амари, и пэрам также понравилась речь графа. Но герцог Нэм в тревоге забарабанил пальцами по ручке кресла. В прежние времена он был близким другом герцога Севина, от которого и слышал когда-то о бесчестности Амари. Герцог Нэм сердцем почувствовал недоброе.

— Это, — ободренный улыбкой короля, продолжал Амари, — прекрасное герцогство, процветающее и могущественное, без владельца. Оно целиком принадлежит Вашей Светлости, по причине мятежа и непокорности его исконных владельцев. Соблаговолите же вручить это герцогство принцу Шарлоту для воспитания и обучения!

Король Карл Великий выказал крайнее изумление, — он никак не мог припомнить мятежного герцогства,— и спросил:

— Назовите же мне, граф, герцогство, которое восстало против нас!

Граф Амари охотно и открыто ответил:

— Мой повелитель, я говорю о Бордо, которое принадлежит Вашей Светлости, с тех пор как Ивон и его брат Жерар, правящие там сейчас, мятежно пренебрегли законами Франции и Вашей высочайшей волей и не явились ко двору Вашей Милости, чтобы выразить свою преданность и утвердиться в праве на наследство. Герцог Севин, их отец, давно умер, но до сих пор ни один из братьев не предстал перед Вашим Величеством.

Тут герцог Нэм вскочил с такой стремительностью, что его кресло отлетело в сторону. Потемнело от гнева лицо Нэма, и глухим от ярости голосом он проговорил:

— Истина этого дела — в другом, Государь! Когда славный герцог Севин, любимый всеми нами за добрые дела и доброе сердце, отправился в лучший мир, его сыновья были малыми детьми, неспособными ни участвовать в битве, ни вершить суд. Все эти долгие годы от их имени в Бордо правила герцогиня Акли. Великой и светлой была ее любовь к герцргу

Севину, и не меньше любила она сыновей, очень похожих на отца в дни его ранней юности. Сыновья герцога Севина не являлись до сих пор ко двору, потому что были еще детьми и потому, что герцогиня Акли питала к ним нежную материнскую любовь, — но не потому, что они мятежники и не желают покориться своему Государю. А чтобы проверить, правду ли я говорю, — пошлите за Ивоном и Жераром в Бордо и вызовите их сюда!

Пока герцог Нэм говорил, Карл Великий хорошо вспомнил герцога Севина и подумал, что сыновья такого достойного отца не должны быть преданы суду без веских на то причин. Тогда король позвал к себе двух верных рыцарей и отдал им такое повеление:

— Поезжайте в город Бордо и отыщите там сыновей герцога Севина и герцогини Акли. Моим именем прикажите им явиться ко двору, так как они должны выразить уважение своему Государю и утвердиться в правах на владение землями после их отца, как велит закон Франции. Внимательно наблюдайте, как вы будете встречены, окажут ли вам почет, которого достоин всякий, кто несет королевское слово. Затем как можно быстрее возвращайтесь ко мне и доложите, как вы были приняты.

Рыцари отправились со свитой в Бордо, а граф Амари, вне себя от злости, принялся придумывать гибельный заговор против Ивона и его брата Жерара.

II. Как Ивон встретил королевских посланников, а граф Амари замыслил погубить братьев

Когда достойные рыцари, несущие королевское слово, достигли стен прекрасного и приятного города Бордо, они без промедления въехали в ворота замка, где жили и держали двор герцогиня Акли и двое ее сыновей. В это время юные господа Ивон и Жерар, вернувшись с охоты, стояли еще во дворе замка, каждый держал на запястьи своего сокола, накрытого колпаком.

Как только королевские посланцы известили о своем прибытии, Ивон выступил вперед и принялся вежливо и весьма изящно раскланиваться с гостями, а когда старейший рыцарь пожелал спешиться, Ивон собственноручно поддерживал его стремя, оказывая старому воину почет,

достойный самого короля. Герцогиня Акли и юный Жерар встречали посланников с не меньшим почтением и радушием, и рыцари остались очень довольны приемом, говоря друг другу: «Если бы сюда прибыл сам Государь, неужели же хозяева Бордо оказали бы ему больше почета или отвесили бы больше учтивых и любезных поклонов, чем нам?»

Когда рыцари освежились с дороги, им предложили угощение. Никто не смог бы пожелать большей заботы, удобств и услужливости, чем получили королевские геральды. Когда они отдохнули, Ивон спросил, что за дело привело королевских посланников в Бордо. Старейший рыцарь ответил за всех:

— Воля нашего Государя и повелителя, короля Карла Великого, состоит в том, чтобы сыновья герцога Севина незамедлительно отправились ко двору Его Величества, выразили почтение Государю, а так же предстали перед своими собратьями пэрами и были утверждены по закону Франции на своей земле.

Герцогиня Акли взволнованно и торопливо отвечала:

— Если наш Государь не доволен моими дорогими сыновьями оттого, что они не искали раньше королевского двора, то позвольте всю тяжесть Государева гнева перенести на меня. Когда мой бесценный супруг и господин, герцог Севин, покинул этот мир, он оставил меня в печали и тревоге, но дети стали утешением мне. На их младенческих лицах я различала черты моего господина, и я не могла вынести разлуки с детьми, если даже они просто на час оставались без моего присмотра. Но сейчас мои сыновья повзрослели, хотя они еще так юны, — и я больше не имею права распоряжаться их судьбами с женским ревнивым опасением. Позвольте только нам обождать Пасхи, чтобы мы все вместе смогли отпраздновать Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, и тогда пусть мои сыновья отправляются ко двору и служат и принадлежат Государю, как служил и принадлежал их славный отец.

Ивон поднялся со своего места, и лицо его осветилось радостью и гордостью. Он сказал посланникам короля:

— Когда вы возвратитесь назад к нашему Государю, передайте ему, что мы считаем великой честью выполнить его повеление и незамедлительно отправимся в путь, чтобы явиться ко двору. Но только сначала мы исполним желание нашей матушки и отпразднуем с нею Христово Воскресение. Возьмите собою на память о нашей встрече этих коней,

потомков Оркни, — они верно послужат вам в битвах, равно как и на мирных дорогах, — и еще примите в дар рыцарские плащи, что перекинуты поверх седел, и кошельки, привязанные к ним. Нет такого подарка, которым можно было бы достойно вознаградить приносящих слово Государя.

Королевские посланники были изумлены дорогими дарами, по щедрости достойными монарха. С большой радостью поднялись рыцари на боевых коней, одевшись в прекрасные пурпурные шелковые плащи. Много благодарных слов сказали они, пока ехали до ворот Бордо.

Когда герольды вернулись ко двору Карла Великого, они доложили королю все вместе и каждый по отдельности о том, как их приняли Ивон, Жерар и радушная герцогиня. И столько прозвучало похвал молодым хозяевам Бордо и доброй герцогине Акли, что хвалить больше было бы уже невозможно.

— Господин Ивон, — сказал старший рыцарь, — крепкий и сильный юноша, вежливый и красноречивый, точно королевский сын. И лицом и душой он открыт и ясен — самый благородный и прекрасный юноша из всех, кого я видел во Франции с тех пор, как наш возлюбленный Роланд был совсем молодым. Брат Ивона, Жерар, очень похож на него, но уступает ему в силе и мужестве, и младше летами.

Ваше величество оба они почитают и уважают, и готовы явиться к вам после того, как отметят вместе со своей матерью Пасху, исполняя ее последнюю просьбу.

Затем рыцари показали богатые дары, привезенные из Бордо, и король удивился и обрадовался большому почету, который был оказан его рыцарям. Тогда он поднялся и дал клятву перед собранием пэров:

— В прежние славные дни герцог Севин из Бордо был нашим другом и верным соратником, и все мы любили его, как родного брата. Герцог был достоин этой любви и высокой чести, а теперь выросли двое его сыновей, похожих на него как лицом, так и душой. Как юный Ивон воздал честь моим послам, так и его отец когда-то умел оказать уважение тем, кому должно.

Пусть благородные и прекрасные юноши украсят наше собрание, и я клянусь, что как только они приедут сюда, Ивон будет провозглашен пэром Франции, будучи утвержденным во владении Бордо и Аквитанией. Жерар же будет считаться членом моей семьи, и я сам помогу ему добиться успеха во всем.

Пэры согласились со словами короля, но граф Амари увидел, что все его надежды на гибель сыновей Севина рухнули. Амари понял, что ему снова придется строить козни против братьев, и в темной его голове начал вырастать новый коварный план.

Амари покинул залу советов и отправился в покои принца Шарлота. Там он нашел королевского сына в веселой компании юных рыцарей и оруженосцев. Амари упал на колени перед принцем, спрятал лицо в складках его плаща и принялся душераздирающе стонать и вскрикивать, изображая плач.

Принц, очень удивленный странным поведением Амари, отослал от себя всех остальных и приказал графу объяснить причину криков и стонов. Радостно забилось подлое сердце Амари, и он заговорил:

— Знайте, принц Шарлот, что Ваш отец, обманутый коварными врагами, пригласил ко двору предателя Ивона из Бордо и его братца Жерара. Наш Государь уже дал обещание пожаловать Ивону Бордо и Аквитанию, которые по праву принадлежат Вам. А здесь, при дворе, этим негодяям будет совсем нетрудно интриговать против Вашего Высочества, так как Ивон и Жерар принадлежат к плохому роду и так ненавидят меня, что они будут изо всех сил стараться оскорбить и обидеть Вас, — потому что я Ваш друг, — и они постараются погубить меня любым образом. Предупреждаю Вас, принц: если эти двое проникнут в королевский дворец, неисчислимые бедствия придут вслед за ними, и никто, даже высочайший, не спасется от их мерзостей!

Принц Шарлот испугался и встревожился, услышав слова Амари, потому что в глубине души он прекрасно знал, как ненавидят его во Франции за дурные дела, и что среди пэров многие настроены враждебно по отношению к нему. Значит, если Ивон и Жерар явятся сюда, чтобы тайно вредить принцу, многие послушают их. Озлобленный и боязливый, принц Шарлот стал просить у Амари совета, как избавиться от двух братьев из Бордо. Тогда Амари посоветовал принцу Шарлоту вооружиться и оседлать коней, и покинуть тайно вместе с ним, с Амари, пределы города, чтобы разделаться с Ивоном и Жераром до того, как они доедут до королевского двораа. Принц Шарлот нетерпеливо и взволнованно согласился с графом Амари.

III. Как принц Шарлот и Амари устроили засаду и что произошло после этого

Пасха прошла, и Жерар с Ивоном стали собираться в путешествие ко двору короля Карла Великого. Братья выбрали среди своих рыцарей несколько человек и заказали для них новую одежду и снаряжение — начиная со шлемов и заканчивая шпорами. Рыцари были одеты пышно и с большим изяществом, чтобы произвести хорошее впечатление при дворе короля. Но Ивон и Жерар не надели в дорогу шлемов и панцирей, а младший брат не взял с собой меча. Братья ожидали, что их путешествие под покровительством короля будет мирным и спокойным.

Тем не менее, Ивон взял с собой в дорогу меч, чудесно украшенный золотом и серебром. С этим мечом герцог Севин не расставался когда-то ни в мирное время, ни в битвах. Немало вражеской крови стекло с этого меча во времена походов герцога на восток. Там, за морями, лежала неведомая земля, где обитали Демоны Ночи (как называл их простой народ во Франции), и герцог Севин храбро сражался с ними во имя славы Франции и короля Карла Великого.

Но доспехов у Ивона не оказалось, и он надел поверх нарядного платья легкую тунику и плотный плащ.

Герцогиня Акли исполнилась жалости и грусти, зная, что ее сыновья скоро уедут из Бордо. Никогда прежде с самого их появления на свет, Ивон и Жерар не исчезали надолго из поля зрения герцогини, и сердце ее теперь сжималось от недобрых предчувствий. Но добрая герцогиня не высказала сыновьям своих опасений и держала в тайне свой страх — ей не хотелось омрачать прощания и бросать тень на их полное надежд и блестящее путешествие. Герцогиня лишь прятала под покрывалом свои горькие слезы, когда ее сыновья выезжали из родного Бордо.

Жерар медленно выехал за ворота и даже не пришпорил коня навстречу свежему утру, расцветающему за крепостными стенами. Конь его двигался вперед грустно и неохотно, принужденной иноходью, и Ивону пришлось вернуться назад, чтобы ехать рядом со своим братом. Ивон тут же высмеял брата и назвал его улиткой, но Жерар вдруг очень удивил Ивона, когда, задыхаясь, проговорил:

— Брат, я боюсь, что недоброе ждет нас обоих путешествие! Давай вернемся в Бордо, и как можно скорее!

Ивон в ответ только рассмеялся и сказал, что его брат — сосунок, вечно хныкущий на руках у маменьки. Но Жерар словно и не почувствовал обиды, но только, проехав несколько шагов, повернул коня и бросил долгий взгляд на башни и стены Бордо.

— Нас подстерегает опасность, — сказал он Ивону. — О, великое горе принесет нам это путешествие! Вчера ночью мне приснилось, что я скачу по этой самой дороге, и вдруг из зарослей прямо навстречу мне прыгает разъяренный леопард, злобно рыча и разевая пасть. Он сбросил меня на землю и вонзил в меня свои клыки — мне показалось, что душа моя покинула тело, и я умер. Но тут ты, мой брат, атаковал его. Мне мой сон кажется таким понятным, что я думаю — само Небо предупредило меня о том, чтобы мы не ехали этой дорогой...

Но Ивон вскинул голову:

— Гораздо больше твой сон похож на искушение, посланное Дьяволом, чтобы помешать нам исполнить долг перед Государем и заставить нас нарушить нашу клятву. Только посмотри, что за день — как хорошо вокруг! Перед нами наш путь, за нами скачут двадцать отважных рыцарей, а наши слуги усердны и предупредительны. Отбрось прочь, Жерар, глупые свои страхи — это просто привидения, недостойные внимания взрослого рыцаря!

Жерар больше не сказал ни слова. Но в сердце он затаил обиду на брата за то, что Ивон не послушался предупреждения. Жерар ехал и думал о том, что еще очень долгое время Ивон, такой бесстрашный, дерзкий и беспечный, не будет серьезно относиться к нему. Ивона все любили и ценили, а он, Жерар, все еще оставался подростком, которого никто не желал слушать.

В сумерках братья встретились на дороге с достойным Аббатом Клюни. Братья очень рады были увидеться с этим человеком — он приходился им родным дядюшкой, и к тому же им всем было по пути. Братья присоединились к Аббату и вместе заночевали в одной комнате, в монастыре, которому Аббат Клюни наносил визит.

Утром они позавтракали, оседлали коней и все вместе тронулись в путь. Поездка казалась им веселой прогулкой, беззаботной и приятной, но скоро весь отряд поднялся на вершину холма, и люди увидели, что дорога спускается вниз, в дремучую чащу леса.

Ивон вдруг пришпорил жеребца и стремглав спустился

вниз с горы. Остальные удивились, но последовали за ним. Тогда Ивон указал своим друзьям на что-то, мелькающее в пятнах света под деревьями — казалось, что там передвигается человек в латах. Отряд в растерянности приостановился — никто не знал, что ждет их впереди, в тени лесных деревьев.

Поскольку все, кто сопровождал Аббата, были мирными людьми, — монахами или слугами, — все они отступили в сторону от дороги. Священник искренне обратился к Ивону:

— Прекрасный сир, я и все мои спутники — люди мирные и доброжелательные. Если какой-нибудь злодей устроил здесь засаду, то, конечно, он намеревается напасть на тебя — ведь вокруг тебя вооруженные люди, и за тебя мечи и пики. Поэтому, раз я не имею права принимать участия в бою, нам необходимо расстаться здесь и ехать дальше разными путями. Ведь, если я пролью чью-то кровь, даже защищая свою жизнь, я совершу великий грех. Но ты человек военный, воспитанный для сражений!

Пока Аббат говорил с Ивоном, из лесной чащи выехал Рыцарь, прячущий лицо под низким забралом своего шлема. Этот незнакомец так развернул коня, что теперь он загораживал дорогу всем, кто спустился с холма. Рыцарь замер в молчаливом ожидании.

Глядя на неожиданную преграду в виде безмолвного Рыцаря, лошадь которого также была скрыта под попоной, Ивон сказал своему брату:

— У нас нет причин бояться кого бы то ни было из людей — нет у нас ни врагов, ни обиженных друзей. Ты без меча и доспехов — каждому ясно, что ты путешествуешь мирно. Спустись-ка вниз холма и спроси, что надобно от нас этому рыцарю.

Жерар послушался своего брата. Подъехав к самому лесу, он остановил коня напротив молчаливого рыцаря и смело обратился к нему с такими словами:

— Добрый господин, что Вам угодно от нас? До нынешнего дня у нас не было врагов. Да будет Вам известно, что я — Жерар из Бордо, а там, поодаль — мой брат Ивон, герцог поименованного города. По королевскому приказу мы спешим ко двору Карла Великого. Пожалуйста, не задерживайте нас — иначе король по закону призовет Вас к ответу!

Неизвестным Рыцарем был принц Шарлот, королевский сын. Однако он даже и не подумал назвать Жерару свое

настоящее имя. Вместо этого он грубо и гневно ответил мальчику:

— Наглый мальчишка! Знай, что я сын герцога Тьерри, давнего врага вашей семьи. Я здесь, чтобы покончить со всем твоим родом! Сейчас я убью тебя и того гордого петушка, который сидит на коне там, поодаль, — и называет себя герцогом Бордо. Земли в Бордо по полному праву принадлежат мне и только мне!

Жерар, в ужасе от страшных слов рыцаря, попытался спастись бегством. К несчастью, конь его споткнулся, и незнакомец настиг Жерара своей тяжелой пикой.

Глубоко в хрупкое тело мальчика вошла острая сталь, его выбило из седла, и тело Жерара упало в дорожную пыль. Кровь из раны ручьем хлынула на землю, и раненый потерял сознание. Он не услышал даже, как Шарлот громко завопил над ним:

— Так я разделываюсь с теми, кто служит моим врагам! Точно так же сдохнет сейчас и второй пес из Бордо!

Но этот крик услышал Ивон, и сердце его наполнилось гневом. Ивон подумал, что его брат уже мертв — беззащитный и безоружный, подло лишен жизни скрывающим свое лицо убийцей. Ярость на миг ударила в голову Ивону с такой страшной силой, что все закружилось у него перед глазами, и целый мир окрасился в красный цвет — в цвет крови, текущей рекой из простертого тела Жерара.

IV. Как Ивон сразил королевского сына и отправился ко двору искать правосудия

Ивон пришел в себя и снова увидел впереди своего любимого младшего брата, который лежал, точно мертвый, в широкой луже крови. Ярость снова закипела в нем, и юный рыцарь не замечал никого и ничего вокруг себя, кроме негодяя, посмевшего напасть на безоружного мальчика. Выхватив из ножен тот самый добрый меч, который так долго прослужил отцу Ивона герцогу Севину, Ивон стрелой пустил своего коня вниз и вперед, навстречу врагу.

Видя, что его противник так юн, беспомощен и потрясен — без шлема на голове, без доспехов, с одним только мечом в руке, — Шарлот обрадовался, предвкушая легкую победу. Он снова поднял свою пику и пришпорил коня, спеша в бой.

Но Ивон умел неплохо биться на мечах. Он заметил, что незнакомец целится в него пикой, и плотно обвернул руку плащом.

Этой рукой он отбил удар пики, сильно покачнувшись в седле. Затем копье Шарлота запуталось в тяжелых складках плаща и застряло там. Атака принца была отбита без особенного вреда для Ивона, хотя острие и проткнуло на боку одежду Ивона и сильно ушибло его. Пока Шарлот, метнув пику, старался высвободить из ножен свой меч, Ивон нанес ему опережающий удар. Этот удар был таким сильным и стремительным, что принц упал с коня, и жизнь оставила его прежде, чем его тело коснулось земли.

Ивон не позаботился о том, чтобы поднять забрало своего поверженного врага и внимательно осмотреть того, кого он убил. Оттуда, где лежал поверженный Жерар, послышался глубокий стон, и Ивон бросился к раненому брату. Он оторвал длинную полосу ткани от своей туники и туго обвязал рану Жерара, остановив кровь. Затем Ивон поднял так и не приходящего в себя брата, положил его на седло своей лошади и бережно повел лошадь в поводу. Ивон направился к холму, прочь от страшного места боя, и оставил на дороге безжизненное тело принца Шарлота.

Ивон подошел к рыцарям и слугам, сопровождавшим его в пути. Все настаивали на том, что нужно ехать вперед без остановки, опасаясь, как бы сообщники мертвого рыцаря не вышли из леса и не напали на путешественников. Весь отряд достал оружие и приготовился к отражению атаки.

Скоро они нагнали Аббата Клюни. Аббат предостерег их и велел им приготовиться к худшему, потому что он видел с вершины холма, как какой-то человек унес в лес тело незнакомца. Отряд быстро поскакал вперед, след в след за Ивоном.

Гнев Ивона еще не улегся, и сердце у него щемило от жалости, когда он смотрел на бледное лицо и неподвижное тело своего младшего брата. Не слушая предчувствия, которое шевельнулось у него в душе, Ивон сказал своим спутникам:

— Проклятие королю, если эта смерть задумана им. Если он втайне задумал погубить нас и положить конец роду герцога Севина — то король уже мертвец! Покуда я жив и могу стоять на ногах и держать в руках меч моего отца — я буду мстить до последнего вздоха этому злодею! Эти слова и все, что я думаю об этом, я выскажу перед самим королем. Нас зама-

нили в западню и хотели погубить, и я не прощу этого вероломства и не оставлю его безнаказанным.

Аббат Клюни не смог умерить гнев Ивона никакими словами — этот гнев только разрастался от вида Жерара. Несчастный несколько раз простонал и негромко вскрикнул, мучаясь от боли, которую причиняла ему рана, и произнес слабым голосом имя Господа Христа.

Тем временем граф Амари вышел из засады, которую он устроил в лесу, и ожесточенно возопил над телом принца Шарлота. Затем Амари приказал поднять с земли тело принца и положить его поперек седла на жеребца покойного Шарлота. Амари взял в руку повод и, ведя за собою грустного жеребца со смертельной ношей, тоже поскакал ко двору короля в сопровождении нескольких слуг и приближенных принца. По дороге граф думал о том, как использовать смерть принца в своих целях и как возбудить гнев Государя против Ивона.

Первыми в Аахен прискакали Ивон и его спутники. Они без промедления явились в королевский дворец и напрямую вошли в залу советов. Одетые в пыльные дорожные плащи, вооруженные пиками, они внесли в залу на носилках бесчувственное тело Жерара.

Все, кто находился в зале, — пэры, король, дворяне, — пришли в замешательство, но Ивон смело подошел прямо к трону и воскликнул так громко, что от его слов настало тревожное молчание:

— Здесь ли вершит суд король Карл Великий?

Гордость и дерзость этих слов были таковы, что у короля от гнева перехватило в горле — никто еще не говорил так с Карлом Великим со дней его дальней молодости. Король уже готов был вспылить, но ему хотелось узнать причину этого странного появления в зале вооруженных людей и раненого на носилках. Карл Великий величественно выпрямился и произнес необыкновенно спокойным и сдержанным голосом, чем немало удивил свою свиту:

— Что произошло с тобой, юноша? Почему ты требуешь нашего правосудия и справедливости? Кто ты и кто этот юноша на носилках?

— Да будет Вам известно, Государь, — ответил Ивон, все еще преисполненный гордости, — что я Ивон из Бордо, сын герцога Севина, и прибыл к Вам по Вашему приказу. А на носилках лежит мой брат Жерар, потому что по дороге сюда он, безоружный и беззащитный, был бесчестно атакован вооруженным рыцарем!

Рады ли Вы, что нас заманили в западню и пытались убить? Если это и впрямь дело Ваших рук, то смотрите и торжествуйте, Ваше Величество!

Ивон резко замолчал и отбросил в сторону плащ, которым был накрыт Жерар. Все увидели повязку на груди юноши, которая стала уже рубиновой и отяжелела от текущей крови.

Потом Ивон достал из ножен свой меч и высоко поднял его перед всеми присутствующими. Огни факелов и светильников отразились на сверкающем лезвии, покрытом кое-где бурыми засохшими пятнами крови принца Шарлота.

— Взгляните также сюда, Ваше Величество! Эти пятна — кровь коварного убийцы, который и сам теперь нашел смерть от моей руки! Так мы в Бордо отдаем наши долги.

Карл Великий смотрел то на Жерара, то на Ивона, терпеливо его слушая, и сердце короля вдруг учащенно забилось от вида этих двоих прекрасных юношей, которых постигло несчастье. Не было больше в мудром короле раздражения и недовольства против Ивона — только тяжелый гнев на того, кто причинил им горе. Ответ короля прозвучал клятвой:

— Горячо ты говорил, рыцарь Ивон! Но мои слова тоже будут полны справедливого гнева. Знай, рыцарь — подлый убийца так же отвратителен мне, как и тебе, а тот, кто устроил засаду, будет выслежен — если он не тот же самый человек, который напал на твоего брата и был достойно наказан за это! Слушайте же меня все! Эти юноши приехали сюда по моему приказу, и горе, коснувшееся их — также и мое горе. Отныне я считаю их своими сыновьями и повелеваю относиться к ним соответственно.

Приведите сюда опытного лекаря — пусть он осмотрит рану Жерара и окружит юношу заботой.

Повеление короля было тотчас же исполнено, и лекарь сказал, что рана Жерара излечима.

Но для принца Шарлота уже не было исцеления в этом мире, а граф Амари думал только о том, как использовать эту смерть для своих целей.

V. Что сделал граф Амари своей ложью

На закате того же самого дня в столицу короля Карла Великого вступил граф Амари, ведущий в поводу жеребца принца Шарлота, на котором покоилось тело его хозяина. Как только граф въехал в ворота, он издал громкий протяж-

ный вопль скорби, и все, кто ехал следом, принялись вторить графу горестными причитаниями. Услышав эти печальные жалобы, горожане сбежались отовсюду, и со всех сторон послышались восклицания и выкрики.

Войдя вместе с конем прямо в царские покои, Амари увидел там Карла Великого, Ивона и пэров за чашей вина.

Остановясь перед Государем, граф Амари освободил тело принца Шарлота, и оно с лязгом доспехов опустилось на пол перед королем. Затем негодяй громко закричал, и все обратили к нему свой слух:

— Взгляните на тело принца Шарлота, Ваше Величество! Ваш сын коварно убит. А убийца — злодей, который посмел сесть рядом с Вами на почетное место, — вот он, Ивон из Бордо.

Ивон, взглянув на тело, сразу же признал в убитом рыцаря, который ранил Жерара и затем был сражен мечом самого Ивона. Ивон был просто ошарашен словами Амари, потому что он не знал, что сражался с принцем. Поэтому юный рыцарь вскочил и с негодованием воскликнул:

— Государь, тело, лежащее перед Вами, — это тело того самого рыцаря, который напал на моего брата и которого я убил, наказывая его за бесчестное, черное дело — мой брат был безоружен...

Но пока Ивон произносил все это, граф Амари встал на колени и откинул забрало железного шлема с головы мертвеца. Все увидели неподвижное лицо убитого. Из груди старого короля вырвался сдавленный крик. Карл всей душой любил своего сына, и сын лежал теперь перед ним, погибший в расцвете лет.

— Мой сын!

Этот крик раздался в зале советов и пронзил сердце всем, кто его услышал. Вся глубина человеческого страдания и боли была в этих двух словах короля.

— Да, Ваш сын, Государь! Но здесь стоит лжец Ивон, которого Вы лелеете и который убил Шарлота. Мы были на охоте в лесу, и принц отпустил своего сокола за отличной добычей. Принц был очень раздражен, когда птица не вернулась к нему, и поехал разыскивать ее. Мы скакали вдвоем, обогнав остальных, пока не выехали на дорогу, по которой ехал этот юный мошенник, держа на запястье сокола Его Величества. Как только принц Шарлот приказал мальчишке вернуть украденное, этот самый Ивон со своим братом наб-

росились на принца с двух сторон и расправиличсь с ним безо всякого милосердия, — сказал Амари.

Когда Ивон выслушал всю эту ложь, гнев затопил его, и на мгновение он потерял дар речи. Но Ивон не растерялся и швырнул в Амари свою перчатку так, что она хлестнула графа по губам.

— Ты лжец! — крикнул юный герцог Бордо, как только голос вернулся к нему.

Но король уже отдал вполголоса приказ стражникам схватить герцога Ивона, и они выполнили королевский приказ, повалив Ивона на пол и связав ему руки за спиной.

— Отрубить ему голову! — крикнул Карл Великий.

Стражники уже готовы были выполнить приказ короля, но герцог Нэм удержал их и сказал:

— По законам чести и рыцарства мы не имеем права так поступать с этим юношей. Он назвал Амари лжецом и вызвал его на поединок, чтобы испытать правду его рассказа в бою. Пусть сам Господь рассудит их! Это право Ивона, и никто, даже Государь, не может лишить герцога Бордо этого права.

Карл Великий страшно разгневался, но он видел, что пэры и дворяне думают так же как и Нэм. Если бы король исполнил свое намерение относительно немедленной казни Ивона, все поднялись бы против него. Гнев короля от этого только разгорелся еще сильнее, и он поступился притворно, затаив в душе ненависть, своим приказом. Король медленно произнес:

— Пусть они испытают друг друга в поединке по законам чести. Пусть Господь покарает этого убийцу. Но так же пусть будет вам известно, что если один из противников умрет раньше, чем успеет признаться в своей вине, другой будет изгнан из Франции навсегда и без возврата!

Слова короля вызвали у пэров громкий протест и показались им несправедливыми. Все знали, что на поединках не бывает времени для признаний в вине. Герцог Нэм сурово высказал это соображение королю, но Карл не стал никого слушать и настоял на своем.

Ивон вышел из зала вместе с герцогом Нэмом, которому было поручено охранять Ивона до завтрашнего дня — а завтра Ивон должен был встретиться с Амари в открытом поле. Граф Амари так же покинул двор, а старый король остался оплакивать своего сына.

VI. Как Ивон победил в бою графа Амари, и как судьба нанесла ему после этого жестокий удар

Рано поутру к Ивону пришел его слуга. Ивон ночевал у герцога Нэма, и слуга разбудил юного рыцаря. Он подал своему господину прекрасное чистое одеяние, а поверх него Ивон надел кожаный нагрудник. После этого герцог Нэм принес юноше отличные доспехи, изготовленные секретным способом, известным одному только Нэму, в его собственной кузнице. Ивон обнаружил, что это были легкие и гибкие латы — они почти не ощущались на теле. Снарядившись, Ивон выехал в поле на боевом коне рыже-красной масти. По правую руку от Ивона скакал герцог Нэм, а по левую — оруженосец со шлемом Ивона, украшенным пышными перьями, и со щитом.

Как только Ивон появился на месте поединка, зрители, собравшиеся вокруг поля, стали дивиться его юношеской красоте и благородству. Они говорили между собой, что не всякий королевский сын может сравниться своими достоинствами с герцогом Бордо. Эти разговоры дошли до слуха Карла Великого, в неподвижности сидевшего на своем месте, и еще сильнее разожгли ненависть короля против убийцы его сына.

Амари прибыл на поле в отличном расположении духа, с самыми легкими мыслями — он считал Ивона зеленым мальчишкой, безо всяких познаний в военной науке и неопытным в бою на мечах.

Но как только Амари выехал в круг, отведенный для поединка, его черный жеребец на виду у всего двора так сильно споткнулся, что граф, державший поводья некрепко, чуть не вылетел из седла. Зрители почувствовали, что это был дурной знак для Амари. Но сам граф выпрямился в седле и уверенно надел на голову свой шлем, не усомнившись ни на миг ни в себе, ни в своей победе.

Ивон так же надел свой шлем, взял в руку щит и велел оруженосцу быть наготове. Чалый жеребец Ивона ударил в землю копытом и нетерпеливо заржал в поводу, увидев черного коня графа Амари, которого негодяй теперь уже крепко держал в узде.

Затем, по слову, сказанному самим королем, противники помчались навстречу друг другу. Амари поднял пику, целясь в голову Ивона. Он знал, что такой удар может себе позволить только очень искусный и опытный воин, но в начале

битвы графу казалось, что он может вести себя, как мальчик, дразнящий беспомощного котенка.

Однако герцог Ивон предпочел более надежную атаку, разгадав намерения Амари. Как только они сблизились, Ивон сильно отклонился в сторону, и копье графа со свистом пролетело мимо юноши, пронзив только воздух. Но зато пика Ивона ударила прямо в центр щита Амари, и сила этого удара была такова, что ни Амари, ни его противник не удержались в седлах.

Отбросив в сторону бесполезные теперь копья, противники схватились за мечи. Граф был так зол и раздосадован неудачным для него началом поединка, что он швырнул далеко свой поврежденный щит и встал против Ивона в открытой и неразумной позиции, намереваясь сражаться обеими руками.

Но Ивон держал свой щит при себе, и щитом он успешно отразил удар Амари, которым граф намеревался сбить Ивона с ног. Лезвие меча глубоко врезалось в сталь, и граф Амари не смог быстро высвободить свой клинок. В это время Ивон нанес графу ответный удар, точный и меткий — по шее у самых плеч, и прочные доспехи Амари треснули, точно шелковая ткань. Голова графа, все еще в шлеме с плюмажем, свалилась на землю и покатилась к подножию кресла, на котором сидел Карл Великий.

Зрители вскочили со своих мест с криком удивления, потому что никто из них не верил, что молоденький герцог Ивон может сразить в поединке графа Амари. Ожесточенное сердце короля тоже встрепенулось от радости — ведь если Ивон пока еще жив, то ему придется очень скоро погибнуть за Францию. Как можно было заранее предвидеть, Амари погиб, не успев ни в чем признаться. Тогда королевские глашатаи объявили всем волю Карла Великого по его сигналу.

Как только суровый приказ о вечном изгнании был зачитан, пэры и придворные стали возбужденно протестовать против решения короля, и герцог Нэм от их имени обратился к Карлу Великому:

— Государь, Ваши слова несут беду и горе! Юноша одержал победу в смертельном поединке, и сам Господь помог ему в этом! Значит, Ивон из Бордо сказал Вашему Величеству чистую правду. Если юный рыцарь убил принца Шарлота по неведению, он не может считаться убийцей. Теперь Вы решили изгнать Ивона из Франции, и всю свою жизнь он проведет вдали от родных и от родины!

Короля снова охватил приступ бессильного гнева, так как

он понял, что никто не поддерживает его, даже приближенные. Тогда Карл Великий спокойно и мягко проговорил, будто бы слушаясь доводов своего окружения:

— Ивон из Бордо воистину совершил великое зло — он отнял у меня любимого сына и наследника моего престола. Но очевидно и то, что Сам Господь даровал этому юноше победу в бою. Чтобы не быть слишком безжалостным, я поручу Ивону тайное задание, подобное тем, которые давались рыцарям в прежние времена. Ивон не вернется во Францию до тех пор, пока это задание не будет им выполнено успешно. Что скажешь на это, герцог Нэм?

Герцог Нэм, видя, что король не решится на большие уступки в пользу Ивона, выразил свое согласие наклоном головы.

— Вот что я поручу Ивону из Бордо! — Громко объявил король. — Пусть он уедет из Франции и отправится в главный город сарацинов — в Вавилон. Он должен будет явиться во дворец эмира Гауда, властелина этого города. Пусть рыцарь Ивон вырвет клок бороды у эмира и пять зубов у него изо рта, отрубит голову самому знатному из придворных эмира и поцелует в губы дочь Гауда. Все это должно быть исполнено на виду у всего двора правителя Вавилона. Мне Ивон доставит только волосы и зубы.

Как только Ивон услышал, какое задание поручает ему король, сердце юноши учащенно забилось — он считал, что никому из людей не под силу выполнить все это и остаться в живых. Тогда юный герцог обратился к Карлу Великому с такими словами:

— Мой Государь, вы посылаете на верную смерть того, кто всю свою жизнь не желал Вам ничего, кроме блага. Пусть потом нас рассудят люди, которые слышали мой рассказ!

Ивон больше не проронил ни слова и пошел в комнату, где лежал его брат Жерар. Ивон передал во владение Жерару Бордо и все остальные свои земли. После этого, сокрушаясь о своей злой судьбе, Ивон отобрал несколько лучших рыцарей и слуг из своей свиты и решил приступить к выполнению королевского поручения.

VII. Как Ивон покинул Францию и как Жерар правил в Бордо

С тяжелым сердцем Ивон нанял корабль и отплыл со своими спутниками в Италию. Скоро путешественники прибыли в эту страну и отправились по суше в город, который лежит

посередине всего мира, а именно в Рим. В Риме юный герцог удостоился аудиенции у самого Римского Папы. Его Святейшество был очень рад принять у себя благородного юношу и сказал ему при встрече:

— Много лет тому назад я близко знал твоего отца, герцога Севина, и теперь я счастлив взглянуть на его взрослого сына. Воистину, Ивон, ты сотворен Создателем как точное подобие моего старого друга! Думаю, что ты, Ивон из Бордо, принес мне только добрые вести. Скажи мне, сын мой, что же заставило тебя покинуть Францию и прийти сюда, к нашим дверям?

Ивон поведал Его Святейшеству о горе, которое его постигло, и о тяжелом поручении, возложенном на его плечи по воле короля Карла Великого. С отчаянием говорил юный герцог о своем будущем, потому что ему казалось, что он скачет на верную гибель. Но как только горькие слова сорвались с губ Ивона, Его Святейшество Папа Римский остановил речь юноши движением руки и мягко упрекнул его:

— Да будет тебе известно, сын мой, что нет ничего невозможного на белом свете для того, кто всем сердцем верит в милосердие Господа нашего Христа. Так говорил Он Сам. Иди вперед, вооруженный верой, и ты все преодолеешь, — даже то, что ждет тебя впереди и внушает такой страх за твою жизнь — всю грозную и ужасную силу язычников.

При этих словах на сердце у Ивона полегчало, и он почувствовал себя человеком, в один миг сбросившим тяжелые железные оковы. Затем Его Святейшество посоветовал Ивону поехать в Сант-Омар и увидеться там с герцогом Гэрином, который приходился Ивону родным дядей. Ивон последовал совету Папы и скоро оказался в доме герцога Гэрина, очень известного воина, который в свое время объездил весь христианскмй мир и был очень мудр и опытен.

Герцог Гэрин встретил юношу с распростертыми объятиями и прижал его к своей груди. Он отвел Ивону место рядом с собой и обращался с ним, как с названным сыном, потому что у Гэрина не было наследников, а Ивон так походил на своего отца в ранней молодости, что герцог Гэрин, глядя на него, постоянно вспоминал своего брата герцога Севина. Много добра увидел Ивон от своего дяди и крепко подружился с ним. Подошло время, когда Ивон и его друзья должны были отплыть на корабле в сарацинские земли. Герцог Гэрин позвал к себе свою жену и сказал ей:

— Госпожа моя, следите хорошо за нашими владениями и управляйте всеми делами, как управлял бы я сам. Я решил отправиться в путешествие вместе с моим племянником, чтобы он, рискуя жизнью и преодолевая опасности, не был одинок в трудном походе.

Жена герцога Гэрина печально ответила своему мужу:

— Мой добрый господин, я боюсь расставаться с Вами! Мне снились плохие сны всю эту неделю, и мне кажется, что если Вы покинете меня, то я больше уже не увижусь с Вами в этом мире. Но если будет на то Ваша воля, я исполню Ваше повеление. Я буду править нашими владениями и ждать, когда Вы вернетесь ко мне!

Тут герцогиня тихонько подошла к Ивону и попросила его, чтобы он оберегал герцога и следил за тем, чтобы никто не причинил Гэрину какого-либо вреда. Так нежно любила герцогиня своего мужа.

Ивон поклялся перед распятием, что он всегда будет помнить о ее просьбе и постарается отвести любую опасность от своего дяди.

Но герцогиня пролила немало слез, отирая заплаканное лицо длинными рукавами платья, когда Ивон и Гэрин поскакали вперед из ворот Сант-Омара.

В то время, когда Ивон отправился выполнять задание Карла Великого и уже объехал полмира, его брат Жерар поправлялся после страшного ранения, нанесенного ему принцем Шарлотом. Как только Жерар поднялся на ноги, он решил ехать в Бордо.

У герцогини Акли был слуга, который смотрел с самой высокой башни на дорогу, ведущую в Бордо. Когда слуга увидел с башни флаги, развевающиеся на копьях отряда Жерара, он объявил эту весть стражникам, и скоро все жители крепости собрались у ворот встречать своих господ. Но во двор крепости вступил только Жерар, и герцогиня Акли, которая выбежала навстречу сыновьям, прижала руки к груди, точно схватившись за нанесенную рану, и воскликнула:

— Где твой брат? Почему ты вернулся один?

Жерар рассказал матери всю горькую правду о том, что случилось с Ивоном. Как только герцогиня услышала об изгнании своего старшего сына, она страшно закричала — это был крик невыносимой боли и смертельного страдания. Жители крепости ужаснулись, а герцогиня, как подрубленное дерево, рухнула на мостовую.

Служанки торопливо отнесли ее в покои замка, но она не заговорила уже больше никогда, потому что от боли и стра-

дания у нее разорвалось сердце, и душа ее отправилась в Рай, туда, где ждал герцогиню славный герцог Севин, ее господин.

Долгие и печальные дни потянулись для Жерара нескончаемой чередой горя. Он оплакивал двух самых дорогих для него людей — мать и брата. Ивона Жерар считал мертвым, потому что ни один, даже самый могучий и отважный человек, не мог бы вернуться назад целым и невредимым из путешествия, в которое Карл Великий отправил Ивона. Жерар долго не хотел ни с кем разговаривать, и никто не мог нарушить его мрачного молчания, пока в конце концов один из старых рыцарей, наставников и учителей Жерара, не пришел к нему и не сказал:

— Мой господин, испытания, которые выпали на Вашу долю, и в самом деле были очень тяжелы. Но вы поправились и окрепли не для смерти, а для жизни. Бордо нуждается в хозяине, и Вы должны занять свое место и править нами, как правили до Вас Ваш великодушный отец и Ваш старший брат.

Так Жерар стал полновластным герцогом Бордо, и скоро это стало очень нравиться юноше. Он позабыл Ивона и то обстоятельство, что сам он стал герцогом и правит Бордо из-за несчастий, выпавших на долю Ивона. Сам Ивон казался теперь Жерару таким же мертвецом, как давно почившие предки Жерара, погребенные в фамильном склепе герцогов Бордо. Когда-то давно, еще в детстве, Жерар завидовал своему брату и даже втайне мечтал о своем величии и об унижении Ивона. Теперь эти мечты стали явью.

Спустя недолгое время Жерар женился на девице Сесилии, дочери Жильбера, который был дальним родственником того самого графа Амари, который принес столько несчастий роду герцога Севина. Сесилия была чарующе хороша собой, остроумна и зла на язык, и, кроме того, она глубоко изучила некоторые черные науки. Но Жерар не думал о родне Сесилии, увлеченный ее красотой и обманутый ею при помощи запретного колдовского искусства, которым она владела в совершенстве. Скоро Жерар превратился в послушного исполнителя воли своей жены, и каждое ее слово стало для него законом. Кроме жены, Жерар во всем слушался и ее отца Жильбера — самого хитрого и двуличного мошенника во всей Франции.

Так зло и несчастья пришли в Бордо без ведома настоящего хозяина этого герцогства, Ивона.

VIII. Как Ивон повстречал отшельника Жерома и повернул на дорогу, ведущую в волшебный лес

Торговое судно, на котором плыли Ивон, Гэрин и все их друзья, высадило их на скалистом и бесплодном берегу. Это было безжизненное и пустынное место, удаленное от городов и поселений сарацинов. Ивон решил ехать в Вавилон самой безлюдной дорогой. Путешественники пришпорили коней и поскакали навстречу восходящему солнцу по направлению к столице сарацинов.

Вскоре они оказались у края широкой пустоши, которую пересекали две разные дороги. Путникам было очень хорошо видно, что одна дорога ведет через пустыню, где есть только раскаленные камни да сожженный солнцем песок. Нигде впереди по этой дороге не было видно ни единого деревца или даже травинки. Вторая дорога вела в глубь свежей зеленой чащи, где высокие и роскошные деревья обещали обилие воды и прохладу.

Эту вторую дорогу и выбрал Ивон. Он повернул на нее своего коня, как вдруг из уродливой хижины, которая раньше показалась путникам грудой сваленных как попало неотесанных камней, вылез какой-то человек в лохмотьях отшельника и преградил Ивону дорогу.

Вокруг бедер отшельника была обернута львиная шкура, а его седые волосы в беспорядке, нечесанными клочьями падали на исхудавшие плечи. Длинная его борода спускалась до самого пояса, но глаза отшельника были живыми и смелыми, и он держался так, точно был полновластным властителем всей окружающей его земли.

— Умоляю Вас, прекрасный сир, погодите! — Крикнул он Ивону. — На Вас платье с крестом на груди, а значит Вы — христианин! Если это и вправду так, выслушайте мое предупреждение — ведь, хоть я и попал в тяжелое положение, я являюсь кем-то вроде христианского короля этих земель!

Ивон, немного удивленный неожиданной встречей с монархом посреди пустыни, остановил коня и предложил человеку из груды камней рассказать, что заставило его поселиться в этом неуютном месте.

— Когда-то я был рыцарем Жеромом и скакал по правую руку от своего господина, благородного герцога Севина из Бордо. Когда я отправился в плавание, чтобы воевать за Гроб Господень с сарацинами, мой корабль был потоплен в мор-

ских волнах греческими пиратами. Я и все мои спутники попали в плен к пиратам, но спустя несколько лет мне удалось освободиться от цепей, и я бежал сюда в пустыню, где никто не смог бы разыскать меня. За семь лет вы первые скачете по этой дороге, очень древней и безлюдной. Известно ли вам, что эти земли полны опасностей для христиан? Что за злая судьба привела вас сюда в пустыню?

Ивон рассказал Жерому всю горестную предысторию их путешествия, а также о том, какое задание они получили от короля Карла Великого и почему оказались на пути в Вавилон.

Как только Жером услышал, что рыцарь Ивон — сын его прежнего господина герцога Севина, слезы покатились по его впалым щекам, и он схватил руку юноши, чтобы поцеловать ее, говоря, что он готов следовать за Ивоном до самой смерти, даже если эта самая смерть наступит два часа спустя.

Но после этого Жером стал уговаривать Ивона свернуть с дороги, ведущей в тенистый красивый лес. Он сказал:

— Этот лес непростой. Он полон тайного и непонятного. Этот лес — одно из странных и редкостных мест, где мир волшебный соприкасается с миром людей, простых смертных. Оберон, Король Лесного Народа, часто появляется под этими деревьями со своей прекрасной и волшебной свитой. И если он повстречает на своем пути простого смертного и заговорит с ним, и этот смертный ответит Оберону, то тут же смертный превращается в эльфа и до конца своих дней должен служить Эльфийскому Королю, выполняя всякое его желание. Множество сильных и бесстрашных рыцарей бесследно исчезло в этом лесу!

Ивон еще раз окинул взглядом песчаную пустыню, безжизненную и неприглядную, где не было ни воды, ни хотя бы самого маленького островка тени. Потом он повернулся к прохладной и заманчивой лесной стороне, и его странно потянуло туда, в этот прелестный шумный лес.

Он спросил:

— Может ли человек вообще не отвечать на слова Короля Оберона? Или все равно он тогда попадет во власть эльфов?

Жером покачал головой:

— Нет. Если человек не заговорит с Обероном, то Король Эльфов не сможет силой сломить его волю.

— Тогда, — сказал Ивон, — мы будем держать языки за зубами и останемся целы и невредимы, если даже и повст-

речаемся с грозным Королем Обероном. Под палящим солнцем, без воды, мы все скоро погибнем от жажды в пустыне, но если поедем лесной дорогой, у нас будут и тень, и вода, и мы спасемся.

Путники поскакали к лесу, хотя Жером и продолжал твердить, что в лесу они только наживут себе разных бед. Как только отряд проехал примерно половину чащи, откуда-то послышался серебряный звук охотничьего рога. В тени деревьев появилась волшебная процессия конных рыцарей, одетых в зеленое, а зеленый цвет, как известно, — любимый цвет лесных эльфов.

Предводителем этого отряда был юноша такой чудесной красоты, что ничего подобного ей нельзя было бы найти в мире смертных людей. На его золотоволосой голове блестел тонкий венец, а роскошный его наряд, зеленого цвета, был причудливо расшит золотом и серебром. Меч этого юноши помещался в ножнах, усыпанных крупным жемчугом и изумрудами. На шпорах его волшебной свиты сверкали бриллианты.

Но ростом глава отряда, сидевший верхом на вороном коне, был не выше десятилетнего ребенка, хотя его прекрасное лицо было мудрым и властным.

Увидев Ивона и всех его спутников, маленький юноша остановил своего коня и опустил на седельную сумку свой серебряный рог.

— Стой, гордый смертный! — звонко крикнул он. — Говори мне, кто ты такой, если уж ты осмелился нарушить границы моего царства!

Всем из отряда Ивона голос чудесного юноши показался началом чарующей песни. Но путники вовремя вспомнили предупреждение Жерома, и никто не произнес в ответ ни единого слова. Король Оберон пришел в сильнейший гнев и крикнул:

— Стойте на месте, молчуны — и сейчас вы увидите, во что вам обойдется ваша дерзость!

Король эльфов пришпорил коня и скрылся в лесу со своей свитой. Жером сказал Ивону:

— Господин, поедемте поскорее прочь из этого колдовского леса, а то ведь Лесной Король может устроить нам какую-нибудь западню!

Ивон и все его друзья пришпорили коней и во весь опор поскакали вперед, подальше от этого странного и опасного места. Но пока они горячили коней, стремясь поскорее

выбраться на опушку леса, вокруг них все потемнело, и не стало видно ни дороги, ни земли, ни неба.

Деревья страшно зашумели вокруг них, поднялся ураганный ветер, и откуда ни возьмись на путников обрушились сильные потоки воды, как будто огромная река вышла из берегов, чтобы смыть и унести куда-то ничтожных смертных. Их положение было ужасным, а Ивон уже подумал, что путешествие его закончено, и что никогда ему не увидеть высоких сторожевых башен крепости Бордо.

IX. Как Ивон помирился с Королем Обероном и получил от этого немалую пользу

Буря бушевала вокруг путников, и порывы ветра пронизывали каждого до самых костей. Люди с громкими стонами принялись оплакивать свою злую долю и проклинать надвигающуюся гибель. Никто уже не надеялся вернуться живым на родину и увидеть снова своих близких. Некоторые рыцари стали упрекать Ивона и винить его в том, что он привел их в это страшное и гибельное место. Они говорили, что буря ниспослана на них Королем Обероном, а ураганный ветер вызван колдовскими чарами. Ивону тоже так казалось, и он обратился к своим друзьям с такими словами:

— Моя неосторожность и глупость привели нас всех к беде, и вы без вины страдаете от моего легкомыслия. Если бы я только смог еще раз увидеть грозного Короля Оберона и поговорить с ним, но чтобы вы все, мои верные друзья в этом тяжелом походе, спаслись от гибели...

Но не успел Ивон договорить, как сквозь вой ветра и грохотание бури все ясно услышали серебряный звук рога. Из под гнущихся и скрипящих деревьев легким галопом выехал всемогущий властелин этого заколдованного царства в сопровождении рыцарей-эльфов.

Он подъехал ближе к испуганным людям и обратился к Ивону:

— Кто ты такой, незнакомец, без моего разрешения вторгшийся в нашу страну?

Ивон, не обращая никакого внимания на Жерома, который предостерегающе дернул юношу за рукав, смело ответил:

— Ваше Величество, я — герцог Ивон из Бордо, поддан-

ный короля Карла Великого Французского, и теперь странствую, как простой рыцарь, по воле Государя, который разгневался на меня.

— В чем же твоя вина, рыцарь, — спросил Оберон, — если Карл Великий, известный своей мудростью и великодушием не только в вашем мире, но и в нашем, прогневался на тебя?

— Я не виноват ни в чем, если не считать виной то, что я с мечом в руке защищал свою жизнь, — уверенно произнес Ивон. Ему вдруг стало слышно, что буря вокруг них утихла, потоки воды куда-то пропали и ураганный ветер прекратился. Тогда Ивон рассказал Королю Эльфов обо всем, что случилось с ним после того самого дня, когда он вдвоем с младшим братом покинул Бордо и направился в Аахен, ко двору французского короля.

— И правда, не повезло тебе, — сказал Король Эльфов. — Никто из смертных не в состоянии совершить то, что приказал тебе твой Государь, и вернуться после этого живым на родину. Но что не по плечу обычному человеку, вполне по силам Королю Лесных Эльфов. Итак, рыцарь Ивон, оттого, что ты был первым человеком, говорившим со мной смело и честно, я окажу тебе помощь. Если ты умело воспользуешься ею, тебе не трудно будет выполнить то, что ты должен сделать.

Видишь ли ты мой серебряный рог? Он был мне подарен при моем рождении, и мудрые феи из дальних краев заколдовали этот рог. Глориандa сказала, что самый нежный и тихий его звук будет уносить все болезни — как человеческие, так и эльфийские. По велению Трансилин, сигнал погромче утоляет любую жажду и голод. А Марго пожелала, чтобы тяжесть покидала сердце и пропадали печальные мысли, если дунуть в рог еще сильнее. Но самый сильный звук, по воле мудрой феи Лемпатрикс, призовет тебе на помощь эльфийское воинство. Этот рог я отдаю тебе, Ивон, и прошу использовать его с умом — ведь это не детская игрушка. Когда ты затрубишь в этот рог изо всех сил, я сам и вся моя свита явимся к тебе на подмогу и будем сражаться с твоими врагами на твоей стороне.

Оберон снял со своей шеи цепь, на которой висел Волшебный Рог, и надел ее на шею Ивона. Рог оказался на груди молодого рыцаря, и Ивон поначалу просто онемел от щедрости Короля Эльфов. Но Оберон, не ожидая благодарных слов, достал откуда-то из складок своего платья серебряный кубок, украшенный жемчугом, и кубок засветился в лесной темноте розоватым сиянием.

— Это второй мой подарок — не такой богатый, как рог со многими голосами. Но тот, кто имеет при себе этот кубок, никогда не будет испытывать жажды и будет понимать, что за люди его окружают. Если честный человек поднесет к своим губам этот кубок, то кубок окажется полон самого лучшего вина. Но если кто-нибудь с черным и лживым сердцем захочет отведать этого вина, кубок окажется пустым. Возьми с собой мой второй подарок, рыцарь Ивон, он очень пригодится тебе в пути.

Ивон принял кубок двумя руками, и лицо его осветилось розовыми отблесками. Помолчав, Ивон поднял кубок к своим губам, и волшебная чаша, как и ожидал Оберон, оказалась полной до краев рубиновым вином. Юный рыцарь сделал еще глубокий глоток, и пока он еще держал кубок в руках, тот снова наполнился. Тогда Ивон передал кубок Герцогу Гэрину, а потом и все остальные, по кругу, выпили волшебного вина. Каждый раз чаша оказывалась полной. После этого вина все заметно приободрились, исчезла жажда и усталость, и воинам показалось, что у них вдесятеро прибавилось силы.

Много благодарных слов сказал Ивон Королю Оберону, потому что подарки эльфа были бесценны. Оберон так ответил юному герцогу:

— Иди вперед до победного конца, Ивон из Бордо. Если ты выполнишь трудное свое задание, ты будешь щедро вознагражден за мужество и стойкость. Ты почему-то тронул мое сердце — почему, я и сам не знаю. Когда-то те самые мудрые феи, которые подарили мне Чудесный Рог, предсказали, что я найду себе настоящего друга среди смертных людей — может быть, ты и есть тот самый человек. А теперь поезжай вперед и ничего не бойся в этом лесу, тебе здесь ничто не угрожает, и твой путь свободен.

Пока Ивон собирался ответить что-нибудь Оберону, Лесной Король и его рыцари исчезли, растворившись во тьме ночного леса, точно их никогда здесь и не было.

Ивон и его спутники развернули своих коней и отправились по пути, который был им указан Обероном. Очень скоро Волшебный лес кончился, и отряд оказался среди лугов, на которых всюду звенели быстрые ручьи.

Как только лес остался позади, люди Ивона принялись толковать между собой о подарках эльфа, которые теперь вез с собой их господин. Кто-то сказал, что, может быть, силы и чары этих даров могут помогать только в самом лесу, а за его пределами — кто знает. Может быть, на этих лугах власть

Оберона кончается, и ни рог, ни кубок не помогут в беде их господину.

Так они говорили между собой, пока Ивон не рассердился и не заявил, что он верит Оберону, а не пустым сомнениям своих спутников. Чтобы положить конец пересудам, Ивон поднял Чудесный Рог и громко затрубил в него.

Небо сразу же покрылось темными тучами, и перед путниками поднялся в мрачные небеса зеленый сноп света, из которого появился Оберон и его рыцари, со щитами и мечами, приготовленными к бою.

— Где твой враг? — воскликнул Оберон, и голос его зазвенел над полем.

Только тогда Ивон понял, что он натворил, и не на шутку испугался. Что-то скажет Король Эльфов о преступном его легкомыслии? Ивон спешился и смиренно подошел к Оберону, чтобы признаться в своей оплошности.

Лицо Оберона горело от гнева, а его ярко-зеленые глаза полыхали, как уголья. Но когда Ивон признался во всем Оберону с мужественной готовностью, гнев Короля Эльфов утих, и Оберон, грустно покачал головой, промолвил юноше:

— Ивон, много опасностей подстерегает тебя на пути, и когда ты выполнишь свое поручение, тебе будет о чем погрустить. Оставь детские забавы, а не то попадешь в такую беду, что и я не смогу тебе ничем помочь. Не прикасайся к рогу до тех пор, пока не окажешься на краю гибели, и тогда я приду к тебе на помощь. А не то я заберу у тебя свой рог назад, и кубок тоже, — и тогда у тебя будет сколько угодно возможностей погибнуть из-за глупых твоих затей!

Ивон поклялся на Распятии, что никогда не воспользуется рогом ради забавы, но достанет его только тогда, когда ему придется спасаться от смертельной опасности. Тогда Оберон со своей свитой вернулся в огненный столб и пропал из вида.

Герцог Бордо и его сподвижники тронулись в путь и ехали молча, пока не увидели на фоне ночного неба стены и башни какого-то города. В этом городе они решили заночевать.

X. О городе Тормонте и о том, что там приключилось

Когда французские рыцари подъехали близко к воротам чужого города, их остановил громкий голос:

— По крестам, которые вы так смело носите на одежде, можно догадаться, что вы христиане. Поезжайте прочь отсю-

да, и как можно скорее — если, конечно, вы хотите остаться в живых. Этот город называется Тормонт, и наш господин, повелитель Магаир, заклятый враг всем христианам. Он ненавидит иноверцев и отдал приказ рубить голову каждому христианину, приходящему в наш город.

Но Ивон сказал в ответ:

— Нас застигла ночь, и мы ищем приюта. Мы не боимся твоего сурового повелителя. Открой нам ворота, мы хотим войти в Тормонт!

Ворота медленно отворились, и отряд вошел в город. По другую сторону ворот стоял человек, который впустил в Тормонт Ивона и его друзей. Этим человеком был Гонда, городской управляющий. Как только он понял, что не может убедить путников скрыться от грозного Магаира, он предложил французам пойти вместе с ним в его собственный дом, и переночевать там в безопасности.

Тормонт оказался очень красивым городом со множеством дворцов и садов, домов и башен. Но на улицах этого города пришельцы увидели целые толпы нищих, худых и оборванных. Весь этот обездоленный народец был так жалок, что Ивон и его друзья почувствовали сострадание к беднякам. Ивон спросил у Гонды, почему все эти люди так несчастны. Управляющий ответил, что это происходит по воле повелителя Магаира, мудрейшего из мудрых.

Когда они пришли в дом Гонды, Ивон достал полный золота кошелек и отдал его управляющему, сказав:

— Возьми эти деньги и сходи на базар, купи на них хлеба и мяса, которые понадобятся нам для пира. Потом пригласи сюда всех этих людей, мужчин и женщин, просящих на улицах милостыню, и накорми их так, чтобы сегодня вечером никто не отправился спать голодным.

Гонда исполнил все, что велел ему Ивон. Со всех улиц Тормонта собрались нищие на угощение, приготовленное для них. Ивон достал свой волшебный кубок и передал его людям, чтобы все выпили из него. Кубок ни разу не опустел, и каждый вволю выпил самого лучшего вина. Это действительно был веселый пир!

Когда стало совсем уже поздно, Ивон снял со своей шеи цепь с Чудесным Рогом и отдал подарок эльфов наа хранение Гонде, сказав при этом:

— Возьми себе этот рог и спрячь его хорошенько — он не должен пропасть оттого, что нам так весело сегодня. Этот рог — самое ценное из всего, что у меня есть, и он ни в коем случае не может принадлежать кому-нибудь еще.

Гонда повесил цепь с рогом себе на грудь и поклялся, что будет защищать этот рог даже с оружием в руках.

Тем временем Магаир, повелитель Тормонта, послал на базар своих слуг, чтобы они купили мяса к его столу. Скоро слуги вернулись назад и сказали Магаиру, что на базаре мяса не осталось из-за чужестранцев, которые все скупили и устроили пир для городских нищих. Вся городская голытьба, сказали Магаиру слуги, теперь ест это мясо в доме у Гонды.

Удивленный Магаир тут же решил, что он должен сам увидеть чужеземцев, которые кормят тормонтских нищих. Магаир переоделся в длинный плащ из грубой черной ткани, похожий на те плащи, которые обычно носят бедняки, и вышел в город в сопровождении стражников. Оставив своих людей на улице, он вошел в дом Гонды и пробрался за самый дальний стол, внимательно наблюдая за тем, что происходит вокруг него.

Случилось так, что сразу же после появления переодетого Магаира Ивон подошел к столу, за которым сидел хитрый правитель, и поднес Магаиру кубок, из которого уже выпили все люди, сидевшие на пиру. Но как только Магаир поднес чашу ко рту, и собрался выпить вина, оно тут же исчезло, и в руках Магаира осталась пустая чаша!

— Что ты за человек? — крикнул Ивон. — Этот кубок всегда полон для честных людей!

Быстро протянув руку вперед, герцог Ивон откинул капюшон плаща с головы незнакомца.

— Это же Магаир, повелитель Тормонта! — воскликнул Гонда.

Не дожидаясь, пока с ним разберутся, Магаир бросился к двери и выбежал на улицу. Там он приказал ожидавшей его охране войти в дом и взять под стражу чужеземцев. Но Ивон и остальные французские рыцари не собирались так легко сдаваться в плен. Они проложили себе путь наружу и побежали по оживленным улицам Тормонта, пока наконец не оказались перед гигантской смотровой башней, возвышающейся на площади. Сразившись с несколькими стражниками, которые охраняли вход внутрь башни, французы освободили себе дорогу мечами и вступили под защиту надежных и крепких стен башни.

Вокруг нее Магаир собрал все боевые силы Тормонта, надеясь, что спустя некоторое время голод и жажда выдадут дерзких чужаков прямо ему в руки. Ивон увидев, что к башне

стягиваются боевые отряды, понял, что у него нет никакой надежды отбиться от врагов или спастись как-нибудь иначе.

Герцог Гэрин посоветовал Ивону:

— Затруби теперь, сынок, в свой Чудесный Рог, который подарил тебе Король Оберон — перед нами смертельная опасность, и никто кроме Короля Эльфов не сможет спасти нас от смерти.

Ивон поднял руку к груди и тут же вспомнил, что он отдал Чудесный Рог на хранение Гонде, и теперь Рога у него нет. Когда Ивон рассказал об этом всем остальным, на него посыпались упреки в великой глупости, и Ивон ничего не возразил на это, потому что понимал, что ему говорят правду.

Но добросовестный Гонда вспомнил о том, что Рог у него, и что странники, попавшие теперь в осаду, называли этот рог своим главным сокровищем. Гонда решил как-нибудь вернуть этот Рог Ивону, потому что в глубине души управляющий ненавидел повелителя Магаира за множество злых дел и гнусных поступков.

Гонда пришел к Магаиру и открыто предложил ему:

— Повелитель, позвольте мне поговорить с чужестранцами. До сих пор они доверяли мне, и может быть, я уговорю их сдаться, прямо указав, в каком они находятся безвыходном положении.

Магаир дал на это свое согласие, потому что ему хотелось освободить башню с возможно меньшими потерями, а эти чужеземцы уже показали себя очень сильными и отважными воинами.

XI. Как Ивон позвал на помощь эльфов, и как погиб Магаир

Гонда подошел к воротам башни без оружия, держа в руках только белый шелковый шарф, чтобы людям внутри было видно, что он идет с миром. Ивон приказал разобрать заслон, и Гонда вошел в башню. Прежде всего Гонда обратился к Ивону:

— Магаир обещал сохранить вам жизнь, если вы добровольно сдадитесь ему. Но послушайтесь моего совета: не верьте ни единому слову его обещаний, потому что нрав Магаира так же опасен и непостоянен, как быстрая река, то и дело меняющая свое русло и выходящая из берегов. Не ожидайте от него милосердия, и на самом деле я не могу пообещать

вам ничего, кроме смерти. Но я принес с собой ваш Рог, который вы доверили мне и про который сказали, что это ваше величайшее сокровище.

Ивон торопливо выхватил Чудесный Рог у Гонды с торжествующим криком:

— Добрый Гонда, с этим Рогом ты принес нам освобождение, и сейчас ты убедишься в этом — и убедится весь Тормонт!

Ивон поднял Чудесный Рог и затрубил в него так громко, что городские стены и башни отозвались эхом, и победный звук рога гордо ушел в самое небо. Поднялся сильный ветер, быстро превратившийся в ураган, уже знакомый странникам по Волшебному Лесу.

Яркая молния осветила небосвод над Тормонтом, и в ее ослепительном свете в воздухе появились крылатые кони с эльфами в седлах и Королем Обероном во главе. Каждый эльфийский рыцарь был вооружен блистающим мечом, и когда ураганный ветер опустил эльфов вниз, на землю, их отряд ринулся на врага с громкими боевыми кличами Чудесной Страны, которые звучали очень грозно и непривычно для человеческих ушей.

От этой устрашающей картины войско повелителя Магаира пришло в сильный испуг и смятенье, и большей частью разбежалось. Но многие воины остались на своих местах и приняли бой.

Над площадью поднялся ужасающий шум и грохот схватки. Алые ручьи горячей человеческой крови потекли по улицам, и тела убитых лежали у каждого порога, под каждой дверью. Но это не останавливало стремительных эльфийских рыцарей, и французы не отставали от них, сражаясь за Тормонт. Немало славных подвигов совершили Ивон, и герцог Гэрин, и Жером, и все остальные.

Наступила минута, когда в целом городе не осталось уже никого, кто еще противостоял бы войскам Короля Оберона и Герцога Бордо. Среди побежденных в бою оказался и повелитель Магаир, который мужественно сражался с противником и держался в строю до последних минут битвы, несмотря на то, что вся его жизнь до этого была непрерывной чередой злодейств. Ивон пожалел о том, что такой храбрый воин прожил такую скверную жизнь.

Когда Тормонт был освобожден от гнета этого лживого и жестокого правителя, и все сторонники Магаира нашли смерть

в бою, Король Оберон подошел к герцогу Ивону и сказал ему:

— По зову Рога мы пришли к тебе на помощь. Город Тормонт покорен и находится теперь в твоих руках и в твоей власти. Что ты думаешь делать с Тормонтом?

Ивон окинул взглядом город, еще недавно такой красивый и цветущий, а теперь полуразрушенный и опустошенный, и надолго задумался, прежде, чем ответить.

— Мне не нужен Тормонт, и вряд ли кто-нибудь из моих друзей захочет остаться здесь надолго — наша Франция лежит так далеко отсюда! Пусть Гонда, честный человек, станет правителем Тормонта, а мы пойдем своей дорогой.

Друзья герцога Ивона согласились с ним, и Гонда стал правителем Тормонта. Гонда правил в Тормонте много лет справедливо и мудро, и скоро этот город превратился в один из самых могущественных и процветающих сарацинских городов. Но Ивону никогда уже больше не довелось увидеть прекрасные дворцы и высокие башни Тормонта.

Они выехали из города, и эльфы хотели уже было попрощаться с французами, но Король Оберон рещил подать Ивону один совет и велел остальным обождать.

— Пусть и дальше на пути к твоей цели удача сопутствует тебе, друг мой. Но я все-таки боюсь, что впереди тебя ожидают тяжелые испытания и смертельные опасности, — ведь ты упрям и своенравен, и так мало знаешь мир. Не забудь моего совета, который я тебе сейчас дам. От того, как ты его запомнишь, будет зависеть, какое ожидает тебя будущее — дурное или хорошее. Говори всем только чистую правду, не лги ни при каких обстоятельствах. Если ты солжешь, а после этого окажешься на краю гибели и позовешь меня, я не смогу прийти к тебе на помощь.

Ивон громко поклялся, что он запомнит совет Оберона и не скажет ни одного лживого слова. Но Король Эльфов смотрел на юношу с печалью, точно предвидел впереди какую-то беду.

Перед тем, как покинуть мир людей, Оберон своими чарами вызвал в пустыню прелестный шелковый шатер, пригласил туда всех французских рыцарей и поднял шатер в воздух, тоже при помощи колдовства. Затем Оберон устроил в шатре великолепный пир по случаю победы.

Многие рыцари из сопровождающих герцога Бордо получили в бою тяжелые раны. Видя их страдания, Ивон сказал:

— Раз Карл Великий поручил выполнить задание мне одному, дальше я поскачу один, чтобы довести дело до конца. Оставайтесь здесь, залечивайте ваши раны и дожидайтесь

моего возвращения. Но если я не вернусь назад после того, как луна пройдет свой рост и ущерб один раз, считайте меня мертвым и поезжайте назад в Бордо, и привезите туда рассказ о нашем путешествии.

Друзья Ивона в один голос закричали, что они не согласны оставаться, но герцог Бордо не стал никого слушать. Затем Жером сказал ему:

— Впереди у тебя на дороге стоит замок Дунотэр, где обитает великан Ангалафар. Поезжай обходным путем, чтобы избежать ужасной опасности.

Но как только Ивон простился с друзьями и выслушал все их добрые наставления и пожелания, он выбрал дорогу, ведущую в Дунотэр, потому что ему очень захотелось увидеть знаменитого великана Ангалафара.

XII. Как Ивон побывал в замке Дунотэр

Перед глазами Ивона в безжизненной пустыне вырос замок Дунотэр. Он возвышался серой и мрачной громадой, и на его неподвижных башнях не было ни флагов, ни вымпелов. Сам воздух вокруг замка казался напоённым опасностью. Ивон уже почти раздумал ехать к замку, но тут до его слуха донесся какой-то странный звук — мерный грохот и скрежет, и, желая узнать причину этого звука, изумленный Ивон подъехал к воротам замка.

По обе стороны ворот стояли два великана, закованные в медь и железо так искусно, что это не было похоже на дело человеческих рук. В руках каждый из них держал по огромной железной секире, и великаны ударяли этими секирами по земле перед воротами поочередно: когда один поднимал свою секиру, другой уже опускал свою. Никто не смог бы пройти живым сквозь такие ворота — любого храбреца ожидала бы ужасная смерть. Ивон долго смотрел на железных великанов, но ни один из них не прекратил ни на минуту своей работы.

Пока Ивон удивлялся и разглядывал великанов, он услышал, что его кто-то окликает. Он поднял голову и увидел, что в башенном оконце над воротами замка появилась девушка очень молоденькая и хорошенькая. Девушка крикнула ему, чтобы он немного обождал, и скоро великаны перестали поднимать и опускать свои секиры. Ивон быстро проехал в крепость через безопасные теперь ворота. Во дворе крепости

его ждала та самая девушка, которая разговаривала с ним из окна.

Как только Ивон спешился, девушка бросилась к нему и очень жалобно заплакала, удерживая его обеими руками.

— О добрый сир, за семь лет никто не решился проехать через эти ворота в ответ на мою мольбу, и все это время я прожила здесь безо всякой надежды на спасение в служанках у гадкого великана! Прошу вас, освободите меня, я не могу больше выносить такую жизнь. Меня зовут Сибиль, я из Франции, из знатного и хорошего рода. Когда-то мой отец решил посетить эти земли и отправиться паломником в Иерусалим, ко Гробу Господню. Когда он покинул нас, матушка моя умерла, и я осталась одна-одинешенька на белом свете, в горе и в тоске. Тогда я решила разыскать своего отца и поехала сюда. Но ни один человек из всех, кого я повстречала, не смог сказать мне об отце ни слова, а после на караван, с которым я путешествовала, напал великан Ангалафар. Всех мужчин он сразу же убил, но христианской девушки ни разу до этого не встречал. Так он и забрал меня с собой и превратил в свою служанку.

Ивон пришел в ярость, когда выслушал историю Сибили, и в душе решил погубить великана Ангалафара, который превратил в рабыню французскую девушку. Когда девушка собралась подняться к себе в комнату, она предложила Ивону поскорее уезжать из Дунотэра, но Ивон отказался уходить.

— Если вы будете упрямиться, то неизбежно погибнете здесь, — сказала она Ивону. — У Ангалафара есть необыкновенная металлическая кольчуга, которую не может никаким оружием пробить ни один человек. Кроме того, никто из людей не сможет надеть эту кольчугу, если сам великан не пожелает этого. И сколько ни проживет на свете это чудовище, ничего здесь не изменится, и кольчуга будет защищать Ангалафара всю его жизнь.

Как только Ивон услышал о кольчуге, ему страшно захотелось заполучить великаново сокровище. Ивон решил так или иначе отобрать кольчугу у великана, чтобы она послужила ему также, как много лет служила Ангалафару. Но девушка начала оплакивать Ивона, как если бы он уже умер, и стала умолять Ивона уехать из Дунотэра, пока великан не возвратился.

Ивон велел девушке держать себя мужественно и остался в крепости на целый день. Он пообедал отличными кушаньями, которые приготовила ему Сибиль, и напился вина из

своего волшебного кубка. Настал вечер. В замок возвратился великан Ангалафар с быком в руках — он нес этого быка, как человек может нести в руках кролика.

И вправду ужасающим был вид этого чудовища. Ангалафар был ростом в тридцать футов, и одним своим зубом он мог бы загрызть дикого кабана. Но сейчас великан был в благодушном настроении, поймав где-то быка, и когда Ивон появился перед ним, Ангалафар не убил его сразу на месте, а прорычал громким голосом:

— Кто ты и как попал в Дунотэр?

Ивон очень смело и любезно ответил:

— До моей страны донесся слух, что ты обладаешь великим сокровищем — железной кольчугой, которую ты не показывал еще ни одному человеку. Говорят, что эта кольчуга делает своего хозяина неуязвимым. А я — Ивон из Бордо, французский рыцарь, и я прибыл сюда, чтобы поглядеть на эту диковинку.

Ангалафар был польщен словами Ивона и достал из огромного сундука стальную кольчугу, которая блеснула так ярко, точно была изготовлена из серебра и золота.

— Смотри на мою кольчугу, — проревел великан, — смотри хорошенько, потому что это последнее, что ты видишь в своей жизни, и я сейчас тебя убью!

Но Ивон не выказал перед великаном никакого изумления, хотя Ангалафар поднес кольчугу к самому лицу юного рыцаря. Наоборот, юнаша окинул презрительным взглядом сияющий металл и сказал:

— И эта маленькая, бедная вещичка — великое сокровище Дунотэра? Да я видел кольчуги куда лучше этой в моей собственной оружейной комнате в Бордо! Эта кольчужка так мала, что не налезет на мои плечи!

Ангалафар оторопел от насмешек Ивона, но потом так разозлился, что потерял всякое соображение и крикнул:

— Надень ее на себя, чужестранец, и ты увидишь, налезет ли моя кольчуга на твои тщедушные мальчишечьи плечонки!

Ивон с радостью исполнил приказ Ангалафара и почувствовал, что еще ни одна кольчуга не сидела на нем так хорошо. Она была легче китайского шелка и так прочна, точно ее выковали древние языческие боги. Теперь Ивон стоял перед Ангалафаром в кольчуге и с мечом. Великан спросил:

— Ну, что скажешь — разве это не самые лучшие доспехи, которые тебе только приходилось надевать?

— Это правда, — ответил Ивон, доставая из ножен свой меч, — мне так понравилась твоя кольчуга, что я уже не хочу с ней расставаться. Я очень благодарен тебе, Ангалафар, за королевский подарок!

Как только великан понял, что его провели, он просто стал сходить с ума от гнева, и изо всех сил швырнул в Ивона быком. Но удар пришелся по кольчуге, и юный рыцарь почти ничего не почувствовал. Великан стал швырять в Ивона чем попало и наносить ему всевозможные страшные удары, но в слепом бешенстве поскользнулся и со всего размаха упал на каменный пол. Ивон вскочил на распростертое тело чудовища и отрубил великану голову, положив конец жестокой и бессмысленной жизни безжалостного Ангалафара.

Затем французский рыцарь позвал девушку, и Сибиль прибежала к нему из своего убежища. Бедняжка была счастлива увидеть своего мучителя поверженным и бездыханным. Ивон отдал ей в полное владение замок Дунотэр и все добро великана, и так девушка Сибиль, которая прежде была служанкой, превратилась в хозяйку обширных земель и огромных богатств. Себе Ивон взял только великанову кольчугу, которую решил не снимать с себя по дороге в глубь сарацинских земель до самого города Вавилона.

XIII. Малаборн, морское чудовище и великан Аграпут

Случилось так, что дорогу в Вавилон пересекала глубокая река, полноводная и быстрая, и ее течение показалось Ивону настоящей ловушкой. Нигде не было видно ни моста, ни какой-нибудь переправы для путников. Молодой рыцарь, вооруженый мечом, со щитом и в кольчуге, понял, что ему не переплыть эту реку — он сразу же камнем пошел бы ко дну. Ивон сел на речном берегу и стал смотреть в бурлящую глубину могучего потока.

Немного погодя его зоркие глаза разглядели какое-то странное волнение воды — будто бы огромное существо поднималось из глубины на поверхность. Из пенистых завитков волн показалась кудрявая голова, а потом мощные плечи молодого и красивого мужчины. Но когда незнакомец легко и очень быстро подплыл к тому месту на обрыве, где сидел пригорюнившийся Ивон, стало видно, что туловище странного пловца оканчивается чешуйчатым хвостом с плавниками, как у рыб.

Ивон поразился невиданному существу, и его удивление возросло еще больше, когда речное чудовище обратилось к нему с человеческой речью:

— Эй, Ивон из Бордо, французский рыцарь, я — Малаборн из Волшебной страны, посланный сюда Королем Обероном тебе на подмогу!

Ивон соскочил с обрыва к самой кромке воды и разглядел совсем близко от себя длинный блестящий хвост Малаборна, которым тот пользовался с такой же легкостью, как Ивон своими двумя ногами.

— Кто ты, человек или чудовище? — спросил юноша из Бордо.

Малаборн засмеялся:

— Я ни то и не другое, рыцарь! Я должен был принять этот облик, потому что нарушил законы нашего царства, неподвластного смерти. Тысячу долгих лет я должен расплачиваться за свою вину и жить в пределах человеческого мира и вашего времени. Из этих лет я уже прослужил полных девятьсот пятьдесят, а теперь мы вместе с тобой переправимся через эту реку — сюда, Ивон!

При этих словах Малаборн хлопнул в ладоши, и звонкий звук хлопка разнесся далеко по реке. Тут же из воды сама собою появилась очень красивая и прочная лодка, отлично приспособленная для переправы через стремительную и бурную реку.

Ивон повел на палубу лодки своего коня, который упирался и громким ржанием протестовал против опасного плавания. Но юный рыцарь успокоил животное многими ласковыми словами, и в конце концов конь и юноша очутились на борту. Малаборн схватил своими белыми зубами веревку, привязанную к носу лодки, и быстро поплыл через полноводную реку с такой ловкостью, как не смог бы никто из людей. Скоро Ивон оказался на другом берегу потока.

Как только они причалили к берегу и высадились на землю, рыцарь принялся горячо благодарить Малаборна. Но человек-рыба только покачал головой и сказал в ответ юноше:

— Нет, не благодари меня за это, Ивон из Бордо. За услугу, которую я тебе оказал, последние пятьдесят лет срока моего наказания простились мне. Теперь я свободен и могу возвратиться в мою страну. Прими лучше мою горячую благодарность! Когда мы снова встретимся с тобой, я уже буду занимать свое законное место рядом с Королем Обероном, в свите его рыцарей. Поэтому я хочу пожелать тебе удачи, и пусть она сопутствует тебе всегда!

С этими словами Малаборн нырнул в реку и пропал из виду, хотя Ивон дважды или трижды окликнул его. Ивон остался совсем один на чужом и мрачном берегу. Поехав по дороге вперед, он очутился в совершенно пустынном краю, и вокруг него не было ни одного живого существа или хотя бы растения.

Но как только он проехал примерно половину лиги, на земле показались следы ступней. Эти следы были так огромны, что не оставляли никаких сомнений — здесь прошел либо великан, либо чудовище. Поэтому Ивон не особенно удивился, когда, объехав вокруг совершенно голой каменной скалы, он обнаружил перед собой сидящего на песке великана, который точил о камень огромный свой меч.

Это был великан Аграпут, брат того самого Ангалафара, которого убил Ивон. Как только великан увидел перед собой рыцаря, в глаза ему бросилась кольчуга, в которую он был одет. Аграпут решил, что юноша едет с каким-то поручением от Ангалафара, и крикнул Ивону оглушительным, как боевая труба, голосом:

— Как поживает мой брат Ангалафар? Зачем он послал тебя сюда?

Эхо загудело в скалах. Ивон ответил великану как сумел, быстро сообразив, что к чему:

— Ангалафар покойно отдыхает в Дунотэре (что было правдой, потому что гигант покоился с миром, похороненный на крепостном дворе), а я скачу в Вавилон.

Но о своем задании Ивон не сказал ни слова, потому что мог говорить только чистую правду. Он постоянно помнил о том, что случится, если он солжет.

— Это хорошо, что судьба привела тебя сюда, — прорычал Аграпут, — потому что я держу в большом страхе все окрестности Вавилона, и раз мой брат дал тебе свою кольчугу, мне ничего не остается, как дать тебе вот это.

И великан протянул молодому рыцарю кольцо червонного золота, которое снял со своего пальца. Кольцо было таким большим, что Ивону пришлось надеть его на запястье.

— Покажи это кольцо любому, кто осмелится преградить тебе дорогу в Вавилон! Гауд, эмир Вавилонский, должен мне дань за полгода, и ты можешь потребовать у него эту дань, когда выполнишь поручение моего дорогого братца!

Ивон пообещал выполнить просьбу Аграпута и повернул коня на свою дорогу. Вокруг запястья Ивона сверкало толстое кольцо Аграпута.

Скоро мрачная и необитаемая пустыня осталась позади, и герцог Ивон оказался в приветливой зеленой деревне, где вдоль дороги росли роскошные фруктовые деревья, а на полях трудились крестьяне. Ивон переночевал в этой деревне и дал отдохнуть своему усталому коню. Юноше вспомнилось все, что довелось ему пережить с тех пор, как он уехал из Бордо. Как только ему на память пришел родной дом, он почувствовал, что из глаз у него потекли слезы, а сердце его сжалось от боли и тоски. Ивону захотелось увидеть свою нежную матушку, герцогиню Акли (не знал молодой рыцарь, что теперь она лежит в сырой могиле), и своего младшего брата Жерара, который правил теперь в Бордо с большой жестокостью.

XIV. Как Ивон солгал и какая его из-за этого постигла беда

Одетый в кольчугу Ангалафара, с кольцом Аграпута на руке, Ивон подъехал к воротам Вавилона. Первому стражнику рыцарь показал кольцо, ничего не ответив на его расспросы, а страх перед Аграпутом во всем городе был так велик, что Ивона свободно пропустили сквозь ворота. Но когда герцог Бордо подъехал ко вторым воротам, стражники преградили ему путь копьями и потребовали ответить: кто он такой и зачем едет в Вавилон. Французский рыцарь коротко ответил, что его зовут Ивон и что он едет по важному делу к эмиру Гауду. Затем он вытянул вперед руку, чтобы стражники увидели на его запястье кольцо великана. Сарацины низко поклонились ему, но продолжали загораживать перед Ивоном путь. Один из них сказал:

— Великан Аграпут и вправду великий властитель, которого почитает и уважает наш эмир. Но у него так много слуг и посланцев, что нам не под силу запомнить их всех в лицо. Сегодняшний день — большой праздник для мусульман, и ни один неверный не должен находиться сегодня в стенах нашего города. Я должен спросить тебя, чужеземец: исповедуешь ли ты нашу истинную веру?

Рыцарь Ивон, разволновавшись и торопясь поскорее войти в город, быстро ответил:

— Да.

Ивона тут же пропустили через эти ворота, и тут он подумал, что сказал неправду. У него потяжелело на сердце, когда

он вспомнил, что Король Оберон запретил ему лгать хотя бы одним словом. Но юный рыцарь успокоил себя тем, что его ложь произошла от волнения и нетерпения, а не по злому умыслу, и он надеялся, что Король Эльфов простит его и не покинет в беде.

Но далеко от Вавилона в эту же самую минуту Король Оберон, который веселился среди своих рыцарей, громко вскрикнул, точно от боли, и первый из его рыцарей, сир Глориан, спросил своего Государя, что с ним случилось. Оберон помрачнел и затем ответил:

— О, мое сердце глубоко пронзила острая боль, потому что Ивон из Бордо, тот юноша, которого я полюбил как брата, нарушил свою клятву! Лживое слово сорвалось с его губ, когда он въезжал в Вавилон. Теперь он обречен на смерть, потому что страшные опасности подстерегают его! Если теперь Ивон позовет меня на помощь на краю гибели, я не смогу прийти к нему. Только Господь наш Иисус Христос сможет помочь несчастному юноше!

Король Оберон так опечалился, что ушел от своих друзей и провел одиноко в слезах несколько часов.

А тем временем Ивон доехал до дворца эмира Вавилонского, и никто его не задержал при входе в покои эмира, потому что все видели на руке у Ивона кольцо великана Аграпута и принимали молодого рыцаря за его посланника.

Эмир Гауд в этот день созвал гостей и устроил великолепный пир. Он задумал выдать замуж свою дочь Кларимонду, а мужем ее должен был стать Гирканский паша. Паша занимал место по правую руку от эмира, и гости сидели за богатым угощением и веселились на славу, пока в пиршественный зал не вошел Ивон со щитом и обнаженным мечом в руке. Гости увидели вооруженного человека, вбегающего к эмиру и подумали, что это вражеское нападение. Но эмир рассмотрел на руке у юноши золотое кольцо Аграпута, которого повелитель Вавилона смертельно боялся, и поднялся со своего места, чтобы встретить чужеземца с великим почетом.

Но прежде, чем приветственные слова успели слететь с языка эмира Вавилонского, Ивон бросился в сторону Кларимонды и поцеловал ее в губы, как приказал ему Карл Великий.

Затем Ивон повернулся в другую сторону и одним ударом отрубил голову Гирканского паши, и отрубленная голова

покатилась по пиршественному столу прямо в руки эмира

— Злодей! Какое грязное преступление! — вне себя закричал эмир. — Кто послал тебя сюда, отвечай немедленно!

— Я Ивон, герцог Бордо, рыцарь и пэр Франции и слуга короля Карла Великого. Мой государь поручил мне это задание — я должен был поцеловать в губы твою прекрасную дочь, отрубить голову самому знатному человеку за твоим столом и вырвать клок из твоей бороды и пять зубов у тебя изо рта!

Сначала эмир принял Ивона за сумасшедшего, но тут француз протянул вперед руку, чтобы схватить эмира за бороду. Эмир громко позвал стражу и велел воинам схватить чужеземца. Ивон поднял Рог Оберона и громко затрубил в него, и звук Чудесного Рога услышали все жители Вавилона.

Но на ясном небе не появилось ни облачка, и свет не померк, и храбрые эльфийские рыцари не возникли из огненного столба на своих огненных конях. Ивон понял, что его ложь сослужила ему злую службу. Он отбросил прочь Чудесный Рог и закричал:

— Невелика была моя ложь, Король Оберон, и солгал я от легкомыслия и по глупости, но не по злой воле! Теперь мне суждено погибнуть от кривых сабель сарацинов — так помните же, как Вы предали меня в руки Смерти!

Затем, со щитом и мечом в руках, Ивон храбро защищался от воинов, но в конце концов, одолев многих и многих, был побежден и взят в плен. Его связали и бросили в глубокое подземелье, где и оставили в цепях дожидаться решения эмира Гауда о его дальнейшей участи.

Но Кларимонда была до глубины души потрясена всем происшедшим и легла спать в своих покоях с тяжестью на сердце и с усталостью во всем теле. Она долго думала о Ивоне, таком молодом и красивом, что ни одна девушка не осталась бы к нему равнодушной. Кларимонда втайне ненавидела Гирканского пашу, ведь он был глубоким стариком. Его другом был эмир Гауд, но этого нельзя было сказать о самой Кларимонде: ей паша был отвратителен. Кларимонда почувствовала глубокую благодарность к человеку, который избавил ее от ненавистного замужества. Она никак не могла уснуть и долго ворочалась среди шелковых подушек, пока наконец не решила, что она больше не в силах оставаться в постели. Кларимонда встала и накинула на себя длинный темный плащ, чтобы никто не увидел ее в ночной темноте и не узнал. Она

положила в небольшую корзинку мясо, хлеб и сосуд с водой и осторожно спустилась в подземелье эмира по целой сотне узких ступенек темной лестницы. Девушка отдала стражнику золотой слиток и попросила его отпереть дверь в темницу Ивона, чтобы она, Кларимонда, смогла взглянуть на знаменитого узника. В темницу Кларимонда тайно принесла с собой пищу и воду для пленника. Ивон подумал, что в целом мире нет другой такой же прекрасной и добросердечной девушки.

Тогда в мрачном подземелье, Ивон и Кларимонда полюбили друг друга. Эта любовь принесла им обоим глубокую грусть и великое счастье, как всегда бывает в настоящей любви между юношей и девушкой.

XV. Как Ивон победил Гаула и выполнил свое задание

Пока Ивон лежал, закованный в цепи, в своей темнице, его друзья и спутники от самой Франции, все, кто любил его, — герцог Гэрин и рыцарь Жером, — стали тревожиться о судьбе юноши. Ивон не вернулся назад к назначенному сроку. Но вместо того, чтобы сесть на корабль и отплыть во Францию, как повелел им Ивон, Гэрин и Жером решили пробраться в Вавилон и узнать хоть что-нибудь о юном своем друге. Когда они подъехали совсем близко к сарацинскому городу, Жером сказал герцогу Гэрину:

— Было бы лучше, если бы ты, герцог, остался здесь вместе с остальными рыцарями и слугами, потому что любой здешний житель взглянув на любого из вас сразу же поймет, что перед ним иноземец. Но я прожил здесь много лет, и если я наряжусь в одежды вождя бедуинов — племени, которое обитает в пустыне — то никто не догадается, что мой вид — просто маскировка. В таком облачении я смогу проникнуть во дворец эмира и там разузнать, что произошло с Ивоном, не попал ли он в беду.

Герцог Гэрин согласился с планом рыцаря Жерома. Жером оделся по обычаю вождей бедуинских племен и прошел через все городские ворота в Вавилон.

В городе рыцарь Жером отыскал дворец и сказал стражникам, что прибыл в Вавилон по делу от халифа Иворина, родного брата эмира Гауда. Жерома тут же пропустили ко дворцу эмира. Это посещение привело эмира в восторг, потому

что Гауд уже давно не получал от своего родича никаких вестей. Эмир пригласил Жерома к себе, окружив рыцаря почетом и лаской, и приказал устроить пир по случаю прибытия Жерома в Вавилон.

Во время пира Жером ловко завел разговор о военных подвигах и могучих бойцах, с которыми ему довелось встречаться в битвах. Гауд в ответ сказал:

— Тебе и вправду довелось сражаться с великими воителями, и твои рассказы об этих победах были очень интересны всем нам. Но не так давно здесь, в этой самой зале, один христианский пес перебил половину моей охраны, прежде чем нам удалось его схватить!

При этих словах сердце Жерома сильно забилось у него в груди, и старый рыцарь понял, что речь идет о Ивоне. Скрывая свое волнение, Жером поинтересовался, что же дальше случилось с этим храбрецом.

— Я бросил его в мои подземелья, — ответил Гауд, — и когда ему перестали давать пищу и воду, он очень быстро доказал, что был простым смертным, как и все мы! Он оставил и наш мир и свое тело почти сразу же. Так я расправился с ним!

Жером опустил глаза. Он решил, что будет теперь жить на свете только ради того, чтобы отомстить эмиру за мучительную казнь юноши, за его раннюю и страшную смерть. Думая только об этом, Жером больше не принимал никакого участия в общей беседе.

Когда пир закончился и настала глубокая ночь, Кларимонда вышла из своих покоев, спрятав под плащом еду и питье для узника. Когда она пересекала зал, где уже были погашены все огни, ее заметил Жером. Удивленный ее появлением, Жером крадучись последовал за ней прямо в подземелье, где томился Ивон.

Как только Жером понял, что юноша еще жив, громкий крик радости вырвался из груди старого рыцаря, и девушка испугалась, а Ивон очень удивился. Но когда старый рыцарь откинул прочь капюшон своей одежды, Ивон увидел, что перед ним верный Жером, и молодого человека охватила огромная радость.

Ивон быстро рассказал Жерому, как Кларимонда спасла его от голодной смерти и убедила тюремщика выдать тело какого-то узника, погибшего в темницах, за тело самого Ивона, и о том, как весь двор эмира поверил в то, что Ивон скончался и похоронен.

Каждую ночь прекрасная Клоримонда со многими слезами умоляла Ивона бежать из Вавилона. Но герцог Бордо не желал уходить без зубов и бороды эмира Гауда. Так продолжалось до прихода Жерома.

Выслушав жалобы девушки и твердые ответы Ивона, Жером спросил, почему бы юноше не позвать на помощь Короля Оберона. Ивон покраснел и, низко склонив голову, рассказал о том, как его погубило одно-единственное лживое слово.

— Участь твоя с этого часа стала тяжелой, и много страданий ожидает тебя впереди, — сказал Жером, — Никому не известны мысли Короля Эльфов. Но может быть, тебе стоит смиренно признать свою вину и попросить у Оберона прощенья — и, кто знает, вдруг он простит тебя и придет тебе на помощь. В зале у эмира я увидел на стене Чудесный Рог, который у тебя отобрали. Нужно забрать его назад и еще раз попробовать затрубить в него. Если у нас ничего не получится, мы погибнем в честном бою, и такая смерть будет достойной и почетной.

По слову Жерома Ивон и старый рыцарь пробрались в залу, и Ивон снял со стены серебряный рог. Но не успел юноша поднести Чудесный Рог к своим губам, как перед французами, откуда ни возьмись, появились два сарацинских стражника. Жером выхватил меч из ножен, готовясь отбить атаку, и воскликнул:

— Труби в Рог! Господь наш, Иисус Христос, позволь Королю Оберону явиться сюда!

Ивон затрубил в Рог что было сил, и звук поднялся в высокие Небеса и спустился в глубины Ада, и все люди, животные и духи пробудились. Не мог и сам Оберон не откликнуться на этот призыв, и он появился с прощением и с сокрушающимся сердцем.

Эльфийское войско спустилось в Вавилон, и все, кто пытался сражаться с эльфами, вскоре нашли там свою смерть. Но всех, кто просил о пощаде, эльфийские мечи пощадили.

В зале Ивон лицом к лицу столкнулся с Эмиром Гаудом. Завязался тяжелый поединок, потому что Гауд был могучим воином, и во всех сарацинских землях ходила молва о его силе и мужестве. Ивон яростно атаковал эмира, и яркие искры огня летели от его кольчуги под ударами Гауда. Но в конце концов последним мощным ударом Ивон сбил эмира с ног, и вырвал у поверженного врага пять белых зубов и клок волос из бороды.

Эти зубы и волосы Оберон положил в золотой ларчик, который затем передал рыцарю Жерому, наказав ему беречь этот ларчик больше жизни по пути во Францию, до самого двора короля Карла Великого.

XVI. О том, как Ивон вернулся во Францию, а его брат Жерар замыслил недоброе

Получив бороду и зубы эмира вавилонского, а также выполнив все остальное, что было ему поручено королем Карлом Великим, Ивон нанял корабль до Рима и отплыл туда со всеми своими спутниками. В Риме сам Папа обвенчал Ивона, герцога Бордо, и прекрасную Кларимонду.

Ивону не терпелось поскорее добраться до Бордо, и как только он узнал о каком-то корабле, плывущем во Францию, тут же договорился с хозяином корабля о том, чтобы сам Ивон, Кларимонда и Жером отбыли на этом судне. Судно было небольшим, и на его борту не оказалось места для рыцарей и слуг, которые путешествовали вместе с Ивоном. Вся свита молодого герцога отправилась во Францию по суше, более длинной дорогой.

Когда их корабль причалил во французском портовом городе, Ивон отправил в Бордо гонца, который должен был известить Жерара о возвращении его брата. Этот шаг принес немало горя герцогу Бордо и его милой жене.

В те долгие месяцы, когда Ивон преодолевал опасности и сражался в сарацинских землях, его брат Жерар объявил его мертвецом, а себя — единственным и полноправным герцогом Бордо. К этой злобной выходке подговорили Жерара его тесть Жильбер, величайший мошенник во всей Франции, и жена Сесилия.

Когда гонец Ивона прибыл в крепость Бордо, Жерар почувствовал прилив сильного беспокойства, а потом и страха. Он знал, что его брат придет в ярость, как только узнает обо всем, что без него творилось в Бордо. Жерар пригласил гонца в отдаленную комнату и запер его там, поставив на страже у двери двух своих слуг. Никто из обитателей крепости не мог перемолвиться хотя бы одним словом с посланцем Ивона. Проделав все это, Жерар созвал на совет свою жену и тестя Жильбера.

Жильбер тоже смертельно испугался появления посланника, потому что он весьма жестоко и несправедливо обо-

шелся с великим множеством жителей Бордо, и если бы Ивон вернулся назад в качестве законного правителя, многие люди в герцогстве подняли бы свои голоса против Жильбера. Поэтому Жильбер сказал Жерару:

— Все здесь помнят, каков бывал гнев твоего братца, если что-нибудь приходилось ему не по душе. Сколько людей знают здесь его тяжелую руку! Если он снова вернется в Бордо, не жди от него нежностей, — страшно даже вообразить, что он здесь натворит. Так что, если Ивон снова станет герцогом Бордо, ты превратишься в бездомного нищего, которому негде будет приклонить голову.

При этих словах госпожа Сесилия, жена Жерара и дочь Жильбера, возвысила свой голос до крика, требуя, чтобы Жерар позаботился о ней — как она может быть нищенкой, просящей милостыню? Она должна быть герцогиней Бордо, и святая обязанность Жерара — добиться этого. Сесилия пришла в бешенство и использовала все свое коварство и красноречие, до тех пор, пока ее муж не упал в обморок прямо к ней в руки, поверив всякому вздору, который она успела наговорить. Через некоторое время Жерар пришел в себя и повернул голову в сторону Жильбера. Слабым голосом Жерар спросил своего тестя, что нужно сделать для того, чтобы изгнать из Бордо Ивона.

— Гнев короля Карла Великого против Ивона со временем не прошел, и ничто не смягчило королевского сердца. Разве неправда, что Карл Великий обещал казнить Ивона, если он вернется назад, не выполнив до конца порученного ему задания? Поэтому тайно поезжай к Ивону и не бери с собой слуг, ни еще кого-то, чтобы об этом деле не начали болтать. Разузнай от самого Ивона, в каком он сейчас положении.

Если он и правда выполнил все, что велел ему король — проводи его до дома нижней дорогой через восточный холм, а я там буду ждать вас в засаде со своими людьми, и мы захватим Ивона в плен. Мы привезем его в замок Бордо, передвигаясь только глубокой ночью, чтобы никто из встречных не узнал, кого мы везем связанными. А здесь мы запрем их на время и решим, что с ними делать дальше.

Жерар сразу же согласился с планом своего тестя, потому что добро давно уже покинуло его душу, а сам Жерар находился во власти жены и был во всем послушен своему тестю. Без рыцарей и слуг Жерар покинул город и поскакал в монастырь, где гостили Ивон, Кларимонда и Жером. Ни минуты не медля в Бордо, Жильбер выехал из замка по другой

дороге во главе банды отчаянных головорезов, готовых выполнить любое приказание этого негодяя.

Когда Жерар въехал во двор монастыря, Ивон выбежал ему навстречу, бесконечно счастливый, и принялся горячо обнимать брата и благодарить добрую судьбу за эту встречу.

— Какое чудесное благословение Господа Иисуса Христа подарило мне эту встречу с тобой, мой милый брат! Скажи мне, как поживает теперь наша добрая матушка? Почему она не приехала с тобой вместе?

Жерар опустил голову вниз. Несмотря на все его теперешнее перерождение, когда-то он очень любил герцогиню Акли, и ему было очень больно рассказывать о ее смерти. После того, как Ивон услышал о самой смерти герцогини, — как она упала на мостовую после рассказа Жерара об изгнании Ивона, — Ивон изменился в лице и онемел, и мог только с жалостью вглядываться в неспокойные глаза мадшего брата.

Не обращая никакого внимания на болезненные воспоминания и родственные чувства, Жерар стал действовать по плану, разработанному Жильбером, и спросил Ивона об успехе его путешествия. Ивон ничего не ответил брату, потому что все еще думал о своей матушке. Но вскорости Жерар услышал от Ивона новости, которые вполне оответствовали страхам и опасениям подлецов. Ивон выполнил все, что приказал ему король Карл Великий, и собирался спустя некоторое время отправиться ко двору с трофеями.

Жерар начал торопить Ивона и его спутников в дорогу, потому что не желала триумфа своего брата при королевском дворе. Ивон согласился, но с тяжелым сердцем, потому что вся радость возвращения на родину померкла для него с тех пор, как он узнал о смерти герцогини Акли.

По совету Жерара они поскакали вперед по холмистой дороге — Ивон и Жером на боевых жеребцах, а Кларимонда на сильном белом муле. Но как только они проехали лигу от монастырских стен, на ни них напал Жильбер с бандой служивших ему разбойников. Когда Ивон увидел, что родной брат обнажил меч против него, он отбросил в сторону свое оружие и позволил взять себя в плен. Так и получилось, что Ивон возвратился в свой город Бордо не победно, на глазах у всего народа, а тайно, ночью, привязанный к седлу своей собственной лошади. В таком же положении вместе с ним въехали в Бордо Жером и Кларимонда.

А тем временем Жерар был уже в пути. Он торопился ко двору короля Карла Великого с черным умыслом в порченом своем сердце.

XVII. Как Ивон оказался в большой беде и Жером вызвал Оберона в последнюю минуту

Жерар вошел в покои короля Карла Великого и громко обратился ко всем присутствующим со следующей речью:

— Государь, несколько месяцев назад мой брат получил от Вас опасное задание, а именно поехать в Вавилон, столицу сарацинов, прийти во дворец эмира Гауда и там при всех отрубить голову самому знатному сарацину, сидящему по правую руку от эмира, поцеловать в губы дочь эмира и взять дань с самого эмира — клочок его бороды и пять зубов у него изо рта. Эту дань Ивон должен был принести сюда и предъявить Вашему Величеству, как доказательство совершенного. Но в том случае, если задание не будет выполнено до конца, Ивон не должен был возвращаться во Францию под угрозой смертной казни.

Король Карл Великий кивнул.

— Все, что ты говоришь, рыцырь — чистая правда. Но зачем ты напоминаешь нам сегодня о наказании, которое справедливо понес этот предатель за свой злые дела, если он, несомненно, давно уже стал пищей для ворон?

Услышав последние слова короля, Жерар ощутил в сердце злобное удовольствие и ответил Карлу Великому:

— О нет, мой Государь! В этот самый час Ивон находится под стражей у меня в Бордо и ожидает Вашего суда. Его жизнь во власти Вашего Величества, и его участь зависит только от Вашей воли!

От этой ужасающей речи многие пэры побледнели, а у некоторых из них лица загорелись гневом. Не каждому из них доводилось прежде увидеть, как брат обрекает брата на скорую и неминуемую смерть. Среди пэров сидел и герцог Нэм, который до сих пор оставался другом Ивону из Бордо, и герцог в который уже раз поднял свой голос в защиту юноши. Он поднялся со своего места и заговорил:

— Может быть, рыцарь Ивон выполнил все, что ему было поручено, и вернулся назад, чтобы доложить королю о своем путешествии.

Но Жерар с ненавистью перебил герцога Нэма:

— Нет! Известно, что никто из смертных не сумел бы выполнить этого задания даже по приказу короля, и мой брат пересек французскую границу, надеясь, что память о его преступлении уже выветрилась из человеческих сердец! Он вернулся сюда тайно, ожидая, что я буду потворствовать его

мошеннической лжи и спрячу его от справедливой королевской кары! Но я поступил иначе — бросил его в темницу и поскакал сюда, чтобы узнать волю короля.

За эти месяцы боль и гнев Карла Великого не только не утихла, но увеличилась, и сердце его не смягчилось. Выслушав Жерара, король объявил, что Ивон достоин смерти и должен быть казнен как предатель, и как можно скорее.

Но герцог Нэм и остальные пэры, знавшие, как все обстояло на самом деле, громко возгласили, что Ивон не должен быть казнен, не будучи даже выслушанным. Пэры протестовали дружно и настойчиво, у многих горели лица и сверкали от гнева глаза, и король вынужден был им уступить. Карл Великий согласился совершить путешествие в Бордо, где Ивон томился в неволе, и выслушать несчастного юношу.

Тогда весь двор Карла Великого отправился в Бордо, что очень не понравилось Жерару и Жильберу. Предатели боялись, что по какой-нибудь случайной причуде судьбы Ивон окажется на свободе и отомстит своим мучителям.

В Бордо Ивона, Жерома и Кларимонду вывели на свет из темницы, и их тяжелое положение внушило жалость всем, кто увидел пленников. Пэры и дворяне, приехавшие в Бордо вместе с королем, стали переговариваться между собой о том, что все трое очень не похожи на злодеев.

Тогда один из самых захудалых дворян, дальний родственник Жильбера Голтэр, поднялся и потребовал, чтобы Ивон понес самое тяжелое наказание по закону. Жильбер радостно поддержал требование своего родича. Жерар хотел было присоединиться к ним, но, видя перед собой глаза Ивона, не смог вымолвить ни слова. Ложь застряла где-то в горле у Жерара, потому что он не был все-таки совсем чужим для Ивона человеком. Когда Ивон заговорил, он обратился прямо к своему младшему брату:

— Знай, мой брат, что когда я получил задание короля, я отправился из Франции прямо в Рим, к Его Святейшеству Папе. С его святым благословением я отправился морем в те земли, где живут сарацины, а потом по суше поехал в их столицу Вавилон.

Ивон подробно рассказал обо всех опасностях и схватках, об испытаниях и встречах, которые выпали не его долю во время далекого путешествия. Его рассказ был отчетлив и точен, как чтение хроники. Слушателям многое показалось странным и необычным в этом рассказе.

Пока Ивон говорил, он не отрываясь смотрел в глаза Жерару,

но окончив свое повествование, повернулся лицом в сторону короля Карла Великого. Он выпрямился и бесстрашно смотрел в глаза своему Государю, как человек, которому нечего бояться.

Но Жильбер, испугавшись, как бы рассказ Ивона не вызвал сочувствия среди рыцарей двора, выдвинулся вперед и проговорил:

— Если этот негодяй говорит правду — где же тогда борода и зубы эмира Гауда? Велите Ивону тотчас же показать всем эти трофеи!

Ивон повернулся к Жерару и печально сказал:

— У меня нет ничего. Все мои доказательства были отобраны у доброго Жерома тобой, мой младший брат. Если любовь и дружба, которые связывали нас долгие годы, не ушли совсем из твоего сердца, то я умоляю тебя — принеси сюда все, что ты у нас отобрал, не допусти, чтобы мое имя навсегда покрылось позором среди французских рыцарей!

Но Жерар не тронулся с места, и ненависть начала душить его. Зло, от которого он мог бы отказаться навеки, с новой силой овладело им в последний час, когда Жерар еще мог бы спасти свою душу. Это зло повелевало душой Жерара так властно, что в ней давно уже не осталось ничего светлого, и юноша превратился в верного и послушного слугу Властелина Тьмы.

Когда Жерар промолчал в ответ на мольбу своего брата, Ивон пошатнулся от горя и закрыл обеими руками свое лицо, не в силах больше смотреть на Жерара. Но верный Жером, видя, что его господин пришел а полное отчаяние, решил действовать самостоятельно. Он снял с груди юного рыцаря Чудесный Рог Оберона, поднес рог к своим губам и громко затрубил в него. От чистого и торжествующего звука рога, казалось, разошелся потолок, и серебряный голос Волшебного Рога ушел в самое небо.

XVIII. Торжество Ивона и чудесное завещание Оберона

Из потемневшего отверстого неба над городом Бордо спустился на землю Король Оберон вместе с рыцарями-эльфами, которые ему служили.

Карл Великий и его пэры остолбенели от удивления. Никто из людей не посмел двинуться с места, когда Король Оберон обнажил свой меч и прикоснулся им к тяжелым железным

цепям, в которые были закованы Ивон, его жена и рыцарь Жером.

В тот же миг цепи соскользнули с пленников, и их подхватил поднявшийся вихрь и унес куда-то. Все трое были теперь свободны, и никто из людей не посмел прикоснуться к бывшим узникам. Жерар и Жильбер пришли в сильнейший страх и заметно дрожали, потому что не знали, как обойдется с ними Король Оберон за то, что они заковали в цепи его друзей.

Но Король Оберон просто хлопнул в ладоши, и после этого звонкого хлопка на раскрытой руке Оберона появился из воздуха маленький золотой ларчик, в котором лежали зубы и борода эмира Гауда. Оберон раскрыл ларчик и показал всем его содержимое, чтобы доказать, что Ивон выполнил то, что ему поручил Карл Великий.

Как только французский король заглянул внутрь ларчика и понял, что Ивон говорил ему правду, сердце короля дрогнуло. Оберон, заметив это, сурово сказал:

— Брат мой король, ты правишь во Франции, а я царствую в Волшебной Стране и управляю Лесным Народом. Любому человеку доступ в мою страну закрыт. Но мой королевский венец кажется мне теперь гораздо более тяжелым, чем он был прежде, в дни моей юности, и мне хочется отправиться из Волшебной Страны в Рай, который был мне обещан много веков назад. Время, когда я покину этот мир, еще не пришло, но я уже чувствую не себе его тень. Когда меня призовут, я вызову к себе в Волшебную Страну этого юношу, которого я полюбил за честное сердце, храбрость и правдивость, беспримерные среди смертных людей. Он будет править моим народом и царствовать среди туманных холмов и облачных гор моей Волшебной Страны. Я объявляю это перед всеми моими и твоими рыцарями, Карл Великий, и значит — так будет!

Пока все удивлялись словам Оберона, Король Эльфов наклонился со своего седла и поцеловал Ивона в лоб, как родного брата. Так же простился он и с Кларимондой.

Начиная с этого дня, Ивон и Кларимонда больше не менялись, как обыкновенно меняются люди с возрастом, и не знали болезней. Чудесной красотой и вечной юностью блистали их лица, как будто они уже превратились в эльфов.

Объявив Ивона наследником своего престола, Король Оберон и эльфийские рыцари покинули Францию и больше никогда не показывались на глаза королю Карлу Великому.

Ведь эльфы очень редко выказывают свою благосклонность к людям и приходят к ним, может быть, только раз в тысячу лет.

Точно очнувшись от сна, король Карл Великий пришел в себя и страшно разгневался при виде злосчастного Жерара. Королю стало ясно, что лживый и коварный юноша вместе с Жильбером хотел использовать королевскую власть для того, чтобы погубить Ивона в своих собственных целях. Карл Великий приказал, чтобы обоих лжецов схватили и повесили. Никто из пэров не попросил короля помиловать их, кроме Ивона, который помнил, что Жерар приходится ему младшим братом. Но Ивона никто не поддержал, и королевский приказ быстро привели в исполнение. Так и погибли оба эти злодея, угодив сами в яму, которую они вырыли для другого.

А Ивон снова был провозглашен герцогом Бордо и пэром Франции, и остался править в своих владениях с миром, вместе с нежной герцогиней Кларимондой.

Приключение второе

I. Как Ивон уехал на войну, и Кларимонда приняла святых пилигримов

Уже долгое время Ивон правил в Бордо, и рядом с ним всегда была прекрасная герцогиня Кларимонда. Их сердца бились дружно и радостно.

Графы и рыцари, которые были вассалами Ивона, присягнули ему на верность, оказывали ему должный почет и повиновались ему во всем. Исключением среди них был только граф Анжелор. Анжелор был близким родственником законченного негодяя Амари, которого Ивон когда-то победил в великолепном поединке на глазах у Карла Великого. Поэтому граф Анжелор люто ненавидел Ивона, и в конце концов он укрепил свой замок и правил в нем, не желая подчиняться своему законному господину. Анжелор объявил, что он не подчинится герцогу Ивону, пока жизнь не покинет графа.

Когда эти безумные слова дошли до слуха герцога Бордо, он рассердился на графа Анжелора и созвал в Бордо рыцарей и воинов, которых он знал как людей честных и умелых в

бою. Готовясь к походу, Ивон надел на себя прекрасную кольчугу, которую он когда-то добыл у великана Ангалафара, и достал меч, принадлежавший раньше герцогу Севину. Снарядившись, герцог Ивон вошел в покои госпожи Кларимонды. Кларимонда отдыхала в окружении своих дам и служанок. Герцог Ивон обратился к жене с такими словами:

— Моя драгоценная супруга, я собираюсь в поход, чтобы положить конец непокорству и дерзостям графа Анжелора. Как только я покину Бордо, вся власть в моем городе перейдет в твои руки. Люди преданно относятся к тебе, и твоя воля в этих стенах будет все равно, что моя.

— Господин мой герцог, — отвечала Кларимонда, — мое сердце горько опечалено — я вижу на тебе боевые доспехи, а в руке у тебя меч. Война всегда приносит людям вред и несчастья! Но если ты и вправду накажешь этого предателя, то мне ли говорить что-нибудь против твоего похода? Наш милосердный Господь пусть дарует тебе скорую победу и возвращение домой! Что ж до города Бордо, то ни о чем не тревожься, дорогой мой супруг: здесь будет все идти своим чередом — так, как будто ты не в походе, а сам сидишь с восхода до заката в зале суда и отдаешь приказания!

Так они расстались, и герцог Бордо велел войскам выезжать из города. Отряд направился к укрепленному замку Анжелора, отступившегося от своего законного господина. Скоро войска герцога пришли к стенам этого замка и приступили к его осаде.

Немного дней спустя после того как Ивон ушел а поход, у стен города Бордо появилось несколько человек в одеждах странников. Это были пилигримы из Алемании, которые возвращались домой из Святой Земли. Эти пилигримы совершили паломничество ко Гробу Господню и видели то место, где Спаситель принял свою мучительную казнь во имя блага всех людей, а кроме того, они посетили все святые места, где Он бывал когда-то.

Герцогиня Кларимонда, выглянув из своего окна в башне, увидела этих пилигримов, утомленных и измученных долгим своим путешествием. Кларимонда поинтересовалась, что это за люди и куда лежит их путь. Ей ответили, что это пилигримы, возвращающиеся из Святой Земли.

Тогда герцогиня отдала приказ пригласить путников в большую залу замка, и там странников угостили отменной едой и одарили их новым платьем — было заметно, что

странники очень нуждались во всем этом. Сама герцогиня спустилась вниз во своими служанками и слугами. От этого проявления радушия и отзывчивости потом и случилась с Кларимондой большая беда, которая принесла немало страданий и тому, кого она любила больше всего на свете.

Пилигримы заметно воспряли духом после угощения и любезного приема, и когда они отправились дальше, на свою родину, каждый из них похвалил и помянул добром герцогиню Кларимонду. Все пилигримы единодушно признали, что госпожа Кларимонда — самая красивая и добродетельная знатная дама, которую они повстречали за время их долгого странствия. Когда же странники возвратились в Алеманию, их принял герцог Рауль, их господин, который приходился племянником императору Алемании и был очень любим монархом. Герцог Рауль был молодой человек с горячим нравом и не ставил ни во что всех, кого считал хуже себя — а так он относился ко всем.

Рауль расспросил пилигримов обо всех чудесах и диковинках, которые встречались им на пути, и странники были рады снова все вспомнить и рассказать своему господину об их путешествии. Потом глава пилигримов поднялся со своего места и сказал:

— Долгим и далеким был наш путь, господин герцог, и много великого и прекрасного мы увидели. Но в наших сердцах навсегда останется память о городе Бордо.

— Скажите, почему? — удивился герцог, который считал Бордо маленькой и захудалой крепостью.

— Потому что, господин герцог, когда мы пришли в этот город, голодные и смертельно уставшие, то герцогиня Кларимонда, жена герцога Ивона, пригласила нас в большую залу замка. Своими собственными руками поднесла она нам великолепное угощение и новое платье — мы испытывали большую нужду во всем этом.

Герцогиня Кларимонда оказалась самой прекрасной из всех дам, которых нам когда-нибудь приходилось видеть. Наверное, даже ангелы в райских чертогах позавидовали бы такой красоте! Кроме того, что госпожа Кларимонда так хороша собой, она к тому же добродетельна и весьма любезна. Эта прекрасная дама — герцогиня Бордо, но ей больше подошел бы королевский венец и власть в великом королевстве. Ах, если бы было только возможно, чтобы она стала Вашей женой и нашей дорогой госпожою!

Герцог Рауль, услышав об этом, загорелся желанием увидеть знатную даму, которая была так добра к его людям. Долгое время мысли о Кларимонде не давали герцогу покоя, и в конце концов он решил, что должен поехать в Бордо и собственными глазами увидеть герцогиню. Позвав к себе своих слуг, герцог Рауль объявил им свою волю:

— С тех пор как я услышал от святых пилигримов о прекрасной герцогине Бордо, я не могу спать, и кусок не идет мне в горло. Я не женат, мне не с кем делить свою власть, и я не знаю ни одной подходящей и достойной меня девицы. Поэтому я своими глазами должен увидеть это чудо, герцогиню Кларимонду!

Затем герцог Рауль снял с себя меч и сбросил свое нарядное платье, измазал лицо и отпустил себе бороду. После этого он оделся в обыкновенный плащ странника и стал выглядеть довольно-таки бедно и убого. В таком виде герцог Рауль отправился в Бордо. У ворот Бордо герцог принялся громко просить милостыню, говоря, что он — паломник из Святой Земли.

Стражники, по приказу герцогини, пригласили Рауля в большую залу, где герцогиня обедала со своими приближенными и домочадцами. Герцогиня ласково приветствовала герцога Рауля и попросила его принять хлеб с ее блюда. Но герцог ничего не ел, а только смотрел на нее, и ему действительно показалось, что даже ангелы на небесах не могут быть прекраснее, чем юная герцогиня Кларимонда.

Страстная и безумная любовь вспыхнула в Рауле, как костер, и он тайно поклялся себе, что либо он женится на Кларимонде, либо не станет жить на белом свете. Рауль считал герцога Ивона мелким вассалом, которого будет совсем нетрудно убрать с дороги. С такими мыслями, ожесточившими его сердце, Рауль отправился домой, в свои владения.

II. Как герцог Рауль замыслил заговор против Ивона, и как Ивон ответил на это

Думая только о том, как бы заполучить побыстрее в жены герцогиню Кларимонду, герцог Рауль спешно поскакал ко двору своего дяди, императора Алемании. Император обрадовался встрече с племянником, привлек его к своей груди и оказал ему большую честь перед всеми придворными, сказав:

— Мой дорогой племянник, добро пожаловать к нам! Если я могу хоть каким-нибудь образом послужить тебе, ты можешь рассказать мне о своей нужде или о своем желании!

Герцог Рауль встал перед императором на колени с самым смиренным видом и с почтением изложил свою просьбу, громко рассказав о том, что он задумал с тех пор, как увидел госпожу Кларимонду:

— Государь, множество конных рыцарей у тебя в свите, и все они служат тебе верой и правдой. Я думаю, что все они — самые сильные и храбрые воины среди христиан. Мне кажется, что если собрать вместе могучих рыцарей из Франции, Англии и Испании и посмотреть, кто окажется сильнее в бою, — то любой из твоей свиты одержал бы полную победу над противником, к великой славе мужей Алеманнии!

Император был польщен словами герцога Рауля, и ему пришлось по душе невозможное предложение племянника. Император тут же решил, что все так и будет, и приказал послать гонцов на все четыре стороны света, которые должны были трубить в трубы и созывать рыцарей на турнир в Майнц в течение полугода.

Но Рауль в душе посмеялся над доверчивостью императора и, когда герцог снова оказался среди своих приближенных, вечером сильно напился и пришел в веселое расположение духа. В подпитии Рауль стал громко кричать о своем преступном замысле, и все его слуги и приближенные услышали такие слова:

— Этот Ивон из Бордо славится всюду как умелый и удачливый боец. Такой человек не сможет не откликнуться на призыв императора. Но герцог Бордо — зеленый мальчишка по летам, а я столько лет провел в тренировках! Я вызову его на поединок и одержу над ним верх в единоборстве! Он погибнет от моего меча, а его жена и его земли упадут прямо мне в руки так же легко, как спелые яблоки с веток, если их хорошенько тряхнуть!

Среди рыцарей герцога Рауля, слышавших это наглое хвастовство, находился Годрун из Норемберга, который в отрочестве был пажом у герцога Севина в Бордо. Когда-то Годрун видел немало добра от своих господ. Позже, в ранней юности, Годрун часто состязался с Ивоном, и они вместе обучались биться на мечах и метать копье, нанося друг другу множество учебных ударов. Поэтому Годрун смотрел теперь на герцога Рауля с ненавистью, и сразу же решил, что он

обязан сделать все возможное для того, чтобы предотвратить воплощение гнусного плана герцога Рауля.

Годрун позвал слугу, и они вместе стремительно покинули двор императора и поскакали во Францию. До самого Бордо мчались они, почти не отдыхая и не заботясь о ночлеге и еде.

В это время герцог Ивон решил взять приступом замок графа Анжелора и сражался вместе с остальными бойцами с большим мужеством и подъемом. Вскоре крепость была взята. Предателя Анжелора и его приспешников герцог Ивон казнил, а простых воинов помиловал и отпустил на свободу, понимая, что все они просто подчинялись злой воле своего господина. Выполнив все, что было им задумано, герцог Ивон возвратился в Бордо и по дороге встретил герольдов императора, которые созывали всех рыцарей-христиан на турнир в Майнц. Ивон и все его воины очень обрадовались, когда услышали этот призыв, и решили спустя некоторое время отправиться на турнир, чтобы постоять там за славу Франции.

Герцогиня Кларимонда испытала великое счастье, когда ее господин вернулся домой из похода. В честь его победы и скорого возвращения она велела устроить великолепный пир, на который мог бы прийти любой человек и повеселиться от души. На этот пир и пришел Годрун из Норемберга, никому в Бордо не известный, с ужасным сообщением о заговоре, который готовился против герцога Ивона. Годрун обратился к Ивону и его супруге:

— Владетельный герцог, много лет тому назад, когда Ваш достойный отец герцог Севин был еще жив, я имел счастье находиться рядом с ним в этом самом зале, будучи его пажом. Вам хорошо известно, что после этого мы вместе обучались боевому искусству. Теперь, к моему глубокому сожалению, я принес Вам недобрую весть, но выслушайте меня внимательно.

Да будет Вам известно, что теперь я — вассал герцога Рауля, племянника императора Алемании. Рауль — могучий воин, и никто из известных мне рыцарей не устоит против него ни в битве на мечах, ни в поединке на пиках, ни в рукопашном бою. Рауль прекрасный воин, но этого нельзя отнести к его человеческим качествам.

Услышав о красоте и любезности Вашей супруги, он переоделся пилигримом и побывал в этой самой зале. Очарованный красотой госпожи Кларимонды, Рауль решил взять ее себе в жены, а сделать это он решил вот как. Он не считает

вас хорошим бойцом, думая, что Вы еще слишком юны и неопытны. Кроме того, он думает, что Бордо не такое уж могущественное владение, как его собственные земли. Он уговорил своего дядю, императора, объявить рыцарский турнир, на который вы должны, по его мнению, приехать в Майнц. На турнире он вызовет Вас на поединок и убьет, а после этого женится на госпоже Кларимонде и завладеет всеми Вашими землями.

При этих словах сердце герцога Ивона встрепенулось от гнева, который охватил так же и герцогиню Кларимонду. Ивон выхватил из ножен свой меч, и меч засверкал при свете факелов, озарявших залу. Герцог Бордо закричал так громко, что от его дыхания погасло несколько светильников.

— Пусть этот негодяй выведет против меня сто рыцарей и выйдет сам, я один разобью все это войско и одержу победу над герцогом!

Герцогиня Кларимонда тоже вскочила со своего места и, сверкая глазами, воскликнула:

— Мне нравятся твои слова, муж мой! Этот герцог Рауль — не рыцарь, хоть он и носит при себе меч и звякает шпорами. Я так его ненавижу, что готова надеть шлем и латы и скакать с тобой по правую руку, мой герцог, когда ты поедешь с ним сражаться!

Герцог Ивон весело засмеялся в ответ на слова Кларимонды и сказал Годруну:

— Ты видишь, друг мой, какой у нас характер, — жаль, об этом пока не знает гордый и важный герцог Рауль. Я слышал много хороших отзывов о твоем императоре, который славится среди людей справедливостью и щедростью. Я хочу отправиться прямо к нему и спросить у него совета, как мне поступить.

Так и было решено. Герцог Ивон с Годруном и рыцарями из Бордо отправились вместе в Майнц.

III. Как Ивон расплатился с Раулем по слову императора

Когда до Майнца оставалось еще ехать порядочное расстояние, Ивон собрал своих друзей на совет и рассказал им о том, что он задумал. Герцог решил скакать ко двору императора в одиночестве, потому что его дело к герцогу Раулю касалось только его самого и не могло быть разрешено с помощью других людей. Свита герцога дружно протестова-

ла, отказываясь соглашаться с Ивоном, но герцог Бордо не захотел никого слушать и в конце концов отправился вперед один на встречу со своим врагом.

Император Алемании устроил пир для гостей и пригласил к столу рыцарей, которые приехали, чтобы испытать свое уменье в состязании. Как только герцог Ивон приехал в город, он, не мешкая ни минуты, как был верхом, в сияющих латах, в шлеме и с пикой в руке, въехал в зал, где весь двор вместе с императором в прекрасном расположении духа веселился на пиру. Пирующие были в великом изумлении, когда перед ними предстал рыцарь верхом на коне в полном военном облачении. Император громко обратился к Ивону, выражая всеобщее удивление:

— Эй, рыцарь, как твое имя и почему ты дерзнул въехать в этот зал в военных доспехах? Разве тебе не известно, что я — император этой страны и любой человек должен оказывать мне здесь почет и уважение?

По правую руку от императора сидел герцог Рауль. Он был без шлема и без какого бы то ни было оружия. На герцоге Рауле красовалось роскошное пурпурное одеяние, всюду с большим искусством расшитое золотом. Вышивка изображала охоту с собаками на оленя. Герцог Рауль был весьма горд своим великолепным одеянием, и он действительно выглядел самым богатым человеком на пиру после императора, — если, конечно, не считать Ивона.

Но как только герцог Бордо разглядел лицо своего врага и вспомнил обо всем, что рассказал ему Годрун, Ивону показалось, что племянник императора больше всего похож на демона из адских глубин. Гнев Ивона разгорелся с новой силой, и у него перехватило дыхание. Герцог Бордо даже вынужден был отвести глаза в сторону и не смотреть больше на герцога Рауля, потому что ему показалось, что он может не совладеть с собой и нанести врагу удар прямо сейчас, когда герцог Рауль сидит без оружия на пиру, в таком веселии и благодушии.

Герцог Ивон подошел к императору и задал ему прямой и ясный вопрос:

— Государь император, я — вассал короля Карла Великого Французского и приехал сюда, чтобы испытать свою судьбу на рыцарском турнире, который был повсюду объявлен вашими глашатаями.

Но сейчас я стою перед вами с другим делом. А именно,

я хочу спросить у Вас — не могу ли я найти здесь правосудия по одному очень важному делу, потому что Вы славитесь прекрасными и справедливыми решениями далеко за пределами Алеманнии.

Император улыбнулся герцогу Ивону и сделал знак рукой, чтобы все присутствующие замолчали. Император величественно проговорил:

— Никогда еще так не бывало, чтобы человек пришел ко мне искать правосудия, — будь он знатным или простым, — и чтобы я не дал ему полного ответа в согласии с моим умом и с моим сердцем, и способность вершить суд — благодать, дарованная мне милостивым Господом. Говори же, чужеземец, на что ты жалуешься.

И герцог Ивон быстро рассказал о своем деле.

— Вот что случилось со мной, Государь император. Да будет Вам известно, что я владею некоторыми землями и городами, которые достались мне по наследству или же благодаря силе моего меча. По милости Божьей, я женился по любви на прекрасной женщине, которая досталась мне в жены после многих тяжелых страданий и опасных схваток.

Когда я был далеко от дома и занимался делами в своих владениях, рыцарь из твоей свиты, нарядившись странником, посетил мой замок, не имея никакой другой цели, кроме как взглянуть на мою жену, о которой он очень много слышал стороной. Когда же этот рыцарь увидел мою госпожу своими глазами, он решил во что бы то ни стало жениться на ней, считая меня бедным и незнатным рыцарем, не способным постоять за себя. Он даже бился об заклад со своими друзьями, что легко убьет меня на турнире и заберет себе и мою жену, и все мои поместья.

Тогда я снарядился в дорогу и прибыл сюда, надеясь добиться от Вас, Государь император, правосудия и наказания для этого негодяя. Теперь я хочу бросить ему свою перчатку и вызвать его на поединок, и заставить его лицом к лицу, мечом к мечу ответить за ту гнусность, которую он задумал!

Император помрачнел и грозным голосом сказал:

— Такой негодяй не достоин вызова на честный поединок, как если бы он был истинным рыцарем, гордым и благородным. Поэтому, если правда, что этот негодяй — человек из моей свиты, я даю тебе полное право убить его там, где тебе предоставится такая возможность, каким бы знатным человеком он ни был!

Выслушав слова Императора, герцог Ивон соскочил с седла своей лошади, держа в руке тяжелую пику, с которой он въехал в залу. Другой рукой он выхватил из ножен свой верный меч. Быстро шагнув к высокому столу, он поднял вверх забрало со шлема, чтобы каждый мог увидеть его лицо. И затем герцог Ивон громко крикнул, обращаясь к герцогу Раулю:

— Негодяй, лжец, рыцарь, переступивший через свою клятву! Взгляни теперь на герцога Ивона из Бордо, которого ты задумал погубить! Город Бордо и моя дорогая Кларимонда — не для тебя!

Подняв меч, Ивон размахнулся и нанес страшный удар герцогу Раулю. Рауль погиб в одно мгновенье, не успев даже приподняться со своего кресла. Люди императора, находящиеся в зале, издали дружный крик негодования и ужаса. Больше всех был потрясен сам император, который тут же приказал страже схватить убийцу Рауля.

Но герцог Ивон повернулся к императору и воскликнул:

— И так Вы поступаете всегда, Государь? Если Ваш племянник — негодяй и преступник, то никакого суда быть не должно? Если Вашим правосудием можно вертеть во все стороны, я не нуждаюсь в нем! Это поможет мне выстоять против Вас!

Герцог вскочил в седло, держа наготове свой меч, еще запятнанный кровью герцога Рауля. Затем Ивон, нанося точные удары налево и направо, расчистил себе дорогу среди стражников, со всех сторон сбегавшихся к нему. Ивон сражался, как легендарный герой прежних лет. Он убил и поранил множество людей, заступавших ему дорогу, и наконец вырвался из Майнца.

По приказу императора все рыцари, прибывшие на турнир под знамена Алемании, оседлали коней и поскакали в погоню за Ивоном. Среди рыцарей скакал и сам император на своем жеребце Амфэйге — и быстрее этого коня не было на белом свете. Император был в таком ужасном гневе, что он далеко обогнал своих спутников, стремясь настичь Ивона, и скоро это удалось императору.

Ивон, увидев так близко своего врага, остановился и подождал императора. Их кони столкнулись с такой силой, что император упал с седла и при ударе о землю сломал себе ногу. Ивон с жалостью в сердце посмотрел на своего врага и не обнажил против него меча. Он просто пересел со своего коня на Амфэйга и ускакал. Императора же вскоре подобрали те, кто скакал вслед за ним.

Но от того, что рыцарь Ивон пожалел своего врага и оставил его в живых, много страданий и горя выпало на долю герцога Бордо.

IV. Как император Алемании объявил войну Бордо и как этот город оказался в осаде

Герцог Ивон прискакал в лагерь, который разбили сопровождавшие его рыцари из Бордо, и быстро рассказал им, как плохо для него окончилось посещение императорского двора. Рыцари решили готовиться к бою, который должен был вот-вот произойти, потому что за герцогом Ивоном по следам шла погоня, разгоряченная ненавистью. Но рыцари из Бордо не были неопытными юнцами, еще ни разу не принимавшими боя. Они выбрали себе командиров — Ивона и рыцаря Жерома, который был самым опытным среди них.

Люди из Бордо наспех соорудили железную стенку, которая потом послужила им хорошей защитой от вражеской конницы. Большое количество конных рыцарей императора были выбиты из седел и погибли еще до начала битвы, потому что их кони цеплялись подковами за стенку и падали. Один только герцог Ивон сражался сразу против двадцати рыцарей противника. Из одного конца поля в другой конец меч Ивона прокладывал широкие просеки, и никто из тех рыцарей, которые сражались с герцогом Бордо, не ушел от смерти.

В конце концов император, который наблюдал за ходом этого сражения с носилок, стал оплакивать участь лучших своих рыцарей, потому что уже было ясно, что большая часть воинов императора останется лежать на поле боя. В это же самое время Жером, который скакал шпора в шпору с герцогом Бордо, обратился к Ивону с такими словами:

— Мой герцог, мы уже убили очень многих гордых рыцарей из Алемании, а сам император лежит на носилках после встречи с тобой. Но в бою мы потеряли несколько доблестных рыцарей, а также оруженосцев и слуг. Эта земля — земля Алемании, и император может послать кого-нибудь за подмогой. А до Бордо много лиг, и как мы сможем призвать кого-нибудь к нам на помощь, если мы все погибнем здесь раньше, чем эта помощь придет к нам?

Ивон обдумал все сказанное и убедился в том, что Жером, как всегда, говорил мудрые слова. Ивон ответил ему:

— Нам нужно послать к императору посыльного и предложить ему перемирие. Потом мы вернемся в Бордо, где все преимущества будут на нашей стороне. Пошли вперед герольда с трубачами и передай с ним наше предложение самому императору.

Так они и сделали. Несмотря на неутолимую и лютую ненависть к Ивону, император вынужден был согласиться на перемирие. Но про себя император решил, что как только нога его заживет, он соберет все свои силы на осаду Бордо. Император хотел во что бы то ни стало взять Бордо штурмом, а потом сжечь этот город дотла и уничтожить всех его жителей, чтобы от города осталось только пустое место. Но для всего этого время пока еще не пришло. Император согласился на полгода перемирия и приказал своим воинам прекратить сражение.

После приказа императора сражающиеся разделились, считая свои раны, — как тигр и лев после поединка, переставшие бороться и отступающие каждый в свои владения, чтобы собраться с силами для новой встречи.

Ивон вернулся в Бордо с большой поспешностью и рассказал герцогине Кларимонде о том, как он поступил с герцогом Раулем и о том, что с ним случилось по дороге домой. Кларимонда, страшась грядущих опасностей и бед, сказала своему господину:

— Муж мой, император управляет всеми землями в Алеманнии, а сама Алеманния больше даже, чем наша Франция. Император может собрать под свои знамена сотню рыцарей на каждого твоего воина. Он может просто раздавить Бордо, как орех, двумя пальцами! Король Карл Великий скончался, и на престоле Франции теперь Луи, еще ребенок. Луи ненавидит тебя, ведь это ты, хотя и случайно, убил его родного брата, и он не пришлет тебе в помощь даже одного лучника!

— Это верно, — грустно ответил Ивон. — Поэтому нам в Бордо можно надеяться только на милость Господа нашего Иисуса Христа и сделать все, чтобы достойно встретить грядущую беду.

Но Кларимонда продолжала:

— Франция не даст нам никакой помощи, но можно отыскать помощь и за пределами Франции. В Тунисе живет мой брат, дей и повелитель этой страны, и тысячи людей соберутся на битву по его призыву, как уже не раз бывало. Не подумай, что мой брат — иноверец, уже давно он сам принял нашу веру и является христианином. В детстве мы очень любили друг

друга, и я не думаю, что он совсем позабыл меня. Снаряжай корабль в путь, муж мой, и отправляйся в Тунис. Там поговори с моим братом и возвращайся назад с войском, которое он свободно может отдать в твое распоряжение. Тогда ты встретишься с императором на равных.

Но Ивон задумался и ответил:

— Моя дорогая жена, если я сейчас покину Бордо и поплыву за помощью, о которой ты говорила, я оставлю в Бордо на произвол судьбы всех, кто от меня всецело зависит, и тогда они смогут назвать меня трусом и лжецом. В таком далеком и опасном путешествии всякое может случиться — что, если я не вернусь назад? Страшная участь тогда постигнет мой город! Нет, я должен остаться здесь, какая бы беда нам не грозила.

Так герцог Ивон отвечал на все мольбы Кларимонды. Страх перед будущим тяжелым камнем лежал у нее на сердце.

Стены Бордо и все военные укрепления были подновлены, в город свозились запасы продовольствия. Городские ворота были открыты с утра до ночи, пропуская в крепость возы с запасами. Жером разослал во все стороны наблюдателей и быстрых гонцов, чтобы они смогли вовремя предупредить жителей Бордо о приближении войск из Алеманнии. В городе все готовилось к осаде.

Спустя некоторе время доложили, что флаги Алеманнии появились у границ герцогства, а потом — что войска императора двинулись вглубь земель Ивона, поджигая деревни и убивая жителей. Рыцари герцога Ивона неотступно дежурили на высоких стенах Бордо, все замки и запоры на городских воротах Бордо были заперты, а мечи и пики приготовлены к бою. В Бордо ожидали появления врага.

Достаточно скоро передовые части алеманцев подошли вплотную к Бордо и разбили у его стен большой палаточный лагерь. Ночью они разожгли походные костры, окружившие Бордо огненным кольцом.

Тогда Ивон позвал к себе Жерома и сказал ему:

— Только взгляни, как удобно расположился император под моими стенами! Сейчас он пирует в спокойствии и в довольстве, считая нас беспомощными и затравленными, и ему, должно быть, кажется, что скоро здесь все будет принадлежать ему. Он и сейчас уже убивает, кого пожелает, в моих владениях. Давай сделаем вылазку и покажем ему, кто мы такие!

Небольшой передовой отряд тихо выехал из города через задние ворота и со стремительностью ураганного ветра безмолвно помчался к неприятельскому лагерю. Отряд так перепугал алеманцев, что они решили, будто подверглись нападению демонов. Многие рыцари императора в этот час расстались с жизнью, а император стал подавать громким разгневанным голосом боевые команды.

Но отряд герцога Ивона уже возвращался в город, радуясь успеху своей вылазки и сокрушительному удару, нанесенному врагу неожиданным и смелым нападением. И вдруг герцог Ивон спросил:

— А где же господин Жером? Почему я не слышу его голоса в нашем счастливом хоре?

Тогда израненный верховой догнал их за воротами Бордо и крикнул:

— Горе нам, господин герцог! В последнюю минуту рыцарь Жером упал с коня, и если он остался в живых после падения, то теперь попал в руки наших врагов!

V. Как Жером избежал смертельной опасности, когда герцог Ивон пришел к нему на помощь

Жером, покрытый ранами и безоружный, стоял перед императором, который был очень обрадован, захватив в плен главного неприятельского советника. Желая пошутить и поиздеваться над своим врагом, император обратился к своим рыцарям:

— Сегодня мы взяли в плен одного из главных негодяев, противостоящих нам. Тому, кто приведет сюда в таком же виде Ивона, я подарю город Бордо и госпожу Кларимонду!

Но Жером с гордостью распрямился и с высоко поднятой головой сказал императору:

— Дерзкие слова, Государь император, дерзкие слова! Никто из твоих людей не войдет в Бордо, кроме пленников, которых мы приведем сами. И наш герцог Ивон будет оборонять наши ворота ото всех напастей столько, сколько будет нужно. Никто из рыцарей Алемании не будет править в Бордо и не унизит нашего господина!

От этих гордых слов пленника, закованного и безоружного, император действительно пришел в ярость и, повернувшись к своему маршалу Отто, отдал ему такой приказ:

— Схватить этого сивобородого глупца и всех, кого взяли

в плен вместе с ним, построить высокую виселицу напротив городских стен, и как только виселица будет готова — повесить их всех!

Маршал Отто не двинулся с места, но незамедлительно принялся отговаривать своего повелителя:

— Государь, если я исполню Ваш приказ и повешу пленников, в Бордо поступят точно так же с нашими людьми, взятыми в плен и содержащимися в крепости. Умоляю Вас, ради Господа нашего Иисуса Христа, подумайте еще раз над Вашим приказом!

Но император повернул к маршалу Отто свое мрачное и озлобленное лицо и так взглянул на него, что не осталось никаких сомнений — император настаивает на своем приказе.

У стен Бордо, на расстоянии полета стрелы, напротив главных городских ворот, алеманцы стали возводить высокую виселицу. А в городе участники недавней битвы поднялись на стены, чтобы поглядеть, что делается внизу. Герцог Ивон стукнул кулаком по перилам и воскликнул:

— Разве мы допустим, чтобы наших товарищей по оружию повесили? Собирайтесь все, кто в шлемах и при конях, и поехали со мной! Если мы допустим, чтобы наших друзей казнили, мы никогда уже не сможем заслужить доброго имени между людьми!

Все, у кого были кони, тут же оседлали их и выехали из города, чтобы рискнуть и спасти от смерти друзей.

Немного погодя, маршал Отто снова подошел к императору и смиренно обратился к нему, умоляя его о милосердии.

— Государь мой, Ивон из Бордо действительно ранил Ваше сердце, когда на Ваших глазах он убил герцога Рауля, которого Вы так любили. Но будьте милосердны к Ивону, как истинный христианин! Велите ему совершить паломничество в Святую Землю, и пусть он раскается в своем поступке. Пошлите герольда в город и ...

Но больше ни слова не сказал маршал Отто, потому что император издал рев ярости — он заревел, точно раненый медведь! Друзья увлекли с собой маршала Отто, опасаясь, как бы император не приказал казнить вместе с пленниками также и его. Маршал печально вернулся к подножию виселицы. Но он не торопился отдать палачу приказ и решил по мере возможности оттягивать жестокую казнь, надеясь на то, что император все-таки образумится и помилует пленников.

Раздался грохот спущенного моста, и по нему из крепости промчался отряд вооруженных людей. Всадники подлетели к виселице и освободили пленников, а всех остальных, воинов Алемании, порубили мечами и поранили пиками. Пока император не созвал бойцов, отряд стремительно вернулся в крепость, захватив в плен маршала Отто и больше сотни воинов.

С ними Ивон решил поступить так же, как император — с людьми из Бордо. Ивон приказал повесить всех вместе на зубцах крепостной стены. Но Жером рассказал Ивону обо всем, что маршал Отто пытался сделать для примирения и спасения пленников, и герцог Ивон решил помиловать всех, радуясь спасению своего дорогого друга.

Этой же ночью у герцога Ивона и герцогини Кларимонды родилась дочь. В крепости вокруг ее колыбели вдруг появились некоторые дамы из Чудесной страны, и каждая благословила новорожденную и предсказала, что девочке суждено носить венец и стать могущественной и добродетельной королевой. Но главная Дама очень горестно посмотрела на Ивона и Кларимонду и промолвила им с глазами, полными слез:

— Господин герцог и госпожа герцогиня, наши сердца в Чудесной стране полны печали, и мы очень горюем о вас и о маленькой Кларетте, вашей новорожденной дочери. Но по законам эльфов Король Оберон не может помочь вам в вашей беде, с тех пор, как он объявил тебя, Ивон, наследником своего престола и будущим повелителем Чудесной страны. Ты должен сам отыскать выход из этого сложного и тяжелого положения, ты должен сам справиться с этой бедой. Король Оберон просил передать еще, что он снова увидит вас обоих, тебя, Ивон, и герцогиню Кларимонду, в свой последний час. Поэтому не жди помощи из Чудесной страны — если ты только ее ожидаешь!

Когда дамы из Волшебной страны ушли, герцог Ивон призвал к себе своего герольда, Эрборни, и приказал ему следующее:

— Поезжай прямо к императору и скажи ему, что в боях пролилось уже достаточно человеческой крови. Если император объявит конец войне, я признаю его своим Государем и перейду в его полное распоряжение, и буду управлять Бордо по его согласию. Ведь король Франции не пришел мне на помощь! Кроме того, я готов отправиться с паломниками в

Святую Землю, чтобы там молить Господа нашего Иисуса о милости ко всем нам. Но если император не согласится на все это, передай ему, что мы будем защищаться до тех пор, пока останется хотя бы один камень от наших стен!

Эрборни выполнил поручение Ивона, и все придворные императора очень обрадовались предложению герцога Ивона и нашли его очень разумным. Но император, обезумевший от ненависти, не стал слушать своих дворян и с позором прогнал от себя прочь посланника герцога Бордо.

Герцог Ивон позвал к себе на совет всех знатных людей Бордо. Когда люди собрались в большом зале замка, герцог рассказал своим подданным о том, как император отклонил мирное предложение и как он обошелся с посланцем герцога. Затем герцог Ивон объявил:

— Народ Бордо, в наших стенах еще много запасов еды и питья. В каждой нашей вылазке против врага гибнут наши храбрые рыцари и мужчины, способные воевать, так что рано или поздно наступит такое время, когда бойцов среди нас не останется. Луи Французский не пришлет нам подмоги.

Но Салибрант, брат моей жены, правит в Тунисе. Он христианин и может помочь нам, потому что очень любит свою сестру. Это наша единственная надежда — я тайно покину город и поеду к нему с просьбой о помощи. Будет ли на это также и ваша воля?

Все собравшиеся в зале, понимая, что их ожидают тяжелые дни, согласились с тем, что Ивон должен ехать за помощью. Ивон назначил главой города на время своего отъезда рыцаря Жерома. Потом он попрощался с женой и с маленькой дочкой. Ночью герцог Ивон выехал из города в сопровождении нескольких человек.

VI. Что дальше случилось с теми, кто защищал Бордо от войск императора

Много доблестных подвигов совершили воины Ивона, которые защищали свой город от врага. Но с каждой боевой вылазкой за ворота, с каждым боем люди погибали от мечей неприятеля или от острых стрел. Никто из бойцов не покинул своего места на крепостных стенах. Но все меньше и меньше воинов могли откликнуться на призыв боевой трубы и выйти на защиту крепости.

Жером, видя, как с каждым часом редеют ряды защитни-

ков крепости и как многие воины не возвращаются назад после вылазок в лагерь неприятеля, сильно опечалился. Но его, как и всех остальных, ободряли приветливые речи госпожи Кларимонды. Она надевала на свое нежное тело тяжелые доспехи и поднималась на городские стены, и оттуда стреляла из лука по лагерю алеманцев.

Тем не менее, в конце концов наступил черный день, когда управляющий крепостью отыскал Кларимонду и доложил ей:

— Госпожа герцогиня, в городе много верных вам сердец и сильных рук, готовых послужить Вам. Но все эти люди нуждаются в еде и в питье. Широкие двери наших хранилищ давно уже заперты, и в наших погребах не осталось больше съестных припасов. Не осталось ничего, чем можно было бы накормить наших воинов, сегодня нечего будет подать на ужин нашим бойцам. Дальше все будет обстоять точно так же.

Жером ответил на это:

— Действительно, воин должен есть, и мы не сможем защищать крепость собственными силами очень долго. Но на лугу за рекой пасутся коровы и овцы, которых наши враги пригнали сюда для своих нужд. Этой ночью надо сделать вылазку и пригнать стадо в крепость.

Так и решили на военном совете. Когда стемнело, Жером с лучшими воинами, оставшимися в живых, тайно выехал из крепости. Но на беду постовые императора заметили их и целым отрядом поскакали наперерез Жерому и его бойцам из крепости, которые не успели вернуться в замок. Отряды сшиблись, и в темноте начался страшный бой. И правда, печальной оказалась судьба защитников Бордо. Те, кто пытался переплыть реку, тонули в ее быстрых волнах под тяжестью стальных панцирей — смерть настигала их в воде, и никто не услышал их предсмертных криков. Остальные погибали от мечей и копий или же, раненые, падали на землю, и их затаптывали кони. Так погибли последние защитники крепости Бордо.

Среди них был и рыцарь Жером, который когда-то сражался с сарацинами, обитал в пустыне и был добрым другом и советчиком герцогу Ивону во все дни его жизни. Жером погиб в смертельном бою, как и подобает отважному рыцарю — он умер от раны на поле боя. С его гибелью умерла и последняя надежда на победу в сердце герцогини Кларимонды.

Бернар, слуга Жерома, был свидетелем смерти своего господина и уцелел в бою. Ему не удалось довезти тело своего господина до городских ворот. Так он и въехал в крепость, где, весь истекающий кровью и полуживой, спешился и вбежал в замок, чтобы увидеть герцогиню Кларимонду.

Кларимонда увидела Бернара в горестном и бедственном положении и спросила его, что за страшную весть принес он ей с поля боя. Но когда Бернар воскликнул: «В бою только что погиб мой господин, достойный сир Жером», — Кларимонда застыла на месте как статуя, с искаженным от скорби лицом, ожидая, что может услышать еще что-нибудь ужасное. Спустя некоторое время она вышла из оцепенения, повернулась к Бернару и заговорила с ним глухим и печальным голосом:

— Без рыцаря Жерома, который был нашим главой и нашим защитником, мы уже не можем надеяться выстоять против императора, который правит доброй половиной Европы. У нас уже не осталось людей, чтобы оборонять стены. Опаздывает мой господин, опаздывает помощь, за которой он поплыл в Тунис! Но может быть, когда герцог Ивон снова вернется во Францию, он отомстит за всех нас. Сейчас я пойду к воротам и через окно переговорю с императором, чтобы узнать, на каких условиях он примет нашу сдачу. Но сначала, Бернар, я должна побеседовать с тобой.

Она отвела слугу во внутреннюю часть залы, где они остались одни, и отдала ему личный приказ, а именно: чтобы Бернар пошел в конюшню и собственноручно оседлал коня Амфэйга, которого Ивон когда-то отбил у императора. Затем Кларимонда решила тайно передать слуге через одну из своих дам маленькую Кларетту. Девочка должна была быть отвезена в Аббатство Клюни и там поручена опеке Аббата, который был родным дядей герцога Ивона и его добрым другом.

— Ведь, — сказала Бернару Кларимонда, — император может взять Бордо силой, и тогда он просто превратит меня в пленницу. Но девочка — наследница герцога Ивона и должна быть спасена от этой злой участи.

Бернар поклялся перед Распятием, что он будет беречь дитя больше собственной жизни и доставит ребенка в Аббатство Клюни, чего бы это ему ни стоило. Затем он пошел в конюшню и отвязал Амфэйга и принял из рук дамы запеленутую в темный плащ маленькую Кларетту. С ребенком на руках слуга выехал из Бордо малоизвестной дорогой, и скоро оказался в поле за городом. На свободе Бернар пришпорил коня и в ночной темноте галопом поскакал в Аббатство Клюни.

Когда дама доложила Кларимонде, что ее дочь отдана Бернару и что слуга благополучно выехал за пределы крепости, герцогиня пошла к городским воротам, поднялась на башню и остановилась в проеме окна. Ее было видно далеко ото всюду за пределами замка. Тогда герцогиня приказала трубачам трубить в трубы.

Об этом доложили императору, и он сам выехал к воротам верхом. Император увидел Кларимонду, стоящую на башне при свете факелов, и она ему показалась совсем молоденькой и очень красивой. Императору стало жалко ее. Но вспомнив, что перед ним жена герцога Ивона, император убил всякую жалость в своем сердце и остановился в молчании, ожидая ее слов.

— Государь император, — громко и ясно, без слез и дрожи в голосе, прозвучал голос герцогини, — противостоявший до последнего часа Вашим войскам город Бордо сдается Вам. Наша оборона теперь бесполезна, потому что Вы можете в самое ближайшее время взять наш город приступом и разграбить его. Но Вы и все, кто сопровождает Вас — христиане, и как христиан я прошу вас обойтись с нами милосердно, как велел нам всем Господь Иисус Христос.

— Герцогиня, — отвечал император, — будьте уверены, что этот город не будет разграблен, если вы сами добровольно сдаетесь мне. И я обещаю не обходиться с Вами и с Вашими людьми после сдачи, как какой-нибудь варвар.

С этим полубещанием Кларимонда вынуждена была согласиться, и город был сдан императору. Но в душе она радовалась, что ей только что удалось отправить из города свою дочь.

Так сдался город Бордо. Император не стал грабить и разрушать его, но поставил в городе своего наместника. Всех людей герцога Ивона, оставшихся в живых, император отвез с собой в Майнц как пленников. Они были брошены в темницы, а Кларимонду заточили в крепкую башню, и она даже не могла увидеть лица своего сторожа. Но сердце ее не разбилось — в безвыходном и тяжелом положении она продолжала ожидать возвращения герцога Ивона.

VII. Как Ивон попал в шторм на море и оказался у замка Адаманта

Герцог Ивон и его спутники пробрались через вражеский лагерь незамеченными и скоро доехали до морского порта. В порту герцог хотел нанять корабль, чтобы поплыть на нем в

Тунис. Но начался сезон сильных штормов в открытом океане, и несколько капитанов отказались рисковать своими судами из-за порывистого ветра и высоких волн. Спустя много дней Ивон все-таки уговорил одного капитана, который согласился испытать судьбу, и тогда герцог Ивон и его друзья отправились в плавание.

Почти сразу после того, как их судно покинуло гавань, в море поднялся страшный ветер и подхватил корабль, увлекая его в открытый океан, где бушевал шторм. Целые горы воды обрушивались на суденышко одна за другой, и никто уже не знал, где находится их корабль и куда они плывут, потому что корабль потерял управление. Людей швыряло с одного конца палубы в другой, и все были в полном отчаянии. Ивон изо всех сил держался за поручень правой рукой и в конце концов так перетрудил ее, что уже не в силах был ее разогнуть или пошевелить ею. Так их носило в открытом море много дней, и все это время они не видели солнца — только молнии прорезали угрюмую тьму, и было невозможно определить, день сейчас или ночь.

Затем поперек неба перед ними появились мрачные огни, и послышался звук, внятный всем, кто был на корабле — звук, похожий на громкий треск пламени. Капитан судна, испуганный и дрожащий, еле передвигая от страха ноги, подошел к Ивону и сказал ему:

— Господин герцог, знайте, что мы и впрямь великие грешники, самые последние из людей. Шторм отнес нас за границу мира людей и опустил в преисподнюю, и теперь перед нами стоят Врата Ада — так говорится в наших морских поверьях!

Герцог Ивон вгляделся в тревожную ленту огней и прислушался к жалобным стонам, которые доносил ветер. Ивону стало страшно. Но он стоял прямо, глядя вперед на огни, и сказал капитану корабля:

— Мы обыкновенные люди, и поэтому полны греха. Но в это плавание мы отправились с чистыми сердцами и хотели только помочь несчастным людям, которые от нас зависят. Поэтому, именем милосердного Господа нашего Иисуса Христа я прошу Вас — не бойтесь! Ад не поглотит нас, и сегодняшний день для нас — не последний!

Герцог Ивон сказал правду, потому что течение скоро отнесло их близко к железным воротам, которые преграждали путь в это отвратительное место. Изнутри доносились вопли отчаяния, и путешественники слышали это. Скоро

тучи немного раздвинулись на небе, и между ними показался луч ясного солнца, рассеявший мглу.

Этот луч осветил высокую скалистую гору, стоящую посреди моря, гору из такого же черного камня, как и беспросветное штормовое небо. Но на вершине этой горы возвышался белый замок, такой прекрасный и величественный, что у герцога Ивона и у всех остальных на корабле радостно забились сердца. Такой прекрасный замок мог принадлежать только великому властелину, который смог бы приютить попавших в бурю людей и оказать им помощь.

Как только скала и белый замок наверху стали видны, хозяин корабля снова показался измученным и испуганным. Он сокрушенно крикнул:

— Горе нам! Мы самые несчастные люди на свете! Этот замок и скала Адаманта, настоящая ловушка для невезучих моряков! Знайте, друзья, что эта скала притягивает к себе железо и все железное, будь это даже гвозди, которыми скреплен корабль, и это притяжение невозможно преодолеть! А те, кто отваживаются подняться наверх скалы, никогда не возвращаются назад!

Кроме их корабля, они увидели у подножия скалы множество других судов и суденышек, уже старых и полусгнивших, развалившихся от времени и, по-видимому, давным-давно попавших сюда. И посередине этого кладбища кораблей стояло их собственное судно, а обломки и останки мертвых судов колотились в борт корабля, на котором стояли друзья.

Когда день стал угасать, герцогу Ивону показалось, что свет мелькнул в окне замка над ними, и ему захотелось подняться на скалу и попросить обитателей замка о помощи, потому что запас воды и продовольствия, который находился на борту судна, подходил к концу. Но руки все еще не слушались его, и сам он не смог бы забраться наверх.

Тогда один их его людей, рыцарь Арнольд, который вырос в горах и часто лазал по скалам ради азарта, поднялся с места и сказал, что он сможет легко взобраться на черную скалу. Он снял с себя латы и все оружие, оставив при себе только кинжал на поясе. Друзья пожелали ему удачи, и Арнольд начал взбираться вдоль обрыва, нависающего над морем, так что высокие пенные брызги волн долетали до него.

Подъем оказался не очень трудным, и скоро рыцарь Арнольд добрался до ворот замка. Но никто не ответил ему на стук, кроме свистящего ветра, и никого не было видно на стенах и

укреплениях. Не было слышно и какого-нибудь движения за стенами замка.

Постояв немного у ворот, рыцарь Арнольд решился все-таки войти. Но ни мужчины, ни женщины не было видно во дворе замка. Арнольду показалось, что этот замок давно брошен хозяевами и вымер. Пока рыцарь медлил во дворе, немного дрожа от холода и безлюдья, он услышал странный звук — но этот звук не был звуком человеческих шагов. Повернувшись, рыцарь увидел ползущего к нему по мостовой огромного отвратительного змея. Выше крепостной стены поднимал змей свою зубастую голоову, а в его открытой пасти торчал ядовитый язык, и зеленая слюна капала с языка на камни.

Рыцарь Арнольд, не имея при себе ничего для защиты, кроме ножа, решил спасти свою жизнь. Он увернулся от змея, бросился за ворота и стал спускаться вниз со скалы к своему кораблю. На корабле рыцарь рассказал всем о том, что он увидел в замке, и как спасся от смерти, ядовитой и зубастой. Арнольд сказал, что никто из людей не в силах войти в замок.

Все очень огорчились, потому что запасы еды убывали с каждым днем. Люди оплакивали свою судьбу, а многие уже едва держались на ногах. Но скоро к скале прибило течением второе судно, и оно оказалось пиратским кораблем. Герцог Ивон приказал всем вооружиться и приготовиться к бою, и люди из Бордо захватили пиратский корабль и уложили пиратов мечами. Так Ивон и его спутники получили провизию, которая оставалась на пиратском корабле, и воспряли духом.

Но у них не было никакой возможности освободить свое судно из-под власти Адаманта, и неделя проходила за неделей у черной скалы. Один за другим люди стали болеть и умирать — кто от голода, кто от болезней, которые приходили с мертвых кораблей вокруг них, а некоторые погибали просто от безнадежности. Только герцог Ивон не поддавался отчаянию, только он один помнил еще о цели их путешествия и постоянно думал о Бордо и о тех людях, которые ждали его возвращения с подмогой. Герцог Ивон поклялся себе, что сделает все, что будет в человеческих силах, и сделает еще больше ради спасения своего родного города.

Наступило утро, когда герцог Ивон один-единственный остался в живых из всех в отряде, и один на корабле. Не было уже ни воды, ни хлеба, чтобы утолить голод и жажду. Ивон понял, что его смерть близка. Но он решил, что еще способен

выбрать, какой именно смертью ему умирать. С долгими передышками, оттого, что тело его было истощено и ослаблено, Ивон надел на себя кольчугу, шлем и опоясался мечом. Затем он повернулся к скале и крикнул громким и звонким голосом:

— Чудовище или демон зла, знай, что я, Ивон из Бордо, иду на тебя сейчас и несу тебе смерть на конце меча!

После этого Ивон стал карабкаться вверх, продвигаясь вперед с большим трудом и очень медленно — слабость, истощение и тяжесть оружия и доспехов мешали ему. Но спустя долгое и долгое время он все-таки взобрался на вершину горы и увидел перед собой ворота замка. Солнце блеснуло на золотых буквах, которые были выгравированы на воротах. Ивон прищурился и прочел послание Адаманта ко всем пришельцам: «Всякий, кто желает войти сюда, пусть побережется, даже если он достойнейший из смертных рыцарей и тело его тверже стали, потому что это приключение станет для него последним. Но если отвага не оставляет тебя — входи!»»

Герцог Ивон, опираясь на свой меч, вошел в замок Адаманта.

VIII. Замок Адаманта и его отвратительный страж

Во дворе замка не было ни одной живой души, даже птицы, и глубокое молчание покрывало то место, где стоял Ивон. Ивон подумал, что так же тихо должно быть в гробу. Сердце тревожно кольнуло у него в груди, и он почувствовал холодный озноб настоящего страха.

Затем тишину нарушил звук, странный звук — не то шипение, не то шорох, — который, несомненно, не мог быть издан смертным человеком. Ивон увидел, что навстречу ему из внутренних залов выползает отвратительный змей, о котором рассказывал рыцарь Арнольд. Голова змея со сверкающими, как горящие факелы, глазами, была огромна. В раскрытой его пасти мелькал вперед-назад ядовитый язык, похожий на длинный бич работорговца, а из пасти его текла мерзкая зеленая слюна. Зубы у этого змея были длинною в человеческую руку, и не было видно конца извивающемуся телу чудовища.

Как только змей заметил Ивона, он зашипел, засвистел и

пополз по мостовой к человеку. Ивон повернулся лицом к чудовищу и стоял, прикрываясь щитом, держа наготове меч. Но змей нанес удар своей огромной головой и, схватив щит зубами, разгрыз прочное железо, точно гнилую деревяшку.

Ивон ударил змея своим верным мечом, но чешуя на змеином теле была прочнее самой крепкой брони, и клинок только соскользнул, не причинив чудовищу никакого вреда.

Змей снова нанес сокрушительный удар своей тяжелой головой. Ивон швырнул в змея своим бесполезным теперь щитом и отбросил меч в сторону, зная, что гибель неизбежна. Но вдруг Ивон увидел, что к железным воротам прислонено копье, острое, толстое и такое длинное, каких герцогу Бордо еще не доводилось видеть. Ивон схватил копье, чтобы отразить удар змея.

Не в силах удержать тяжелое копье в руках, Ивон оперся им о камни мостовой, из последних сил поддерживая древко, чтобы оно не упало. И когда голова змея снова двинулась навстречу Ивону, он повернул копье так, что острый наконечник проткнул пасть чудовищу и пробил его голову. Змей умер, и агония этого безобразного существа была отвратительна.

Покачиваясь от слабости, изможденный Ивон поднялся по ступеням в залу замка, и его поразило то, что он увидел внутри этой залы. Даже при дворе императора не доводилось ему видеть таких сокровищ!

Зал подпирали двадцать пять мощных колонн. Некоторые колонны были из мрамора, совершенно белого, точно стены райских садов, и некоторые — из мрамора, черного, как ночь. Были здесь колонны целиком из яшмы и целиком из сардоникса. По стенам и вокруг колонн вилась виноградная лоза, выкованная из чистого золота так искусно, что казалась настоящей. На этой лозе висело множество виноградных кистей, но кисти эти были сделаны из аметистов, изумрудов и рубинов, и драгоценных камней в них было столько, сколько не наберется и у целой сотни королей. Свет отражался в разноцветных камнях, и яркие отсветы от них мерцали во всем зале.

Ивон разглядел, что мозаика на полу изображает подвиги героев, но сами эти герои были ему неизвестны. За этим залом следовали другие залы, украшенные еще роскошнее, еще чудеснее, с купальнями из сверкающего хрусталя, с сундуками и шкафами, полными всяких великолепных

одеяний. В такие одежды были бы рады облачиться великие земные цари!

Ивон снял с себя доспехи и платье и погрузился в прохладный бассейн. Когда он выкупался, то выбрал себе очень красивое нежно-голубое одеяние с вышитыми на нем золотом и сапфирами львами. Переодевшись, Ивон отправился дальше осматривать замок и в конце концов вышел в огороженный сад, где на деревьях было много спелых и душистых фруктов. Этими плодами Ивон утолил голод и жажду, хотя ему очень хотелось еще мяса и хлеба.

Этой ночью он уснул на кровати из слоновой кости, удивляясь всему, что с ним случилось. Наутро он проснулся освеженным. Он позавтракал фруктами в саду и снова пошел осматривать замок. Так Ивон обнаружил, что не существует другой дороги из замка, кроме той, по которой он сюда пришел: по скалам вниз к мертвым кораблям. Ивон испугался, что ему придется провести в этом заколдованном замке всю свою жизнь беспомощным пленником.

Загрустив от этих мыслей, Ивон опустился в похожее на трон кресло, сделанное из кованного золота, которое стояло в самой маленькой комнате замка. Печально опустив глаза вниз, он вдруг разглядел на каменной плите пола какую-то надпись.

«О храбрый человек, — гласила эта надпись, — если ты также человек безгрешный, возьми ключ, который лежит рядом с твоей рукой, и поверни его здесь.»

Под этими словами находилась золотая замочная скважина, а на ручке трона лежал золотой ключ с цепочкой.

Герцог Ивон вставил ключ в замок и повернул ключ. Камни пола пришли в движение. Плита, на которой была надпись, отодвинулась в сторону и открыла в полу темный проем, и в этом проеме Ивон увидел ступени лестницы, ведущей вниз. По этим ступеням Ивон стал спускаться, подумав перед спуском, что его положение так безнадежно, что ничего худшего ему ожидать не приходится.

Внизу лестницы Ивон увидел сводчатое помещение, в котором находилась большая каменная печь. Два человека работали возле этой печи, вынимая из нее отличные булки всех форм и размеров и опять загружая ее сырыми лепешками. Они работали очень сосредоточенно, в полном молчании и не ответили ничего на вопросы герцога Ивона, кто они такие и как сюда попали. В конце концов Ивон вышел из себя

и заступил дорогу одному из этих людей, крепко схватив его за рукав его платья.

Нахмурившись, человек повернулся к Ивону и заговорил:

— Вспыльчивый смертный, почему ты мешаешь мне работать? — И слуга освободил свой рукав и двинулся было назад к печи. Но герцог не пропускал его.

— Именем Господа нашего Иисуса Христа и всех святых, обитающих с ним в райских чертогах, я заклинаю тебя ответить мне, кто ты такой, и дать мне хлеба, потому что я очень проголодался и не ел хлеба много дней...

Слуга все еще вырывался, но тут он замер и быстро ответил:

— Если ты христианин и добродетельный человек, то тебе нечего опасаться, и ты смело можешь отведать все наши яства. Ступай к столу и кушай вволю. Но помни — наша еда смертельна для тех, кто является предателем или изменником. Этот замок волшебный, и мы несем здесь свое служение в молчании уже тысячу лет. Больше я не буду говорить с тобой!

Слуга окончательно высвободил свой рукав из пальцев Ивона и вернулся к своей работе. Он больше не ответил ни на один вопрос, которыми засыпал его герцог Ивон.

Тогда Ивон пошел к столу, поставленному в задней части комнаты, и нашел на столе множество всяческих блюд, закусок, чаш и кубков с разными напитками. Ивон попировал на славу, как ему случалось в последний раз попировать разве что в Бордо. Так и прошло много дней в замке Адаманта, и каждый день Ивон искал дорогу из замка на свободу и не находил ее.

Однажды ночью поднялась сильная буря, с ветром и волнами — такой же страшный шторм, который принес когда-то к Адаманту корабль Ивона и его спутников. Буря с силой обрушилась на стены замка. Когда Ивон проснулся утром и заглянул вниз, на море, он обнаружил, что его корабль разбит в щепки и потоплен каменными обломками, упавшими со скалы.

Но пока Ивон с отчаяньем смотрел на обломки своего корабля, невдалеке появилось судно, которое сносилось течением прямо к Адаманту, под его необъяснимую власть и притяжение. Ивон с грустью смотрел на приближение несчастных. Но потом он стал спускаться со скалы вниз, чтобы оказать помощь всем, кто в ней нуждался.

IX. Появление грифона и побег герцога Ивона из замка Адаманта

Люди на корабле были очень рады, что их наконец-то прибило к берегу. Половина людей на корабле была сарацинами, а другая половина — христианами, которых те подобрали в море со скал после шторма, потопившего их судно. Когда путешественники увидели герцога Ивона, они дружно закричали ему, что им нужна пища и что они все очень бедствуют, так как ветер много дней носил их по морю, и все запасы провизии, которые были у них с собой на борту, давно закончились.

Ивон принес на корабль хлеба и мяса, приготовленного волшебными слугами в замке. Но герцог предупредил всех, что только тот, кто является христианином и имеет чистую совесть, может без вреда для себя есть эту пищу. Христиане, которые были на корабле, приняли эту пищу и отведали ее, и ни с кем не случилось ничего худого. Но капитан сарацинов сказал Ивону:

— Мы уже давно голодаем, и скоро умрем от истощения. Однако человек, который готов променять свою веру на кусок мяса и хлеба в брюхе, является лживым изменником. Поэтому мы не станем есть.

Но не все сарацины рассуждали так же, как капитан корабля. Некоторые из них отреклись от своей веры и сказали, что они тоже христиане, надеясь получить взамен еду. Как только эти люди проглотили по первому куску хлеба, им показалось, что они приняли сильнейший яд, и все отступники тут же погибли. Глядя на их безжизненные тела, капитан сарацинов невесело рассмеялся и громко высказал свои мысли:

— В них не было правды, и они погибли. Правда и верность есть в нас, но мы тоже погибнем, потому что у нас уже не осталось хлеба.

Но герцог Ивон приветствовал сарацинского капитана и ободрил его, как один мужественный человек может ободрить другого, будучи сам правдив и стоек в своей вере. Герцог еще раз поднялся на гору и принес вниз фрукты из огороженного сада.

Фрукты герцог отдал сарацинам, и они были очень благодарны ему за милосердие и сострадание, которое он к ним проявил.

Христиане и сарацины вместе поднялись в Адамант следом за Ивоном и поселились там, свободно пользуясь тем,

что было в замке, и прекрасно чувствуя себя за его надежными стенами. Но у герцога Ивона все еще было тяжело на сердце, и он постоянно думал о том, как бы ему исполнить свое желание — выбраться на свободу из этого места, на что у герцога Ивона постепенно не оставалось никакой надежды.

Однажды рано утром Ивон прогуливался по городской стене. Вдруг он увидел над собой темную тень, которая затем мелькнула и стала быстро удаляться от него в небе. Ивон понял, что это летит огромный грифон. Чудовище было таким громадным, что заслоняло собой восходящее солнце, а крылья его в размахе были величиной с крепостную стену Адаманта.

Ивон увидел, что грифон сложил крылья и камнем упал вниз, на корабль. Там грифон выбрал один из трупов сарацинов, которые погибли в результате своего предательства. В своих когтях грифон унес мертвеца и в несколько могучих взмахов крыльями скрылся из вида на горизонте.

Пока Ивон наблюдал за грифоном, в его голове зародился дерзкий и смелый план, и он решил на следующее утро понаблюдать, вернется ли грифон к Адаманту или же он прилетал случайно.

Рано утром на следующий день Ивон встал с постели и пошел на крепостную стену. Он не был разочарован в своих ожиданиях, потому что грифон снова прилетел и унес с собой один из трупов.

Ивон вернулся в замок и надел на себя свою кольчугу и пояс с мечом. Только щита не было у герцога Ивона с тех пор, как змей разбил его зубами. Снарядившись полностью и приготовясь ко всему, герцог Ивон рассказал всем обитателям замка о том, что он собрался предпринять. И христиане и сарацины закричали ему в один голос, что план Ивона — безрассудный и очень трудновыполнимый, и что неразумность Ивона принесет ему только скорую и ужасную смерть, но герцог Ивон твердо ответил на это:

— Нет другого пути из Адаманта для смертного человека. А здесь я никогда не смогу быть счастливым и спокойным, зная, что мой город Бордо и все его жители находятся на краю гибели. Поэтому я и решился выбраться отсюда таким опасным способом — с помощью грифона.

В полночь, когда еще было очень темно, Ивон оделся в кольчугу и опоясался мечом. Снарядившись, как для битвы, он спустился вниз с горы и ступил на палубу корабля, где лежали трупы сарацинов. Там он улегся на доски рядом с мертвецами и стал дожидаться рассвета.

Как только восток зарозовел, в небе появился грифон, рассекая воздух широкими крыльями. Ивон лежал без движения, надеясь и не надеясь на удачу. Грифон спустился вниз и замер над герцогом Ивоном. Его когти плотно сомкнулись вокруг тела Ивона, но кольчуга надежно защитила молодого рыцаря, и когти грифона не причинили ему никакого вреда. Грифон поднялся в воздух и так быстро набрал скорость, что только ветер засвистел вокруг Ивона, и он прикрыл глаза, чтобы не видеть исчезающей из поля зрения земли.

Грифон ровно и быстро пролетел над пустынной равниной моря, окружающего Адамант, и продолжал свой полет до тех пор, пока не показалась земля и на ней — огромная скала, подобная колонне. На вершине этой скалы было гнездо, где кричали пятеро беспокойных и голодных детенышей чудовища. Их жадные клювы раскрылись, выпрашивая у матери добычу. В середину этого гнезда взрослая птица сбросила Ивона.

И снова кольчуга спасла герцога от ужасной смерти — от острых и крепких, как сталь, клювов и когтей юных грифонов. Ивон не получил никаких серьезных повреждений, но детеныши чудовища в ярости принялись тянуть его во все стороны своими клювами, желая получить каждый по куску добычи.

Увернувшись от страшных клювов, Ивон выхватил верный меч и стал сражаться с гигантскими птенцами грифона. Одному из них от отрубил голову, другого ударил мечом прямо в сердце, а затем рыцарь справился и со всеми остальными. Но как только он убил последнего птенца, взрослая птица возвратилась к своему гнезду. Увидев, что птенцы ее мертвы, птица издала оглушительный клекот гнева и с размаху ударила Ивона в плечо, глубоко ранив его сквозь кольчугу. Ивон пошатнулся и понял, что теряет силы, и снова показалось бесстрашному рыцарю, что смерть его близка.

Мучительным усилием воли Ивон снова схватился за меч и, по счастью, отсек одну ногу рассвирипевшего грифона, искалечив чудовище. Заметив, что ему везет, Ивон ободрился и тут же отсек вторую ногу грифона, а третьим мощным ударом он лишил жизни своего крылатого врага.

Ослабленный и обессиленный боем и своей тяжелой раной, герцог Ивон немного отдохнул и затем понял, что, если он останется навсегда здесь, в этом пустынном и безлюдном месте, его скоро настигнет мучительная смерть от жажды и

голода. Ивон поднял отрубленную ногу грифона и спустился с ней вниз со скалы.

Далеко-далеко впереди себя герцог увидел зеленые деревья, и ему пришло в голову, что под этими деревьями он сможет найти воду, чтобы утолить жажду и промыть болезненную рану. Он пошел вперед, ежеминутно останавливаясь из-за боли и слабости, и ему пришлось несколько часов медленно брести по раскаленной добела каменистой земле.

Еле держась на ногах, он дошел до высоких белых врат, за которыми стоял светлый зеленый сад, прекраснейший во всей Вселенной. Ивон подумал, что на самом деле он уже умер, погиб от раны в схватке с грифоном, и теперь дошел до ворот рая.

X. Как герцог Ивон отведал райских яблок и услышал плохие новости из Бордо

Прохладным и свежим ветром повеяло из сада, и этот ветер принес благоухание нежных цветов. Как только Ивон вошел в сад, шаги его стали беззвучны, а ноги его потонули в высокой зеленой траве, и тяжесть ушла из сердца и мыслей. На деревьях и густых кустарниках в этом саду висели фрукты, золотистые, красные и пурпурные, спелые и тяжелые, и радостный птичий хор звучал в ветвях.

Пройдя еще немного вперед, Ивон увидел фонтан и очень обрадовался чистой хрустальной воде, взлетающей и рассыпающейся в воздухе и снова падающей в водоем, искусно изготовленный из жемчугоподобного камня. Ивон освободился от своей поврежденной кольчуги и от пояса с мечом и с удовольствием вошел в прохладную воду.

Сразу же как вода коснулась его тела, все раны Ивона исчезли, не оставив на коже даже шрамов. Слабость мгновенно прошла, и рыцарь почувствовал себя, как может чувствовать очень сильный человек, проснувшийся после долгого освежающего сна. Ивон немного полежал в воде, в чаше фонтана, и скоро ему показалось, что никогда прежде не бывало ему так легко и хорошо.

Затем, выйдя из хрустального водоема, Ивон увидел дерево, растущее поодаль от всех остальных. Ветви этого дерева клонились до самой земли под тяжестью крупных сочных плодов, золотых и круглых, точно солнце, и благоухающих.

Ивон сорвал один из этих плодов и понял, что держит в руках яблоко, только очень душистое и большое. Ивон медленно съел яблоко, наслаждаясь каждым глотком его сока, и тут же почувствовал, что кровь быстрее побежала по его жилам, а сердце забилось легко и ровно. Ивон громко воскликнул:

— Как я хочу, чтобы рядом со мной сейчас стояла дорогая моя Кларимонда, держа на руках нашу милую дочку, и чтобы мы были совершенно свободны от бед и печали в этом райском саду! Потому что, конечно же, это рай, в который в конце концов попадает добрые люди.

И, доев яблоко, Ивон протянул руку за вторым, чтобы сорвать его с ветки.

Но в этот самый миг среди деревьев появилось яркое свечение, в котором находился кто-то, состоящий, казалось из огня. Эта фигура была такой ослепительно светлой, что Ивон закрыл глаза обеими руками, потому что не мог смотреть в это сияние. И этот кто-то, голосом, похожим на звон серебряных колокольчиков, позвал:

— Ивон, герцог Бордо!

Ивон опустился на колени и, не смея поднять глаза на сверкающую фигуру дивного Существа, ответил смиренным голосом:

— Да, мой Господь?

— Не называй меня так, Ивон, ведь я — только посланник Того, кто гораздо более велик, чем я. Но выслушай меня внимательно, потому что новости, которые я принес тебе, тяжелы и печальны. Ивон, ты должен подготовить свое сердце к тому, что сейчас услышишь.

Знай же, что твой город Бордо был взят врагами, и теперь в нем правит наместник императора, занявший твое место.

Услышав об этом, Ивон издал крик боли и отчаяния и простер руки к Посланнику. Но сверкающее Существо все еще не сжалилось над Ивоном. Тогда он спросил:

— Кларимонда и моя маленькая дочка, что случилось с ними?

И Посланник ответил:

— Твою дочь отвез в Аббатство Клюни слуга Бернар, и там ее передали твоему дяде, Аббату. Но твоя супруга заключена в башню в городе Майнце как пленница, и если ты не вернешься, чтобы спасти ее, ее ожидает ужасная судьба.

Теперь Ивон вскочил на ноги. В его глазах светился огонь ярости, и правая рука искала рукоять меча.

— Иди вперед, Ивон из Бордо, ступай до края этого сада, и там ты увидишь реку, и лодку на реке. Эта лодка унесет тебя

отсюда, и ты сможешь прийти на помощь тем, кто так нуждается в тебе. С собою ты можешь взять только вот это...

Светлый посланник протянул руку к дереву, и сияние Его руки коснулось ветви, с которой упали на землю три яблока. Яблоки покатились к самым ногам Ивона.

— Это Яблоки Вечной Юности, и тот, кто попробует их, никогда не узнает перемен возраста, но всегда будет оставаться таким же, каким он был в лучшем расцвете молодости. Береги эти яблоки, Ивон, — скоро они очень пригодятся тебе.

Сказав это, Посланник исчез, а Ивон остался в саду один, с Яблоками Вечной Юности у своих ног. Но теперь его сердце билось тяжело и печально из-за горестей самых дорогих для Ивона людей, и у него уже не было желания оставаться в этом саду. Ивон вернулся к фонтану и снова натянул на себя кольчугу, опоясался мечом и надел на голову свой шлем. Затем, с яблоками, которые Ивон завернул в полу одежды и связал узлом, и с лапой грифона в руке, Ивон пересек сад и подошел к реке, на волнах которой покачивалась ладья.

Эта ладья была весьма искусно украшена слоновой костью и эбеновым деревом, так что половина ладьи была белая, а половина — черная. Изнутри ладья была обита дивной красоты узорчатой дамасской тканью и тончайшими восточными шелками — любой король на земле был бы горд и рад, если бы ему позволили облачиться в наряд из таких материй.

Ивон оттолкнул лодку от берега и взялся за руль, позволяя быстрому течению реки свободно нести его ладью. Он твердо верил, что снова увидит Бордо.

Весь день поток нес его вперед, и молодой рыцарь утолил голод и жажду вкусной едой и разными напитками, которые он отыскал в сундучках и сосудах у своих ног. Но мысли юноши были грустными, и если бы была на это воля самого Ивона, он ускорил бы это путешествие в сто раз.

Теперь река текла между высоких мрачных скал, стоящих сплошной стеной, и иногда скалистые склоны смыкались где-то высоко над головой герцога Ивона, и тени сгущались. Ивон догадался, что течение несет его вниз, под землю. Но вокруг самой лодки темнее не становилось, а воды реки светились ясно и ласково. Ивон безо всякого опасения прилег на сиденье и заснул.

Во сне он увидел госпожу Кларимонду среди угрюмых каменных стен и темного железа. Ее нежное лицо было сов-

сем исхудавшим и бледным, и она протягивала руки вперед, к Ивону, и молила его о помощи. Но их будто бы разделяла какая-то преграда, и герцог Ивон не смог ничего ответить своей жене Кларимонде.

С большим усилием Ивон проснулся и почувствовал, что под ним тихо покачивается лодка и что он все еще под землей, но никуда не движется. Поначалу Ивон очень испугался этой неподвижности — испугался, что он может навеки остаться под землей и никогда не выбраться отсюда.

XI. Как Ивон путешествовал под землей, а после этого встретил верного слугу Бернара

При свете, который исходил от воды, Ивон увидел, что нос его лодки наткнулся на отмель — небольшой песчаный нанос, где блестели какие-то камни. Отмель возвышалась над течением, и герцог Ивон выпрыгнул из лодки на нее, чтобы осмотреть днище и отыскать какие-нибудь повреждения на нем. Под его ногами среди простых камней лежало несколько прозрачных, светящихся в темноте камешков. При помощи этого света Ивон увидел, что его ладья не повреждена и что ее очень просто стащить с мели.

Желая иметь при себе какой-нибудь источник света в месте подземного мрака, Ивон собрал с песка все светящиеся камни и взял их с собой на борт лодки. Камни засверкали, точно разноцветное море на закате солнца. Потом Ивон уперся в борт ладьи плечом и столкнул ее в глубокое место, запрыгнув на ходу в ладью. Течение тотчас же подхватило ее и понесло вперед.

Немного погодя Ивон снова заснул в темноте, но когда он во второй раз пробудился, вокруг него шумело открытое море, над головой у него сияло солнечное небо, а впереди на берегу он увидел башни, стены и пристань какого-то города. Тогда Ивон поднял и установил парус, который до этого лежал свернутым на днище лодки, и ветер стремительно понес юношу вперед к приморскому городу. Множество ярких флагов и вымпелов развевалось повсюду на башенках и укреплениях этой крепости — наверное, в городе был праздник.

Лодка Ивона причалила к одной из пристаней, и люди на берегу очень удивились при виде такого маленького, но такого роскошного и причудливого суденышка. Они окликнули герцога Ивона и спросили его, кто он такой и зачем к ним

прибыл. Тогда же герцог Ивон и узнал, что город называется Таурис, а страна — Персия, и шах, повелитель Персии, находится сейчас в городе. Шах объявил о своем переходе в христианскую веру и пригласил на празднество всех пришельцев-христиан.

Ивон громко поблагодарил Господа за то, что он попал в христианскую страну, и решил пойти к шаху и попросить его о помощи. Но, когда он уже совсем было собрался идти во дворец, с ним случилась великая радость, и вот что это была за радость.

После того, как слуга Бернар отвез в Аббатство Клюни маленькую Кларетту и оставил ее у достойного Аббата, он решил, что должен во что бы то ни стало найти своего хозяина и господина, герцога Ивона, где бы тот не находился, и рассказать ему обо всем, что произошло в Бордо. Тогда Бернар сел на корабль и поплыл в восточные моря, для того чтобы отыскать хотя бы следы своего господина.

Сначала Бернар попал в Яффу, где он обошел всех рыцарей-крестоносцев, всех путешественников, купцов и бывалых матросов, спрашивая у каждого о своем господине. Но ни один человек не смог сказать Бернару ни слова о герцоге Ивоне. Из Яффы Бернар отправился в Иерусалим, но это путешествие оказалось таким же безуспешным. Затем он поехал в Каир, и дорога туда оказалась очень опасной и долгой. Там, расспрашивая купцов и торговцев о далеких землях, Бернар повстречался с французским торговцем, который сказал ему:

— Друг, недавно я услышал, что персидский шах переходит в христианскую веру. В честь этого события он объявил о праздничном пире, на который были созваны все христиане в город Таурис. Многие купцы тоже отправляются туда, чтобы выгодно продать свой товар, и, возможно, среди такого многолюдства отыщется кто-нибудь, кто слышал о твоем хозяине. Я сам скоро ухожу в Таурис с караваном, и если ты хочешь, то можешь отправиться в путешествие вместе со мной.

Бернару показалось, что совет купца был очень мудрым и своевременным. Вместе с французскими торговцами он отправился в путешествие через пустыню в Персию и вовремя пришел в город Таурис. Там он сразу же прошел в гавань, чтобы расспросить о своем хозяине моряков, только что прибывших в порт. Надежда разгорелась в сердце Бернара,

когда он увидел в гавани много иностранных кораблей — так много, что их мачты походили на густой лес.

Сучайно Бернар подошел к той самой пристани, к которой причаливал на своей ладье герцог Ивон, и Бернар услышал о прибытии чужеземного рыцаря, который весьма странно появился в порту из открытого моря. Бернар поднялся на борт лодки, надеясь на то, что чужеземец сможет сказать ему что-нибудь об его господине. На ладье слуга увидел герцога Ивона, но поскольку герцог был в полном вооружении и в шлеме, Бернар не смог разглядеть его лица и узнать, кто стоит перед ним.

Зато герцог Ивон сразу узнал своего слугу и громко и радостно воскликнул:

— Бернар из Бордо!

Слуга ответил:

— Перед вами и правда, сударь, стоит Бернар из Бордо, несчастного города, но я не знаком с Вами.

Герцог Ивон приподнял забрало шлема, и его лицо открылось дневному свету. Бернар, исполненный благодарности, рухнул на колени и воздал хвалу Господу за то, что его долгое и опасное путешествие не оказалось напрасным и подошло к концу. Затем Бернар рассказал Ивону обо всем, что случилось в Бордо после того, как Ивон уехал из своего города.

Но Ивон, уже предупрежденный обо всем Посланником в райском саду, не был так сильно потрясен и сказал своему верному слуге:

— Добрый юноша, у нас с тобой есть надежные доспехи и верные мечи, и с ними, да с Божьей волей, мы восстановим справедливость. Теперь нам нужно найти золото, чтобы вернуться во Францию.

Но пока герцог Ивон говорил, его слуга заметил яркий свет, который шел из сундука, стоящего на досках перед ним. Бернар спросил герцога Ивона, что находится в этом сундуке.

Герцог Ивон ответил, что в сундуке лежат какие-то светящиеся камушки, которые он подобрал на песчаной отмели, когда плыл по подземной реке, и рассказал Бернару обо всем, что случилось с ним после того, как он покинул ночью крепость Бордо.

Слуга открыл сундук, и как только он заглянул внутрь, на его лице появилось изумленное и радостное выражение. Бернар сказал:

— Но ведь здесь лежит одно из величайших сокровищ

нашего мира! Это потерянные самоцветы эльфов, о которых я слышал столько рассказов и столько прочитал в древних хрониках! Там говорилось, что эти камни превращают темную ночь в белый день, и, кроме того, каждый камень обладает могучими волшебными силами.

Бернар достал из сундука аметист необыкновенного темно-пурпурного цвета, словно великолепное одяние монарха.

— Сила этого камня заключается в том, что его обладатель не может отравиться, даже если он выпьет целый кубок очень сильного яда, и кроме того, этот человек сможет пройти сквозь огонь и воду безо всякого вреда для себя.

Тот, кто будет носить при себе этот камень, — и Бернар достал крупный алмаз, сияющий точно звезда, — никогда не узнает жажды и голода, и его лица не коснется разрушительное действие времени, этого вечного врага смертных людей.

А этот изумруд излечивает любые раны своего владельца и возвращает зрение слепым, если его поднести к незрячим глазам.

Этот рубин изгоняет все хворости и недуги из человеческого тела, и с ним можно не бояться даже черной чумы. Он снимает с узников цепи и оковы, если только притронуться камнем к железу, и, кроме того, он может превратить в невидимку своего владельца, по его желанию.

Пятый и последний камень — это карбункул. Он сделает для тебя светлой самую темную ночь, а если взять с собой карбункул в сражение, то никто из врагов не сможет прикоснуться к владельцу этого драгоценного камня.

Все эти пять камней вместе и составляют потерянное сокровище эльфов. Могущество этих камней необычайно. Распоряжайтесь, мой герцог, остальными драгоценными камнями по Вашему усмотрению, — сказал Бернар, сложив камни обратно в ларец, — но умоляю Вас, сберегите эти пять!

— Не бойся, буду беречь! — ответил герцог Ивон, радуясь своей великой удаче.

XII. Как герцог Ивон добился расположения шаха персидского и отправился вместе с ним в поход в святую землю

Герцог Ивон и Бернар вместе вошли в Таурис и пришли во дворец шаха персидского, который очень удивился, когда увидел французского рыцаря и его слугу за тридевять земель

от Франции. Он очень радушно и любезно принял у себя рыцаря и его спутника и пригласил их на пиршество. Когда Ивон и Бернар утолили голод, шах подозвал герцога к себе и спросил его, что привело французов в Персию. Ивон дал полный ответ на вопрос шаха и рассказал ему обо всем, что с ним случилось за этот год.

Рассказ молодого рыцаря растрогал и взволновал шаха, и он сказал Ивону:

— Господин герцог, как много суровых испытаний выпало на Вашу долю! Если бы я только мог возвратить назад мою юность, я бы отправился вместе с Вами в Святую Землю, по которой ступали когда-то стопы Господа нашего Иисуса, и мы бы вместе бесстрашно сражались за то, чтобы освободить Святую Землю от власти язычников, которые нынче правят там. Это стало бы нашим ратным трудом и нашим служением Господу, и очистило бы и Вас и меня ото всех наших грехов. После этого я бы отправился вместе с Вами, герцог, через моря, и помог бы Вам победить надменного и вероломного императора, который так жестоко обошелся с Вами и Вашими родными.

Герцог Ивон поблагодарил шаха за добрые слова и сказал ему в ответ:

— Господин мой, сердце мое обрадовали Ваши слова. Освободить Святую Землю от владычества нечестивых иноверцев — это славная и благородная задача, и если бы я принял участие в битвах за Гроб Господень, не жалея себя и делая все, что в моих силах ради освобождения Святой Земли, — наверное, наш Господь Иисус помог бы мне после этого освободить мой родной город Бордо от неприятеля.

Затем герцог Ивон достал из складок своего плаща узелок, в котором хранились Яблоки Вечной Юности, и достал оттуда одно их них. Яблоко сияло как солнце, и весь зал озарился мягким блеском и наполнился дивным благоуханием. Ивон протянул это яблоко шаху, и шах невольно залюбовался чудесным плодом и восхитился его ароматом.

Ивон сказал шаху с улыбкой:

— Съешьте это яблоко, господин, и все, о чем вы сейчас мечтали, исполнится.

Шах надкусил яблоко, и свежий сок брызнул на его седую бороду и старческие руки. Но, как только шах проголотил первый кусочек райского яблока, спина его распрямилась, борода и волосы стали черными, как смоль, и глубокий старик

мгновенно превратился в крепкого и сильного цветущего юношу. Все, кто был на этом пиру, вскочили в изумлении со своих мест и ахнули. На герцога Ивона со всех сторон посыпались вопросы, где и как он раздобыл чудесные яблоки, и молодой герцог рассказал всем историю райских яблок и о том, как он встретил в Раю Светлого Посланника.

Кроме того, герцог Ивон подарил шаху несколько драгоценных камней, которые он нашел во время своего путешествия по подземной реке, — но не из числа пяти эльфийских, — и отдал шаху причудливую и роскошную ладью, которая принесла Ивона в Таурис. Все были потрясены богатством и щедростью этих подарков.

А слуга Бернар отдал пять эльфийских камней ювелиру, и тот вправил эти камни в рукоять меча герцога Ивона. Этот меч Ивон носил с собой постоянно и не расставался с ним никогда, с тех пор как убедился в необычайной силе магических камней.

Шах объявил по всей Персии созыв воинов, и скоро в Таурисе собралась огромная армия, такая многочисленная, что она не шла ни в какое сравнение с теми войсками, которые мог собрать под свои знамена император Алемании. Половина этой армии была отдана под власть герцога Ивона, а другую половину возглавил сам шах. Войско отправилось в поход в Святую Землю.

Там после долгих и тяжелых боев, в которых погибло великое множество разного нечестивого сброда, иноверцев и сарацинов, они завоевали город Ангору. Но в Ангоре им пришлось пересесть на корабли и отправиться по морю до следующей цели их похода. В открытом море их корабль настиг жестокий шторм, такой опасный, что корабли были вынуждены пристать к основанию горы, стоящей посреди моря, чтобы переждать бурю на суше.

Ивон, внимательно взглянув на вершину горы, с которой можно было бы хорошо рассмотреть направление шторма и так понять, долго ли им пережидать непогоду на берегу, решил взобраться на вершину. Он предупредил об этом своих воинов и стал выполнять задуманное.

На верху горы оказалась ровная и широкая площадка, где не было совершенно ничего, кроме не то чана, не то огромного бочонка, закупоренного и со всех сторон окованного толстыми железными обручами. На этом громадном бочонке лежал железный молот, также не маленький и, по виду,

очень тяжелый. А из самого бочонка непрерывно доносились вопли и стоны, оглашающие пустынную площадку на вершине горы.

Ивон подошел к бочонку и постучал в него кулаком, а потом спросил, что за человек томится пленником внутри этой странной тюрьмы. Плачущий мужской голос из бочонка ответил ему:

— Если ты смертный человек, то пришел сюда в подходящее время, чтобы выпустить меня на свободу. Я — тот самый Каин, который в горячей злобе убил своего брата. За этот грех я должен находиться здесь, в этой бочке, в плену, до конца света. Но смертный человек может взять в руки железный молот, который лежит у бочки, и ударить по крышке моей тюрьмы. Тогда я выйду на свободу и присоединюсь к подземным демонам, чего мне очень и очень хочется! А ты, смертный, уже никак не сможешь выбраться отсюда, пока не освободишь меня и не услужишь мне!

Ивон отошел от бочки и встал на краю площадки, чтобы глянуть вниз, на берег. Он увидел, что корабли вместе с людьми унесло ветром и штормом в открытое море, и теперь он остался один на острове. Молодой человек возвратился к бочке и сказал:

— Эй, Каин! Мне послышалось, что ты говорил что-то о дороге отсюда. Расскажи-ка мне об этой дороге еще раз, и я исполню твое желание. Молот уже у меня в руках! — и герцог Ивон стукнул молотом по камню так, что под ногами у него зазвенело.

— Сначала освободи меня, — начал Каин, но герцог Ивон громко расхохотался в ответ и сказал:

— О нет! Ты уже солгал однажды, и я не могу поверить тебе сейчас. Говори ты первый, а не то я не буду служить тебе так хорошо, как я смог бы.

Каин, опасаясь, как бы человек не передумал освобождать его, торопливо заговорил:

— Там, на море, внизу, меня дожидается корабль, на котором сидит один демон. Как только я выйду на свободу, я спущусь вниз и просто покажу ему молот, который ты сейчас держишь в своих руках, и демон повезет меня на корабле по морю туда, куда я ему прикажу.

Услышав эти слова, Ивон легонько стукнул по бочке кулаком и сказал:

— Премного благодарен тебе, Каин. Схожу-ка я да проверю, всю ли правду ты мне сказал!

— Освободи меня! — завопил Каин.

— Ну уж нет. Если ты заключен в эту тюрьму по воле Господа нашего, не может быть такого, чтобы смертный человек освободил тебя до срока!

Каин страшно закричал от злости и неожиданно открыл перед герцогом Ивоном всю свою душу, полную тьмы и ненависти, в яростном хриплом вопле:

— Если бы ты только сделал все, как я тебя просил, я разорвал бы тебя на части, как только оказался бы на свободе! Так я ненавижу, ненавижу, ненавижу всех людей!!!

— Охотно верю в это, — ответил Каину герцог Ивон и начал спускаться с горы вниз, к морю.

XIII. Как Ивон был перевезен демоном через море и о том, какой сон приснился герцогу Бордо

Когда Ивон спустился вниз с вершины горы, тропинка, по которой он шел, привела его к узкому заливу, где стоял у берега красный, как адское пламя, корабль, с черными, как ночь, парусами. На борту корабля, у руля, стоял безобразный демон с таким чудовищным лицом, что Ивон поскорее отвел от него взгляд — вид этого адского существа привел Ивона в настоящий ужас.

Увидев Ивона с молотом, демон крикнул ему оглушительным громовым голосом, от которого с горы камни посыпались в море:

— Ха, Каин, это ты? Тысячу тысяч лет я ожидал здесь твоего прихода. Скорее покажи мне условный знак, и я перевезу тебя через это бушующее море, куда ты захочешь, чтобы ты снова смог творить лютые дела среди людей!

Герцог Ивон еще раз обрадовался в душе, что он не освободил Каина, потому что тогда не только он сам погиб бы ужасной смертью, но и другие люди изведали бы много горя. Ивон не сказал ни слова в ответ демону, только поднял высоко молот, который он нес с собой, и ступил на борт корабля.

Демон быстро отвязал канат, который держал корабль на приколе, и схватился за руль своими когтистыми черными руками. Тут же поднялся сильный ветер, наполнивший черные паруса, и корабль быстро понесло в море среди набегающих волн. Всю ночь они плыли в молчании, не сказав один другому ни единого слова. Ветер был таким сильным, что на-

утро герцог Ивон увидел впереди себя прекрасную гавань, и у причалов этой гавани стояло великое множество самых разных кораблей. Сердце Ивона радостно забилось, потому что он узнал по вымпелам и флагам, что в порту стоит флот шаха, потерянный Ивоном из вида во время бури.

Повернувшись к демону, герцог сказал:

— Высади меня здесь, на этом берегу, я хочу сойти подальше от порта, вон там, на песок. Здесь собралось большое человеческое войско, и среди всех этих людей я смогу безнаказанно творить свои лютые и ужасные дела.

Услышав слова герцога Ивона, демон огушительно захохотал и даже ударил себя ладонями по своим волосатым ляжкам — от удовольствия, что ему пришлось услышать такие злобные слова. Демон послушно повернул корабль в сторону песчаного берега и ловко причалил к нему. Затем он сказал, прерывая свои слова жуткими воплями злобного веселья:

— Воистину ты послужишь нашему хозяину отлично, о Каин! Я принесу к нему в Ад хорошие известия о тебе. Но не увлекайся слишком сильно этим сладким и приятным занятием — убивать людей хорошо, но есть работа и поважнее, которая еще ожидает тебя!

Ивон сошел на песок, а корабль с демоном немедленно пропал в открытом море, и юноша остался один на пустынном морском берегу. Ивон пошел вперед по кромке берега у воды и шел так довольно долго, пока не пришел в палаточный лагерь шаха. В лагере он был с радостью и с восторгом встречен друзьями, и удивление их вырастало с каждым словом истории его приключения, которую он рассказал всем.

После возвращения герцога Ивона войска шаха приступили к взятию города Каландера, который в это время осаждала армия шаха, и во время этого героического штурма было совершено множество подвигов и славных ратных дел. Но главные славные достижения и подвиги силы и отваги в этом штурме принадлежали герцогу Ивону. Скоро враги стали так бояться его, что целые их толпы в панике и беспорядке бежали с поля боя, только увидев славного героя — а иногда это случалось даже раньше, чем шах начинал атаку.

Затем шах, герцог Ивон и все их воины с триумфом вошли в Антиохию и взяли Дамаск, а после этого пришли в Иерусалим. В Иерусалиме герцог Ивон преклонил колена перед Гробом Господним и горячо молился об успешном продол-

жении похода и о своем скорейшем возвращении в Бордо, где Ивон должен был восстановить справедливость и покончить с царящими там жестокостями и злом.

Тем временем сарацины собрали под Иерусалимом все свои военные силы и объединились для того, чтобы встретиться со своими врагами в последней решающей битве, не затевая больше мелких боев. К эмиру, главе сарацинского войска, пришел великан Дорборей. Он был высотой в два человеческих роста, а челюсти и клыки его были похожи на челюсти и клыки дикого медведя, живущего в дремучем лесу. Великан имел меч величиной с человека и грудь, широкую, как городские ворота. Конь этого великана скорее походил на громадного быка, и при дыхании этого коня из ноздрей его валили дым и огонь.

За участие в этой битве великан потребовал у эмира права встретиться с герцогом Ивоном в поединке, и эмир пообещал это великану. Когда бой начался, Дорборей поскакал в гущу схватки, где орудовал мечом герцог Ивон — каждый удар меча герцога укладывал на месте либо человека, либо лошадь.

Эта битва была такой страшной, что солнце померкло от целой тучи стрел над головами сражающихся, а пыль, поднятая копытами коней, была такой густой, что день превратился в сумерки.

Но и в этой темноте великан Дорборей все-таки отыскал герцога Ивона и так быстро, что Ивон не успел даже пошевелиться, великан могучим ударом сразил коня Ивона, а самого герцога схватил одной рукой и положил его поперек своего собственного седла. Ивона подумал, что наступил час его смерти, и громко стал молить Господа о помощи, потому что ему угрожала ужасная участь. Но конь Дорборея, проезжая через место, где лежало множество трупов людей и животных, споткнулся и упал на землю, и великан вместе с Ивоном вылетели из седла. Ивон первый высвободил ноги и, не дожидаясь, пока великан тоже поднимется, французский рыцарь размахнулся своим мечом и изо всех сил нанес великану страшный удар в открытое горло. Великан был убит. После этого герцог Ивон взобрался на великанова коня и помчался снова в гущу битвы.

После этого никто уже не смог коснуться герцога Ивона, потому что он был очень умелым и опытным воином, а магические камни эльфов надежно охраняли его.

Вскоре сарацинское войско стало разбегаться с поля боя, и войско шаха победило в этой жестокой битве. Тогда персы разбили у реки палаточный лагерь и устроили на всю ночь веселый пир в честь своей великолепной победы.

Наутро бежавшие с поля боя сарацины добрались до стен Акры, где эмир нашел себе убежище, и из Акры было послано множество гонцов по всем дорогам во все незавоеванные шахом и герцогом Ивоном земли за помощью. Некоторые из этих гонцов попали в руки к персами и рассказали, зачем эмир посылал их в другие земли. Герцог Ивон сказал шаху:

— Мой господин, по бесконечной милости Господа нашего мы уже совершили немало боевых подвигов и освободили большую часть Святой Земли из-под власти иноверцев. Но во время нашего долгого похода мы потеряли очень много людей, а Персия лежит далеко отсюда, и мы не можем рассчитывать на помощь из Персии. Эмир послал своих гонцов в далекие и близкие земли просить подмоги, чтобы дальше сражаться с нами, и если он получит эту помощь, хотя бы часть этой помощи — мы все просто погибнем здесь среди полчищ наших врагов, как между мельничными жерновами. Мне кажется, разумнее всего нам просто удержать то, что мы уже завоевали, и не посягать на большее.

Все военачальники шаха согласились с мнением герцога Ивона, а после всех высказался и сам персидский шах и сказал, что совет герцога верный.

Но этой же ночью герцогу Ивону приснился зловещий и страшный сон. Ему привиделось открытое широкое место рядом со стенами большого и могущественного города. На этой площадке возвышались высокий костер, сложенный из хвороста, и столб, приготовленные для сожжения какого-то преступника. Потом Ивон увидел, что из городских ворот показалась процессия, ведущая жертву к месту казни. Но во главе этой процессии шел не преступник, осужденный на мучительную и позорную казнь, а жена герцога Ивона, нежная герцогиня Кларимонда!

Ивон проснулся в холодном поту после этого ужасного видения с криком отчаяния и страха, быстро вскочил и пошел к шаху. Ему герцог Ивон рассказал о своем ужасном сновидении и добавил, что ему необходимо немедленно возвращаться во Францию, пока страшный сон не стал явью.

Шах горько плакал, когда они расставались, но на прощание он наделил герцога Ивона несметными сокровищами и

дал ему в спутники опытных и отлично вооруженных воинов. На прощание шах сказал герцогу Ивону:

— Да защитит тебя наш Господь!

После прощания герцог Ивон, слуга Бернар и воины шаха отплыли на корабле во Францию, но не радость была на сердце Ивона, а страх.

XIV. Кларимонда в смертельной опасности

Император назначил в Бордо управляющего, и этот человек уже целый год правил городом. Он обложил жителей города тяжелыми податями и вершил скорый и суровый суд. Жители Бордо постоянно вспоминали своего прежнего господина, герцога Ивона, и добрую госпожу Кларимонду, и в душе каждый люто ненавидел императора Алемании и его жестокого наместника. Среди жителей города еще оставались люди, которые раньше верно служили герцогу Ивону и отважно обороняли Бордо во время осады. Они объединились и задумали в определенный час смело восстать против поработителя и завоевать себе свободу.

Но среди этих людей оказался предатель, который раскрыл замысел заговорщиков императорскому наместнику.

Ночью вооруженные люди собрались в условленном месте — все те, кого не покидала отвага и надежда на лучшую жизнь. Все они были тут же взяты под стражу и доставлены к управляющему. Их сразу же заковали в тяжелые цепи и под охраной отправили из Бордо в долгий и трудный путь до Майнца, где заговорщиков ожидала виселица.

Аббат Клюни, тот самый, который приходился дядюшкой герцогу Ивону и принял на себя все заботы о его маленькой дочери, — услышал об этой неудачной попытке освобождения Бордо. Аббат срочно собрал у себя всех рыцарей, которые должны были служить монастырю. Аббат приходился господином этим воинам, и он приказал им устроить засаду на пути следования пленников из Бордо и освободить всех этих людей, обреченных на смертную казнь, из железных цепей.

Все случилось так, как и ожидал Аббат. Отряд людей императора был разгромлен и потерпел полное поражение, а предводитель отряда, барон, принадлежащий к окружению императора, был убит. Узников освободили от оков и доставили в Аббатство Клюни, под покровительство Аббата. Люди из Бордо тут же стали придумывать новые планы освобож-

дения своего родного города, и каждый человек мечтал вернуться в Бордо с победой.

Когда весть обо всем этом дошла до императора Алемании, он был захлестнут волной такой горячей злобы, что слова застряли у него в горле, и он начал буквально давиться ими, пока не смог наконец закричать:

— Эти люди из Бордо дьявольски упрямы. Пока хоть кто-нибудь из близких герцога Ивона будет жить на белом свете, эти мерзавцы будут снова и снова восставать против меня и злоумышлять заговоры. Но я намерен положить этому конец. Сам Ивон, конечно, давно уже погиб за морями, но он может и вернуться назад после долгого рабства, алкая моей крови, как гончая собака, бегущая за добычей.

Поэтому я приказываю вывести гецогиню Кларимонду, жену Ивона, за город и там сжечь ее на костре, как предательницу, а всех пленников из Бордо, которые находятся в наших тюрьмах, в этот же самый час повесить.

Никто из придворных не сумел отговорить императора от этого решения или хотя бы заставить его смягчить суровый приговор.

Рядом с городскими воротами был сложен высокий костер из дров и сухих веток, который герцог Ивон видел в своем ужасном сне, а рядом с этим костром были выстроены виселицы, чтобы казнить пленников, привезенных в Майнц из Бордо.

В назначенный день госпожу Кларимонду и остальных узников вывели из темниц на свет дня и объявили им о казни, которая их ожидала. Несчастная герцогиня Кларимонда выглядела так жалобно, да и все остальные пленники были очень слабы и жалки. Жители Майнца при виде их дружно возвысили свои голоса против своего законного господина, императора, и закричали, что не будет добра и мира на той земле и в том городе, где творятся такие черные дела, и что жизнь человека, который приказал устроить эту казнь, не сможет быть благополучной и удачной. Высказав свое недовольство и свой протест, жители Майнца разошлись с места казни по домам, позакрывали двери и окна и принялись в тоске и горе молить милосердного Господа спасти души приговоренных.

Случилось так, что герцог Гильдеберт, наследник императорского престола, в этот час подъезжал к Майнцу и увидел перед воротами приговоренных узников во главе с герцогиней Кларимондой, в цепях, приготовленных к казни. Герцог Гильдеберт разузнал, в чем состоит вина этих людей. Когда

ему сказали правду, герцог был потрясен до глубины души, и, содрогаясь от жалости и ужаса, пришпорил своего коня и быстро подъехал к ожидавшему его императору.

Наследник громко обратился к своем отцу:

— Мой добрый господин, умоляю тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа не совершать этого! Ведь если по твоему приказу эта прекрасная и нежная женщина, а также все пленники из Бордо погибнут позорной смертью, твое имя будут с ужасом вспоминать добрые люди много и много лет спустя. Если ты разгневан на герцога Ивона из Бордо, преследуй и наказывай его, а не эту беспомощную женщину и пленников, сдавшихся на твою милость. Ведь только милостивые будут помилованы нашим Господом!

Но слепая и безудержная ненависть так сильно владела императором, что он встретил мольбы и упреки своего наследника с каменным сердцем. Ответ императора был холодным и жестоким:

— Господин герцог, Вы, кажется, забываете, у кем Вы говорите. Если Вы сейчас же не укоротите свой глупый язык, он может в ближайшее время привести Вас к такому же концу, который сейчас готовятся встретить эти предатели.

Герцог Гильдеберт снова захотел сказать что-то императору, но друзья герцога окружили его и силой увели с места казни, опасаясь, как бы император не привел в исполнение своей угрозы.

Затем люди из Бордо, дворяне и рыцари, поднялись на виселицы, и на шеи им были надеты петли.

Госпожу Кларимонду привязали цепями к столбу, и наложили хвороста вокруг нее.

В этот самый час Король Оберон устроил пир в честь своей родственницы, пэрессы Морганы Ле Фэй, и все в его зале во время этого пира были очень веселы — только сам Оберон, склонив голову, сидел с грустным лицом до тех пор, пока госпожа Моргана не сказала ему:

— Что с тобой, дорогой мой кузен? Все радуются, шутят и смеются на пиру, а ты сидишь от всех в стороне, печальный и молчаливый. Что-нибудь случилось с тобой?

Оберон ответил Моргане тихим и грустным голосом:

— Милая кузина, из всех моих друзей, живущих за пределами нашего королевства, я люблю больше остальных Ивона, герцога Бордо. По моему клятвенному обещанию он станет моим наследником и будет править Волшебной страной до конца времен. Поэтому по нашим законам я не могу помогать ему, и он должен выдержать испытания, которые выпа-

дают на его долю, и преодолеть опасности сам. А теперь взгляни, что случилось с той, которую он любит больше всех на белом свете!

Оберон провел рукой по зеркалу, которое висело на стене в зале. Зеркало померкло, и когда оно снова прояснилось, то вместо отражения показывало все, что происходило в эту минуту под стенами Майнца. Тогда два эльфийских рыцаря, Глориан и Малаборн, поднялись со своих мест и подошли к Королю Оберону. Они почтительно преклонили колена перед своим господином, и Малаборн сказал от лица их обоих следующее:

— Государь наш, по Законам Волшебной страны ты действительно не можешь своей властью спасти госпожу Кларимонду. Но этот закон распространяется только на тебя. Хотя наши силы и уменье составляют не больше сотой доли твоего могущества, мы все же сильнее любого смертного человека, и никто из людей не в силах противостоять нам. Позволь нам, Государь, прийти на помощь к госпоже Кларимонде и освободить ее!

Легкое веянье надежды осветило Короля Оберона, и он дал свое согласие. Рыцари тут же исчезли из залы.

В это время прекрасная госпожа Кларимонда полными слез глазами смотрела, как палач подходит к ней с факелом в руке, чтобы поджечь хворост вокруг нее. Но вдруг в небе над Майнцем полыхнуло яркое пламя, и из этого пламени на землю спустились два эльфийских рыцаря в прекрасных сверкающих латах и в полном боевом вооружении.

По повелению рыцарей, цепи попадали на землю с узников из Бордо, а жители Майнца очень удивились и перепугались, потому что ничего подобного им ранее не доводилось видеть. Кларимонда и ее друзья стояли свободные и безоружные, благодаря Господа за свое чудесное избавление.

Даже жестокий император был так потрясен, что приказал отправить пленников обратно в тюрьму, но не сказал о них ничего более.

XV. Возвращение герцога Ивона во Францию и его появление перед императором

Герцог Ивон тайно вернулся во Францию и отправился со своим отрядом в Аббатство Клюни, никого не известив о своем приезде. Аббат был по-доброму удивлен, что с Ивоном

не случилось ничего дурного, потому что он давно уже оплакал своего племянника, считая его погибшим. Аббат повелел, чтобы все в монастыре возблагодарили Господа за это счастливое возвращение, и устроил пир для Ивона и всех, кто прибыл во Францию вместе с ним.

Кроме того, Аббат велел принести к герцогу Ивону маленькую Кларетту, и герцог был счастлив увидеть свое дитя. Ивон осыпал Аббата благодарностями за нежную и добрую заботу о ребенке, и тут же приказал внести в монастырскую казну множество редких и прекрасных драгоценных камней и золотых слитков, доставшихся ему в битвах с сарацинами. Все это должно было стать в будущем приданным Кларетты. На нежную шейку своей дочери герцог Ивон надел ожерелье из рубинов, оправленных в золото, очень тонкой и искусной работы, а женщину, которая ухаживала за малышкой, одарил словно королеву.

Вволю насмотревшись на маленькую дочку, Ивон повернулся к Аббату и сказал ему:

— Дорогой дядюшка, мое сердце полно великой благодарности к тебе за то, что ты принял и сберег мое дитя. Если у тебя есть какое-нибудь желание, которое я смог бы исполнить, то прошу тебя, скажи мне его сейчас!

Аббат улыбнулся Ивону, но грустная тень промелькнула по его лицу и пропала. Печальным голосом Аббат сказал:

— О нет, сын мой, никто на свете не смог бы исполнить моего сокровенного желания. Вся моя жизнь прошла в стенах этого монастыря, и я люблю эти святые стены. Единственное желание, которое у меня есть, невыполнимо и несбыточно. Взгляни на меня, Ивон, — я уже очень стар и отягощен годами, и мою молодость и силу нельзя вернуть назад. Старость — это зима жизни, и эта зима скрутила старые мои кости, и тело мое ослабело. Кто сможет вернуть мне мою весну?

Глаза Ивона засияли от счастья, и он увлек за собой Аббата в комнату, где хранились все сокровища Ивона, привезенные им из-за моря. Там он достал из своего узелка второе райское яблоко и отдал его своему дяде, попросив его немедленно съесть этот плод.

Удивленный странной просьбой своего племянника, Аббат сделал все, как сказал ему Ивон. Как только он откусил кусочек яблока, с ним произошла волшебная перемена: только что Аббат был стариком, уставшим от прожитой жизни и немощным, и вдруг превратился в сильного и высокого юношу

в расцвете лет. Все, кто присутствовали в комнате, онемели от удивления, увидев перед собой это превращение. И герцог Ивон рассказал им, как к нему попали эти яблоки, а заодно и обо всем, что довелось ему пережить за год странствий, испытаний, тягот и побед.

Повидавшись со своей дочкой, герцог решил без промедления скакать в Майнц, где он должен, надеясь на помощь Господа, освободить из заточения всех, кто ожидал его возвращения. Герцог Ивон ежечасно тосковал и печалился о Кларимонде с болью в сердце.

Ивон выкрасил лицо и руки соком лесного ореха, придав им коричневый оттенок, и распустил волосы по плечам. Он снял с себя яркую кольчугу, оставив при себе только пояс с мечом и волшебными камнями, и оделся в простую одежду пилигрима и в темный плащ с капюшоном, старый и поношенный. Герцог стал похож на нищего странника, из тех, что просят милостыню, ходя от двери к двери.

Слуга Бернар тоже изменил свой внешний вид так, что никто не узнал бы его. Вместе с герцогом пошли они в Майнц, дойдя до его ворот как раз накануне Пасхи. Город был полон паломников, пришедших в Майнц на поклонение святым мощам, и от этих пилигримов Ивон услышал две важные новости, первая из которых очень его опечалила.

Это известие заключалось в том, что император перед всеми своими придворными поклялся казнить после Пасхи Кларимонду и пленников из Бордо. Когда Ивон услышал об этом, сердце у него похолодело. Бернар сразу же предложил герцогу вернуться в Клюни за подмогой и приехать в Майнц вместе с воинами Ивона, чтобы освободить герцогиню и всех узников и спасти их от смертельной опасности.

Но герцог Ивон сказал ему «нет», потому что вторая новость, которую он услышал в Майнце, показалась ему лучом надежды.

— Немало времени мы провели в боях, — сказал герцог Ивон Бернару, — и принесли смерть многим и многим людям. Но все они были иноверцами, другой расы, другой крови. Если мы снова поднимемся на императора с оружием, завяжется жестокая битва, в которой погибнет великое множество ни в чем не повинных людей, и никто не окажется победителем в этой войне. Остынь немного, Бернар, и выслушай меня. У императора Алемании есть такой обычай: во время утренней мессы на Пасху, очень рано, как только служба

отзвучит, император исполняет милостиво первую просьбу, которую он услышит от людей, в чем сам император клянется перед святым алтарем.

Я задумал прийти в церковь рано вечером и занять там место рядом с местом, где будет молиться император. Если позволит Господь, то эта первая просьба окажется моей, и мне будет оказана милость. Император не посмеет отказаться от своей клятвы, иначе он будет навек опозорен в глазах всех христиан!

Ивон выполнил все в точности, как он задумал. Он надел на себя одежды странника и опоясался мечом, но краски с себя не смыл. Затем герцог накинул сверху плащ и в таком виде отправился в храм, и там занял место неподалеку от места, предназначенного для императора. Там и провел герцог Ивон всю ночь, горячо молясь об успехе задуманного им дела.

Рано утром император с придворными пришел слушать мессу. Недалеко от себя, в тени, он заметил нищего, но когда началась месса, Ивон достал из складок своего плаща четки. Эти четки были сделаны из чистого золота и слоновой кости, и прекрасные драгоценные камни щедро украшали их. Император, большой любитель таких диковинок, достаточно долго смотрел на четки, и ему очень захотелось разглядеть их получше. Как только месса окончилась, он, не сдвинувшись с места, подозвал Ивона к себе и спросил у него:

— Откуда у тебя это сокровище, странник?

— Издалека, Государь император, — ответил Ивон, — эти четки мне подарил сам Папа Римский.

Ивон крепко держал свои четки в руках, а император жаждал их заполучить и просто пожирал сокровище глазами. Тогда герцог решил не упускать своей удачи и спросил у императора:

— Государь император, здесь в Майнце мне сказали, что утром на Пасху вы можете исполнить первую просьбу о помиловании, которую вам доведется услышать. Правда ли это?

Удивленный император ответил:

— Странник, это правда.

— Тогда я прошу Вашей милости, Государь император! — теперь голос Ивона не был тихим, как у нищего пилигрима, а зазвенел, как у сильного юноши.

— Все, о чем бы ты не попросил, будет твоим, — медленно

проговорил император и почувствовал, что все вокруг внимательно смотрят и слушают их.

— Освободите госпожу Кларимонду и всех пленников из Бордо, которые томятся в ваших темницах, и заключите со мной вечный мир и поклянитесь в дружбе!

Император от неожиданности отступил назад, и лицо его стало белее мела, когда он воскликнул:

— Безумец, кто ты таков, чтобы просить меня об этом?

Ивон сбросил свой нищенский плащ и откинул с лица пряди волос. Несмотря на то, что темная краска все еще оставалась у него на лице, он был таким красивым, что придворные императора пришли в сильное изумление и приняли Ивона за принца королевской крови. Ивон громко сказал своим чистым и звонким голосом:

— Я — Ивон, герцог Бордо!

XVI. Как Ивон заключил с императором мир и встретил посланника Короля Оберона

Император так удивился, что на некоторое время даже утратил дар речи. Когда голос снова вернулся к нему, он вспомнил, что давал клятву перед алтарем, и теперь должен оказать милость Ивону и выполнить его просьбу. Но прежде чем император успел сказать что-нибудь, Ивон, герцог Бордо, опустился перед ним на колени и обратился к монарху с такими словами:

— Много крови пролилось на землю из-за нас двоих, Государь император. Но знайте, что весь этот год я провел в нужде и в отчаянии, испытал множество тягот и лишений и избежал многих смертельных опасностей. Когда я сражался в Святой Земле за Гроб Господен с сарацинами и освободил из-под нечестивого их гнета эту великую святыню, я много молился о том, чтобы вина моя мне простилась и беды мои миновали. Поэтому теперь я смиренно прошу Вас — давайте заключим мир между нами, давайте поклянемся перед этим святым алтарем в день Воскресения из мертвых Господа нашего в вечной дружбе.

Точно тяжелый камень упал с души императора, и его хмурый взгляд посветлел. С открытым сердцем герцог Ивон продолжал:

— От рождения моим Государем был король Франции. Но

в час моей великой нужды в нем он не пришел ко мне на помощь, не послал мне в подмогу ни одного воина. Поэтому я объявляю перед всеми вами, что мое служение королю французскому окончено, и я больше не должен быть верным ему. Бордо — не такое уж большое герцогство, чтобы стать самостоятельным государством. Поэтому я прошу Вас, император, принять Бордо под Вашу верховную власть и позволить мне стать Вашим слугой!

Император был очень растроган, и он возложил свои руки на руки герцога Ивона, признал его своим вассалом и велел ему подняться с колен. Император обменялся с Ивоном поцелуем примирения. Придворные императора и простые жители Майнца, бывшие в церкви, очень обрадовались этому, потому что всем стало ясно, что кровавой вражде пришел конец.

Император устроил пышный пир, на который в качестве гостей попали и все люди из Бордо, которые так долго протомились в темницах императора в качестве его пленников. Среди них была и герцогиня Кларимонда. Когда герцог Ивон заключил жену в объятия после долгой и тяжелой разлуки, нежная герцогиня только и смогла, что возблагодарить Господа за эту милость.

Из внутреннего кармана своей одежды Ивон достал третье и последнее райское яблоко и поднес его на серебряном блюде императору Алемании. Яблоко излучало золотой свет, и целый зал наполнился сладким его ароматом. Затем герцог Бордо поведал гостям императора всю чудесную историю райских яблок, и император съел подаренное яблоко. Его седые волосы на глазах у всех потемнели, лицо стало гладким и румяным, и сам император превратился в красивого и сильного юношу. Придворные и рыцари пришли в восторг и удивление от этого волшебного превращения, а сам император был так счастлив, как, пожалуй, никогда еще прежде ему не доводилось. После этого пира герцог Ивон и герцогиня Кларимонда, а так же их друзья с миром отправились в Бордо, и все население Алемании с любовью их приветствовало во время этого путешествия.

Когда все они добрались наконец до родного города, герцог Ивон, Кларимонда, маленькая Кларетта и все население Бордо стали жить спокойно, мирно и счастливо. Но этому мирному и счастливому существованию не суждено было продолжаться очень долго.

Однажды ночью в Бордо прискакал рыцарь, окруженный прекрасной свитой. Никто из стражников не заметил, как рыцарь проехал сквозь ворота — казалось, что всадники появились в городе из-под земли. Процессия без остановки промчалась по городу по направлению к дворцу герцога. Услышав о прибытии рыцаря, Ивон вышел навстречу ему и вежливо приветствовал ночного гостя. Когда рыцарь поднял забрало, Ивон увидел, что перед ним стоит Малаборн, эльф из Чудесной страны, с которым Ивон прежде уже встречался.

Лицо рыцаря Малаборна было печальным и усталым, и герцог Ивон не стал ни о чем расспрашивать эльфа. Ивон пригласил рыцаря к столу и предложил ему отличный ужин, но Малаборн отказался от этого предложения и промолвил:

— Герцог, мой повелитель Король Оберон послал меня сюда по очень важному делу. Приближается время, когда Король Оберон должен будет покинуть Чудесную страну и отправиться в Рай, и это время нельзя отсрочить — так было предсказано Оберону еще при его рождении. Поэтому Король Оберон повелевает тебе и твоей супруге как можно скорее приехать к нему, чтобы он смог из рук в руки передать тебе власть над страной, которую он после этого сразу же покинет.

Ивон опустил голову и сказал:

— Рыцарь, я выполню повеление, данное мне моим законным господином и хозяином. Расскажи мне только, какой дорогой я должен буду следовать, чтобы добраться до Чудесной страны, и я сразу же отправлюсь в путь.

Малаборн ответил:

— Через два дня на рассвете приходи к морю со своей госпожой, и там ты найдешь корабль, который будет вас ожидать. Этот корабль сам доставит вас в Чудесную страну. Но прошу тебя — не медли, наш государь Оберон готов уже покинуть нас и не может ждать.

Исполнив свою задачу, Малаборн и эльфийские рыцари из его свиты исчезли из зала, точно их там и не бывало. Герцог Ивон позвал к себе Аббата Клюни и Бернара. Он рассказал им о повелении Короля Оберона, которым Ивон не посмел пренебречь. И закончил Ивон свою речь такими словами:

— Теперь меня ожидает королевский венец в Чудесной Стране, и я больше не могу оставаться среди людей и жить в замке Бордо. Пусть моя дочь Кларетта унаследует это герцогство, и я хочу поручить ее воспитание вашим заботам.

Бережно растите и защищайте ее ото всех напастей, храните ее наследство до тех пор, пока она не станет взрослой девушкой. Пусть человек, с которым она обвенчается, будет достоин ее во всех отношениях, чтобы после этого жизнь ее была счастливой и добродетельной!

Аббат Клюни и Бернар очень опечалились, когда услышали эти слова герцога Ивона. Оба они затосковали из-за предстоящей разлуки, но им было ясно, что по воле Короля Эльфов у Ивона нет другого выбора.

Много слез пролила герцогиня Кларимонда, прощаясь с дочкой и целуя ее перед разлукой. А своему мужу, герцогу Ивону, Кларимонда сказала:

— Страна Эльфов лежит за пределами мира людей, очень далеко отсюда, но тоскующее материнское сердце сможет навести мосты через океаны, которые разделят меня и Кларетту. Мне кажется, что не навсегда я прощаюсь с тобой, моя доченька!

Затем Кларимонда вручила Аббату ларец с драгоценными камнями и велела ему хранить сокровище до тех пор, пока ее дочь не вырастет и не сможет носить все эти драгоценные украшения. Потом герцогиня собрала всех дам и служанок, поручив маленькую дочь их заботам.

Так герцог Ивон и герцогиня Кларимонда приготовились покинуть Бордо.

XVII. Как Ивон и Кларимонда отправились в чудесную страну и встретились с белыми монахами

На рассвете следующего дня Ивон и Кларимонда простились с Бордо и со всеми его жителями, которых герцог и герцогиня всем сердцем любили. Кларимонда сказала своему мужу:

— Мой дорогой господин, несмотря на то, что ты родился и вырос в Бордо и это твое наследственное владение, я не очень люблю этот город. Я пережила здесь гораздо больше горестей, чем радостей. Но мне почему-то кажется, что Кларетта будет жить в Бордо гораздо счастливее, чем жили мы, и я покидаю Бордо с легким сердцем.

И Кларимонда действительно очень весело положила свою руку поверх руки Ивона. Они направились вдвоем к морскому берегу. Там, как и обещал им Малаборн, на волнах покачивался чудесный корабль, построенный из розового и крас-

ного дерева — дорогого и ароматного. Гвозди, которыми был скреплен этот корабль, были сделаны из чистого золота и серебра, а парус — из зеленого шелка.

На этом корабле не было видно ни капитана, ни матросов, и никто не встретил Ивона и Кларимонду на борту. Но как только они очутились на корабле, парус сам собою развернулся над ними, и корабль плавно двинулся по волнам в сторону океана, а стены и башни Бордо стали уменьшаться на глазах у Ивона и Кларимонды, пока совсем не пропали из виду.

Три дня их несло по волнам западного океана без каких бы то ни было опасностей или несчастий. На борту для них были припасены очень вкусные еда и питье, а спали они на покрытой шелками кушетке. В первый день Ивон и Кларимонда с грустью вспоминали всех, с кем они так неожиданно расстались. Но время летело так же легко, как их чудесный корабль по волнам океана, и скоро их мысли переменились. Они стали думать и говорить о будущем, о той жизни, которая ожидала их в Чудесной Стране, и снова и снова дивились Ивон и Кларимонда странной своей судьбе и пытались угадать, что станется с ними дальше в неведомом и запредельном мире.

На четвертый день перед ними появилась земля — точно темная туча всплыла из воды на поверхность. Как раз на закате солнца их корабль пристал к маленькой гавани и встал на якорь. Путешественники догадались, что их плаванию подошел конец. Но вокруг стояла темная ночь, и госпожа Кларимонда не хотела уходить с корабля на неведомый берег, где не было видно никого живого.

Но как только Кларимонда замешкалась на корабле, в чистом вечернем воздухе раздался звон церковного колокола, как будто сзывали людей к вечерней молитве в монастыре или храме. Ивон, улыбаясь, сказал:

— Дорогая моя, слышишь ли ты этот звон? Это добрый знак, и тебе нечего бояться. Значит, мы среди христиан, и, если пойдем на этот звук, сможем отыскать себе добрый и безопасный приют на ночь.

Ободрившаяся Кларимонда последовала на берег за своим мужем, и они пошли вдвоем вперед, прочь от моря, навстречу колокольному звону. Пройдя некоторое расстояние, они увидели перед собой холм, на котором стоял прекрасный монастырь в окружении свежих зеленых лугов —

точно жемчужина в золотой оправе. Когда они подошли к воротам монастыря, колокол перестал звонить, и большая стая голубей пересекла небо и опустилась за стенами монастыря.

Ивон постучался в ворота, и они открылись. Перед ними стоял монах, одетый в белоснежную ризу, который сказал им:

— Входите, дети мои, милость Господа привела вас сюда, и здесь вы найдете приют на ночь, а нам вы дадите благую возможность послужить Божьим созданиям! Мало кто приходит сюда этой дорогой, и у нас так немного возможностей исполнять наш христианский долг!

Ивон и Кларимонда вошли в гостеприимную обитель и были приняты там с большим радушием, точно они были королем и королевой. Будучи полны благодарности к Господу, который был так добр к ним, в полночь они поднялись и пошли слушать мессу.

Но, как только была прочитана первая половина мессы, монахи поднялись со своих мест и ушли из храма. Ивон догнал последнего из уходящих монахов, поймал его за край одежды и закричал:

— Объясните мне, сударь, почему вы смеетесь над нашим Господом и прочли только половину мессы?

Монах молча попытался освободиться, но Ивон второй рукой перекрестился и сказал:

— Святою силой этого знака я приказываю ответить Вам: что Вы за монах и почему здесь не окончили мессы?

Как только Ивон перекрестился, монах содрогнулся всем телом, точно от сильного и внезапного порыва ветра. Но затем он поднял голову и обеими руками откинул назад свой капюшон, чтобы Ивон и Кларимонда смогли рассмотреть его лицо.

Лицо монаха было было таким темным и печальным, что не могло принадлежать человеческому существу. На челе монаха запечатлелось такое страдание и горе, которого не силах был бы пережить ни один человек. Увидев все это, Ивон обеими руками схватился за одежду монаха и в третий раз спросил его:

— Кто же ты — человек или демон? Или может быть, ты эльф? Отвечай же, кто ты?

Монах наконец-то разжал губы и произнес:

— Я не человек, не демон и не эльф, точно так же, как это

место — ни земля, ни небо, ни Чудесная страна. Все мы, живущие теперь здесь, когда-то стояли у Небесного Престола. Когда гордец Люцифер восстал против нашего Господа, мы не обнажили мечей против него вместе с другими Ангелами, но и не примкнули к нему. Поэтому нас изгнали с Небес сюда, в это место, на границу миров — мира человеческого и мира, лежащего за его пределами. Здесь мы будем ожидать Судного дня. Если мы останемся чисты и не согрешим, мы сможем вернуться отсюда назад, в наш вечный дом. Но мучительное ожидание истомило наши души, и если бы Вы только могли знать, как мы тоскуем о Небесах, как горька нам разлука с Господом, которая тянется бесконечно долгое время!

Ивон снова сотворил крестное знамение. Когда он снова заговорил, в голосе его послышалось сострадание и мягкость.

— Если только молитвы смертных смогут помочь вам, я и моя госпожа каждое утро будем поминать вас в наших молитвах. Друг мой, простите меня, и давайте помиримся с Вами!

Одинокая слеза покатилась по лицу монаха, и он снова склонил голову.

— Молитвы людей для нас — все равно что добрый дождь для выжженной солнцем и бесплодной земли. Мы с радостью приняли бы вас к себе, но это место не слишком подходит для таких, как Вы! Позади вас — мир людей, впереди — Чудесная страна. Куда вы пойдете?

Ивон взял за руку госпожу Кларимонду и ответил:

— Это моя дорогая супруга, госпожа Кларимонда, а сам я — Ивон, герцог Бордо из Франции. Но сейчас по приказу Короля Оберона мы едем в Чудесную Страну, где я должен буду принять королевский венец и власть от Короля Оберона.

Как только Ивон произнес эти слова, монах низко поклонился ему:

— Прекрасный государь и нежная государыня, мы горды тем, что вы оказались у нас в монастыре! Рано утром я сам провожу вас до той дороги, которая приведет вас в ваши владения.

Как только наступил рассвет, монах вывел Ивона и Кларимонду из Белого Аббатства и повел их по дороге между двух холмов. Перед спутниками появилась прелестная зеленая страна, веселая и цветущая. Невдалеке возвышались

нарядные башни красивого и большого города, окруженного сверкающими на солнце стенами. Все в этой стране было живым и прекрасным! Но монах даже не взглянул на Чудесную Страну. Он обеими руками закрыл свое лицо и сказал:

— Идите вперед, в ваше царство. Оно перед вами.

Ивон и Кларимонда радостно ступили на приветливую землю этой золотой и зеленой страны, и воздух наполнился ликующими звуками труб и литавр — целой сотни восторженных звонких труб, которые приветствовали прибытие достойных и смелых душ.

XVIII. Как Король Оберон встретил Ивона и Кларимонду, и как они вступили в чудесную страну

Так Ивон и Кларимонда были встречены в Волшебной стране, и после этой встречи они сразу же направились во дворец Короля Оберона. Как только они вошли в залу этого дворца, Оберон в великой радости поднялся со своего трона и подошел к ним. Он много раз обнял и поцеловал Ивона и Кларимонду, и сказал им:

— Друзья мои,я очень доволен вами, потому что вы исполнили свое давнее обещание и по первому зову пришли сюда, чтобы принять на себя королевскую власть, которая стала казаться мне слишком тяжелой. Теперь я могу спокойно отправиться отсюда в Рай. Но сначала я должен призвать к себе всех, кто мне служил и подчинялся, чтобы они поклялись так же верно служить тебе, герцог Ивон.

Король Оберон увел с собой Ивона и Кларимонду на верх самой высокой башни в замке, достал лук, сделанный из золота и черного дерева, и выпустил из этого лука четыре стрелы — на север, восток, юг и запад. Эти стрелы полетели по воздуху с удивительным мелодичным звоном, который и был призывным сигналом Короля Оберона. В ответ на этот призыв с четырех сторон света к замку собрался причудливый и странный народ. С гор и холмов пришли горные гномы и кобольды, гоблины и воздушные духи. Из рек и озер вышли русалки и водяные, озерные феи и повелительницы рек. Из огня явились саламандры и огнедышащие драконы, а зеленая земля была представлена Лесным Народом — эльфами, а кроме них — нимфами и фавнами, лешими и теми человечками, которые носят с собой цветные огоньки и живут на туманных холмах и болотах.

Как только все подданные Оберона собрались вместе, Король Чудесной страны объявил им о своем уходе, и подданые опечалились, потому что очень привыкли к своему справедливому и мудрому повелителю, правившему в Чудесной стране уже очень долгие годы. Затем Оберон вывел вперед Ивона и Кларимонду, и народ Волшебной страны с готовностью поклонился своему новому Государю и поклялся в верности и послушании.

Но как только это все произошло, в залу замка вошел какой-то воин, в блестящих латах и во всеоружии. Это был знаменитый король Артур, который раньше правил в Англии и в течение многих лет после этого пребывал в Авалоне, между мирами. Он обратился к Королю Оберону с такими словами:

— Как же так, Король Оберон? Если ты пожелал покинуть свое королевство, то это твое законное право, и никто из нас не посмеет удерживать тебя здесь. Но для чего ты призвал сюда этого смертного, который по виду просто зеленый мальчишка, и ставишь его на свое место, даришь ему королевский престол? Чудесная Страна нуждается в крепкой и сильной руке — в такой, как моя!

Рыцари, которые появились вместе с королем Артуром и представляли собой его свиту, согласились с ним, но Король Оберон только покачал головой и сказал:

— Это правда, наши законы запрещают людям пересекать границы Чудесной Страны, и наши пути давно разошлись с дорогами людей. Но есть и другие законы, которым мы все так же подчиняемся и которые не подлежат изменениям. Когда я в первый раз встретил герцога Ивона, я решил, что он унаследует мой престол. Тогда мы все будем ограждены...

Но лицо короля Артура покраснело от гнева, и он перебил Короля Оберона:

— Я был королем Англии в мире людей и не стану вторым в этом мире! Пусть этот мальчишка остережется меня, если он осмелится отдавать приказы мне и моим рыцарям!

Услышав эти слова, Оберон тоже разгневался и горячо ответил:

— Вся власть в Чудесной стране пока что принадлежит мне! И я говорю тебе сейчас, Артур: не будь так дерзок и не доводи меня до гнева. Твоя судьба в моих руках. Если ты будешь упорствовать в своих несправедливых требованиях, я просто отправлю тебя в мир людей в безобразном, отталки-

вающем обличьи. Ты будешь человеком днем и волком по ночам. Все будут ненавидеть тебя и бояться, до тех пор, пока ужасная смерть не постигнет тебя!

Но герцог Ивон осмелился протянуть руку и прикоснуться к сжатому кулаку Оберона.

— Государь мой, ты наш всесильный повелитель и законный господин! Прошу тебя, не гневайся так страшно на одного из твоих подданных! Все на свете знают о подвигах достославного короля Артура Английского, и кто я такой, чтобы занять его место?

Оберон улыбнулся Ивону и тут же повернулся к королю Артуру и сказал ему:

— Этот мир очень велик. Никто, кроме меня, не знает его истинных пределов. Вокруг нас лежит Зло, которое постоянно наступает на владения Света. Долг государя Чудесной страны — охранять и оборонять свои владения от вторжений сил тьмы, потому что война со Злом вечна. Итак, а отдаю тебе, Артур, восточную границу нашего королевства — охраняй и защищай ее всеми силами. Ты же, Ивон, будешь править на западе и также станешь королем этого мира, безо всяких дальнейших споров на эту тему.

Ивон и Артур обнялись во имя дружбы и каждый поклялся своей честью, что все будет так, как решил Оберон. Тогда Король Оберон снял венец и меч и все знаки королевской власти, и благословил свой народ, который так же воздал Оберону почести. Оберон поцеловал Кларимонду, в знак мира, а затем Ивона и Артура. Затем он повернулся и пошел по залу к высокому окну, и народ расступился перед Обероном. Он подошел к окну совсем близко, и в этот миг окно отворилось и из него хлынул поток света, который принял вид открытых ворот, играющих всеми цветами Небес и земли, сверкающих золотыми лучами и серебристыми переливами. Из этих блистающих ворот полилось чудесное пение.

Оберон в последнй раз взглянул на своих друзей. Он улыбнулся им радостно и спокойно. Затем он шагнул в ворота Рая и пропал из вида.

С тех самых пор мир эльфов никогда больше не сближался с миром людей, только отблески и отзвуки можно было иногда уловить в пространстве и времени, но они так быстро ускользали из вида! Никто теперь не знает, что происходит в Чудесной Стране. Но молва говорит, что Ивон охраняет западные пределы от вторжений Зла. Зла, приходящего во

тьме и ужасающего человеческие души, и что войне этой не будет конца, пока не настанет Судный день. Лицо Ивона прекрасно вечной красотой юности, и мудрость украшает его благородное чело. Так и правят они с Кларимондой в Чудесной стране, к великому благу всего человечества.

Эта была полная и правдивая история Ивона, одного из герцогов Бордо, а конец ее неизвестен нам, и по сей день еще не настал — не настал до этого самого часа.

Оглавление

ЛЕДЯНАЯ КОРОНА 3

ТЕМНЫЙ ТРУБАЧ 155

ИВОН, РЫЦАРЬ РОГА 297

Андрэ Нортон

ТЕМНЫЙ ТРУБАЧ

литературно-художественное издание

Ответственный редактор
Голованев М. В.

Художественный редактор
Прилипко К. В.

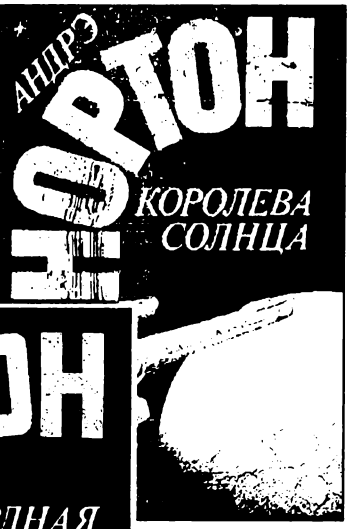
Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 02.11.92 г. Подписано в печать 01.03.93 г.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 21.
Физ. п. л. 13. Тираж 100.000 экз. Заказ № 1147. «С—7».

Верстка АО «Музыка сфер»

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Издательство «Зеленоградская книга» издает собрание сочинений Андрэ Нортон

Книги Андрэ Нортон

ЭТО ПРОСТО ФАНТАСТИКА!

По вопросам реализации обращайтесь по тел. (095) 536-50-94

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

в 10 томах

